

АЛЕКСѢЙ ТОЛСТОЙ

СОБРАНИЕ
СОЧИНЕНИЙ

ТОМЪ I

ИЗД-ВО И. П. ЛАДЫЖНИКОВА

АЛЕКСѢЙ ТОЛСТОЙ
СОБРАНІЕ СОЧИНЕНІЙ
ТОМЪ I

АЛЕКСѢЙ ТОЛСТОЙ

СОБРАНІЕ СОЧИНЕНІЙ

ТОМЪ I

РОМАНЫ

I 9 2 4

ИЗДАТЕЛЬСТВО И. П. ЛАДЫЖНИКОВА
БЕРЛИНЪ

Право собственности внѣ Россіи закрѣплено за авторомъ во
всѣхъ странахъ, гдѣ это допускается существующими законами

Типографія Шпамера въ Лейпцигѣ

Ч У Д А К И

РОМАНЪ

И тщетно тамъ пришлецъ унылый
Искалъ бы гетманской могилы
Забуть Мазепа съ давнихъ поръ.

(«Полтава» Пушкинъ)

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Мягко зашумѣвшіе листья осинъ, возня воробьевъ подъ окномъ и свѣжій вѣтеръ, залетѣвшій въ комнату, разбудили генеральшу Степаниду Ивановну. Она повернулась на бокъ и сейчасъ вспомнила не только вчерашнюю ссору, но и послѣднія слова мужа — Алексѣя Алексѣевича: «Старуха, старая старуха».

Гнѣвно сдвинула Степанида Ивановна подведенныя съ вечера узкія брови, и въ досадѣ сбила всѣ простыни изъ тончайшаго холста.

Шелкъ Степанида Ивановна не употребляла на простыни и рубашки, полагая, что электричество, находящееся въ тѣлахъ спящихъ супруговъ, разъединяется отъ шелковой ткани, и слабѣетъ любовное влеченіе, о которомъ, несмотря на свои шестьдесятъ лѣтъ, заботилась генеральша, пожалуй, даже сильнѣе, чѣмъ въ дни молодости.

Глядя въ окно на мокрую зелень вѣтвей, думала Степанида Ивановна о жестокихъ мужниныхъ словахъ, сказанныхъ съ хлопаньемъ дверьми, когда, противно всѣмъ долготѣннымъ

привычкамъ, ушелъ Алексѣй Алексѣевичъ спать одинъ въ кабинетъ.

— Не смѣй меня ревновать! — крикнулъ тогда онъ, топорща усы и багровѣя, — гадко и гнусно! Э, да что съ тобой говорить! — отшвырнулъ ногою стулъ и распахнулъ дверь. — Пойми, что ты старуха, старая старуха...

«О женѣ вспомнилъ, о покойницѣ, — думала Степанида Ивановна, — и Софью любить потому, что съ ней сходство».

Степанида Ивановна быстро повернулась на другой бокъ, откинула на ногахъ одѣяло. Свѣжесть утра ознобила тѣло. Генеральша стукнула кулачками по перинѣ.

— Нѣтъ, Алексѣй, — воскликнула она, — одна я для тебя, не смѣешь ни о комъ думать... Ахъ, Боже мой!

Склонясь къ подушкѣ, замерла Степанида Ивановна въ отчаяніи. Но сухи были ея глаза и сердце ожесточенно.

Тридцать четыре года прожила Степанида Ивановна съ мужемъ своимъ, теперь генераломъ въ отставкѣ, раньше красавцемъ военнымъ, любимцемъ начальниковъ, сотоварищей и женщинъ, проигравшимъ въ карты три имѣнія, знаменитымъ своими любовными и не любовными похождениями и въ особенности женитьбой на Степанидѣ Ивановнѣ.

Тогда она — дѣвица на выданьи, жила въ уѣздномъ городѣ, съ отцомъ, помѣщикомъ, котораго съѣлъ банкъ. Городишко былъ небольшой, пустынный, пыльный: — дрянные дере-

вянные домишки, выгоравшіе, время отъ времени, цѣлыми кварталами, собаки, сопливые мальчишки, чахлые палисадники, мухи, — вотъ и весь городъ.

Мухъ же особенно было много. Отецъ Степаниды Ивановны — Иванъ Африкановичъ, охотился на нихъ, надѣвая даже очки, чтобы лучше прицѣливаться. Салфеткой ударяя по стѣнѣ, убивалъ ихъ сотнями и отдавалъ цыплятамъ.

Степанида Ивановна, дѣвица на выданьи, цѣлыми днями сидѣла у окна и поглядывала на пыльную улицу. Отъ мокраго удара салфеткой вздрагивала она каждый разъ, и, сжавъ маленькія губы, рассматривала, какъ напротивъ у забора стоитъ ободранный песъ, жмурясь отъ солнца, или по жарѣ бредетъ акцизный чиновникъ, ковыряя на щекѣ прыщъ.

— Замужъ хочу! — говорила Степанида Ивановна сначала тихо, потомъ все громче и злѣе и, когда Иванъ Африкановичъ входилъ въ комнату, держа въ одной рукѣ салфетку, въ другой банку съ набитыми мухами, кричала ему въ улыбающееся лицо:

— Выдай меня замужъ, старый мухобой, выдай меня замужъ! Хуже будетъ.

Худенькое ея тѣло выпрямлялось, глаза становились сухи и огромны. Отъ тяжести черныхъ волосъ, подрѣзанныхъ на лбу челкой, болѣлъ затылокъ.

Однажды, услышавъ звонъ бубенцовъ, Степанида Ивановна выглянула въ окно и увидела тройку сѣрыхъ лошадей, мчащуюся блестящую коляску: въ ней сидѣлъ молодой офицеръ съ трубкой въ зубахъ.

Офицеръ обернулъ къ изумленной дѣвушкѣ краснощекое, усатое лицо, послалъ воздушный поцѣлуй, и тройка свернула за уголъ, гдѣ стоялъ домъ уѣзднаго предводителя.

Степанида Ивановна поблѣднѣла, схватилась за грудь и едва не лишилась чувствъ — такъ пронзило ее предчувствіе.

На слѣдующій день предводитель устроилъ балъ въ честь пріѣзжаго офицера — племянника своего, молодого вдовца Алексѣя Алексѣевича Брагина. Степанида Ивановна надѣла единственное свое нарядное платье изъ голубой кисеи, и весь вечеръ слѣдила изъ-за вѣера за Алексѣемъ Алексѣевичемъ, лихо отбивавшимъ мазурку въ красныхъ съ галунами чикарахъ.

Алексѣй Алексѣевичъ тоже, видимо, замѣтилъ красоту Степаниды Ивановны, и оглядывался на нее неоднократно. Подъ конецъ бала сѣлъ рядомъ съ ней на диванчикъ, вынулъ тонкій платокъ, отеръ прекрасный лобъ свой.

Степанида Ивановна опустила было глаза, но офицеръ взглянулъ на нее такъ открыто, простодушно и весело, что не могло быть сомнѣній — его нужно полюбить какъ можно скорѣе, не теряя времени, не думая.

За стѣной маленькой гостинной, гдѣ они сидѣли, слышалась музыка, шелестъ и шорохъ платьевъ... И Степанида Ивановна никогда не могла вспомнить — что ей говорилъ тогда красавецъ офицеръ, что она отвѣчала... Выпуклые сѣрые глаза его глядѣли и дерзко и нѣжно.

Отъ мужского здороваго запаха раздулись

у нея ноздри, медленно клонясь подставила она Алексѣю Алексѣвичу пунцовыя губы, — лишь ахнула негромко.

Хотя въ двери гостинной не заглядываль ни одинъ носъ — все-же минутъ черезъ пять всѣ узнали съ большими подробностями, что Степанида Ивановна «цѣловалась».

Предводительша, желая разсѣять сомнительное впечатлѣніе, велѣла играть русскую и сама пошла плясать съ платочкомъ, причемъ полная ея грудь такъ подпрыгивала, что пришлось ее поддерживать сверху рукой. Предводитель, щелкнувъ тузомъ козырнаго короля у помѣщика Тараканова, крикнулъ и сказалъ: — «Эге, племянникъ не даетъ маху!» Иванъ же Африкановичъ, папенька, стоя въ закуской около спиртнаго, только сморкался трубой и жалобно посматривалъ на двухъ клюкавшихъ съ нимъ помѣщиковъ, не рѣшаясь итти объясняться съ обидчикомъ.

На все это Алексѣй Алексѣвичъ объявилъ, что готовъ или стрѣляться или жениться, какъ того пожелаетъ Степанида Ивановны отецъ, но не раскаивается и при удобномъ случаѣ готовъ опять цѣловаться.

Иванъ Африкановичъ, папенька, услышавъ, что пріѣзжій офицеръ готовъ цѣловаться, — зарыдалъ и, водя носомъ, болѣе похожимъ на огурецъ, чѣмъ на что либо другое, по синему мундиру красавца Брагина, лепеталъ: — «Я старый мухой, вѣдь я же люблю мое дитя, Степаниду Ивановну, женись — благодѣтель».

Только долго спустя догадались, что Иванъ Африкановичъ свѣше всякой мѣры «набо-

дался» наливками, и увели его въ садовую бесѣдку спать.

Степанида Ивановна, отклонивъ отъ себя заботы хозяйки и дамъ, сидѣла въ гостиной прямая и бѣлая, какъ свѣча, и, какъ свѣча, горѣли ея глаза, такъ что страшно было взглянуть. Узнавъ, что Брагинъ не отказывается отъ предложенія, она поднялась и вышла изъ дому, высоко поднявъ голову, сжавъ губы. Свадьбу сыграли черезъ недѣлю. Напился весь городъ.

Такъ измѣнила Степанида Ивановна тоскливую дѣвичью жизнь на новую, полную страсти, роскоши и горя.

Ревновала Степанида Ивановна мужа ко всѣмъ, но больше всего къ памяти первой жены его, и, если бы Алексѣй Алексѣвичъ говорилъ о той первой, сравнивалъ бы ихъ обѣихъ, поддразнивалъ бы свою теперешнюю супругу, все же легче было бы Степанидѣ Ивановнѣ.

Но Алексѣй Алексѣвичъ никогда не вспоминалъ имя первой жены, и даже во время ссоръ, когда, поблѣднѣвъ, съ трясущимися губами, выкрикивала Степанида Ивановна: «Ты ее любишь, ты о ней думаешь... поди ищи ее...» — только пожималъ плечами, гладилъ задумчиво каштановые усы.

Со временемъ ревность къ той не только не сгладилась, но перешла въ характеръ Степаниды Ивановны. По ночамъ ей вдругъ начинало казаться, что та, — Вѣра, только что была между ней и Алексѣемъ: невидимая и не-

слышная ложилась она въ постель къ Степанидѣ Ивановнѣ и дѣлала свое страшное дѣло съ мужемъ..... Степанида Ивановна поспѣшно будила Алексѣя Алексѣевича и, когда онъ, большой и сонный, мычалъ, закрывая голову одѣяломъ, льнула къ нему, вся обожженная ревностью, страстью, злостью.

Временами наступало затишье. Алексѣй Алексѣевичъ, довольный миромъ, сидѣлъ дома въ вышитыхъ бисеромъ туфляхъ и курилъ трубки. Но не надолго успокаивалась горячая голова Степаниды Ивановны. Думая ли о мужниной военной карьерѣ или о быстро уменьшающихся средствахъ, — Алексѣй Алексѣевичъ крупно игралъ въ карты, — шла она неуклонно въ своихъ мысляхъ всегда къ одному и тому же пункту: въ такіе-то часы мужъ былъ неизвѣстно гдѣ, — значить... Она опускала вязанье, начинала допрашивать, ставила колкіе вопросы и, смущенный, сбитый съ толку, Алексѣй Алексѣевичъ сознавался, что дѣйствительно поухаживалъ слегка за какой-то тамъ Варенькой.

Степанида Ивановна швыряла вязанье, заламывала руки и лишалась чувствъ.

Не разъ Степанида Ивановна выручала мужа изъ бѣды. Алексѣй Алексѣевичъ уѣзжалъ иногда въ провинцію и ежедневно съ пути отправлялъ письма, полныя увѣреній въ любви и вѣрности.

Однажды онъ уѣхалъ и замолчалъ. Прошло три дня. Степанида Ивановна не велѣла никого принимать, разогнала прислугу и день и ночь ходила по комнатѣ, какъ дикая кошка.

Ей представлялось Богъ знаетъ что, — непере-носимые ужасы.

На четвертыя сутки пришла телеграмма: — «Проигралъ сорокъ тысячъ, стрѣляюсь, Алексѣй».

Степанида Ивановна спокойно приказала себя одѣть, взяла драгоцѣнности, все серебро и поѣхала въ ломбардъ.

Тамъ ей выдали двадцать пять тысячъ. Въ дворянскомъ банкѣ, гдѣ былъ знакомъ директоръ, выдали подъ перезалогъ тульскаго имѣнія еще пять тысячъ, не хватало десяти. У кого достать? Степанида Ивановна боялась огласки. Въ этотъ день былъ часъ, когда ей почти измѣнили силы. Къ вечеру она рѣшила. Накинула шубку, подошла къ зеркалу и пронзительно взглянула на себя.

Карета, ждавшая у подъѣзда, помчала ее по мокрымъ улицамъ на Гагаринскую, гдѣ жилъ молодой, дѣлавшій блестящую карьеру, дипломатъ — Ртищевъ. Онъ явно всегда ухаживалъ за красавицей Брагиной.

Безъ доклада, войдя въ кабинетъ Ртищева, Степанида Ивановна затворила дверь на ключъ и молча сбросила съ обнаженныхъ плечъ со-болью шубку.

Что произошло въ кабинетѣ у Ртищева — Степанида Ивановна никогда никому не рассказывала. Съ десятию добавочными тысячами помчалась она въ той же каретѣ на вокзалъ, откуда на слѣдующее утро поѣздъ привезъ ее въ провинціальный городишко.

Она тотчасъ же отыскала гостиницу, гдѣ стоялъ Алексѣй Алексѣвичъ. Половые не ма-

ло были изумлены, увидавъ даму въ бальномъ платьѣ, съ кожанной сумкой въ рукѣ, бѣгущую, какъ сумасшедшая, по корридору.

Половой загородилъ было ей дверь, но Степанида Ивановна ударила его сумочкой и вошла въ номеръ. На коврѣ, на диванахъ, положивъ ноги на кресла, дремали офицеры, валялись бутылки и карты, было сизо отъ табачнаго дыма. Пробѣжавъ межъ спящими, Степанида Ивановна увидала на постели мужа, онъ крѣпко спалъ, зажавъ въ рукѣ цыганскій платокъ, съ нашитыми монетами. Степанида Ивановна платочекъ вырвала и растоптала ногами, затѣмъ сумочкой, полной денегъ, принялась колотить Алексѣя Алексѣевича по щекамъ. Но все же была слишкомъ рада (или чувствовала и себя отчасти не безгрѣшной), чтобы долго сердиться.

Когда наступила турецкая война, Алексѣй Алексѣевичъ перевелся въ дѣйствующую армію, и Степанида Ивановна уѣхала съ мужемъ.

Въ походѣ жила она въ палаткѣ, чинила мужнино бѣлье, ругала денщика, который такъ боялся барыни, что только неестественно мычалъ, когда она его о чемъ нибудь спрашивала, давала мужу военные совѣты, одинъ разъ даже собственноручно выстрѣлила въ турка, оказавшагося бабой-маркитанткой.

Въ палаткѣ въ часъ, когда горнисть игралъ утреннюю зорю, она родила дѣвочку, но ребенокъ не прожилъ и трехъ дней. Степанида Ивановна на девятыя сутки переѣзжала верхомъ Дунай...

Война окончилась счастливо для Алексѣй Алексѣевича, онъ быстро пошелъ по службѣ, Степанида Ивановна была принята при дворѣ. Но волосы ея уже стали сѣдѣть, тѣло подсыхать и, несмотря на удовлетворенное честолюбіе, мучилась она пуще прежняго, глядя на дородную, веселую фигуру мужа, всегда окруженнаго хорошенькими женщинами.

Алексѣй Алексѣевичъ получилъ генерала, но хватилъ его легкій ударчикъ, пришлось выйти въ отставку, и онъ переѣхалъ съ женой въ деревню — родовую вотчину Гнилопаты на луговой сторонѣ Днѣпра.

Тамъ, успокоившись отъ суеты, возобновилъ онъ переписку съ нѣкоторыми друзьями, въ томъ числѣ съ братомъ первой своей жены — Ильей Леонтьевичемъ Рѣпьевымъ, отвѣчающимъ пространными, умозрительными разсужденіями о жизни и христіанской любви на меланхоличныя письма друга.

Начитавшись этихъ писемъ, Алексѣй Алексѣевичъ рѣшилъ сдѣлать Рѣпьеву удовольствіе и попросилъ отпустить на лѣто погостить въ Гнилопаты дочку его, Сонечку, которой самъ Алексѣй Алексѣевичъ доводился крестнымъ отцомъ.

Степанида Ивановна отлично помнила, чья была Сонечка племянница, но безъ особенныхъ споровъ согласилась на ея пріѣздъ оттого, что всѣ помыслы ея заняты были новымъ, необыкновеннымъ дѣломъ, о которомъ она никому пока еще не сообщала.

Про дѣло это прослышала Степанида Ивановна передъ отъѣздомъ въ деревню отъ ста-

ричка шведа (приходившагося Алексѣю Алексѣвичу дальнимъ родственникомъ по бабушкѣ-шведкѣ, урожденной Вальдштремъ), и теперь на свободѣ обдумывала планъ, долженствующій имя Алексѣя Алексѣвича внести въ страницы исторіи.

Но для выполненія этого необычайнаго плана надобно было много денегъ, состояніе Брагиныхъ сильно поиздержалось, Гнилопята приносили тысячъ пять дохода, что вмѣстѣ съ пенсіей только въ обрѣзъ хватало на жизнь. Степанида Ивановна рѣшила искать кладъ.

По берегамъ Днѣпра, въ размываемыхъ половодьемъ кручахъ, на островкахъ, открывались, время отъ времени, богатые клады, — зарывали ихъ съ незапамятныхъ временъ и варяги, и запорожцы, и гайдамаки, и польскіе паны, и булавицы, — всѣ, кто прошли по днѣпровскимъ берегамъ. Разказы объ этихъ кладахъ слышала Степанида Ивановна отъ монашенокъ сосѣдняго съ Гнилопятами монастыря. Монашенки толкомъ ничего не знали, но однажды одна изъ нихъ сообщила, что недавно у игуменьи появился планъ сокровищъ украинскаго гетмана Мазепы, собранныхъ имъ для воцаренія на малороссійскомъ престолѣ и покинутыхъ во время бѣгства со шведскимъ королемъ.

Монашенка во всемъ этомъ клялась и божилась. Степанида Ивановна собралась къ игуменѣ, но пріѣздъ Сонечки отвлекъ на время ея вниманіе на мужа и эту дѣвушку, такъ похожую на портретъ покойной Вѣры.

Вчера произошла ссора съ мужемъ, не пер-

вая, но особенно язвительная для генеральши, и Степанида Ивановна, припомнивъ поутру всѣ мученія долгой своей жизни, едва не ослабѣла духомъ.

ГЛАВА ВТОРАЯ

— Боже мой, сколько тяготъ! Ахъ, Алексѣй, и все, все это — для тебя. Неблагодарный, жестокій!

Степанида Ивановна сѣла въ кровати, натянула на колѣни одѣяло, поправила чепецъ и позвонила.

Вошла горничная Люба съ чашкой шоколада и серебрянымъ подносомъ съ печеньями. У окна закричалъ въ клѣткѣ попугай:

— Любочка!

Люба, улыбаясь, поставила подносъ на столикъ, подошла къ клѣткѣ и просунула между прутьями палецъ, — попугай тотчасъ же сталъ тереться о него зеленой головкой.

— Оставь попугая, — сказала генеральша, сердито глядя на молоденькую горничную. — Генераль всталъ?..

— Ихъ превосходительство сюда идутъ, — улыбаясь отвѣтила краснощекая Люба, — барышня давно въ столовой.

— Подай зеркало и пуховку, скорѣе же!

Люба, поднявъ овальное въ бронзовой рамѣ зеркало, подошла и, опершись колѣномъ о кровать, откинулась такъ, чтобы Степанида Ивановна, поднявшая руки къ сѣдымъ буклямъ,

могла видѣть маленькое свое, съ синевой подѣ черными глазами, смуглое лицо въ мелкихъ морщинахъ.

Степанида Ивановна провела пуховкой по щекамъ, налила изъ хрустальнаго флакона на плечи и руки сладкихъ духовъ и карандашемъ отчеркнула тонкія брови...

— Теперь хорошо, ваше превосходительство, — сказала Люба, — только бровка лѣвая чернѣе вышла.....

Степанида Ивановна посмотрѣла на круглое съ поднятымъ носомъ, веселое лицо горничной, перевела взоръ на себя, повернулась въ профиль и подрисовала бровь.

Въ дверь постучали. Люба поспѣшно прислонила зеркало къ кровати и побѣжала открывать. Вошелъ генераль.

Высокую его дородную фигуру свободно охватывалъ китель безъ погонъ, на ногахъ были панталоны съ лампасами и бархатныя туфли. Львиное, слегка насупленное лицо, розовѣло отъ здоровья, полныя губы добродушно улыбались. Бѣлые, съ подусниками, усы — расчесаны.

— Проснулись, ваше превосходительство, — сказалъ Алексѣй Алексѣвичъ и заложилъ руки въ карманы, — а вѣдь я недурно выспался въ кабинетѣ. А! — И, взглянувъ на горничную, захохоталъ, довольный, что побѣда на его сторонѣ...

Люба выскользнула изъ комнаты, Алексѣй Алексѣвичъ прошелся по ковру: — Съ вечера у меня, ваше превосходительство, въ бокъ немного кольнуло, а я и думаю, — пусть лучше

покалываетъ, чѣмъ упреки твои, душа моя, слушать...

Генераль прищурилъ одинъ глазъ, желая, очевидно, примиренія, и болталъ всякій вздоръ. Степанида Ивановна, поджимала губы, ноздри у нея вздрагивали:

— Я отвѣтственна за Софью, — вдругъ, ни съ того, ни съ сего, сказала она сухимъ голосомъ, — я не допущу, чтобы ты ее цѣловалъ и сажалъ на колѣни.

Генераль сразу остановился, вынулъ изъ кармановъ руки.

— Она не кровная родня, чтобы относиться къ тебѣ, какъ къ дѣду, — продолжала генеральша, — ваше съ ней поведеніе считаю неприличнымъ, если не...

— Молчать! — сказалъ генераль.

— Вчера меня старухой назвалъ, — не сдерживаясь болѣе закричала генеральша, — находишь эту дѣвчонку слишкомъ молодой. Вижу, вижу — она на тебя не по родственному посматриваетъ. —

— Что? — Алексѣй Алексѣвичъ началъ багровѣть...

Но бѣсъ генеральшинъ сорвался и чѣмъ больше раздувался генераль, тѣмъ безразсуднѣе, ядовитѣе придумывала генеральша слова...

— Охъ, охъ! — повторялъ Алексѣй Алексѣвичъ, оглядываясь, чтобы найти метательный предметъ. Солнце блеснуло на рѣзъбѣ серебрянаго подноса.

— Замолчи! — воскликнулъ генераль, хватая поднось, — поднялъ его надъ головой.

— Я ее выгоню! — взвизгнула генеральша...

— Генераль, ура! — закричалъ попугай...

Алексѣй Алексѣвичъ, цѣлясь такъ, чтобы не попасть, бросилъ въ генеральшу подносомъ. Печенья разсыпались по простынѣ. Степанида Ивановна сейчасъ же затихла. Генераль вышелъ, ударивъ дверью.

Когда испугъ миновалъ, Степанида Ивановна усмѣхнулась, сбросила съ колѣнъ печенья и босая, подойдя къ двери, повернула ключъ.

Генеральша была очень довольна тѣмъ, что Алексѣй Алексѣвичъ едва не убилъ ее подносомъ. Вчера, увидя нѣжную привязанность мужа къ Сонечкѣ, рѣшила она выдать во что бы то ни стало дѣвушку поскорѣ замужъ, и въ умѣ подыскала даже жениха — молодого дипломата Смолькова.

Алексѣй Алексѣвичъ терпѣть его не могъ, можетъ быть потому, что Смольковъ приходился племянникомъ Ртищеву, съ которымъ у генерала были старые и особые счеты, — онъ на отрѣзъ отказался его видѣть. Степанидѣ же Ивановнѣ особенно тогда захотѣлось выдать Сонечку за Смолькова. Теперь представлялся удобный случай: генераль будетъ каяться въ поступкѣ съ подносомъ, сдѣлается мягокъ и напишетъ Смолькову.

Затворивъ дверь, генеральша выпила шоколадъ, накинула пеньюаръ, легла на диванчикъ и принялась громко вздыхать и стонать: «Боже мой, Боже мой»!...

Она знала, что Алексѣй Алексѣвичъ будетъ на цыпочкахъ подходить къ двери и прислу-

шиваться, но рѣшила изъ комнаты не выходить, пока генераль не дастъ нужнаго обѣщанія.

Алексѣй Алексѣвичъ, какъ только выбѣжалъ отъ жены, отеръ платкомъ потъ со лба и, выпустивъ изъ надутыхъ щекъ воздухъ, пошелъ по корридору въ столовую, дверь въ которую была изъ разноцвѣтныхъ стеколъ.

— Фу, какъ гадко! — сказалъ Алексѣй Алексѣвичъ, — вѣдь довела же человѣка! Фу! — Чтобы войти въ столовую веселымъ, онъ помедлилъ около двери.

Смотря сквозь красное стекло, увидѣлъ онъ столовую, обитую дубомъ, съ рѣзными панелями, съ саксонскими блюдами на стѣнахъ, и за столомъ — дѣвушку, терпѣливо сложившую руки, въ ожиданіи прихода дѣда. Сквозь стекло все это казалось краснымъ.

Алексѣй Алексѣвичъ передвинулся налѣво къ зеленому стеклу, и комната и дѣвушка стали зелеными. Генераль пріотворилъ дверь и шепотомъ позвалъ:

— Сонюрка, поди ка сюда.....

Сонечка тотчасъ же встала и, улыбаясь, подошла. Вдвоемъ они стали смотрѣть сквозь цвѣтныя стекла.

— Фу, — опять сказалъ Алексѣй Алексѣвичъ, — задала мнѣ бабушка феферу, я въ нее подносомъ бросилъ, фу, — генераль, зажмурясь, покрутилъ головой....

— Зачѣмъ вы не сдерживаете себя, — сказала Сонечка, и поцѣловала дѣда въ плечо.

— Ну, вотъ поди же ты! А ты что — пила кофе?

— Я васъ ждала.

— А думала о чемъ?

Сонечка опять улыбнулась, и они сѣли къ столу, развернули накрахмаленныя салфетки. Лакей Афанасій, курносый, рыжій и нахальный — любимецъ генеральши, — налилъ кофе. Генераль, мѣшая ложечкой, задумался.

Глядя на ласковое, вдругъ опустившееся, его лицо, на поднявшіяся отъ печальнаго недомѣнія брови, пожалѣла Сонечка дѣда. Стараясь не стучать, налила она сливокъ въ кофе, отломила кусочекъ сладкаго хлѣба, положила въ ротъ, но, уже поднятая къ губамъ, позолоченная внутри чашка, задрожала въ ея рукѣ, синіе глаза заволоклись слезами.

— Поди ко мнѣ, — взволнованно проговорилъ генераль, привлекая Сонечку, — не надо плакать, бабушка тебя любитъ и сама знаетъ, что говоритъ напрасно, — у нея характеръ тяжеловатый, но она добрая... А ты поменьше къ сердцу принимай...

— Нѣтъ, — отвѣчала Сонечка, качая головой, — я знаю, что мнѣ нужно уѣхать отсюда.

— Да тебя никто и не отпуститъ. Знаешь что — идемъ и помиримся съ бабушкой. Хорошо?

Алексѣй Алексѣевичъ бодро всталъ, обнялъ Сонечку за плечи, но должно быть не очень вѣрилъ въ это — «хорошо», такъ какъ замедлялъ шагъ, идя по корридору, и уже совсѣмъ тихо постучалъ въ дверь.

Сонечка взглянула на дѣда, какъ бы спрашивая: а что если?... На стукъ громко застонали за дверью; Алексѣй Алексѣевичъ поднялъ брови, прошепталъ: слышишь! — и смѣлѣе постучалъ въ дверь.

— Кто тамъ? — былъ слабый голосъ.

— Это мы, бабушка, — весело крикнулъ Алексѣй Алексѣевичъ, — отопри пожалуйста, — и съ хитрымъ видомъ мигнулъ Сонечкѣ.

Но за дверью не отозвались. Потомъ съ шумомъ упало тамъ что то, зазвенѣло стекло...

— Ай! — прошептала Сонечка, какъ котенокъ, но Алексѣй Алексѣевичъ погрозилъ ей и въ третій разъ постучалъ... Отвѣта не было.

— Сѣла въ бестъ! — сказалъ генералъ уныло, — надолго. — И онъ пошелъ къ себѣ, а Сонечка поднялась наверхъ въ антресоли.

Сонечкина комната, небольшая и бѣленькая, выходила единственнымъ окномъ на часть сада и дворъ.

Надъ кроватью надъ пологомъ висѣлъ въ жемчужной ризѣ небольшой образъ Сладчайшаго Спаса. Далъ его Сонечкѣ отецъ Илья Леонтьевичъ, напутствуя дочь передъ отъѣздомъ, — должно быть догадывался, что тамъ рѣшится ея судьба.

«Вотъ образъ, — сказалъ Илья Леонтьевичъ, — помни, что это только изображеніе силы, которая правитъ нами. Держи его всегда подлѣ себя и спрашивай во всѣхъ случаяхъ совѣта у Него, то-есть у своего сердца. Всѣ утѣхи

жизни пролетятъ такъ же, какъ твоя молодость, поэтому старайся, чтобы не оставили онѣ горькаго слѣда. Ты хмельна сейчасъ молодостью и все вокругъ видишь, какъ бы сквозь туманъ, въ которомъ легко заблудиться. Одинъ Онъ есть твой вожатый. Не слушая Его, ты заблудишься, станешь метаться, безумствовать, и пресытишь себя... А, пресытивъ, упадешь въ потемки души и все станетъ отвратнымъ».

Говоря такъ, Илья Леонтьевичъ страшно насупливалъ брови и трясъ бородой, затѣмъ, поднималъ палецъ:

«Если же будешь всегда слѣдовать его совѣтамъ, твои земныя страсти найдутъ разумный исходъ и тихая радость освѣтитъ тебя отъ ихъ удовлетворенія. Года уйдутъ, ты успокоишься, развѣется туманъ, и какъ бы въ осеннемъ, прозрачномъ воздухѣ увидишь, что свѣтъ исходитъ отъ лица Сладчайшаго, отраженнаго въ каждомъ листкѣ. Это созерцаніе будетъ твое послѣднее и самое высокое счастье».

Войдя къ себѣ, Сонечка сѣла въ кресло къ окну, вздохнула и открыла томикъ — «Вешнія Воды».

— Не виновата, — подумала Сонечка, — и ничего такого не сдѣлала.

Вздохнула еще разъ, но уже легче, и наклонилась надъ книгой, чувствуя сладкую грусть отъ одного только названія повѣсти.

Сонечкѣ шелъ девятнадцатый годъ. Свѣтло-волосое личико ея было дѣтское, съ нѣжнымъ ртомъ, съ синими, еще мало осмысленными, глазами. Все же она была очень хорошенькая дѣвушка, средняго роста, въ холстинковомъ

платѣ, слегка неловкая и застѣнчивая, но въ неловкости ея было очарованіе здоровой прелести девятнадцати лѣтъ.

Прочтя нѣсколько страницъ, Сонечка подняла голову и поглядѣла въ окно на сухую вѣтку, на которой вотъ уже полчаса сидѣла старая ворона, вертѣла головой.

— Вотъ, глупая, — подумала Сонечка и, начавъ новую страницу, забыла предыдущее, заглянула назадъ: — ахъ, да, — и нѣсколько разъ, съ наслажденіемъ, прочла любимое мѣсто.

Кончилась глава, въ ушахъ звенѣло, и Сонечка, глядя передъ собой, уже не видѣла вороны: откинувшись на спинку стула, мечтала она, ставя себя на мѣсто героини. Герой всегда былъ одинъ и тотъ же.

На немъ — до верху застегнутый черный сюртукъ, прядь черныхъ волосъ падаетъ на бѣлый лобъ, жгучіе, честные глаза ищутъ кого то. Онъ выходитъ изъ той вонъ боковой аллеи, держа шляпу въ рукѣ. Полы сюртука отдуваетъ вѣтеръ. Онъ ищетъ — кого? Онъ думаетъ — о комъ?

Себя Сонечка считала недостойной его, — слишкомъ глупой. Но, все же, герой нашелъ ее жгучими своими глазами. Онъ подошелъ; онъ говоритъ о возвышенномъ. Сонечка обмираетъ. Онъ беретъ ея руку: — Идемъ! Водеть въ бесѣдку...

Дальнѣйшій ходъ мыслей былъ таковъ, что Сонечка вставала, на цыпочкахъ шла къ умывальнику, мочила конецъ полотенца въ холодной водѣ и прикладывала къ вискамъ. Затѣмъ, — бывало раскаяніе въ грѣшныхъ мысляхъ,

но, все же онѣ повторялись все чаще и чаще, все труднѣе было съ ними совладать.

Сегодня Сонечка отложила книгу, вынула изъ рабочаго столика шелкъ, канву, наперстокъ, поставила ноги на скамеечку и, сжавъ колѣни, прилежно стала вышивать.

— Какъ же съ бабушкой, — думала она, — можетъ быть, обойдется, а ужъ я все сдѣлаю, — постараться бы съ дѣдушкой быть меньше вдвоемъ.

Прокалывая канву, она ставила крестикъ, придерживала его сверху большимъ пальцемъ и свѣряла съ примѣрнымъ рисункомъ.

— Какая все-таки гадость, — громко сказала она, — ревновать меня. Если бы папа зналъ...

Сквозь окно слышался стукъ ножей на кухнѣ. Гдѣ-то курица, должно быть, снеся яйцо, тихо стонала — не въ силахъ была закричать. Пѣтухъ разволновался и заоралъ, хлопалъ крыльями. Плелась по двору собака, наступая лапами на обрывокъ веревки. Въ безвѣтренномъ, словно полинявшемъ небѣ, плавалъ коршунъ, высматривая цыплятъ.

Скучно и томительно въ іюльскій зной сидѣть у окна, глядя на опустѣвшій дворъ усадьбы. Весь народъ въ полѣ. На усадьбѣ осталась только стряпуха, которая съ утра до ночи печетъ ржаные хлѣбы, отправляемые вмѣстѣ съ солью, бараньимъ саломъ и пшеномъ въ поле, или, угорѣвъ отъ печи, выскакиваетъ изъ людской на дворъ и кричитъ благимъ голосомъ, требуя расчета и скребя волосы на головѣ. Но на крики ея никто не отвѣчаетъ, развѣ

пріѣхавшій съ работъ приказчикъ лѣниво выругается и плюнетъ, и она съ ревомъ бросится назадъ въ пекарню.

Да еще — двое бѣлоголовыхъ мальчиковъ, — одинъ въ штанахъ, другой безъ штановъ, — возятся на кучѣ золы, набивая золой продраный валенокъ.

Жарко, безвѣтренно и тихо. Глаза у Сонечки слипаются, игла скользитъ изъ пальцевъ. Пойти бы къ дѣду, да нельзя. Искупаться бы, да вода такая теплая, что по всему тѣлу отъ нея зудъ. Хорошо гдѣнибудь въ густомъ лѣсу у ручья, въ травѣ. Вода журчитъ. Голова у Сонечки клонится.

Въ полдень не легче и Алексѣю Алексѣевичу.

Пять разъ подходилъ онъ къ генеральшиной двери, говоря то шутя, то ласково:

— Полно, Степочка, отвори. Ей-Богу я раскаиваюсь. А?

Заманчиво представляется ему сидѣть сейчасъ въ генеральшиной комнатѣ: тамъ прохладно, не то что въ обращенномъ на югъ кабинетѣ, гдѣ нагрѣлась кожа дивана отъ солнца, бьющего сквозь спущенную парусиновую штору, и по мокрому лицу ползаютъ мухи.

Въ генеральшиной спальнѣ можно развалиться въ креслѣ у окна, закурить сигарку и, попивая что-нибудь прохладительное, посмѣяться надъ давешней исторіей. А теперь безъ Степаниды Ивановны даже квасу не добьешься.

— Ей-Богу, видишь, — вотъ я и перекре-

стился, никогда больше не стану подносомъ бросать, и вообще... — въ отчаяніи говорилъ генераль, шестой разъ подойдя къ двери.

— Что тебѣ надобно? — отвѣтила, наконецъ, Степанида Ивановна ледянымъ голоскомъ.

— Мириться, мириться, — Алексѣй Алексѣвичъ радостно потянулъ ручку двери, — ну, полно же тебѣ.

— Я спрашиваю: — что тебѣ отъ меня надо?

Генераль опѣшилъ: — Какъ что? Я думалъ...

— А что ты думалъ, когда убивалъ меня подносомъ?

— Степочка!

— Я до сихъ поръ дрожу отъ страха, можетъ быть ты сейчасъ войдешь и зарѣжешь меня.

— Степочка, — воскликнулъ Алексѣй Алексѣвичъ, тоскуя въ темномъ корридорчикѣ, — прости меня, я все сдѣлаю.

— Ахъ, мнѣ ничего отъ тебя не нужно, я скоро умру.

— Боже мой, что же тебѣ нужно?

Степанида Ивановна помолчала, потомъ сказала тихо: — Напиши письмо Смолькову...

— Кому? — спросилъ генераль, хотя ясно услышалъ — кому.

— Смолькову, — громко сказала генеральша, — я хочу, чтобы онъ сюда пріѣхалъ.

Алексѣй Алексѣвичъ нахмурился. Степанида Ивановна громко принялась стонать и сморкаться.

«Все равно, — подумалъ Алексѣй Алексѣ-

вичъ, — Смольковъ не хуже другихъ, — чортъ съ нимъ, руки не отвалятся!»

Такъ состоялось примиреніе и было отослано въ Петербургъ княгинѣ, Лизѣ Тугушевой, политическое письмо, гдѣ говорилось, что супруги Брагины хотѣли бы видѣть у себя Смолькова, а въ Р. S. сдѣлана помѣтка: гостить у насъ Сонечка Рѣпьева, милая и прелестная дѣвушка...

Письмо отправили на почту съ нарочнымъ, и Степанида Ивановна, приласкавъ, наконецъ, растроганнаго супруга, приказала заложить коляску, чтобы ѣхать въ монастырь.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

Монастырь лежалъ подъ горкой въ густомъ вишневомъ саду. Пирамидальные тополя росли вдоль невысокихъ стѣнъ, сложенныхъ изъ камней когда-то бывшей здѣсь въ давнія времена крѣпости.

У монастырскихъ воротъ стояли заколоченные балаганы для продажи съѣстнаго во время праздниковъ. Длинные стѣны, фруктовый садъ, келейки, — уходили въ дубовую рощу, откуда вытекалъ и по листьямъ и вѣткамъ бѣжалъ подъ стѣну и въ садъ студеньи ключъ.

Въ саду на полянкахъ, очищенныхъ отъ вишенника, — подъ грушей или яблоней, — стояли мазанныя изъ глины, выбѣленные кельи. У каждаго порога лежало по камню для отдохновенія и на двери былъ нарисованъ синюю

краской осьмиконечный крестъ. Въ глубинѣ сада, тамъ, гдѣ сходились проторенныя въ травѣ тропки, надъ зеленою деревъ поднимались полинявшія луковицы ветхаго храма, съ пятью желѣзными крестами.

Теперешняя игуменья — мать Голендуха, не пожелала, чтобы монашенки жили порознь въ далеко одна отъ другой стоящихъ кельяхъ. Являлось отъ этого великое баловство, особенно въ апрѣлѣ мѣсяцѣ, когда сокращали службы, чтобы болѣе оставалось времени для садовыхъ работъ. Монашенки тогда ходили, какъ пьяныя, въ черныхъ своихъ рясахъ, щеки ихъ загорали и напѣвы духовныхъ стиховъ смущали не одного прохожаго за бѣлой стѣной, а мать Голендуха только вздыхала, говоря: — «Какое же это ангельское пѣніе, одинъ блудъ».

Поэтому, съ благословенія архіерея, собственнымъ иждивеніемъ, былъ построенъ деревянный домъ близъ церкви. Въ одной половинѣ его, лицомъ въ садъ, находилась трапезная и келья игуменьи, а въ другой, окнами на скотный дворъ и курятники, — кельи сестеръ.

— Пусть ихъ на курей посмотрятъ, — говорила мать Голендуха, — курия всегда ногой въ навозѣ зерно найдетъ, значитъ имѣетъ настоящую вѣру. А мои то: подай имъ того, сего — пироговъ да моченыхъ яблоковъ, а сами только и норовятъ о скоромномъ шептаться.

О паствѣ мать Голендуха мнѣнія была неважнаго: — «Тоже вотъ въ прошлое Христово Воскресеніе сестра Клитинья двадцать пять яицъ заразъ съѣла, — двадцать вѣдь пять...

Соборовали. Я ее стыдить: какъ, говорю, съ такимъ брюхомъ на тотъ свѣтъ полѣзешь? Ничего, отдыхалась, — чистая корова, прости Господи.

Росту мать Голендуха была небольшого, но сложенія тучнаго. Вся насквозь она пропиталась кислымъ ладаномъ, что особенно усугубляло веселость, которую испытывалъ, встрѣчаясь съ нею, всякій.

Монашенки боялись игуменьи, какъ огня. Бывало, въ зимніе вечера, собираясь у длиннаго стола трапезной вышивать воздухи, бисерные кошельки, колпачки на ламповыя стекла, или скатерти, — слушали онѣ, шурша работой, какъ мать Голендуха разговаривала, попивая грушевый квасъ:

— Что же вы, дуры, думаете, что васъ всѣхъ и заберутъ въ рай. Да, вѣдь, не къ ночи будь помянуто, дьяволъ долженъ чѣмъ нибудь пропитать себя...

— Гдѣ ужъ намъ, — отвѣчала самая шустрая изъ сестеръ и вздыхала прилично, — намъ то хоть бы смиреніе показать.

— Закрой ротъ, — говорила мать Голендуха и стучала кружкой, — разговорились! За языкъ возьмутъ тебя, дура оглашенная, и станутъ держать во вѣки вѣковъ.

Монашенки, низко склонясь, молчали. Мать Голендуха вытирала ротъ, складывала на животѣ руки:

— Нѣтъ, — продолжала она, — ты его побори сначала, зажми ему хвостъ, а потомъ смиреніе показывай... А то тратата, цѣлый день: «Мать игуменья, дозвольте въ лѣсъ добѣжать,

сушняку принесть». Сушняку!.. Знаю какой сушнякъ собираете. Сушнякъ то у васъ въ штанахъ ходить... Не видала я развѣ, какъ сестра Гликерья въ ручьѣ мужескія вретѣща полоскала...

Мать Голендуха открывала совершенно круглые глаза и, стуча костяшками по столу, ужасно шептала:

— «Вотъ въ старыя времена задрали бы тебѣ ряску, да на горячую плиту и посадили — грей проклятое мѣсто».

Душеспасительныя бесѣды не занимали всѣхъ помысловъ матери Голендухи. Хозяйство монастыря тревожило ее всегда и беспокоило. Кромѣ вишневаго сада обитель владѣла еще только тридцатью десятинами пахотной земли, да «Свинными Овражками» — неизвѣстно кѣмъ и когда перекопаннымъ мѣстомъ, полнымъ щебня и камней, откуда вытекалъ монастырскій прохладный ключъ.

Всего этого едва хватало для пропитанія тридцати душъ и благолѣпія церкви, а о прикупленіи денегъ или покупкѣ земли — нечего было и думать.

Поэтому мать игуменья благословила одну изъ сестеръ, испытанную мать Нонну, итти собирать пожертвованія на храмъ.

Мать Нонна шла по деревнямъ и городамъ быстрой поступью, всегда веселая и говорливая, собирая съ крестьянъ по копѣчкѣ, купцовъ по рублю. Память у Нонны была чрезвычайная: не только имена живущихъ, но дѣдовъ и прадѣдовъ ихъ помнила она по всей Руси. Придя въ городъ, тотчасъ же справля-

лась на базарѣ, кто умеръ, кто родить, кто сына женить, и стучалась изъ дома въ домъ, хозяюшкѣ предлагала просфору, безъ малаго фунтовъ въ пять, присовокупляя подарочекъ словами — не въ бровь, а прямо въ глазъ. На купцовъ и старосвѣтскихъ дворянъ дѣйствовало это чрезвычайно. Полная сума была у матери Нонны.

Попивая чаекъ, любила рассказывать Нонна привѣтливымъ своимъ голосомъ — какихъ видѣла людей, да гдѣ какія святые иконы проявились, да кто на комъ женится. Чертей видѣла она три раза. Одинъ — маленькій, хворый, былъ къ ней даже привычный, и звала она его не христіанскимъ, конечно, именемъ, а собачьимъ — Полканка, — очень жалѣла.

Возвращалась мать Нонна обыкновенно къ Рождеству и приносила немало денегъ, но иногда пропадала года по два, забредя за Окіянь. Тогда мать Голендуха для поддержанія средствъ объявляла монастырскій ключъ цѣлебнымъ и продавала въ склянкахъ — три копѣйки за штуку, пятакъ пара, — дивную воду.

Но недавно Господь воистину сжалился надъ монастыремъ. Сестра Клитинья, послѣ того, какъ на Святой объѣлась яйцами, стелая и призывая скорую смерть въ избавленіе отъ коликъ, открылась на духу священнику, а потомъ отдѣльно матери игуменьѣ, что помираетъ не отъ своего аппетита, а отъ того, что хранить страшную тайну — старинный кладъ, зарытый на крови.

Мать Голендуха выпросила все подробно — какъ сусѣкъ выскребла, и, отобравъ у Кли-

тиньи какой-то документъ, возликовала въ своемъ сердцѣ, ожидая для монастыря великія милости.

Сначала мать Голендуха думала сама копать кладъ, но, разсчитавъ, что денегъ на это не хватитъ, да пожалуй и бѣсъ тамъ замѣшанъ, подослала монашенку къ генеральшѣ Степанидѣ Ивановнѣ.

Степанида Ивановна ѣхала въ монастырь на парѣ вороныхъ, которыхъ звали — Геркулесъ и Ахиллесъ. Въ древности они были, видимо, героями, но теперь, неспѣшно волоча покойную коляску, старались поставить кривыя ноги, куда помягче. И всегда, садясь на этихъ коней, генеральша говорила кучеру: «Смотри, держи, чтобы не разнесли». — На что кучеръ отвѣчалъ безпечно: — «Помилуйте, не впервой».

По дорогѣ Степанида Ивановна обдумывала политичный разговоръ съ игуменьей. Когда показались надъ зеленью синія главы церкви, бѣлыя ворота, и коляска мягко зашуршала по песку въѣзда, генеральша безпокойно задвигалась на подушкахъ, вынула изъ ридикюля англійскую соль и поднесла къ носу.

Мать игуменьи встрѣтила генеральшу на крыльцѣ, привѣтливо кланяясь по уставу. Степанида Ивановна сложила зонть, кивкомъ отвѣтила на поклонъ и, подхвативъ лиловое шелковое, покрытое кружевной сѣткой, платье, вышла из коляски и поднялась на крыльцо.

— Благодѣтельница, — запѣла мать Голендуха, закрывъ глаза, — все это вы порхаете, все порхаете, какъ птица-голубь, а я то, грѣшная, все сырѣю, все толстѣю, такъ и думаю — выйду въ лихой день на крылечко, оступлюсь и расколуюсь, какъ дыня.

При этихъ словахъ щеки у матери Голендухи расплылись, дѣйствительно ставъ похожими на спѣлую дыню, что лежитъ, прикрытая листомъ, на бахчѣ.

Степанида Ивановна сѣла на крылечкѣ и, глядя на пышный, сбѣгающій внизъ, вишенникъ, сказала со вздохомъ:

— Отдохнуть пріѣхала въ вашъ рай земной. Устала отъ заботъ...

При этомъ она поглядѣла искоса на игуменью. Игуменья въ свою очередь также — искоса — поглядѣла на генеральшу:

— И какой у насъ, благодѣтельница, рай, мы еще многихъ иныхъ грѣшнѣе.

Обѣ женщины хитрили и ни одна не начинала нужный разговоръ. Съ вишенника вѣялъ пахнущій смолой вѣтеръ, пролетали грузныя пчелы, а невдалекѣ, должно быть, изъ кельи, слышалось монотонное пѣніе духовнаго стиха. Умиротворилась, казалось, душа пѣвуньи, не дивится болѣе ничему и поетъ только потому, что по всей землѣ, въ каждомъ листѣ, во всемъ, что живетъ и дышитъ, бьется вѣчный, однообразный шумъ живыхъ ключей.

На крыльцо изъ дома вышла монашенка, принесла столъ, накрыла его вышитой ширинкой и поставила расписныя чашки. Другая монашенка принесла самоваръ и положила въ

трубу березовую вѣтку, чтобы дымъ отгонялъ мошекъ.

— Грѣшница, люблю чаекъ попить, — проговорила мать Голендуха, — но не такой это грѣхъ, какъ сумасшедшія капли. Вонъ у насъ священникъ на Пасху наприкладывался сумасшедшихъ капель, — водки, то-есть, выпилъ, а пьетъ онъ, какъ насосъ, и пошелъ служить молебенъ къ доктору, а у доктора аптечный шкафъ картинками обклеенъ, разнаго веселаго содержанія. Попъ то повернулся къ шкафу и давай кадиломъ махать. Докторъ ему: «Батюшка, образъ вонъ въ томъ углу, а это непотребство, извините, что я его простыней не закрылъ»... «Это, — говоритъ попъ, мнѣ все равно, я къ этому отношусь неглижа». — Видишь ты, до неглижа и довели его сумасшедшія капли.

Степанида Ивановна сдѣлала губами звукъ тссъ... Качнула кружевной наколкой и сказала:

— Варенье прекрасное у васъ, мать игуменья; изъ своей вишни варили?

— Изъ своей, для гостей держимъ хорошихъ...

— А говорятъ, въ этой мѣстности клады всевозможные зарыты?

— Множество.

— Говорятъ, вы знаете одинъ такой, интересно бы послушать.

Отъ глазъ игуменьи тотчасъ же побѣжали морщинки. Хитрѣйшіе стали глазки. Грузно повернувшись на стулѣ, она сказала:

— Сестра Клитинья, подойди къ намъ.

Тотчасъ же къ столу подошла въ порыжѣлой ватной ряскѣ Клитинья. Сложивъ руки на груди, поклонилась, посмотрѣла на явства, уставлявшія столъ, и, опустивъ желтое скуластое лицо, стала у притолки.

Въ глухихъ деревняхъ рождаются такія большоголовыя дѣти, которыя ѣдятъ и не могутъ наѣстся. Чувство голода передается имъ по наслѣдству, какъ инымъ талантъ. Такъ и у Клитиньи было желтое лицо и большой ротъ, полный жадности.

Степанида Ивановна со страхомъ и отвращеніемъ оглядѣла монашенку. Игуменья, степенно сунувъ пальцы въ пальцы, молвила:

— Расскажи намъ, сестра, все, что знаешь.

Клитинья облизнула губы и тихимъ голосомъ стала рассказывать все, что знала изустно отъ отца и дѣда о предкѣ своемъ Осипѣ Кабанѣ.

«Былъ онъ, Осипъ Кабанъ, мальчишкой о двѣнадцати годкахъ. Позвали его на гетманскій дворъ ночью и повели съ двѣнадцатью молодыми казаками рыть подвалы въ горѣ. Туда же имъ и пищу приносили. Рыли они три мѣсяца, а когда кончили рыть, подарилъ имъ гетманъ красныя шаровары, бѣлыя свитки и каждому шапку, и сказалъ: идите за мной, слуги мои, возьмите сундуки кованые, поставьте ихъ въ тѣ подвалы, когда все сдѣлаете по моему слову — награжу васъ по царски.

Понесли они кованые сундуки. Шесть ихъ было насыпано серебромъ, три — краснымъ золотомъ, три жемчугомъ, а Осипъ Кабанъ несъ

корону золотую, вѣсомъ пять фунтовъ и съ четвертью.

Позади всѣхъ шелъ гетманъ Мазепа и держалъ острую саблю.

Дошли они до самаго дальняго подвала, поставили сундуки, замуравили дверь, и приказалъ гетманъ казакамъ стать на колѣни, вынулъ книгу и началъ читать заклятыя слова. Потомъ взялъ Мазепа острую саблю и отрубилъ головы всѣмъ двѣнадцати казакамъ, а Осипу приказалъ заваливать двери подвальныхъ до самаго входа и ставить приметы: каменную голову, орла и четырехконечный крестъ.

Послушался Осипъ и всѣ выходы завалилъ, а самъ думаетъ — лежать ему здѣсь тринадцатому безъ головы. Всталъ онъ на колѣни и попросился передъ смертью прочесть Отче Нашъ... Когда Осипъ сказалъ «аминь», гетманъ взмахнулъ саблей, а сабля въ рукѣ и сломалась. Понялъ злодѣй Мазепа, что неправильно сотворилъ и убѣжалъ изъ подземелья.

А Осипъ Кабанъ, какъ преклонялъ на молитвѣ колѣни, такъ и остался на всю жизнь колченогимъ, чтобы не забыть Божьяго чуда. Аминь».

Клיתיнья кончила разсказъ и опять стала глядѣть на ѣду, а Степанида Ивановна все еще слушала, — на щекахъ у нея выступили, пятна, глаза были сухи.

— Къ тому имѣются у насъ документы и планъ — сказала игуменья строго, — Осипъ Кабанъ, помирая, планъ оставилъ.

Степанида Ивановна вздрогнула и положила

руки на грудь, не въ силахъ молвить слова. Мать Голендуха, вынувъ изъ подъ рясы ветхіе листки синеватой бумаги, продолжала.

— Вотъ планъ и надпись: «Сей планъ снималъ Осипъ Кабанъ, Господней милостью остался живъ и руку приложилъ». Вотъ описаніе плана и примѣты, а вотъ опись, что есть въ сундукахъ... Уйди, Клитинья, — окончила мать Голендуха и, прикрывъ полной рукой ветхіе листки, сдѣлала сладчайшее лицо.

— А лежатъ сіи подвалы, благодѣтельница Степанида Ивановна, на нашей монастырской землѣ, какъ разъ на «Свиныхъ Овражкахъ». Ни въ одной лаврѣ нѣтъ такого богатства, какъ у насъ. Но мы не хотимъ земного, нѣтъ не хотимъ, — гонимся за небеснымъ: не земного ждемъ, а небеснаго жениха...

При этомъ у матери Голендухи глаза укатились подъ лобъ, ротъ раздвинулся, показавъ единственный передній зубъ, а все лицо изобразило наглядно, какъ они ожидаютъ жениха.

— Такъ продайте же мнѣ «Свиные Овражки»! — необдуманно воскликнула генеральша, и отъ волненія поднялась со стула.

Но мать Голендуха печально покачала головой и ничего не сказала, но было ясно, что на продажу склонить ее возможно...

Съ этой мыслью и уѣхала Степанида Ивановна изъ монастыря. За экипажемъ поднялась легкая пыль, золотистая отъ низкаго солнца. Геркулесь и Ахиллесь степенно бѣжали по дорогѣ, вспоминая былую славу.

Степанида Ивановна мѣста не могла найти въ коляскѣ, раскрывала и закрывала зонтикъ,

сбросила съ колѣнъ пледъ и, оглядываясь на монастырь, шептала:

— Корона тамъ, его корона, сама судьба ведетъ меня. Ахъ, Алексѣй, если бы зналъ, какъ я вознесу тебя!..

Степанидѣ Ивановнѣ казалось, что если такъ внезапно и просто дается въ руки огромное богатство, не можетъ не осуществиться завѣтная цѣль. Необходимо было пока скрыть даже отъ мужа существованіе клада, чтобы не дошли слухи и правительство не потребовало львиной доли. Затѣмъ, достать денегъ для раскопокъ и выкупить мѣсто у монастыря. Можно продать Гнилопятскій заповѣдникъ и всю рожь. Потомъ скорѣе, скорѣе сбыть съ рукъ Софью — помѣху въ такое важное время.

Степанида Ивановна сжимала пальцами виски и такъ сильно, что разболѣлась голова. Вспомнивъ о Сонечкѣ и желая отогнать волновавшія мысли, генеральша подумала:

— Въ сущности не такого бы ей нужно мужа, какъ этотъ вѣтрогонъ Смольковъ. Но сдѣлано — не воротишь, а выходить замужъ надо же когда нибудь. Приѣду, — приласкаю ее и бѣднаго Алексѣя. Ахъ, глупый, глупый! Вѣдь все это для тебя, для твоего счастья.

Чуя домъ, кони побѣжали подъ горку рысью. Околицу отворилъ пастухъ съ котомкой на спинѣ, снялъ шапку и долго смотрѣлъ на блестящій экипажъ.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

Сонечка сильно перетрусилась, когда горничная Люба таинственнымъ шопотомъ позвала ее къ генеральшѣ.

Сбѣжавъ по деревянной винтовой лѣстницѣ, мимоходомъ взглянула Сонечка въ зеркало и, увидавъ, что щеки блѣдны, похлопала ихъ ладонями. Въ это время дверь кабинета пріотворилась и генераль, просунувъ одну голову, прошепталъ:

— Не робѣй, Сонюшка, бабушка добрая, ты только молчи, да ручку поцѣлуй.

— Хорошо, — сказала Сонечка, улыбаясь, — и потомъ къ вамъ забѣгу, расскажу. — И пошла на цыпочкахъ по корридору.

Генеральша сидѣла бокомъ къ туалету, играя вѣеромъ. Когда вошла Сонечка, она улыбнулась, привлекла дѣвушку, усадила на скамеечку у ногъ своихъ и потрепала по щекѣ.

— Зачѣмъ ты такъ туго закручиваешь косы, — сказала генеральша, — ихъ нужно плести совсѣмъ легко.

— Хорошо, — отвѣтила Сонечка, робѣя, — я больше не буду.

— Я на тебя не сержусь, глупая, сядь сюда, я покажу, какъ нужно убирать волосы.

Быстро распустивъ Сонечкины двѣ косы, упавшія до полу, Степанида Ивановна стала черепаховымъ гребнемъ медленно ихъ расчесывать:

— Вся сила женщины въ волосахъ — въ нихъ заключено электричество, и, смотри, ни-

когда не надѣвай на ночь шелковыхъ чепцовъ. Когда твой мужъ ляжетъ подлѣ тебя, распусти волосы, чтобы они касались его лица: тебя онъ можетъ забыть, но запахъ твоихъ волосъ никогда. Никогда не души ихъ духами, волосы должны пахнуть тобой.

— Бабушка, — прошептала Сонечка, пряча лицо въ рукавъ генеральши, — я не собираюсь замужъ.

Степанида Ивановна медленно засмѣялась, расчесала, заплела Сонечкѣ двѣ косы, обвила ихъ вокругъ лба и перевязала синей лентой.

— Теперь ты красива, — проговорила генеральша, держа ладонями Сонечкину голову, — посмотри на меня. Ахъ, дитя мое! Ты женщина, тебя ждетъ все та же участь.

Она отошла отъ туалета и, шурша лиловымъ платьемъ, прилегла на диванъ у окна. Становилось сумеречно.

— Тебѣ нужно замужъ, — сказала, вдругъ, генеральша инымъ, таинственнымъ голосомъ, — ты совсѣмъ поспѣла, какъ плодъ.

Сонечка молча наклонила голову. Степанида Ивановна раскрыла и закрыла кружевной вѣеръ:

— Я нашла тебѣ подходящаго мужа, онъ красивъ. Хорошо имѣть красиваго мужа. Но нужно имѣть каменное сердце...

Вспомнивъ должно быть старое, генеральша вытянулась на диванѣ. Шелкъ ея платья зашвиствѣлъ подъ ногами. Сонечка знала, что нужно сказать во всякомъ случаѣ что-нибудь, но не могла пошевелиться. За окномъ тормозились воробьи передъ сномъ. Попугай нѣж-

нымъ голосомъ назвалъ себя по имени. Генеральша сказала:

— Мнѣ писали изъ Рима — святой отецъ за-
немогъ. Что?

— Я не знаю, — растерянно пробормотала Сонечка.

— Такое горе для христіанскаго міра, что?

— Да, бабушка...

— Это возвышенно думать о Богѣ, мы всѣ
Его дѣти...

И генеральша начала болтать деревяннымъ голосомъ чепуху. Это была ея манера — свѣтскій, по ея мнѣнію, тонъ, который генераль терпѣть не могъ и называлъ «лущить горохъ».

Но Сонечка не знала еще этой особенности за генеральшей и была изумлена, сбита съ толку и отвѣчала невпопадъ.

Въ сумеркахъ маленькая генеральша казалась восковой, съ нарумяненными щеками, лѣвой рукой она качала вѣеръ, притворно улыбалась...

— Когда Апраксину дали ленту черезъ плечо, онъ сказалъ моему мужу: «Помилуйте, генераль, я не заслужилъ ее, право не заслужилъ»; онъ былъ очень милъ въ эту минуту.

«Почему лента, — думала Сонечка, — почему боленъ римскій папа? Почему молодой мужъ и каменное сердце?... Должно быть, я дѣйствительно глупа».

— Что же ты молчишь, ты глуха? — опять инымъ голосомъ спросила генеральша.

— Нѣтъ, бабушка.

— Ты не отвѣтила — хочешь ли замужъ?

— Я постараюсь...

— Что постараюсь?

— Я не знаю...

— Хорошо, ступай къ себѣ. Я все рѣшу за тебя. Я не зла тебѣ хочу, но счастья.

Притворивъ дверь спальни, Сонечка перекрестилась: — Слава Богу, обошлось! — и пошла къ Алексѣю Алексѣвичу въ кабинетъ.

Алексѣй Алексѣвичъ лежалъ на турецкомъ диванѣ, держа у рта длинную трубку. Надъ диваномъ, на коврѣ, было въ порядкѣ развѣшано всевозможное оружіе, — кольчуги, щиты, копья, ружья, сабли, пистолеты. На окнѣ спущена парусиновая штора.

Сонечка вошла и улыбнулась. Генералъ, поднявъ трубку, сказалъ:

— А я сейчасъ думалъ... Садись-ка рядомъ... А я сейчасъ думалъ и рѣшилъ: — Наша русская сабля имѣетъ преимущество противъ турецкаго ятагана, вонъ видишь того, — кривого.

Сонечка, аккуратно сложивъ руки на колѣняхъ, подняла на Алексѣя Алексѣвича синіе разсѣянные глаза.

— У ятагана есть достоинства, онъ самъ рѣжетъ, саблю же надо тянуть при ударѣ къ себѣ. Но зато я могу колоть, а ятаганомъ не уколешь.

Генералъ всталъ съ дивана и показалъ выпадъ и защиту тѣмъ и другимъ оружіемъ: — Поняла? Объ этомъ то я, мой другъ, хочу написать статейку.

Онъ сѣлъ опять, вытеръ лобъ и, взявъ Со-

нечкины руки въ большія свои ладони, спросилъ ласково:

— Помирилась съ бабушкой?

— Помирилась, — отвѣтила Сонечка кротно. Генеральъ покрутилъ усъ, ему хотѣлось до конца высказаться.

— Вотъ, примѣръ: ѣду я близъ крѣпостной стѣны и наскакиваетъ на меня преогромный турокъ съ кривымъ ятаганомъ. Я выстрѣлилъ, промахнулся. Онъ меня — ятаганомъ, я его — саблей, онъ — рубить, я — колоть. Что же думаешь — лошадь моя Султанка выручила, ухватила турка зубами за ногу, завизжалъ онъ, а я въ это время и проткнулъ его въ животъ.

— Вотъ ужасъ! — Сонечка вздрогнула, — Вамъ не было страшно?

— Страшно не было, но потомъ все чудилось, что я разрѣзалъ лимонъ.

Алексѣй Алексѣевичъ, удовлетворенный, что исчерпалъ вопросъ о сабляхъ, похлопалъ Сонечкины руки:

— Ну, а теперь расскажи, какъ вы съ бабушкой порѣшили. Сватала она тебя?

Глаза Сонечки испуганно раскрылись.

— Вы серьезно, дѣдушка? Но я не знаю, мнѣ не хочется замужъ.

Алексѣй Алексѣевичъ привлекъ къ себѣ ея свѣтловолосую голову и говорилъ, поглаживая.

— Ты права, дѣточка, для тебя это очень серьезный шагъ. И въ этомъ и во всѣхъ движеніяхъ ты похожа на покойную Вѣрочку. Бывало она такъ же... Вспоминаешь и думаешь, — было намъ хорошо. Мы нѣжно и свято любили. А знаешь, какъ вѣнчались?... Въ дере-

венской церкви зимой. Всѣ окна завалило снѣгомъ и потолокъ дрожалъ — такая разыгралась пурга. Потомъ у Ильи Леонтьевича, твоего отца, былъ пиръ, а вечеромъ насъ отправили на санкахъ ко мнѣ, въ мнѣніе. Вѣрочкинъ сватъ Степанъ Налымовъ — тучный былъ старикъ, сталъ, по обычаю, на запятки и провожалъ насъ всѣ сорокъ верстъ въ разстегнутой шубѣ, безъ шапки.

Алексѣй Алексѣевичъ долго еще улыбался въ густые усы, потомъ глаза его заволокло влагой.

— Тогда казалось — конца края не хватитъ счастью, — ожидалось замѣчательное что-то въ жизни. А жизнь прошла и ничего замѣчательнаго не случилось. Такъ-то. Ходишь и думаешь — зачѣмъ, вотъ, ходишь? Книгу возьмешь — ну, что, думаешь, я въ ней прочту новаго, — все равно помирать надо.

— Что вы, дѣдушка, — воскликнула Сонечка жалобно, — въ какой вы меланхоліи.

— Въ меланхоліи, въ меланхоліи, — ты права. Дѣломъ мнѣ надо заняться. Вотъ скоро поѣду рожь продавать въ городъ. Такъ нѣтъ же, Сонюрка, попляшу я на твоей свадьбѣ. Меланхолія у меня отъ сумерекъ. А мы ее по боку. Слушай, что бабушка-то придумала!

И онъ разсказалъ про планъ Степаниды Ивановны и про письмо.

— Понравится тебѣ Смольковъ — бери его въ мужья, а не понравится — другого сыщемъ...

Сонечка ничего не сказала, только руки ея похолодѣли. Она представила Смолькова своимъ всегдашнимъ героемъ...

Въ дверь осторожно стукнули, вошелъ Афа-

насій и, доложивъ, что поданъ ужинъ, зажегъ на письменномъ столѣ четыре свѣчи, соединенныя вмѣстѣ зеленымъ колпачкомъ.

Ужинъ, благодаря теплomu времени, былъ накрытъ на каменной террасѣ. Степанида Ивановна уже сидѣла на длинномъ концѣ стола, жеманно облокотясь на кресло.

Два канделябра тихо оплывали отъ легкаго дуновенія ночи, и множество бабочекъ и жучковъ кружилось у свѣта, падало на бѣлую скатерть.

Генераль тотчасъ же, какъ только сѣлъ на свое мѣсто, засунулъ салфетку за воротникъ кителя и сталъ ѣсть, весело поглядывая. Въ подливку упалъ жукъ, Алексѣй Алексѣвичъ выловилъ его на край тарелки:

— Солдаты говорятъ: въ походѣ и жукъ — мясо. Афанасій, принеси картофель. А ты, Степанида Ивановна, ничего не ѣшь?

Генеральша, дѣйствительно, къ ѣдѣ не прирагивалась: таинственная улыбка морщила тонкія ея губы.

— Если бы ты зналъ, что я знаю, то и ты бы тоже не ѣлъ, — проговорила она медленно и, поставивъ локоть на столъ, затѣнила ладонью лицо отъ свѣта...

— Что такое случилось?..

— Алексѣй, мы скоро будемъ имѣть царское богатство...

Генераль выронилъ вилку, открылъ ротъ. Афанасій, поставивъ, въ это время, блюдо съ

картофелемъ, отошелъ къ двери, внимательно слушая.

— Откуда же, — спросилъ, наконецъ, Алексѣй Алексѣевичъ, — откуда же, развѣ кто-нибудь умеръ?

— Нѣтъ, Алексѣй, никто не умиралъ. Но я нашла кладъ гетмана Мазепы.

Генераль, сейчасъ же, опустилъ въ тарелку длинные усы, старался скрыть ими улыбку. Но Степанида Ивановна все-таки замѣтила улыбочку, сверкнула глазами и, вопреки данному себѣ слову, рассказала о кладѣ все, что слышала и видѣла въ монастырѣ...

— Ты понимаешь теперь, Алексѣй, — я должна купить «Свиные Овражки».

— Но это безуміе, — воскликнулъ генераль, — покупать никому ненужные «Овражки».

— Это безуміе такъ отвѣчать! — крикнула генеральша.

— Что? — спросилъ генераль, начиная хмуриться, но Сонечка взглянула на него умоляюще и онъ поспѣшилъ прибавить: — Я понимаю, — ты пошутила, не будемъ ссориться...

— Я ничуть не шучу, — генеральша стукнула кулачкомъ, — я должна имѣть черезъ двѣ недѣли деньги для покупки. Ахъ, я знаю, — ты хочешь сдѣлать меня нищей. Мало всѣхъ огорченій, которыя ты мнѣ доставилъ, тырываешь послѣднюю надежду.

Генераль началъ пыхтѣть, надуваться; быть бы ссорѣ, но Афанасій, почтительно наклонясь надъ Степанидой Ивановной, выждалъ много-точіе въ разговорѣ и сказалъ:

— Осмѣлюсь доложить, ваше превосходительство, все вѣрно, какъ вы изволили говорить...

— Что, какъ ты смѣешь! — закричалъ генераль, — пошелъ вонъ...

— Оставь его, Алексѣй, — продолжай, Афанасій...

— Когда я еще, ваше превосходительство, мальчишкой въ здѣшнихъ мѣстахъ бѣгалъ, находили мы на «Свиныхъ Овражкахъ» монеты. Изволите посмотреть.

Афанасій вынулъ изъ жилетнаго кармана старинный польскій золотый и подалъ генеральшѣ.

— Вотъ видишь, я всегда права, — воскликнула Степанида Ивановна, — посмотри, 1703 года. Спасибо, Афанасій.

Генераль сказалъ:

— Да, старинная, странно.

Степанида Ивановна, воспользовавшись поворотомъ обстоятельствъ, начала мелко щебетать: «залуцила горохъ». Передернула плечиками: — Ахъ, здѣсь сыро, на этомъ балконѣ! — И выпорхнула въ дверь, поддерживаемая Афанасіемъ подъ руку. Когда они ушли, генераль выпустилъ воздухъ изъ надутыхъ щекъ: — Ерунда! — и швырнулъ монету въ садъ.

Затѣмъ, сунулъ руки въ карманы тужурки и зашагалъ по верандѣ. Сонечка, сидя за самоваромъ, вглядывалась въ свое изображеніе на изогнутой мѣди: — подняла голову и лобъ ея выросъ, — сверху приставилась вторая голова; опустила — щеки раздались въ ширь, лицо сплющилось.

— Никакого клада нѣтъ, одна, чертъ знаетъ, глупость, — закричалъ Алексѣй Алексѣвичъ,

вдругъ остановившись, — а денегъ уйдетъ — фить! А попробуй я не дать денегъ — все перевернетъ, какъ Мамай!

Чертыхнувшись, генераль лягнулъ стулъ и ушелъ попытаться разговорить Степаниду Ивановну, пока она еще не окрѣпла въ своемъ рѣшеніи.

Сонечка долго сидѣла одна, перетирая столовое серебро. Потомъ вздохнула, задула одинъ изъ канделябровъ и вышла въ темный садъ.

Въ ея головѣ никакъ не укладывались разговоры и впечатлѣнія сегодняшняго дня, поэтому она и вздохнула, отгоняя недоступныя ея разумѣнію мысли. Ни звука не слышалось въ липовой аллеѣ, ни шелеста, только — шорохъ шаговъ по песку. Сквозь черную листву просвѣчивали звѣзды на безлунномъ небѣ. Отъ запруженной рѣки Гнилопаты стлался по травѣ еле видный туманъ...

— Вотъ идетъ, — думала Сонечка, — дѣвушка въ темнотѣ; на ней бѣлое платье; въ саду таинственно и тихо; у дѣвушки опущены руки и никого нѣтъ кругомъ; она одинока, гдѣ же ея другъ? Онъ не слышитъ! Вотъ скамейка. Дѣвушка въ бѣломъ садится и сжимаетъ хрупкіе пальцы. Ахъ, какъ пахнетъ резедой!

Сонечка дѣйствительно сѣла, смахнувъ съ лица и съ шеи прильнувшую паутину...

— Ночной холодокъ пробѣгаетъ по спинѣ; дѣвушка въ заброшенномъ саду. Она не слышитъ, что онъ уже близко; онъ въ шляпѣ, надвинутой на глаза. Его шаги близко... Въ самомъ дѣлѣ кто-то идетъ! — испугалась Со-

нечка и прислушалась: отъ пруда по аллеѣ кто-то шель, мягко ступая на всю ногу.

Шаги приближались. Испуганнѣе билось Сонечкино сердце, но въ темнотѣ нельзя было разсмотрѣть идущаго.

— Не убѣжать ли? — Она повернулась. Подъ ногой хрустнула вѣтка. Тотъ, кто шель, спросилъ, остановясь:

— Во имя Господа Іисуса Христа позвольте женщинѣ безпріютной ночь провести.

— Пожалуйста, отвѣчала Сонечка, успокаиваясь, — вы кто такая?

— А Павлина, — какъ будто изумясь, что ея не знаютъ, отвѣтила женщина, и подошла ближе.

— Вы на богомолье идете?

Павлина отвѣтила не сразу, — протянула усталымъ, равнодушнымъ голосомъ: — Куда намъ Богу молиться, не сподобилась. Брожу все. А вы барышня?

— Барышня...

— Степанидѣ Ивановнѣ внука?

— Вы пойдите на кухню, васъ покормятъ...

— Пойду, пойду. Спаси васъ Господь...

Но Павлина не двигалась. Въ просвѣтъ между вѣтвями стала видна ея обмотанная шалью огромная голова.

Сонечкѣ было неловко сидѣть молча, она встала, но Павлина вдругъ подняла руку и кликушечьимъ высокимъ голосомъ заговорила нараспѣвъ:

— Чую дому сему великій достатокъ и веселье. Понаѣдутъ человѣки, будутъ вино пить,

пѣсни пѣть, плясать, а одна голубка слезы прольетъ, да вспомнянется слово мое, аминь...

Сказавъ «аминь», поклонилась Павлина пояснымъ поклономъ и, молча, пропала въ темнотѣ, хрустнули кусты, затихли мягкіе шаги.

Такъ въ дому Степаниды Ивановны появился новый человѣкъ, рѣшительно повліявшій на судьбу дальнѣйшихъ событій.

ГЛАВА ПЯТАЯ

Николай Николаевичъ Смольковъ лежалъ въ смятой постели и долго старался сообразить, что было вчера.

Вчера было очень похоже на позавчера, а позавчера на третьяго дня, но случилась какая-то, помимо обычнаго, непріятность, и Николай Николаевичъ застоналъ, чувствуя ломоту и тошноту; во всемъ тѣлѣ бродило еще шампанское, а во рту будто ночевалъ эскадронъ.

Въ комнатѣ отъ спущенныхъ шторъ было темно, и только ночникъ, вдѣланный внутрь розовой раковины, слабо освѣщалъ край столика, **окурки** и увядшую розу въ стаканѣ.

— Вспомнить бы по порядку, — думалъ Николай Николаевичъ, — всталъ я, надѣлъ коричневый костюмъ и этотъ галстукъ съ горошкомъ, поѣхалъ завтракать, нѣтъ, — сначала поѣхалъ къ парикмахеру, потомъ завтракать, потомъ въ манежъ, нѣтъ, потомъ съ визитомъ... какъ же я въ пиджакѣ съ визитомъ поѣхалъ?.. Ахъ, да, къ княгинѣ... Вотъ что!..

Въ волненіи онъ приподнялся на локтѣ, но винные пары опять ударили въ голову, прервавъ послѣдовательность мыслей. Уткнувшись въ подушку, пролежалъ онъ довольно долго, потомъ позвалъ слабымъ голосомъ (до звонка трудно было дотянуть руку):

— Титъ!

Никто не отвѣтилъ... Николай Николаевичъ, пошаривъ, нашелъ портсигаръ, спички и закурилъ. Табачный дымъ еще пуще затуманилъ мысли, но потомъ все-таки прояснилось, и Николай Николаевичъ вспомнилъ о княгинѣ, вспомнилъ все: какъ вчера, послѣ годовой разлуки, встрѣтилъ Муньку Вѣрвара, какъ она обрадовалась, а онъ хотѣлъ удрать, но это не удалось, — не удралъ. Какъ они обѣдали, потомъ катались, потомъ въ «Самаркандѣ» ужинали съ цыганами; какъ пришли какіе-то офицеры съ пьянымъ англичаниномъ, кричавшимъ почему-то: «батюшкѣ, матушкѣ»; какъ на столѣ лежали Мунькины толстыя ноги, и такъ далѣе, и такъ далѣе... цыгане, шампанское, Мунькины духи... Даже сейчасъ ими пахли руки... Но скверное случилось послѣ, когда въ два часа возвращались на автомобилѣ: на углу Кирочной поравнялась съ ними карета, изъ окна выглянула сама княгиня Лиза и устроила такую гримасу, что... фу!.. фу!..

Николай Николаевичъ вытеръ мокрый лобъ, привсталъ и крикнулъ: — Титъ, осель!

Вошелъ мрачный мальчикъ-грумъ, по имени Титъ, отдернулъ, звеня кольцами, штору, и дневной свѣтъ залилъ небольшую, низкую комнату, кровать изъ корельской березы и желтое,

длинное, измятое лицо Николая Николаевича, съ коротко подстриженными усиками.

Николай Николаевичъ зажмурилъ глаза отъ боли. Титъ захватилъ платье, ушелъ и вернулся, держа въ рукахъ поднось со стаканомъ крѣпкаго кофе и яйцомъ въ серебряной рюмкѣ.

— Вчера я очень напился, Титъ?

— Обыкновенно, — отвѣчалъ Титъ, глядя въ сторону.

— Все-таки, сильнѣе, чѣмъ всегда?

— Пожалуй — сильнѣе.

— Знаешь, Титъ, сколько вчера я выпилъ? — и Николай Николаевичъ принялся мечтательно перечислять сорта и марки выпитыхъ имъ вчера винъ.

— Вставать надо, — перебилъ Титъ, — французикъ сейчасъ придетъ.

— Сколько разъ я запрещалъ тебѣ называть его французикомъ.

— Ладно ужъ...

— Дуракъ!..

— Титъ помолчалъ: — Рубль тридцать копѣекъ всего осталось вашего капитала, — сказалъ онъ, — больше нѣтъ! — и, наконецъ, посмотрѣлъ на барина. — Такъ-то.

Николай Николаевичъ поморщился. Дѣйстви-тельно денегъ больше не было и трудно было, какъ всегда, доставать... Придется у Лизы просить или у дяди... Бросивъ окурокъ на поднось, Николай Николаевичъ выпилъ кофе, потянулся и лѣниво спустилъ на коврикъ худыя, въ рыжихъ волосахъ, ноги.

— Титъ, одѣнь.

Титъ надѣлъ барину гимнастическое трико

на все тѣло, затянулъ животъ ремнемъ и, поправляя кровать, сказалъ:

— Сегодня эта по утру приходила, толстогубая-то ваша, прошлогодняя.

— Ну! — воскликнулъ Николай Николаевичъ, съ испугу садясь опять, — что же ты?

— Не пустилъ. Только она грозила обязательно еще прійти; я, говоритъ, все у него въ квартирѣ перекрошу.

Смольковъ долго молчалъ, потомъ сказалъ уныло:

— Она такъ и сдѣлаетъ... Эхъ, Титъ!

— Портной прибѣгалъ, я прогналъ. Да еще этотъ вертлявый насчетъ векселя...

Въ прихожей позвонили, Титъ пошелъ отпирать.

Плохо начинался сегодняшній день. Но между всѣми непріятностями главная была та, что вчера ночью Николая Николаевича съ публичной женщиной встрѣтила княгиня Лиза.

Княгиня Лиза — троюродная Николаю Николаевичу тетка, являлась главной его опорой въ жизни. Въ министерствѣ иностранныхъ дѣлъ жалованье было ничтожное. Жизненные средства, главнымъ образомъ, онъ добывалъ, переписывая векселя, и посредствомъ букиниста, которому продавалъ отцовскую библіотеку — диванами, по сорока рублей за диванъ, то-есть накладывая на кожаный диванчикъ фоліантовъ сколько туда влѣзетъ. Но основой все-таки была княгиня Лиза.

Года два тому назадъ Николай Николаевичъ увлекся ею и зашелъ въ изъясненіи чувствъ такъ далеко, что княгинѣ пришлось заняться

спиритизмомъ, чтобы въ потустороннихъ откровеніяхъ найти оправданіе преступной любви.

Тогда завязалась у нея со Степанидой Ивановной, — въ то время ярой спириткой, — переписка, въ которой княгиня не открыла имени ни Смолькова, ни даже земного его происхожденія, но увѣряла, что смущаетъ ее нѣкто, имя которому Эдипъ...

Имя это Степанидѣ Ивановнѣ показалось страннымъ и она провѣрила его спиритическимъ сеансомъ два раза. Одинъ разъ вышло, дѣйствительно, Эдипъ, другой же — Единъ. Степанида Ивановна отвѣтила княгинѣ письмомъ, въ которомъ просила Лизу остерегаться, такъ какъ Единъ и Эдипъ — не есть ли одно изъ именъ Люцифера?

Странно было это имя и для Николая Николаевича, забывшаго давно лицейскій курсъ миѳологіи, но во время свиданій онъ все же сталъ называть себя Дипой, такъ же и подписывался въ любовныхъ запискахъ.

Ревновала княгиня Лиза своего любовника ужасно, не только не позволяла думать ни о комъ кромѣ себя, но когда Николай Николаевичъ рассказывалъ о скачкахъ или другихъ невинныхъ развлеченіяхъ, страшно сердилась, прося замолчать. Выходило, что у него — Смолькова, ни тѣла, ни тѣлесныхъ желаній нѣтъ, одна душа, и то не его.

Поэтому, вспоминая вчерашнюю встрѣчу, морщился Николай Николаевичъ, моталъ головой и говорилъ:

— Плохо, очень скверно.

Въ это время вошелъ профессоръ бокса — ма-

ленькій французъ m-r Laustaleau и, сдѣлавъ привѣтствіе рукой, лягнулъ жирной ножкой: — Начнемъ!

Николай Николаевичъ потянулся, зѣвая, надѣлъ толстыя перчатки и ткнулъ француза въ лицо, на что тотъ сказалъ: — Очень хорошо! — и велѣлъ присѣсть три раза. Потомъ Смольковъ колотилъ кожаный шаръ, который, отскакивая, пребольно ударялъ по головѣ; французъ показалъ, какъ нужно лягать въ животъ, и Николай Николаевичъ лягалъ Лустало, дверь, позвалъ Тита и лягалъ Тита.

Наконецъ, взмокнувъ такъ, что щеки порозовѣли, сѣлъ онъ на кровать, отдуваясь, и Титъ растеръ его тѣло мохнатымъ полотенцемъ. Французъ, попросивъ денегъ, ушелъ. Титъ подалъ умыванье, свѣжее бѣлье, выглаженный костюмъ, галстуки, и Николай Николаевичъ одѣтый, бодрый и почти веселый, вышелъ на подѣздъ. Швейцаръ подалъ письмо. Онъ узналъ почеркъ княгини Лизы и, болѣзненно поморщившись, сунулъ письмо въ карманъ.

Мѣсячный извозчикъ на сѣромъ рысакѣ понесъ Николая Николаевича по Галерной, повернулъ направо вдоль Гвардейскаго Экипажа и налѣво на Морскую, гдѣ, не спрашивая, остановился около парикмахерской.

Дома Николай Николаевичъ не причесывался, предоставляя дѣлать это ловкимъ рукамъ парикмахера — Жана, родомъ изъ Турціи, имѣющаго сто двадцать секретовъ краски для волосъ. Жанъ во время работы рассказывалъ свѣжія новости, тѣ, что прочелъ въ газетѣ, и тѣ, что сообщили утренніе посѣтители... Парикмахера

этого Николай Николаевичъ звалъ — «мой журналъ», и давалъ рубль на чай, самъ иногда занимая у него небольшія суммы, какъ думалъ сдѣлать и сегодня.

— Сегодня, князь Тугушевъ заѣзжали, подстригали бакенбарды, — сообщилъ парикмахеръ, — объ васъ спрашивали, — онъ тонко улыбнулся, — вчера князь тоже въ «Самаркандѣ» былъ.

Николай Николаевичъ обернулся къ нему и нахмурился, но, вспомнивъ, что нужно перехватить денегъ, спросилъ безпечно:

— Ну, что жъ изъ этого?

— Много князь смѣялись, говорили, что Варваръ опять въ ходъ идетъ.

«Тугушевъ не преминетъ доложить обо всемъ Лизѣ, чортъ! — подумалъ Николай Николаевичъ и завертѣлся на стулѣ.

Парикмахеръ, окончивъ туалетъ, сказалъ — мерси, и крикнулъ: «Мальшикъ!» бородатому человѣку, стоящему у дверей съ метелкой... Расплатившись и давъ рубль на чай, Николай Николаевичъ, уже одѣтый, поманилъ парикмахера пальцемъ въ уголъ: — Понимаете, мой другъ, ужасно глупо, забылъ деньги дома. Что?

Парикмахеръ сдѣлалъ серьезное лицо, быстро сунулъ Николаю Николаевичу двадцать пять рублей, расшаркался и самъ растворилъ дверь.

«Дуракъ, — подумалъ Николай Николаевичъ, — завтра же ему отдамъ весь долгъ». Садясь на извозчика, онъ вскрылъ письмо отъ княгини Лизы.

«M-r Smolkoff, — писала княгиня, — очень

прошу Васъ быть у меня сегодня между тремя и четырьмя. Княгиня Тугушева».

«Начинается, — подумалъ Николай Николаевичъ, — о, Господи!» — Дмитрій, на Литейный, къ князю!

Князь и княгиня Тугушевы занимали вдвоемъ двухэтажный особнякъ съ такимъ количествомъ комнатъ, залъ и галлерей, что было необходимо приобрѣсти особыя привычки, чтобы наполнить собою пустой домъ.

Поэтому у князя было пять кабинетовъ: въ одномъ онъ принималъ, въ другомъ писалъ мемуары, въ третьемъ ничего не дѣлалъ, а два остальныхъ были приготовлены на случай, если князь получитъ министерскій портфель. Но правительство, къ удивленію Тугушевыхъ, не спѣшило дать ему портфеля.

Княгиня Лиза изъ всѣхъ огромныхъ и пустынныхъ комнатъ особенно любила въ глубинѣ дома темный закоулокъ, куда, входя, испытывала всегда нѣкоторый страхъ.

Комната эта соединялась съ остальнымъ домомъ черезъ узкій корридорчикъ и потайную дверь. Говорили, что тамъ, лѣтъ сто назадъ, одинъ гвардейскій офицеръ, проникнувъ черезъ тайникъ, убилъ старуху — владѣлицу дома и ушелъ никѣмъ незамѣченный. Про эту старуху будто бы написали цѣлую исторію подъ названіемъ «Пиковая дама», но княгиня брезговала русской литературой и не читала повѣсти. Комната была обита кожей, уставлена старыми диванами, и единственнымъ окномъ изъ цвѣтныхъ стеколъ выходила въ глухую стѣну.

Въ полумракѣ, никѣмъ не слышимая, прини-

мала здѣсь княгиня Лиза своего любовника и занималась спиритизмомъ.

Ливрейный лакей доложилъ Смолькову, что княгиня въ пріемной, и пошелъ впередъ, распахивая двери. Николай Николаевичъ бросилъ въ глазъ монокль, отличающій его, какъ молодого дипломата, сдѣлалъ скучающее лицо и, втайнѣ довольный, что объясненію помѣшаютъ гости, вошелъ въ залъ, описывая букву S, какъ человѣкъ свѣтскій, воспитанный и желающій нравиться.

Въ глубинѣ залы на невысокомъ помостѣ, покрытомъ сукномъ, сидѣли трое. Посрединѣ — фрейлина и кавалерствующая дама, графиня Арчеева-Ульрихстамъ, — родная сестра княгини Лизы, налѣво сидѣлъ князь Тугушевъ, слегка раскрывъ ротъ и опустивъ чайнаго цвѣта длинные усы, направо въ низкомъ креслѣ Лиза восторженно глядѣла на сестру.

Всѣ трое громкими голосами говорили о политикѣ. Графиня Арчеева-Ульрихстамъ, очень толстая дама, глядя въ лорнетъ, произносила очень громко:

— Я рекомендую служить царю-батюшкѣ. Тотъ, кто не служитъ, есть врагъ своего отечества...

— Я согласенъ, надо служить и служить, — такъ же громко отвѣчалъ князь, — но я спрашиваю — развѣ нельзя не служить, но быть полезнымъ... Напримѣръ, музыкантъ! — и князь раскрылъ ротъ.

— Музыкантъ увеселяетъ общество, но не служитъ; кромѣ того, музыкантъ — артистъ, но дворянинъ не можетъ быть артистомъ.

— Я бы могъ служить, — сказалъ князь, — у меня есть государственнѣйшій планъ, онъ таковъ: сначала нужно дать плетку, а потомъ реформу. Такъ поступилъ Петръ Первый.

Столь торжественные и странные приемы князь и княгиня устраивали графинѣ каждый разъ, когда она заѣзжала на большихъ своихъ рысакѣхъ на нѣсколько минутъ къ сестрѣ. Князю нужно было ея вліяніе, чтобы получить портфель или, по крайней мѣрѣ, концессию на ловлю котиковъ въ Тихомъ Океанѣ. На котиковъ онъ и намекалъ, отрицая службу, и жаловался, что русскихъ обкрадываютъ на Дальнемъ Востокѣ. Графиня поняла и указала на входящаго Николая Николаевича, какъ на племянника Ртищева, въ рукахъ котораго было нужное князю дѣло.

— Котики, котики, графиня, — воскликнулъ Николай Николаевичъ, кланяясь, — эти животныя стоятъ мнѣ много крови.

Графиня поднялась.

— Ты уходишь! — жалобно воскликнула Лиза, — пріѣзжай, сестра, ты знаешь, какъ ты намъ дорога.

И, привставъ, она вся изогнулась, голову склонила на бокъ и, словно въ забытіи, лепетала слова, прижимая къ себѣ руку графини и отталкивая...

Графиня освободилась отъ сестры и вышла, сопровождаемая княземъ. Княгиня Лиза точно безъ силъ опустилась въ кресло, закрыла рукой глаза и послѣ молчанія простонала:

— Развратникъ!..

— Ради Бога, Лиза, — въ тоскѣ пролепеталъ Николай Николаевичъ.

— Развратникъ, который обманываетъ на каждомъ шагу, ничтожный человѣкъ.

Но въ это время вернулся князь, морща узкій свой лобъ...

— У графини государственный умъ, — сказалъ онъ, — это дипломатъ и дѣятель. Я всегда былъ въ ней увѣренъ.

— Ахъ, проговорила княгиня, — я ее обожаю...

— Да, m-г Смольковъ, — продолжалъ князь, — я все забываю, какъ называется эта проводочка, послѣ которой я войду въ свои права... Ну вотъ эта — съ котиками. Я рѣшилъ энергично приняться за котиковъ.

Опустивъ голову, онъ заморгалъ свѣтлыми рѣсницами. Николай Николаевичъ сталъ объяснять дѣло.

— Николай Николаевичъ, я васъ жду, — холодно сказала княгиня и вышла, кривляясь на ходу всѣмъ тѣломъ такъ, что едва не споткнулась о коверъ. Выйдя за дверь, она схватилась рукой за грудь и прошептала:

— Боже, дай мнѣ силы перенести еще и этотъ ударъ! — понюхала кружевной платочекъ, надушенный густыми духами, вынула письмо Степаниды Ивановны о Смольковѣ и, стараясь не шумѣть платьемъ, поспѣшно прошла черезъ среднюю залу и зимній садъ въ темную комнату; — оставила пріотворенной за собою дверь въ красный корридорчикъ.

Волненіе и гнѣвъ княгини происходили отъ

двухъ причинъ: письма Степаниды Ивановны и вчерашней встрѣчи.

Вчера, возвращаясь домой, она встрѣтила Николая Николаевича съ толстой женщиной, у которой было лицо каторжанки, — ѣхали они на красномъ автомобилѣ. Княгиня разсердилась такъ, что не могла дышать, но потомъ красный цвѣтъ автомобиля навелъ ее на мысль, что не замѣшанъ ли тутъ одинъ изъ злыхъ духовъ, часто путавшій ее во время спиритическихъ сеансовъ: духъ, очевидно, ревновалъ и, принявъ личину того, кого люди называли Смольковымъ, захотѣлъ поссорить его съ княгиней. Но сегодняшніе рассказы князя о «Самаркандѣ» и еще письмо Степаниды Ивановны убѣдили ее, что на автомобилѣ ѣхалъ Николай Николаевичъ, что каторжница — его любовница и что самъ Смольковъ не Эдипъ, а ничтожный обманщикъ, человѣкъ какъ всѣ — изъ мяса и костей и притомъ развратникъ.

— Пусть женится, — шептала княгиня, десятый разъ перечитывая письмо Степаниды Ивановны, — пусть плодитъ дѣтей, обыкновенный, жалкій человѣкъ.

Услышавъ поспѣшные шаги Смолькова, она подняла молитвенно глаза и не пошевелилась, когда онъ вошелъ.

— Помолись о моемъ грѣшкѣ, — прошепталъ Николай Николаевичъ, шаловливо присѣвъ на диванъ.

Лиза отодвинулась. — Прочтите, — сказала она, подавая письмо. Онъ сдѣлалъ видъ, что не замѣчаетъ холоднаго ея тона, прочелъ письмо и засмѣялся:

— Они хотятъ женить меня на этой Рѣпьевой. Если бы они знали, Лиза...

— Вы женитесь.

— Я?... Но я не собирался...

— Вы соберетесь, мой другъ...

— Лиза, почему ты холодна!.. — Николай Николаевичъ надулъ губы, сдѣлавъ видъ шаловливаго ребенка: — Не шути такъ, мнѣ больно за нашу любовь...

— Нашей любви больше нѣтъ, мой другъ...

Блѣдныя щеки княгини порозовѣли, сѣрые ея глаза поддернулись влагой и молодое еще въ сумракѣ комнаты лицо, съ неувимымъ очертаніемъ овала, освѣтилось словно изнутри... Николай Николаевичъ въ испугѣ отодвинулся...

— Грубые люди, — проговорила княгиня печально, — что имъ нужно — кусокъ хлѣба и крѣпкій сонъ. Живите, я не изъ вашей породы.

«За что ты меня лишаешь всего», — хотѣлъ сказать Николай Николаевичъ, но вмѣсто этого сдѣлавъ привычную при ихъ свиданіяхъ надутую гримасу и прошепталъ:

— Поцѣлуй Дипа...

Княгиня покачала головой: — Въ моемъ поцѣлуѣ смертельный ядъ, а вамъ нужно жить... Встаньте! — воскликнула она, такъ какъ Николай Николаевичъ присѣлъ на коверъ у ея ногъ.

— Лиза, я пошалилъ, прости...

— Я запрещаю, — шептала княгиня Лиза и, заплакавъ, откинулась назадъ, скользя руками по кожѣ дивана...

Когда, затѣмъ, Николай Николаевичъ хотѣлъ

подняться, Лиза удержала его голову въ своихъ ладоняхъ, нѣжно поцѣловала въ глаза, и шепнула сквозь слезы: — Милый мой мальчикъ, отдаю тебя чужимъ людямъ, такъ надо. Прощай!

ГЛАВА ШЕСТАЯ

Николай Николаевичъ, полагая, что Лиза простила ему грѣхъ, жестоко ошибся; княгиня не только не простила, но со страннымъ упрямствомъ настояла, чтобы Смольковъ тотчасъ ушелъ и болѣе не возвращался, — словно нѣсколько минутъ слабости только утвердили ея рѣшеніе — разорвать связь.

Отстранивъ Смолькова, княгиня подошла къ потайной двери.

— Вы забыли запереть дверь, мой другъ, — дрогнувшимъ голосомъ сказала она, — насъ могли слышать.

И она почти побѣжала впередъ. Близъ входа въ оранжерею сидѣлъ князь, глядя на полъ и вяло трогалъ себя за длинные усы...

— Я показывала нашему другу комнату, гдѣ была убита старая графиня, — очень громко, повышенно, проговорила Лиза. Князь посмотрѣлъ на нее, на Николая Николаевича, но не въ глаза, а пониже, и ничего не сказалъ, и опять сталъ трогать усы холеными ногтями.

— Я ѣду сейчасъ къ дядѣ, — сказалъ Николай Николаевичъ, — я все узнаю относительно котиковъ и постараюсь устроить вамъ,

князь, это дѣло. До свиданья. Княгиня, я ухожу, до свиданья...

Николай Николаевичъ ушелъ и, садясь на извозчика, подумалъ: — «Вышвырнула, какъ котенка, дура мистическая». Эй, ты, — крикнулъ онъ кучеру, — на Итальянскую къ Ртищеву.

Иванъ Семеновичъ Ртищевъ, сановникъ, породный, преклонныхъ уже лѣтъ человѣкъ, похожій лицомъ на льва, сидя въ розовомъ нижнемъ бѣлѣ въ вольтеровскомъ креслѣ у пылающаго камина, диктовалъ секретарю свои мемуары.

Занятіе это было отвѣтственное и тяжелое, такъ какъ, по мнѣнію Ртищева, его мемуары должны были произвести впечатлѣніе землетрясенія въ дипломатическомъ мірѣ. Въ мемуарахъ все было на остріѣ. Остріемъ былъ самъ Иванъ Семеновичъ, прошедшій, въ свое время, стажъ отъ секретаря посольства до посланника. Европа была имъ изучена отъ дворцовъ до спаленъ уличныхъ дѣвченочъ. Но, несмотря на катастрофическую отвѣтственность и остріе, мемуары Ивана Семеновича сильно напоминали приключенія Казановы, чему онъ сильно противился. Онъ даже отдалъ распоряженіе секретарю — останавливать его каждый разъ, когда онъ начнетъ сбиваться.

Иванъ Семеновичъ запустилъ пальцы въ бакенбарды, сѣдые и еще роскошные, которые хорошо помнила Европа, и, покачивая туфлей

въ жару камина, говорилъ сочнымъ, очень громкимъ голосомъ:

—...Дефевръ передалъ запечатанный конвертъ барону Р...у. Въ тотъ же день баронъ выѣхалъ въ Трувиль. Императрица купалась. Въ то время ея приближенной, ея довѣренной, ея другомъ, была дѣвица Ламоть. Стоило пересѣчь океанъ, чтобы взглянуть на купающуюся Ламоть.

Секретарь кашлянулъ. Ртищевъ, сердито покосившись на него, продолжалъ вдохновенно:

— Грудь дѣвицы Ламоть напоминала два яблока. Точнѣе — двѣ половинки разрѣзаннаго, большого лимона. Грудь дѣвицы Ламоть заставила корсетъ того времени опуститься до талии.

— Иванъ Семеновичъ, — сказалъ секретарь, — быть можетъ, это мы опустимъ.

— Вы болванъ! — сказалъ Ртищевъ, — грудь дѣвицы Ламоть стоила намъ Севастополя... И такъ...

Въ это время вошелъ Смольковъ. Иванъ Семеновичъ повернулся къ нему всѣмъ грузнымъ тѣломъ въ креслѣ и глядѣлъ круглыми глазами. Смольковъ сталъ спиною къ камину, раздвинулъ полы сюртука, чтобы согрѣть задъ. Но Иванъ Семеновичъ эти штуки съ согрѣваніемъ зада понималъ насквозь.

— Ты зачѣмъ ко мнѣ пришелъ? — спросилъ онъ, постукивая пальцами по креслу.

— По дѣлу о котикахъ, дядя. Князь Тугушевъ просилъ меня навести справки. Онъ кажется не прочь самъ взять концессию.

— Ты сколько у него взялъ?

Николай Николаевич поморщился. Иванъ Семеновичъ сказалъ:

— Отойди отъ огня, у тебя задъ дымится. Этому болвану Тугушеву скажи, что онъ болванъ. И денегъ я тебѣ не дамъ.

Николай Николаевичъ оглянулся на секретаря, пожалъ плечами, затѣмъ сталъ смотрѣть на свои башмаки.

— Дядюшка, вы сами не разъ бывали въ подобныхъ обстоятельствахъ.

— Что?

— Я говорю — чертовски скучно — постоянное безденежье. Я чертовски ломаю голову. Весь расчетъ былъ перехватить у васъ — до пятницы. Если нѣтъ — то чертовски...

— Хорошо, — сказалъ Иванъ Семеновичъ и сейчасъ же протянулъ руку, чтобы племянникъ не кинулся къ нему — обнимать. — Хорошо. У тебя будутъ деньги. Я тебя женю.

— Дядюшка, я чертовски...

— Молчи. Я не могу содержать тебя и твоихъ любовницъ. Мой бюджетъ шатается отъ твоихъ долговъ. Я думалъ о тебѣ все это время. Чортъ возьми, у меня третій день изжога отъ этихъ заботъ. Ты долженъ жениться.

— Но я не хочу.

— Молчать!

Иванъ Семеновичъ поднялся во весь огромный ростъ и блестяще развилъ мысль о предстоящей женитьбѣ Николая Николаевича, о всѣхъ преимуществахъ женатаго человѣка. Говоря, онъ подталкивалъ племянника слегка къ двери, затѣмъ обнялъ, больно прижавъ его

ность, и Николай Николаевичъ очутился въ прихожей.

Николай Николаевичъ стоялъ съ минуту, ошеломленный. Проворчалъ: — Вывернулся старый мошенникъ! — Медленно сошелъ внизъ, — въ головѣ — мутно, ноги подкашивались, и велѣлъ кучеру ѣхать вообще, — ѣхать! Чортъ!

Николай Николаевичъ, все же, перехватилъ въ этотъ день небольшую сумму. Но ресторанъ поглотилъ и сумму и остатокъ энергіи. Кучеръ шагомъ везъ Николая Николаевича домой, на Галерную.

Домъ на Галерной былъ старый, съ темной прихожей, со скрипучимъ паркетомъ, со старомодной, потертой мебелью. Большая часть комнатъ была закрыта.

Семья Смольковыхъ, издавна жившая въ этомъ мрачномъ дому, теперь частью вымерла, частью разбрелась по свѣту. И всѣ эти ветхіе диваны, темныя картины, скрипучіе полы — наводили Николая Николаевича на грустные размышленія. Домъ очень походилъ на усыпальницу.

Николай Николаевичъ и самъ понималъ, что нужна бы ему обстановка, гдѣ не стыдно принять свѣтскую женщину. Однажды, въ свѣтлую минуту онъ заказалъ даже эскизъ кокетливой мебели въ модномъ магазинѣ, но не было денегъ. Денегъ, денегъ, денегъ, все равно сколько, все равно откуда — только бы жить безопасно, а то хоть пулю въ високъ!

Такъ раздумывалъ Николай Николаевичъ, мрачно вылѣзая изъ пролетки у подъѣзда своего дома. Титъ отомкнулъ дверь, молча принялъ трость, пальто и цилиндръ, и вдругъ усмѣхнулся угломъ рта...

— Что? — спросилъ Николай Николаевичъ, прошелъ въ столовую и сѣлъ на стулъ, — былъ кто-нибудь?...

— Что былъ, — отвѣтилъ Титъ насмѣшливо, — и сейчасъ въ спальнѣ сидитъ!

— Кто? — Николай Николаевичъ испуганно приподнялся. — Она?

Титъ кивнулъ головой. Николай Николаевичъ осторожно отодвинулъ стулъ и, шепча: — Скажи ей, что я уѣхалъ надолго, — на цыпочкахъ побѣжалъ въ переднюю. Но въ это время дверь съ трескомъ раскрылась и на порогѣ показалась коренастая рыжая молодая женщина въ шляпѣ, съ зонтомъ въ рукѣ.

— Ахъ, ты здѣсь? — воскликнулъ Николай Николаевичъ сладкимъ голосомъ, — какъ мило!

Густыя брови Муньки Варвара, изломанныя у висковъ, сошлись, ноздри короткаго и тупого носа раздулись и челюсть выдвинулась впередъ, какъ у волкодава:

— Здѣсь! — протянула Мунька, и грудь ея колыхнулась, — и сундукъ мой здѣсь, жить прѣхала...

Николай Николаевичъ подвинулся къ Титу и, вдругъ, закричалъ:

— Вонъ изъ моего дома! Титъ, гони ее въ шею...

Съ прошлаго еще года привыкла Мунька къ характеру Смолькова, поэтому сейчасъ ни

капли не испугалась, подняла зонть и ударила китайскую вазу, которая сейчас же разбилась...

— Не то еще будетъ, голубчикъ, — и Мунька проткнула зонтомъ картину...

Затѣмъ разбила абажуръ, опрокинула ногою столъ и остановилась, сверкая глазами:

— Что? — Видѣлъ?

Николай Николаевичъ во все время этихъ дѣйствій присмирѣлъ и сѣлъ на стулъ у двери. Титъ подбиралъ осколки. Характеръ у Муньки былъ рѣшительный, такія сцены въ прошломъ году повторялись не рѣдко, и Николай Николаевичъ, оберегая себя, обычно затихалъ, садился на стулъ и раскрывалъ зонть, увѣряя, что идетъ дождикъ. На Муньку, какъ на первобытнаго человѣка, дѣйствовало это умиротворяюще — она принималась хохотать, взявшись за животъ. Но сегодня чувствовала, что Николай Николаевичъ не совсѣмъ въ ея власти.

— Слушай, — сказала Мунька, — ты, мозглякъ, съ другой связался?

Николай Николаевичъ, не отвѣчая, топнулъ ногой.

— Что вы пристаєте, — сказалъ Титъ, — мало вамъ набезобразничали.

— Я набезобразничала! Да я еще съ нимъ разговариваю. — Она проворно вытащила булавки и швырнула шляпу на столъ вмѣстѣ съ зонтомъ и жакетомъ, — идіоты несчастные! Кончено! Остаюсь! — Она поправила волосы и сѣла. Николай Николаевичъ громко вздохнулъ...

— Титъ, — сказала Мунька, — принеси сыру, фруктовъ и бутылку шампанскаго, хлѣба не забудь...

— Денегъ нѣтъ, — сказалъ Титъ мрачно.

— Честное слово, одинъ рубль остался, — Николай Николаевичъ радостно подскочилъ на стулъ.

— Въ такомъ разѣ, — колбасы купи и водки. Поѣдимъ и въ кровать... — Титъ не двигался. Мунька задышала сильно.

— Сходи, Титъ, купи, — поспѣшно сказалъ Николай Николаевичъ. Титъ убѣждалъ. Мунька сообщила, что «тѣло тоскуетъ, пойти корсетъ снять» и, шаркая башмаками, пошла въ спальню. Николай Николаевичъ, облокотясь на колѣни и сложа руки ладонями вмѣстѣ, сидѣлъ не шевелясь... Все на свѣтѣ ополчилось противъ него. Господи, гдѣ же выходъ? Николай Николаевичъ однимъ глазомъ поглядывалъ на темную иконку въ углу, не совсѣмъ увѣренный, что Богъ поможетъ... Жениться развѣ на самомъ дѣлѣ? Сонечка Рѣпьева, навѣрно, глупа, толста, влюбчива, — барышня изъ провинціи. Очень, очень плохо.

Вернулся Титъ съ колбасой и водкой, вышла Мунька въ розовомъ капотѣ, который все время запахивала, чтобы мальчишка задаромъ не глядѣлъ на ея прелести, и принялась за ѣду. Выпивала, крикала, ѣла колбасу, задравъ ногу на колѣно.

Николай Николаевичъ глядѣлъ на Муньку и къ ненависти его примѣшивалось странное уваженіе передъ силой дѣвушки и здоровьемъ... «Жуетъ вкусно и твердо, такъ что даже ще-

котно въ скулахъ, а пища навѣрно отлично переварится въ желудкѣ, ляжетъ въ постель и тотчасъ заснетъ, жаркая, какъ печь, и будетъ видѣть глупые сны, а на утро ихъ расскажетъ... Но все-таки Мунька свинья», подумалъ онъ.

Въ это время позвонили въ прихожей... Титъ побѣждалъ отворять, и сейчасъ же вернулся, лицо у него было испуганное и отчаянно любопытное: — Князь Тугушевъ! — сказалъ онъ въ полъ голоса.

Мунька весело подмигнула. Николай Николаевичъ кинулся къ ней, шипя: — Уйди же, уйди, — затѣмъ метнулся въ прихожую; Мунька проворчала: — Вотъ еще, у князя глаза не лопнутъ на меня смотрѣть, не чужіе, слава Богу...

Въ прихожей, снимая перчатки, стоялъ князь. Руки онъ Николаю Николаевичу не подалъ, а, глядя на вѣшалку, сказалъ по-русски: — «Мило, очень мило»...

То же самое онъ пробормоталъ, войдя въ столовую... Николай Николаевичъ пододвинулъ стулъ, князь сѣлъ и слегка раскрылъ ротъ...

— Здравствуйте, — обиженно сказала Мунька, — не узнаете, что ли?

— Ахъ, это вы, крошка, я узналъ. Очень мило. — Князь вынулъ серебряный портсигаръ, осторожно, какъ драгоценность, взялъ худыми пальцами папироску, но, спохватившись, положилъ обратно... Затѣмъ пробормоталъ невнятное.

— Что? — крайне предупредительно спро-

силъ Смольковъ, но князь, не глядя на него, показалъ портсигаромъ на Муньку.

— Нельзя ли намъ — однимъ.

Николай Николаевичъ сдѣлалъ испуганно-сердитые глаза, Мунька пожала плечами и ушла въ спальню...

— Я принужденъ, — сказалъ князь, одутловатыя щеки его подпрыгнули, онъ закрылъ глаза, — однимъ словомъ я все видѣлъ и слышалъ сегодня, я принужденъ бить васъ по лицу.

При этомъ онъ слегка поклонился. Николай Николаевичъ быстро поднялся, застегивая пуговицы, и сталъ глядѣть на перстень на рукѣ князя.

— Но это не все. Я принужденъ, но я этого не сдѣлаю: я не хочу сплетенъ. Вы принуждены будете уѣхать, и какъ можно скорѣе сдѣлать что-нибудь, жениться, напимѣрь, — этимъ вы спасете честь... честь... — князь заикнулся и всталъ, все еще не открывая глазъ: — Я вамъ пишу рекомендательное письмо...

Смольковъ поклонился. Князь открылъ глаза и блѣдный ротъ его поползъ криво въ бокъ.

— Съ этими котиками вы тоже мнѣ устройте, услуга за услугу... Что?

Николай Николаевичъ сдѣлалъ жестъ, изображающій нетерпѣніе и бѣшенство:

— Имѣю честь! Титъ, проводи князя...

Князь бокомъ вышелъ изъ комнаты, держа въ отставленной рукѣ цилиндръ и трость. Николай Николаевичъ оторвалъ пуговицу и сказалъ:

— Сговорились они, что ли, чортъ возьми! Женись! Превосходно! На зло всѣмъ женюсь!

Онъ присѣлъ къ столу и, сжимая виски, думалъ о себѣ, о княгинѣ Лизѣ, о князѣ...

— Охъ да, Мунька, — вспомнилъ онъ и пошелъ въ спальню. Мунька лежала въ прозрачной рубашкѣ на кровати и, зѣвая до слезъ, разсматривала картинки во французскомъ романѣ. Николай Николаевичъ взялъ книгу и швырнулъ ее подъ кровать...

— Ты что? — спросила Мунька. — Князь ушелъ?

— Пошла вонъ отсюда! — заоралъ Николай Николаевичъ, — я женюсь!..

— Вотъ дуракъ, — равнодушно отвѣтила она и повернулась спиной къ Смолькову.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

По травянымъ межамъ къ гнилопятскому гумну тянутся, скрипя и колыхаясь, телѣги, полныя сноповъ. На гладко убитомъ току гудитъ и пылитъ паровая молотилка. Бабы подхватываютъ снопы, летящіе съ телѣгъ, разрѣзаютъ связла серпами и подаютъ задатчику. У него борода и волосы полны пыли, руки въ голицахъ ходятъ вправо и влево, вдвигая въ хрустящую пасть машины раскинутый полотномъ хлѣбъ.

Барабанъ, пожирая колосья, глухо и ровно гудитъ: заторопится вдругъ, когда задатчикъ, остановившись, отираетъ рукавомъ потъ и грязь съ лица своего, ухаеетъ отъ поданнаго

вновь и, пережевавъ, переколотивъ, бросаетъ въ нутро молотилки солому, зерно и пыль.

Соломотрясъ дребезжить, подпрыгивая, выкидываетъ солому на убитый токъ, дѣвки гонять ее граблями, конный возильщикъ подхватываетъ ее доской и рысью ѣдетъ къ новому омету. Зерно бѣжитъ на желѣзные грохота, просѣивается сквозь сита и сыплется золотыми струйками въ мѣшки. Соединенный вѣчно бѣгушимъ ремнемъ, попыхиваетъ длинной трубою зеленый локомобиль, на колесахъ его и на мѣди блеститъ августовское солнце... Свѣтитъ оно и на жеребятъ, со ржаніемъ бѣгающихъ около воевъ, на пестрые рубахи и платки бабъ, на запачканные въ дегтю шаровары веселыхъ парней и въ синіе глаза Сонечки, пріѣхавшей съ Алексѣемъ Алексѣевичемъ на молотъбу.

Все — запахъ дегтя и хлѣбной пыли, заглушенные воемъ молотилки голоса, окрики и пѣсни знакомы Сонечкѣ давно. Вотъ, подѣхалъ конный возильщикъ — высокій парень — остановилъ лошадь и, вынувъ кисетъ, свертываетъ папироску; генераль погрозилъ ему пальцемъ: — Я тебя, пожаръ надѣлаешь! — Парень спряталъ кисетъ и улыбнулся; лицо у него загорѣлое, чернобровое, ласковое. Сонечка подошла къ нему и взяла вожжи: — «Дай-ка, я поѣду». Парень опять усмѣхнулся: «Не справитесь», и хлестнулъ лошадь, зацѣпивъ доской большую кучу свѣжей соломы. Сонечка встала на доску и взяла парня за ременной поясокъ. Солома нажала ей колѣни. Лошадь, влегая въ хомутъ, поволокла и солому, и парня, и Сонечку... Дѣвки смѣялись, генераль кричалъ:

«Смотри, не упади». Когда доѣхали до омета, парень сказалъ: «Берегитесь, тутъ валко», — и въѣхалъ на вороха. Сонечка, не успѣвъ соскочить съ доски, упала въ солому, нечаянно увлекая за собой и парня, но онъ, хрустнувъ мускулами, поднялся, какъ стальной, спросилъ: — «Что, не ушиблись?» — и, посмѣиваясь, ушелъ за лошадью, широко разставляя ноги въ синихъ штанахъ.

Сонечка осталась лежать въ пахучей соломе. Опять подѣхалъ парень и закивалъ ей головой, какъ бы говоря: «Какъ мы давеча-то опрокинулись», и все такъ же разставлялъ крѣпкія ноги, и она увидѣла, что онъ былъ необычайно красивъ особой, ласковой, о себѣ не знающей, красотой.

Ей показалось, что все это уже было — вороха свѣтложелтой соломы, бархатная травка около омета, парень и рыжая лошадь въ хомутѣ. Засвистѣлъ локомобиль, призывая рабочихъ къ обѣду. Гулъ молотилки замолкъ, и явственнѣе стали человѣческіе голоса. Народъ, подбирая съ земли одежду, шелъ къ стану, гдѣ курился дымокъ подъ чугуннымъ котломъ.

Поднялась и Сонечка,правила волосы и пошла навстрѣчу Алексѣю Алексѣвичу.

— Что-же, попробуемъ каши, — сказалъ генераль, подмигнувъ.

Между бочкой съ водой и телѣгой, полной печенаго хлѣба, сидѣли въ два круга — бабы и мужики. Мужчины — на корточкахъ, или подсунувъ подъ себя кизякъ, или одежду, ѣли степенно, — сначала жижу, слитую съ каши и сдобренную конопляннымъ масломъ, затѣмъ

кашу, мятую съ саломъ. Старшій, царапая караваемъ по полушубку, рѣзалъ хлѣбъ большими ломтями.

Бабы сидѣли прямо на землѣ, подогнувъ одну ногу, вытянувъ другую, — какъ овцы. Каши бабы не кушали, — принесли съ собой кто кислого молока, кто блиновъ, кто луковку. Порядка у нихъ не было, — тараторили, пересмѣивались. Иная — дѣвка — глядѣлась въ круглое зеркальце, обитое жестью, подмазывала на лицѣ, — чтобы не загорать, — бѣлила, ядовитую мазь. Мужики съ бабами обѣдать брезговали.

Генераль и Сонечка влѣзли на телѣгу, гдѣ стояла бочка съ водой, полной инфузорій. Кашеваръ принесъ въ небольшой чашкѣ — каши и два ломтя хлѣба, густо посоленные. Сонечка стала искать глазами давешняго парня.

Онъ сидѣлъ на корточкахъ и, держа ложку, медленно жеваль, — крѣпкіе желваки двигались на его загорѣлыхъ скулахъ.

«Сильный и навѣрно — добрый, — подумала Сонечка, — счастлива будетъ дѣвушка, которая выйдетъ за него замужъ. Кого онъ любить? Вонъ ту, что отвернулась? Вонъ ту, съ зеркальцемъ, сѣроглазую?

Сонечка внезапно встрѣтилась глазами съ парнемъ, усмѣхнулась и сейчасъ же покраснѣла. Онъ, какъ и давеча, радостно закиваль ей головой: — «Хорошо, молъ, опрокинулись»... Сонечка откусила отъ ломтя и нагнулась надъ чашкой съ кашей.

— А вонъ и бабушка ѣдетъ за нами, — ска-

залъ генераль. — А у меня, знаешь, отъ каши изжога началась...

Сонечка взглянула на дорогу, — оставляя за собою пыльное облако, быстро приближалась коляска съ покачивающимся надъ ней краснымъ зонтикомъ Степаниды Ивановны.

Бабушка не одна, — сказала Сонечка, — съ ней кто-то въ бѣломъ.

Генераль, защитивъ глаза ладонью, всматривался.

Послѣ примиренія съ женой, написавъ письмо княгинѣ, Алексѣй Алексѣевичъ, по совѣсти говоря, забылъ о предполагающемся прїѣздѣ Смолькова и обо всемъ, что должно было за этимъ послѣдовать. Казалось невѣроятно, чтобы взрослый человѣкъ прискакалъ за тысячу верстъ изъ за каприза старой женщины, — да еще и жениться.

Но теперь, разглядывая длинное и блѣдное лицо Николая Николаевича съ выдавшеюся впередъ нижней губой, почувствовалъ генераль все, что скажетъ этотъ женихъ, всѣ фальшивыя, трескучія петербургскія слова, нужныя одной только Степанидѣ Ивановнѣ, и удивлялся, какъ это такъ все вышло, и смутился, не отвѣчая Сонечкѣ на вопросъ: — Кто же ѣдетъ?..

«Эгэ, — подумалъ онъ, — мы еще посмотримъ — какъ она выйдетъ за васъ замужъ... Погоди, Степочка, отбрею я твоего жениха». И генераль, расхрабръясь, сказалъ:

— По моему съ ней Смольковъ...

— Смольковъ? — и Сонечка, вдругъ, залилась румянцемъ.

Коляска остановилась. Николай Николаевичъ, одѣтый весь въ бѣлую фланель, вылѣзъ изъ экипажа и съ учтивостью помогъ вылѣзти генеральшѣ.

Степанида Ивановна, улыбаясь и тряся головой (что къ ужасу ея начало дѣлаться при встрѣчѣ съ молодыми людьми), подняла зонтикъ, ступила на землю и распустила по солому шлейфъ. Генераль, подбоченясь, стоялъ около бочки, ожидая кривляній со стороны генеральши, но она, подойдя со Смольковымъ, просто представила его. Николай Николаевичъ выставилъ передъ собой руку лопаткой, кланяясь, какъ опереточный пейзанъ. Генераль даже попятился, но генеральша такъ посмотрѣла на мужа, что пришлось любезно отвѣтить на поклонъ.

«Ахъ ты чортъ, вотъ такъ — пейзанъ», — подумалъ Алексѣй Алексѣвичъ. Сонечку ки-нуло въ жаръ, похолодѣли руки, она присѣла какъ дѣвчонка — «макнула свѣчку», не поднимая глазъ. Не подняла она ихъ и тогда, когда Смольковъ, задержавъ ея руку въ своей, сказалъ бархатнымъ голосомъ:

— Какъ милъ на васъ деревенскій костюмъ, вы должно быть работали, я помѣшалъ. Я тоже хочу надѣть національный костюмъ и буду граблить сѣно.

«Какой у меня деревенскій костюмъ, — растерянно подумала Сонечка, — что онъ говорить? Граблить сѣно? Какое же это сѣно — рожь?»

Она чуть подняла глаза и увидала сначала пиджакъ Николая Николаевича, изъ такой же

матеріи, какъ ея парадная юбка — фланель въ полоску, потомъ красный галстукъ съ цвѣточками и булавкой, потомъ высокій, такъ что нельзя двигать шеей, накрахмаленный воротникъ и гладко выбритый подбородокъ. Выше Сонечка не рѣшилась смотрѣть и потупилась.

— Очаровательно, — продолжалъ Смольковъ, — работающіе крестьяне. Я этого никогда не видалъ...

— Да! Знаете ли, работаютъ, — басомъ, вдругъ, сказалъ генераль и началъ было выкатывать глаза на Смолькова, но Степанида Ивановна поспѣшно проговорила:

— Господа, ѣдемъ, у насъ сегодня ботвинья. Но вѣдь вы, м-г Смольковъ, ахъ, я все забываю — петербуржецъ... Ахъ — большой свѣтъ!.. Приемы... а мы настоящій черноземъ. Вы должны привыкать къ деревенской простотѣ.

— Что это съ ней? — подумалъ генераль, подходя къ коляскѣ, — что-то новое. Однако этотъ фертъ развязенъ.

Смольковъ и Сонечка сѣли на переднюю скамью, напротивъ генерала и генеральши. Коляска покатила по мягкой дорогѣ. На поворотѣ, около омета, Сонечка увидала давешняго парня, — онъ стоялъ съ вилами, и серьезно глядѣлъ на удаляющійся экипажъ... Она быстро отвернулась, стала разсматривать загорѣлыя свои руки.

«Ручищи, исцарапаны, ну и пусть!»

Николай Николаевичъ, обращаясь ко всѣмъ троемъ, рассказывалъ, что представлялъ себѣ раньше сельское хозяйство сохой, за которой

идеть мужикъ, а помѣщикъ стоитъ подлѣ на горкѣ, крестится и молитъ Бога послать дождь. «Я такъ и думалъ. Что?» — И онъ захохоталъ деревяннымъ смѣхомъ.

Генераль задышалъ было, но генеральша больно нажала ему каблукомъ на сапогъ.

Послѣ хозяйственнаго разговора Смольковъ перескочилъ на восхищеніе природой и продекламировалъ небольшое французское стихотвореніе. Затѣмъ спросилъ, знаетъ ли генеральша Собакиныхъ, и рассказалъ множество новостей о Собакиныхъ.

Алексѣю Алексѣвичу очень захотѣлось спросить про генерала Собакина, но онъ не хотѣлъ раскрывать рта. Смольковъ же, какъ нарочно, говорилъ только о знакомыхъ Собакина и перешелъ было къ анекдотамъ, тогда генераль, надвинувъ огромный козырекъ фуражки на глаза, воскликнулъ:

— Сотоварищъ мой, генераль Собакинъ, умеръ, жаль!

— Что вы, и не думалъ, — обрадовался Смольковъ, и рассказалъ и о Собакинѣ, и еще о десяти, по крайней мѣрѣ, генералахъ.

Подѣхали къ дому, всѣ взошли на крыльцо. Николай Николаевичъ снялъ шляпу и, сдѣлавъ постное лицо, сказалъ:

— Со свиданьемъ, генераль! — и полѣзъ троекратно цѣловаться, чему Алексѣй Алексѣвичъ былъ несказанно удивленъ, но и на этотъ разъ покорился.

Сегодняшній прїѣздъ Смолькова засталъ Степаниду Ивановну врасплохъ.

Афанасій встрѣтилъ Николая Николаевича въ одной рубахѣ — распояской, въ сѣняхъ мыли полы, а сама генеральша, думая, что прїѣхали изъ монастыря, вышла на крыльцо въ утреннемъ неглиже.

Словомъ, ни въ чемъ не удалось выдержать свѣтскаго тона, который Степанида Ивановна хотѣла сразу же установить со Смольковымъ, и, зная, что исправлять ошибки было бы смѣшно, поспѣшила представиться опростившейся помѣщицей. Она прослезилась, когда Николай Николаевичъ, войдя въ домъ, сталъ истово креститься въ пустой уголъ и поклонился въ поясъ, говоря:

— Я русскій человѣкъ и люблю все русское.

Поэтому она и повезла немедленно же Смолькова на гумно и всю дорогу говорила о хозяйствѣ. Николай Николаевичъ, ожидая найти двѣ старыя песочницы, нащупывалъ теперь подходящій тонъ, потому что оказалось — въ деревнѣ не кланяются другъ другу въ ноги, не носятъ на себѣ образовъ и не мажутъ голову коровьимъ масломъ.

Обѣдъ еще не былъ готовъ. Генеральша, поведя всѣхъ въ гостиную, начала легкій разговоръ... Николай Николаевичъ положилъ на колѣно ногу, обхватилъ ее у щиколотки и сдѣлалъ множество остроумныхъ замѣчаній, но видя, что генераль все еще хмурится, сказалъ со вздохомъ:

— Вы меня простите за болтовню, генераль, я болтаю, какъ ягненокъ.

— Гм, — сказалъ Алексѣй Алексѣевичъ, — пожалуй, болтайте...

Николай Николаевичъ поднялъ брови. Въ это время Афанасій, надѣвшій нитяныя перчатки и сѣрую куртку, доложилъ: «Кушать подано».

Степанида Ивановна взяла Смолькова подъ руку и повела въ столовую. Столъ былъ накрытъ старымъ серебромъ и цвѣтами. Генеральша извинилась за простоту. Смольковъ, прежде чѣмъ сѣсть, размахисто перекрестился:

— Люблю русскій обычай.

Сонечка взглянула на генерала, Алексѣй Алексѣевичъ толкнулъ ее колѣномъ и вдругъ, откинувшись на спинку стула, захохоталъ, тряся животомъ столъ.

— Что это? — спросила Степанида Ивановна, блѣднѣя, и поспѣшно обратилась къ Смолькову:

— У насъ простые обычаи, мы смѣемся и плачемъ, когда хотимъ...

Все же Николай Николаевичъ насторожился, — очень не понравился ему генеральскій смѣхъ.

Сонечка еле притрагивалась къ їдѣ. Украдкой, но внимательно, слѣдила она за всѣми перемѣнами Смолькова. То смѣшнымъ онъ ей казался, то слишкомъ сложнымъ. И все время она теряла ту легкую нить, по которой сущность одного человѣка переходитъ въ сердце другого. Генеральша дѣлала сердитые глаза, приказывая разговаривать. Сонечка хотѣла быть послушной, но не могла преодолѣть застѣнчивости. Николай Николаевичъ рѣшилъ пока не запугивать «захолустнаго птенца» и

довольствовался краткими ея отвѣтами. Отъ хорошаго вина и ѣды онъ повеселѣлъ и насмѣшилъ даже генерала. Степанида Ивановна была въ восторгѣ.

Послѣ обѣда Смольковъ поцѣловалъ ручку генеральши и вдругъ, разсѣяннo подойдя съ портсигаромъ въ рукахъ къ Алексѣю Алексѣевичу, воскликнулъ:

— Теперь послѣ ѣды и на боковую, генераль?

— Да, ужъ вы меня извините, — и Алексѣй Алексѣевичъ, разсердясь, бросилъ салфетку и ушелъ...

— Ахъ, у него желудокъ. — Генеральша, быстро выйдя изъ столовой, нагнала въ корридоръ генерала, который лѣнливо брелъ, ведя пальцемъ по обоямъ, и зашептала, дергая его за рукавъ.

— Ты, кажется, намѣренъ извести меня своими замѣчаніями!

— Степочка, онъ дуракъ, — сказалъ генераль, — неужели ты не видишь?

— Да, да, онъ женихъ Софьи и прошу тебя въ мои дѣла не вмѣшиваться. Понялъ?...

— Понялъ, — отвѣтилъ генераль и разсердился, — дѣлайте, что хотите, только, пожалуйста, чтобы онъ не лѣзъ ко мнѣ со своей рожей цѣловаться и все тамъ прочее...

Генеральша вернулась въ столовую и, взявъ Николая Николаевича подъ руку, повела къ себѣ.

Сонечка осталась стоять у окна, глядя передъ собой пустыми глазами:

— Боже, что то будетъ?

ГЛАВА ВОСЬМАЯ

— Вотъ мое скромное убѣжище, — сказала Степанида Ивановна, введя Смолькова въ спальню, — здѣсь я вспоминаю друзей, гляжу на ихъ портреты, думаю о прошломъ...

Она полулегла на канapé, прикрывъ платьемъ ноги. Николай Николаевичъ оглянулъ комнату.

На стѣнахъ висѣло множество портретовъ и миниатюръ, среди которыхъ онъ многихъ узналъ. На шифоньеркахъ и бюро стояли всевозможныя шкатулочки и бездѣлушки, трогательныя воспоминанія. Столы, кресла и диваны были старые, съ потемнѣвшей бронзой, хранящіе за обивкой засунутое когда-то письмо или платокъ.

— Все это напоминаетъ кабинетъ моей покойной матушки, — сказалъ Николай Николаевичъ, моргнувъ рѣсницами и склоняясь къ рукѣ генеральши.

— Рассказывайте, рассказывайте, — томно прошептала она, — что вамъ передала Лиза? Какъ вы надумали сюда пріѣхать?..

— Я не посмѣлъ послушаться вашихъ приказаній.

— Значить, вы читали письмо?

— Да.

Генеральша помолчала.

— Это мой другъ и собесѣдникъ, — вдругъ сказала она, показывая на попугая, — попочка, скажи «здравствуйте». Онъ спитъ, бѣдный... Я очень рада, Николай Николаевичъ, что

здѣсь вамъ нравится, я боялась — вы будете скучать. Какъ вы нашли Sophie?..

— Она очаровательна...

— Правда? Милое дитя и совсѣмъ наивна. Ея отецъ, Илья Леонтьевичъ, прекрасный воспитатель и хотя не богатъ, но даетъ за дочерью имѣніе по банковской описи въ тридцать тысячъ.

При этихъ словахъ Степанида Ивановна искоса поглядѣла на Смолькова, онъ же, замѣтивъ ея взглядъ, сдѣлалъ слегка оскорбленное лицо. Генеральша продолжала:

— Я люблю ясность, мой другъ, любовь въ шалашѣ — это для грековъ, но мы привыкли пользоваться комфортомъ... Что?

Смольковъ сдѣлалъ жестъ, говорящій: — «увы, мы не греки!» Генеральша приподнялась немного и, положивъ кончики пальцевъ на руку Николая Николаевича, взглянула проницательно.

— Мы старые друзья, не правда ли? Будьте со мной откровенны...

— Степанида Ивановна, — воскликнулъ Смольковъ глухимъ голосомъ, — я пріѣхалъ просить руки Софьи Ильинишны, но я не увѣренъ...

Генеральша облегченно вздохнула:

— Я такъ за нее боюсь, она молода, но я люблю васъ, милый другъ, и вѣрю, ахъ, ахъ, — она подняла къ глазамъ платочекъ, — любите ее, она ангелъ! Вы не вѣрите, какъ женщина чувствительна къ ласкѣ, семья — вотъ ея жизнь, а Соня...

Генеральша уже нюхала соль. Николай Николаевичъ тоже растроганный, объяснялъ, какъ страстно жаждетъ онъ домашняго очага...

Въ это время Люба принесла кофе и, нагнувшись, прошептала что-то Степанидѣ Ивановнѣ. Генеральша улыбнулась:

— Я хочу показать вамъ замѣчательную женщину... Люба, велите ей войти... О томъ, что мы говорили, пока ни слова, постарайтесь увлечь дѣвушку, а ваше сердце, я увѣрена, тотчасъ же будетъ въ плѣну. Теперь объ этой женщинѣ... Ее послалъ ко мнѣ Богъ, внезапно, когда я сомнѣвалась во всемъ... Она появилась ночью, вошла ко мнѣ, поклонилась въ ноги и сказала: — Мать, купи «Свинные Овражки»... (Я васъ посвящу въ мое дѣло)... И представьте, на слѣдующій день приѣзжаетъ игуменья и предлагаетъ «Овражки» за десять тысячъ. Я немедленно совершила купчую... — Въ это время дверь поскребли ногтемъ. — Вотъ и она. Здравствуй, Павлина. Какъ ты спала?

Николай Николаевичъ былъ крайне изумленъ, глядя на просунувшееся въ дверь рябое, ухмыляющееся, — похожее на спѣлую тыкву, курносое лицо, затѣмъ появилась и вся баба въ тепломъ платкѣ и въ ряскѣ, перепоясанной фартукомъ. Губы у бабы были такія толстыя, словно только что она поѣла киселя съ молокомъ. Павлина прокралась вдоль стѣны къ Степанидѣ Ивановнѣ, поцѣловала у нея ножку и сѣла на коверъ:

— Спала я, кормилица моя, какъ въ раю ангелы спятъ: на одно крылышко лягутъ, дру-

гимъ покроются, а голову въ перышки спрячутъ, такъ и я спала.

Послѣ этихъ словъ Павлина уставилась совершенно круглыми глазами на Николая Николаевича.

— Здравствуйте, — сказалъ онъ и поглядѣлъ на генеральшу, которая, касаясь плеча бабы, спросила:

— Знаешь, кто пріѣхалъ?

— Женихъ, — сказала Павлина быстро, — хватило бы на семерыхъ, а одной достался. Великій мужъ...

— Откуда вы меня знаете?

— А я всѣхъ знаю.

— Она феноменъ, — сказала генеральша.

— Женись, женись, — продолжала Павлина, — сонъ я про тебя видѣла. Охъ, лютой сонъ! Охъ, мать моя — мужъ мнѣ предсталъ, аккуратно на него схожій, весь огненный, силищи мужской — нечеловѣческой, такъ я съ постели и покатила безъ памяти.

— Это чертовски странно! — сказалъ Смольковъ.

Обрадованная генеральша сдѣлала значительные глаза: — Она умна и предвидитъ многое. Вы ей понравились, — это хорошій знакъ. А теперь идите въ садъ и разыщите вашу погубительницу. — Когда Смольковъ былъ уже у дверей, она громко прошептала: — У него крылья на ногахъ.

Смольковъ ушелъ. Генеральша нагнулась къ бабѣ:

— Ну, что — каковъ женихъ, Павлинушка?

— Жеребецъ, мать моя. Ты не смотри, что онъ тощій, — въ такихъ жилъ много.

— Какія ты глупости говоришь! — Генеральша закрыла глаза и принялась смѣяться, тряслась всѣмъ тѣломъ. Вытерла глаза: — Охъ, Павлинушка, только бы женился.

— Женится, лопни глаза. Отъ сладкаго еще никто не отказывался. А ты вотъ что послушай. — Павлина потянула генеральшу за рукавъ. — Жениха осмотрѣть надо. Можетъ онъ порченный, или у него гдѣ нибудь недохватка? Я тебя научу: какъ ему спать ложиться, — напущу я въ его постель блохъ. Ляжетъ онъ. Вскочить. Рубашку съ себя сорветъ, — тогда ты и гляди. Все увидишь.

Степанида Ивановна взглянула на бабу. Всплеснула руками и долго и много смѣялась. У ногъ ея хихикала Павлина.

Сонечка шла любимой своей липовой аллеей, добѣгающей до пруда, и повторяла въ умѣ всѣ слова, сказанныя Смольковымъ. Этотъ чловѣкъ страшилъ ее, привлекалъ, былъ совсѣмъ непонятенъ. Словами, движеніями, всей внѣшностью онъ замутилъ Сонечкинъ покой, какъ камень, брошенный въ прудъ.

Сонечка дошла до пруда и глядѣла на тихую воду. На ней плавали листочки ветель, какъ лодочки, бѣгали паучки, въ глубинѣ плавали головастики, — поднимаясь касались поверхности щекотнымъ ртомъ. Летали сцѣпившіяся коромысла. Сѣли на камышъ, качнулись, опять засверкали, — полетѣли. Изъ подъ ногъ

Сонечки шлепнулась въ прудъ лягушка, — и пошли круги, колебля листы, паучковъ и водоросли... Вдругъ мыслями ея нечаянно завладѣлъ другой образъ.

«Конечно, онъ нечаянно меня толкнулъ. Хотя черезчуръ ужъ смѣлъ». — Она начала краснѣть, уши ея стали пунцовыми. Она сломала вѣтку и ударила себя по щекамъ!

«Скверно не онъ, а я поступила, конечно, не нужно было ѣхать на возилкѣ, и потомъ такъ неловко упала... Фу, какъ нехорошо!.. Дался же мнѣ этотъ парень»...

Сонечка бросила вѣткой въ коромыслъ.

По берегамъ пруда росли старыя серебряныя плакучія ветлы, шумливо кидаящія вѣтви свои во время непогоды, теперь онѣ свѣсили ихъ лѣниво. Изъ тѣни на зацвѣтшую воду выплывалъ выводокъ утокъ, оставляя позади борозды, словно скользя въ зыбкомъ мху. Грачи неумолчно кричали надъ гнѣздами.

«А этотъ здѣсь ничего не пойметъ, — думала Сонечка, — «граблить сѣно». Никогда ему не скажу, какъ люблю все это, — она обвела глазами прудъ, мостки, плакучія ветлы. — Можетъ быть онъ увидитъ все это и станетъ моимъ? Нѣтъ, у моего черные глаза, черные кудри, онъ много думаетъ, на него можно молиться. А вдругъ взять и сказать: «я васъ не люблю, выйду за того, кого люблю».

Сонечка вздохнула:

— Господи, до чего я глупа! Смольковъ даже и не подумаетъ дѣлать предложеніе. Вотъ, скажетъ, глупая барышня, только глаза таращить...

Сонечка заложила руки за спину (привычку эту переняла отъ отца) и пошла назадъ по аллеѣ. Мысли ея были противорѣчивыя и все время три человѣка — герой мечтаній, сегоднѣшній красавецъ парень и Николай Николаевичъ вставали передъ глазами — то порознь, то сливаясь въ одного, награжденнаго качествами всѣхъ трехъ. Но о Смольковѣ проще было думать — онъ былъ дозволенъ и доступенъ. Понемногу съ остальныхъ перенесла Сонечка всѣ идеальныя качества на Смолькова. И, когда живой Николай Николаевичъ явился въ пятнистой отъ солнца аллеѣ и, морща губы, приподнялъ соломенную шапочку, она не узнала его и остановилась, положивъ руку на грудь.

— Здѣсь очаровательно, — сказалъ Смольковъ, — мнѣ давно хотѣлось пожить въ старомъ дворянскомъ гнѣздѣ, — очаровательно.

«Такіе парниковые огурцы бываютъ», — подумала Сонечка.

Смольковъ дотронулся до ея руки, заглянулъ въ глаза и что-то говорилъ слегка надтреснутымъ, точно непрспаннымъ голосомъ, — до Сонечки доходили лишь отдѣльныя слова, которыми она придавала свое значеніе...

— Я помѣшалъ вашей прогулкѣ, Софья Ильинишна, вы мечтали?..

«Какъ это мнѣ можно помѣшать, — дивилась она, — да отвѣчай же ему, дура!»

— Я всю жизнь мечталъ ходить по парку рядомъ съ любимымъ существомъ, но жизнь, Софья Ильинишна, тяжелая вещь...

— «Такъ вотъ что, онъ несчастный», — и сердцу Сонечки вдругъ стало мягче.

Они дошли до пруда: — Какая роскошь, — воскликнулъ Смольковъ, — здѣсь есть лодка? Мы покатаемся и вы споете? Да?

— Нѣтъ, — отвѣтила Сонечка, — лодка есть, только гнилая.

— Жаль, — Смольковъ сѣлъ на пенъ, прищурился и охватилъ колѣно, — я хотѣлъ, чтобы вы были со мной откровенны...

— Зачѣмъ?

Смольковъ сказалъ: — Гмъ! — И слегка покачивался на пнѣ, щурился на сіяющую воду. У него были изумительные шелковые носки, изумительная рубашка, изумительный галстукъ. Глаза, конечно, не тѣ, и носъ — слишкомъ великъ... Но все же... Сонечка даже пріоткрыла ротикъ, — такъ внимательно вглядывалась. Вдругъ, Смольковъ чихнулъ, поднялъ колѣнку и добродушно засмѣялся.

— А вы не глядите на солнышко, — сказала Сонечка, — а то опять чихнете...

— Великолѣпно! Я буду глядѣть на васъ. Можно? Вы будете мое маленькое солнце, даже лучше солнца, потому что я не буду чихать. Что? — Онъ, смѣясь, взялъ ея руку...

«Къ чему ведетъ?... Знаю къ чему ведетъ, — отчаянно стараясь не краснѣть, думала Сонечка. — Сейчасъ скажетъ — прошу вашей руки... Господи, помоги»...

— Софья Ильинишна, мнѣ нужно, нужно маленькое солнце, нѣжная, дѣвичья привязанность...

«Началось... Сейчасъ убѣгу»...

— Софья Ильинишна, прикосновение невинной руки цѣлитъ мою измученную душу. Я одинокъ, я усталъ... Я много жилъ, но люди оставили во мнѣ лишь горе... Къ чему я стремлюсь: — чистые взгляды, невинныя рѣчи... Природа... Голубые, голубые, ваши глаза... Серебристый смѣхъ... Боже, Боже... Я знаю — между нами — пропасть... Вы никогда не сможете мнѣ дать эту милостыню, — дѣвичью дружбу...

Все же его пальцы все выше пробирались по ея рукѣ. У Сонечки звенѣло въ головѣ. Она нѣсколько разъ глотнула. Ничего уже не было видно — ни пруда, ни ветель, ни лѣнивыхъ, бѣлыхъ облаковъ за рощей... Она упорно гладѣла на красныя искорки на галстукѣ Николая Николаевича... И такъ ничего ему не отвѣтила на всѣ слова, — въ жизни еще не было у нея такой застѣнчивости... Когда Николай Николаевичъ отпустилъ, наконецъ, ея руку, она стала пятиться и ушла не сразу, и ушла не такъ, вообще, какъ люди ходятъ, а какъ-то даже подскакивая... Сонечка ушла. Николай Николаевичъ сдвинулъ шляпу на затылокъ, закурилъ папироску: «Глупа на рѣдкость, — подумалъ онъ, — глупа, но мила, очень, очень мила. Гмъ... Но — глупа... И чертовски мила».

Сонечка пришла къ себѣ, упала на постель, обхватила подушку и лежала долго, какъ мертвая. Затѣмъ, быстро сѣла на кровати, запустила пальцы въ волосы — все, что произошло у пруда, перебрала въ памяти, — точно ножомъ себя царапала, — когда же вспомнила, какъ

уходила — въ припрыжку, — легла опять ничкомъ и заплакала, кусая губы.

Когда Сонечка наревѣлась и въ соленыхъ слезахъ выплакала острый стыдъ и свою застѣнчивость, неловкость и глупость, когда легче стало ненавидѣть себя и Смолькова, — овладѣло ею мрачное настроеніе:

«Про любовь въ романахъ пишутъ, да еще такія дуры, какъ я, о ней мечтаютъ. А въ жизни никакой любви — нѣтъ. Замужъ выходятъ потому что — нужно, или потому что — уважаютъ человѣка. Любовь приходитъ послѣ брака въ видѣ преданности мужу. Да, да. Любовь до брака — вредная страсть. Поменьше о себѣ думай, очень спѣсива. Можешь дать человѣку счастье въ жизни — вотъ тебѣ и награда. Все равно — подъ холмикъ ляжешь, въ землю, подъ деревцо... Не очень-то распрыгивайся, мать моя»...

Мрачно прошелъ для Сонечки этотъ день. Она сходила къ полднику и къ ужину. Старалась не встрѣчаться глазами со Смольковымъ. Онъ былъ веселъ, острилъ, рассказывалъ анекдоты изъ военной жизни. Генеральша мелко, не переставая, смѣялась. Генераль тоже похохатывалъ...

Сонечка сослалась на головную боль и ушла наверхъ. Поглядѣла, въ послѣдній разъ, на себя въ зеркало, подумала: «Тоже, рожа», съ горькимъ вздохомъ раздѣлась, и, вытянувшись въ прохладной постели, раскрыла глаза въ темноту.

Въ полночь въ дверь постучали. Сонечка похолодѣла и не отвѣтила. Дверь безъ скрипа пріотворилась, и вошла Степанида Ивановна въ ночной кофтѣ и въ рогатомъ чепцѣ. Лицо у нея было странное, точно густо, густо напудренное. Ротикъ кривился. Свѣча прыгала въ сухонькомъ кулачкѣ. Генеральша подошла къ постели, освѣтила приподнявшуюся съ подушекъ Сонечку и громкимъ шепотомъ спросила:

— Замужъ хочешь?

Лицо у генеральши было, какъ у мертвеца, глаза закатывались, сухой ротикъ съ трудомъ выпускалъ слова.

— Замужъ хочется тебѣ? — переспросила она, и пальчики ея вцѣпились въ плечо Сонечки. Она откинулась къ стѣнѣ, пролепетала:

— Бабушка, что вы, я боюсь.

— Слушай, — генеральша наклонилась къ уху дѣвушки, — я сейчасъ смотрѣла на него, онъ всю рубашку на себѣ изорвалъ, въ клочки.

— Что вы? О чемъ? Кто рубашку изорвалъ?

— Смольковъ. Павлина такъ устроила, придумала... Онъ настоящій мужчина. Софочка, я давно не видала такихъ... Будешь съ нимъ счастлива.

И генеральша, внезапно обнявъ дѣвушку за плечи, принялась рассказывать о томъ, что считала необходимымъ передать дѣвушкѣ, готовящейся стать женой. Говорила она съ подробностями, трясла рогатымъ чепцомъ, пере-

бирала пальцами. Угловая, рогатая ея тѣнь на стѣнѣ качалась, кланялась, вздрагивала.

Сонечка не пропустила ни звука изъ ея словъ, и, внимая, чувствовала, что проваливается въ какой-то бездонный стыдъ и ужасъ...

— Больно это и грѣшно, — шептала генеральша, — самый страшный грѣхъ на свѣтѣ — любовь, потому ея такъ и хотятъ, умираютъ и хотятъ, и въ гробу нѣтъ покоя человѣку...

Долго еще бормотала Степанида Ивановна, подъ конецъ совсѣмъ несвязное, и не замѣчала, что Сонечка уже лежала ничкомъ, не двигаясь. Тронувъ холодное лицо дѣвушки, генеральша пронзительно вскрикнула и принялась звонить въ колокольчикъ.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ

Дней черезъ пять Павлина увидѣла сонъ первѣйшей важности. Сны видѣла Павлина часто, на всѣ случаи жизни, сама по себѣ и по приказанію Степаниды Ивановны.

Но эта особенность не была прирожденной, а накатила на нее послѣ одного случая съ офицерами. До того жила она при монастырѣ, и за свое безобразіе исполняла должность привратницы.

— Черезъ тебя, сестра, и дьяволъ не перескочить, — говорила ей мать Голендуха и спала спокойно. Павлина обитала въ келейкѣ у воротъ, стучала по ночамъ гвоздемъ въ чугунную доску.

Въ то время въ монастырѣ жила чернобровая веселая монашенка, за свое пѣніе прозванная «дудка веселуха», имѣла она обязанность ухаживать за мірянами, прїѣзжавшими во время праздниковъ. Однажды заѣхали въ монастырь бывшіе въ тѣхъ мѣстахъ два офицера. Понравилась ли имъ тихая обитель, засыпанная снѣгомъ, или напугалъ буранъ, но только они остались ночевать въ пустой кельѣ. Увидѣли чернобровую сестру «дудку веселуху», влюбились и рѣшили ее увезти... Часъ побѣга назначенъ былъ подъ крещенскій сочельникъ, когда бѣсовское племя такъ и шмыгаетъ по всѣмъ заповѣднымъ мѣстамъ, и монашенки запираются по кельямъ, шепча со страхомъ отговорныя молитвы. Приготовили офицеры коней и возокъ, но мать Голендуха все это пронюхала, допытгала красавицу и съ утра заперла ее на ключъ.

Ничего не вѣдая, прискакали на тройкѣ офицеры въ назначенный часъ и постучали замочнымъ кольцомъ, ожидая, что, по уговору, выйдетъ къ нимъ чернобровая красавица. Дѣйствительно, ворота прїоткрылись и просунулась закутанная голова Павлины, вглядываясь — кого Богъ послалъ въ такую темную ночь?

— Садись! Живѣй! Ходу! — кликнули офицеры, схватили привратницу, положили на возокъ, одинъ вскочилъ рядомъ съ ямщикомъ, другой — застегнулъ полость и помчались. Павлина молчала. Кровь у офицера — военная, не теряя времени обнялъ онъ Павлину и, ободренный ея молчаніемъ, не посмотрѣлъ ни на возокъ, ни на зимнее время. Павлина и тутъ

смолчала. Офицеръ удивился: — Хорошо ли спрашивается, — тебѣ душенька?

— Хорошо, — отвѣтила ему Павлина медвѣжьимъ голосомъ.

Офицеръ сейчасъ же зажегъ спичку и, увидя передъ собой лицо привратницы, вскрикнулъ не своимъ голосомъ и, на всемъ ходу, выкинулъ Павлину изъ саней въ снѣгъ. Такъ она и осталась лежать въ снѣгу у дороги, пока на разсвѣтѣ не прибѣжали монашки... Обступили онѣ Павлину и спрашиваютъ:

— Что съ тобой, милая?

— Бѣсъ меня искушалъ.

— Какой бѣсъ?

— Въ огненномъ образѣ.

— Что же ты не кричала, голосъ не подала...

— И, милыя, не всякій день бѣсъ искушаетъ, а этотъ былъ со шпорами.

Больше ничего и не добились отъ глупой привратницы. Сѣла она опять у воротъ, но глянула на дорогу и затосковала.

— Уйду я, — мать игуменья, пускай бѣса изъ меня лютыми вѣтрами выдуетъ.

Собрала Павлина котомку и пошла по лютымъ вѣтрамъ, надѣясь втайнѣ — не встрѣтитъ ли опять двухъ бѣсовъ.

И съ той поры начала видѣть всевозможные сны.

Бродила Павлина три года, питаюсь подаяніемъ. Иногда заживалась у помѣщиковъ, у вдовыхъ купчихъ. Иногда возвращалась въ монастырь, исполняла въ міру кое-какія порученія матери Голендухи.

Такъ попала она къ Степанидѣ Ивановнѣ, и теперь видѣла сны о «Свиныхъ Овражкахъ».

Степанида Ивановна, наладивъ сватовство и приведя Сонечку въ крайнее возбужденіе, написала Рѣпьеву о предстоящей свадьбѣ, и теперь снова предалась прерванному дѣлу.

Но на первыхъ же порахъ возникли затрудненія: хотя «Овражки» и планъ подземелій были пріобрѣтены, но никто изъ монастырскихъ не могъ, или не хотѣлъ указать мѣста, откуда начать копать. Второй уже день партія землекоповъ, нанятая Афанасіемъ, курила цыгарки на бугрѣ близъ овражка, а генеральша въ отчаяніи гадала и раздумывала, и разъ двадцать посылала Афанасія осматривать заколдованное мѣсто.

Сегодня, наконецъ, Павлина увидѣла жданный сонъ и рассказала его обрадованной Степанидѣ Ивановнѣ.

— Нѣкій мужъ, — говорила Павлина, — явился мнѣ во облакѣ и указалъ перстомъ: крутись, говоритъ, раба, вокругъ себя десять и еще три раза, гдѣ остановишься, тамъ и бросай камень черезъ плечо. Гдѣ падетъ камень, тамъ мѣсто сіе... Сказалъ мужъ сіе и подалъ камень.

Павлина бережно развертывала тряпицы и показывала Степанидѣ Ивановнѣ камень.

— Пойми же, — говорила генеральша, — мы не знаемъ мѣста откуда крутиться начать...

— Этого мнѣ нѣкій мужъ не говорилъ, — вздыхала Павлина, — надо опять поспать.

— Когда же ты? Раньше вечера не заснешь,

а рабочіе ждутъ. Ахъ, Павлина, всегда что нибудь напутаешь...

— Развѣ Афанасія позвать?

— Поди, позови Афанасія.

Павлина убѣжала и сейчасъ вернулась съ Афанасіемъ.

— Придумалъ ты что нибудь? — съ тоской спросила генеральша.

— Не извольте беспокоиться, ваше превосходительство, весь оврагъ излазилъ.

— Нашелъ что нибудь?

— Не извольте беспокоиться, все въ порядкѣ...

Афанасій подалъ генеральшѣ кусокъ кирпича.

— Старинный, ваше превосходительство, отъ самаго подземнаго мѣста отломался, не извольте беспокоиться.

— Кирпичъ, — воскликнула генеральша и набожно перекрестилась. — Слава Богу! Ъдемъ!.. Веди, Афанасій, рабочихъ, вели мнѣ подавать коляску.

И Степанида Ивановна, взволнованная, пошла къ Алексѣю Алексѣвичу.

Генераль за эти пять дней махнулъ рукой на семейныя дѣла...

Попытки его «отбрить» и выжить Смолькова въ самомъ началѣ были генеральшей прекращены. Сонечку, очевидно, женихъ волновалъ, а самъ Смольковъ проявилъ столько веселости и добродушія въ отвѣтъ на генеральскіе подкобы, что Алексѣй Алексѣвичъ однажды за столомъ объявилъ:

— Изморомъ меня взяли, быть по-вашему!

— и занялся хозяйствомъ, чтобы разсѣять скуку. Для начала придумалъ онъ проектъ особенной зерносушилки и велѣлъ кузнецу сдѣлать желѣзную трубу съ дырочками. Трубу сдѣлали, но погода назло стояла отличная, и хлѣбъ не подмокалъ. Тогда генераль рѣшилъ въ трубѣ вялить яблоки, чтобы всю зиму кормить рабочихъ компотомъ: — отъ такой пищи, онъ высчиталъ, производительность мужика увеличится на семь процентовъ. За опытомъ надъ новымъ проектомъ и застала генеральша Алексѣя Алексѣевича: — стоя у окна, палочкой перемѣшивалъ онъ высыхающія на солнцѣ яблоки и отгонялъ мухъ...

— Алексѣй, — воскликнула генеральша, — благослови меня, я начинаю...

— Дай тебѣ Богъ, Степочка, — только трать поменьше денегъ, все-таки, знаешь ли...

— Ахъ, опять не довѣряешь, — жалобно воскликнула генеральша, — руки опускаются. Пойми, — не для богатства, не изъ каприза ищу я этотъ кладъ, а для славы твоего имени. Сейчасъ ничего не скажу, но потомъ ты узнаешь. Тебя, Алексѣй, ждутъ не только слава и почести, но могущество.

— Ну куда мнѣ его, Степочка. Вотъ яблоки...

— Ты рожденъ подъ счастливой звѣздой, Алексѣй. Твоя бабка Вальдштремъ... Это шведская, королевская кровь... Подумай объ этомъ...

Степанида Ивановна подняла палецъ, чепецъ ея сдвинулся на бокъ, на щекахъ проступили красныя пятна.

«Свинными Овражками» называлась неглубокая котловина, поросшая шиповникомъ и бурьяномъ, на перевалѣ между Гнилопятами и монастыремъ.

Со стороны монастыря, откуда начиналась дубовая рощица, лежали на бугрѣ остатки строенія, — изъ него уцѣлѣли нѣсколько ступеней и часть рухнувшей стѣны, овитая плющемъ... Между камней росъ шиповникъ, и корни деревьевъ разрушали неизвѣстно кѣмъ и когда построенное это жилище. Отъ ступеней оврагъ круто падалъ внизъ въ высокій бурьянъ, и снова поднимался уже полого, вплоть до голаго выгона Гнилопятскихъ луговъ. Считая развалины и уголь рощи, площадь «Свинныхъ Овражекъ» не превышала пяти десятинъ.

Перегнавъ по дорогѣ рабочихъ, Степанида Ивановна оставила лошадей у края овражка и пошла пѣшкомъ внизъ черезъ кусты, которые заботливо передъ ней раздвигалъ Афанасій.

— Гдѣ же, гдѣ твое мѣсто? — повторяла генеральша, задыхаясь отъ трудной ходьбы и волненія.

Афанасій смотрѣлъ подъ ноги, нагибался, легъ даже на землю отъ расторопности и наконецъ воскликнулъ, ударивъ сапогомъ ветхій камень:

— Сюда становись, Павлина, начинай...

Павлина осторожно развернула изъ тряпицы камень, пожала дѣловито губы, попросила генеральшу и Афанасія отойти и, вдругъ, забормотала источнымъ голосомъ, закрутилась и

кинула камень черезъ плечо. Генеральша подбѣжала къ тому мѣсту и увидала, что вокругъ павлининаго камня на землѣ набросанъ щебенъ...

— Кирпичъ самъ изъ земли пошелъ, — сказала Павлина, — копайте!

Рабочіе осмотрѣли мѣсто, побросали въ траву одежду и баклажки, поплевали на руки и стали копать, но не очень шибко. Когда же генеральша, разгнѣванная ихъ лѣнью, обозвала мужиковъ безсовѣстными, — старшой сказалъ:

— Намъ бы уваженіе отъ тебя увидать, барыня...

— Все, все будетъ, только копайте. Что вы хотите? Водки?..

— Безъ вина не наша вина, — сказали мужики, — вина поднесешь, сами руки заходятъ...

Афанасій на пристяжной поскакалъ въ Гнилопята за водкой. Рабочіе быстро очистили мѣсто отъ корней и щебня и стали копать въ глубь.

— Вы зря-то не ковыряйте, — говорилъ старшой, — ты линію найди, какъ линію найдешь, такъ она и пойдетъ сама тебѣ галдареей...

— Кирпичъ, — сказалъ одинъ рабочій.

— Вѣрно, кирпичъ, — сказалъ другой рабочій, осторожно обтирая съ кирпича прахъ.

— Нашли, Степанида Ивановна, — сказалъ старшой, — галдарея...

Степанида Ивановна сама влѣзла въ яму и глядѣла по плану. Но кирпичъ оказался единственнымъ и, порывъ еще немного, рѣшили рабочіе копать рядомъ. Скоро, однако, они

утомились и сѣли курить. Генеральша въ отчаяніи пошла на гору посмотриѣть, не ѣдетъ ли Афанасій съ водкой...

Наконецъ, Афанасій прискакалъ. Мужики сняли шапки и каждый изъ стаканчика медленно потянулъ вино, словно полагая, что встанетъ въ жилахъ его богатырская сила... Выпивъ, поблагодарили и безъ шутокъ быстро принялись рыть. На новомъ мѣстѣ открылись стѣны кирпичнаго колодца, идущаго наклонно внизъ. Степанида Ивановна всѣхъ благодарила и, сядя въ коляску, сказала Павлинѣ:

— Сегодня, Павлинушка, всю ночь не буду спать.

Въ это время Сонечка и Николай Николаевичъ сидѣли въ саду на качеляхъ, тихо покачиваясь. Сонечка похорошѣла за эти дни и похудѣла такъ, что подъ вѣками легли у нея тѣни, глаза блестѣли. Держась за веревку, она отталкивалась ногой въ синемъ шелковомъ чулкѣ — подаркѣ бабушки — и говорила безъ умолку, боясь молчанія, той напряженности, когда сердце громко стучить и понимаются затаенныя мысли.

На полянѣ, позади качелей, на грядкахъ росли огурцы, — Сонечкѣ очень хотѣлось сорвать одинъ изъ нихъ и дать Николаю Николаевичу; Смольковъ же все время намѣревался поцѣловать дѣвушку въ шею, гдѣ завиваются волоски. Глядя на краснѣющее отъ стыда это мѣсто, онъ вдругъ спросилъ:

— А что дѣдушка вашъ цѣлуетъ еще бабушку, или уже нѣтъ?..

Сонечка взглянула на него, ахнула и медленно засмѣялась.

— Какія вы глупости говорите?

— Нѣтъ отчего, бабушка по моему еще очень красива.

— Знаете, у нея разъ карандашъ весь вышелъ, которымъ брови подводятъ, я ей обожженную пробку принесла, такъ вотъ она такія себѣ брови намазала...

— Вы злая.

— По-вашему, — въ самомъ дѣлѣ, я злая?

— Конечно, я, напримѣръ, очень хочу одну вещь сдѣлать, а вы мнѣ не позволяете...

— Какую? — Сонечкина рука крѣпко сжала веревку, — ну, вы что-нибудь мудреное попросите.

— Можно шейку поцѣловать, одинъ разъ?

Одну только минуту подумала она: «что со мной, все, какъ во снѣ!», но опять засмѣялась, отодвигаясь. Николай Николаевичъ нагнулся и нѣжно ее поцѣловалъ. Она пріоткрыла ротъ.

— Съѣшьте огурецъ, я вамъ принесу, — Сонечка, прыгнувъ съ качелей, нагнулась надъ огуречными листьями. Николай Николаевичъ, не отрываясь, глядѣлъ на ея спину. Сонечка подала ему огурецъ, съ одной стороны пожелтѣвшій, и опять сѣла на качели близко къ жениху.

На дняхъ Смольковъ сдѣлалъ предложеніе. Случилось это просто и какъ-то никого не удивило. Одѣтый въ сюртукъ, при шляпѣ, онъ вошелъ къ Сонечкѣ въ комнату, извинился,

сѣлъ на стулъ и заговорилъ о значеніи семьи для государства. Глаза его были полузакрыты и все лицо каменное, точно передъ нимъ у окна стояла не Сонечка, а какой-нибудь министръ. Затѣмъ, кончивъ вступленіе, онъ подошелъ на три шага и, совсѣмъ закрывъ глаза, предложилъ быть его женой... Сонечка ахнула только. Онъ ушелъ и немедленно ворвалась генеральша, обняла дѣвушку, поздравила, а про Смолькова выразилась, что онъ «идеальный мужъ». Съ этой минуты все стало, какъ сонъ.

— Дни, какъ черепахи, ползутъ, — говорилъ Николай Николаевичъ, грызя огурецъ, — еще семь дней до свадьбы, а мнѣ кажется конца этому не будетъ.

— А я такъ рада, что побольше времени до свадьбы остается...

— Почему же вы рады?..

— Такъ, рада...

— Я знаю почему — трусите.

— Чего же я буду трусить, вотъ тоже...

Она усмѣхнулась. Николай Николаевичъ осторожно обнялъ ее, сначала легко, потомъ все крѣпче, отыскалъ губами ея ротъ и медленно, мучительно и безстыдно поцѣловалъ. Сонечка, вся пунцовая, вырвалась, закрыла лицо.

— Степанида Ивановна пріѣхала, — съ трудомъ выговорилъ Смольковъ, — пойду встрѣчать.

И, не оборачиваясь, онъ ушелъ, а Сонечка осталась сидѣть на качеляхъ. Возбужденіе ея сразу упало, опустились руки. Нѣсколько часовъ смѣха, двусмысленностей и, ставшихъ осо-

бенно легкими, кокетливыхъ движеній утомили Сонечку и теперь ей было гадливо, и съ отвращеніемъ глядѣла она на безсовѣстные свои чулки, одѣтые напоказъ, на вымазанныя съ вечера кремомъ, по совѣту генеральши, руки. Даже въ легонькомъ, новомъ платьѣ не было невинности.

«Откуда все это у меня взялось, — то-скливо думала она, — какъ онъ меня не оставитъ, вѣдь я, Богъ знаетъ, до чего дойду»...

Она передернула плечами и поглядѣла туда, гдѣ за косматыми ветлами садилось красное передъ ненастьемъ солнце. Лиловыя тучи багровѣли по разодраннымъ краямъ, — въ нихъ было грозное, тяжелое предчувствіе. Въ саду затихли птицы, только дикій голубъ все еще тосковалъ, сидя на верхушкѣ березы.

«И этому я стану чужая, — подумала Сонечка, — онъ любить ли меня? Должно быть — любить. Надо очень строго слѣдить за собой. Буду больше молчать, не надѣну больше этихъ чулокъ со стрѣлками. Такъ просто: перестану кривляться и скажу — я васъ должно быть очень люблю, милый мой, милый Николай».

Она долго сидѣла, держась за веревку качелей, положивъ голову на руку. Когда не-вдалекѣ послышался голосъ Смолькова, идуща-го съ генеральшей, выступили отъ умиленія слезы у Сонечки на глазахъ, захотѣлось тот-часъ же подойти и сказать что-нибудь очень душевное.

За ужиномъ она глядѣла на Смолькова «собачьими», какъ онъ опредѣлилъ, глазами. Ге-

неральша, подергиваясь, рассказывала о какихъ-то кирпичахъ. У Николая Николаевича разболѣлась голова отъ волненія и вина, и онъ, захвативъ свѣчу, ушелъ къ себѣ.

Поставивъ свѣчу около кровати, Смольковъ снялъ пиджакъ, сунулъ руки въ карманы, и, наклонясь надъ Сонечкиной карточкой, закусилъ нижнюю губу.

— Больше не могу, — прошепталъ онъ, вдыхая свѣжій воздухъ, — монастырь, чортъ его возьми, какой-то! Цѣловаться на качеляхъ! Конечно, она можетъ ждать хоть сто лѣтъ — птенецъ. А я что? — Столбъ безчувственный?

Онъ забѣгалъ по комнатѣ, думая все объ одномъ, на чемъ мысли сосредоточились, какъ въ фокусѣ, — точка эта была страшно чувствительна, остальной міръ понемногу темнѣлъ, отпадая. Стали различимы запахи старыхъ книгъ, ветхой мебели, сада и неуловимыхъ женскихъ духовъ, пропитавшихъ старую мебель, на которой Богъ знаетъ кто сидѣлъ.

Наконецъ Смольковъ остановился посреди комнаты, медленно провелъ языкомъ по высохшимъ губамъ, взмахнулъ рукой, точно говоря: «Ну, что же я могу тутъ подѣлать!» отворилъ дверь и громко прошепталъ: — «Афанасій».

Афанасій пришелъ и сталъ затворять окно, но Николай Николаевичъ, потрепавъ его по плечу, сказалъ пересмякшимъ голосомъ:

— Послушай, другъ, какъ у васъ насчетъ этого самого?..

— Это насчетъ чего?..

— Ну, этого самого, понимаешь, женщины?

— Что вы, баринъ, — осклабясь отвѣтилъ Афанасій, — мы этимъ не занимаемся.

— Гдѣ нибудь на селѣ навѣрно есть, что?..

— На селѣ какъ дѣвкамъ не быть, только вамъ не понравятся. Солдатка есть, та ничего, чистая.

— Ну вотъ, вотъ, своди меня къ солдаткѣ, голубчикъ. — Сейчасъ я переодѣнусь... постой... вотъ тебѣ на чай полтинникъ. Такъ ничего солдатка-то... а?

— Солдатка — ничего, мягкая.

Спустя время, осторожно, черезъ черный ходъ, пробрались Смольковъ съ Афанасіемъ въ садъ, миновали сырыя аллеи, плотину и побѣжали лугомъ до села.

У крайней избы, въ травѣ на пригоркѣ сидѣли три дѣвушки и негромко пѣли; въ темнотѣ лица ихъ подъ платками казались маленькими и странно блестѣли глаза. Афанасій, словно мимоходомъ, подошелъ къ нимъ, поклонился, разведя руками:

— Наша вашимъ съ кисточкой!

— Кто такіе? — спросила одна недружелюбно.

— Хуторскіе, позвольте посидѣть съ вами.

Дѣвушки переглянулись, засмѣялись и одна сказала:

— Нѣтъ ужъ, идите, откуда пришли.

Афанасій обидѣлся, влѣзъ въ разговоръ, но Николай Николаевичъ потянулъ его за рукавъ, шепча:

— Пойдемъ, пойдемъ, къ солдаткѣ...

— Придете на хуторъ — я вамъ припомню,

— пригрозилъ Афанасій дѣвкамъ. Онѣ что-то крикнули вдогонку, затѣмъ было видно, какъ поднялись, побѣжали въ темноту.

Къ солдаткиной избѣ нужно было итти по задамъ, перелѣзть черезъ плетень и насвистать собаку, которая сначала кинулась съ лаемъ, но, узнавъ голосъ Афанасія, побѣжала впередъ. Боязливо на нее поглядывая, Николай Николаевичъ покорно прыгалъ въ какія-то канавы, изорвалъ штаны, промокъ, попавъ въ навозную жижу и, наконецъ, выйдя на пустой дворикъ, увидалъ стоящую на крыльцѣ высокую бабу.

— Марина, — бойко сказалъ Афанасій, — принимай гостей.

— Ахъ, батюшки, я-то испугалась, — низкимъ, веселымъ голосомъ молвила баба, — что же, если съ добромъ, заходите! А это кто? — шепнула она Афанасію и, послѣ отвѣта, еще привѣтливѣе закачала головой. Николай Николаевичъ снялъ шляпу, поклонился и взошелъ на крыльцо, но въ избу Марина его не ввела, а осталась въ сѣняхъ, сѣвъ на кровать. Привыкшіе къ темнотѣ глаза Смолькова различили постель со множествомъ подушекъ (воображаю, подумалъ онъ, — каковы подушки), дойницу съ молокомъ и зыбку, висящую около на ремнѣ.

— Въ избѣ сестрица больная лежитъ, — прошептала солдатка и весело поглядѣла Николаю Николаевичу въ лицо.

— Ну, какъ же ты? — спросилъ Смольковъ, повертѣлся и обнялъ бабу.

Марина засмѣялась, освободилась:

— Вино будете пить?

— Да, да, вотъ — рубль. Купите вина.

Афанасій взялъ деньги и побѣждалъ за виномъ къ какой-то своей кумѣ. Николай Николаевичъ остался, наконецъ, вдвоемъ съ женщиной и, сердясь на свою непредпріимчивость, придумывалъ, что бы такое ей сказать, чтобы разрушить странную эту, какую-то необычайно простую дѣйствительность.

— Почему ты меня не поцѣлуешь? — сказалъ онъ томно и подумалъ: «пахнетъ молокомъ и чѣмъ-то съѣстнымъ, не то печенымъ».

— Чего? — совсѣмъ уже весело спросила Марина и, закрывъ ротъ ладонью, проговорила, вся трясясь отъ веселости: — Что это вы, баринъ, ко мнѣ пришли... ну, и баринъ!

Затѣмъ, не выдержавъ, она стала смѣяться такъ, что затряслась и заскрипѣла кровать.

Смольковъ разсердился: страсть его уменьшалась съ каждой секундой; онъ засопѣлъ, хотѣлъ выругать глупую бабу, но животъ его самъ по себѣ началъ подпрыгивать и Николай Николаевичъ, хвативъ Марину по спинѣ ладонью, визгливо захохоталъ. — Дура, вотъ дура!

— Я думала онъ насчетъ молока, а онъ — вонъ зачѣмъ явился, — плача отъ смѣха говорила Марина. Николай Николаевичъ началъ уже чувствовать къ ней что-то въ родѣ родственнаго добродушія и, придвинувшись ближе, ударилъ ее по спинѣ. Она пхнула его подъ бокъ. Оба они покатывались со смѣху. Незвѣстно, — долго ли бы продолжалась эта игра, но, вдругъ, въ свѣтломъ четырехугольникѣ двери появился Афанасій:

— Бѣда, баринъ, — проговорилъ онъ испуганной скороговоркой, — дѣвки къ намъ ребята подослали... Бросайте бабу, бѣгимте...

Дѣйствительно, на улицѣ были уже слышны голоса, шопотъ. Ударили въ ворота... Николай Николаевичъ выбѣжалъ на дворъ. Черезъ ворота, черезъ плетень лѣзли парни. Николай Николаевичъ завизжалъ и пустился бѣжать по задамъ, черезъ канавы и плетни... За нимъ, молча, рысью летѣлъ Афанасій. А сзади, топая сапожищами, неслись парни, вскрикивая дикими голосами такъ страшно, что волосы у Николая Николаевича стояли дыбомъ...

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ

Утромъ, въ темной каморкѣ за лѣстницей, на лежанкѣ сидѣлъ Афанасій съ Павлиной и не то чтобы разговаривали, но кряхтѣли больше да почесывались.

Передъ ними на столѣ, за ветхостью отнесеннымъ изъ парадныхъ комнатъ въ лакейскую, попискивалъ послѣднюю пѣсню самоваръ, въ топлennomъ молокѣ плавала деревянная ложка... Особенно вздыхалъ и почесывался Афанасій, съ утра сегодня бѣгавшій два раза въ село и на «Свинные Овражки». Павлина, умильно на него поглядывая, благообразно икала послѣ чаепитія, крестила ротъ. Конечно, Павлина могла бы и не икать, но дѣлала это, чтобы показать, какъ она вотъ и сыта, и довольна, — а когда чело-

вѣкъ сытъ и доволенъ, не грѣхъ ему и побаловаться.

— Полно, соколъ, вздыхать, — говорила Павлина, — не ропщи, тепло тебѣ и сытно, куда же еще больше? А что грѣховъ полонъ ротъ, такъ на томъ свѣтѣ все равно простятъ, — мы неученые.

— Ерунду ты, баба, мелешь, — отвѣчалъ ей Афанасій; — отроду тебѣ ходить въ лаптяхъ, а мы въ шавровыхъ башмачкахъ ходимъ... Скажи вотъ лучше, что дѣлать? — генеральша-то наша совсѣмъ сбѣсилась: копайте, говоритъ, дальше, ничего я знать не хочу...

— Пѣтуховъ купилъ?

— Десять рублей выдала, птицъ двѣнадцать штукъ купилъ. Только по моему пѣтухи въ этомъ дѣлѣ ни къ селу, ни къ городу. Что за глупость, — пѣтухъ! Пѣтухъ — обыкновенная птица цыпакъ. Эхъ, дура ты, баба.

— Безъ пѣтуха шагу нельзя ступить, — ты, соколъ, уменъ, да мало понимаешь...

— Охъ, а ты много знаешь.

— Какъ мнѣ не знать, — наши монастырскіе чай три года въ этомъ мѣстѣ копали, да бросили, — взятыся не умѣли...

— А ты умѣешь?

Павлина опустила глаза, поджала губы, степенно вздохнула. Афанасій поглядѣлъ на нее, подумалъ: — «Шельма, баба».

— Генеральша что теперь дѣлаетъ, надо бы ужъ ѣхать, — сказалъ онъ.

— Генеральша письмо читаетъ.

Афанасій потянулся, лѣниво спрыгнулъ съ лежанки:

— Вотъ что я тебѣ скажу, а ты помни, противъ меня не иди — плохо будетъ, а вмѣстѣ за дѣло возьмемся — деньгу зашибемъ, — при этихъ словахъ Афанасій трыкнулъ языкомъ, ткнулъ бабу подъ микитку и, захвативъ изъ сѣней лукошко съ пѣтухами, поѣхалъ на работы.

Степанида Ивановна дѣйствительно читала въ это время письмо, собравъ всѣхъ у себя въ комнатѣ. Письмо было отъ Ильи Леонтьевича — четыре страницы, исписанныя мелкимъ и четкимъ почеркомъ.

«Благодарю васъ за ваши сердечныя заботы о дочери моей, — писалъ Рѣпьевъ. — Господь милостивъ, пославъ мнѣ такихъ друзей. Въ лицѣ же будущаго любезнаго зятя я увѣренъ встрѣтить твердаго христіанина и наставника моей дочери. Такъ я сужу по вашему о немъ отзыву и заранѣе радуюсь счастью Софьи. На бракосочетаніе пріѣхать не могу — привязываютъ меня къ дому хозяйственныя заботы. Кромѣ того считаю, что столь важный шагъ въ жизни молодыхъ людей долженъ быть совершенъ скромно, по возможности безъ свидѣтелей. Прошу поэтому много не тратить на свадебныя приготовленія, а необходимыя издержки возмѣщу тотчасъ же переводомъ денегъ. Приданное Софьи давно готово. Въ имѣніи ея, Сосновка, озимыя засѣяны и паръ вспаханъ, — все въ порядкѣ. Пріѣдутъ молодые, пускай вьютъ себѣ гнѣздо».

Послѣ этого слѣдовали: благодарность генералу и генеральшѣ, Сонечкѣ родительское благословеніе, жениху — сердечный привѣтъ.

Сонечка очень огорчилась отказомъ отца прі-

ѣхать на свадьбу, потому что знала — если онъ, увидавъ ея жениха и поговоривъ, одобритъ, всѣ сомнѣнія ея улетятъ, какъ дымъ, и она будетъ спокойна и счастлива.

Пожалѣлъ и Алексѣй Алексѣвичъ, давно ему хотѣлось повидать стараго друга. Но видно ужъ до смерти не придется.

Степанида Ивановна, обнявъ и перекрестивъ Сонечку и Николая Николаевича и, заставивъ то же продѣлать генерала, послала къ сельскому попу приказаніе — оглашать молодыхъ. Пришла съ вѣромъ въ рукахъ на канapé, рассказала о какой-то Симичевой, которая кому-то послала письмо, а сама внезапно вышла замужъ, — причемъ никто о Симичевой ничего не понималъ, и собралась ѣхать на раскопки, приглашая съ собой Смолькова и Сонечку.

По дорогѣ она рассказала, что работа на «Свиныхъ Овражкахъ» до сегодняшняго дня шла успѣшно. Вынувъ изнутри кирпичнаго колодца землю, рабочіе наткнулись на сводъ, полого идущій подъ горою, образуя собой галлерею, шириною въ полтора аршина. Но пройдя около трехъ саженой, галлерея уперлась въ скалу, и сколько рабочіе, совмѣстно съ совѣтами Павлины, ни бились — не могли найти дальнейшего хода. Очевидно въ этомъ мѣстѣ и началось заклѣтье, которое нужно отомкнуть. Это было вчера. Генеральша далеко за полночь совѣщалась съ Павлиной и услала ее, наконецъ, видѣть сонъ. Чуть свѣтъ Павлина объявила, что нужно въ томъ мѣстѣ зарѣзать двѣнадцать пѣтуховъ — пролить кровь. Двѣнадцать, потому что Мазепа закололъ двѣнадцать каза-

ковъ, пѣтухи же были выбраны, какъ единственный звѣрь, котораго боится нечистая сила.

— Я очень надѣюсь на средство это, — весьма значительно проговорила генеральша, когда коляска остановилась около раскопокъ. Рабочіе были всѣ въ сборѣ. Павлина сидѣла на камнѣ, закрывъ глаза, очевидно приготавлилась къ заклітію. Афанасій въ обѣихъ рукахъ держалъ по шести пѣтуховъ, бившихъ крыльями, — и почтительно глядѣлъ на подѣхавшихъ.

Степанида Ивановна пересчитала птицу и приказала начинать. Павлина сняла ватошную кофту, попробовала на пальцѣ ножъ и приказала себя подъ мышки спускать въ наклонный колодезь. Афанасій бросилъ ей чернаго пѣтуха, который билъ крыльями и кричалъ. Степанида Ивановна въ волненіи глядѣла, какъ баба сначала не могла словить птицу, потомъ, ухвативъ одного пѣтуха за шею, поползла внизъ и скрылась подъ землею. Слышны были только ея причитанія и возня. Потомъ все замолкло. Павлина высунулась на свѣтъ, протягивая окровавленную руку за новымъ пѣтухомъ.

Павлинина растрепанная голова появлялась изъ подъ земли 12 разъ. Генеральша чувствовала, что ее мутить. Въ это время одинъ рѣзанный, но недорѣзанный пѣтухъ вылетѣлъ изъ ямы, обдалъ генеральшино платье кровью, побѣжалъ по травѣ и кувырнулся... Степанида Ивановна, поблѣднѣвъ, прошептала: — Это дурной знакъ! — но осталась стоять, превозмогая себя. Наконецъ птицъ всѣхъ порѣшили. Павлина вылѣзла изъ подъ земли и, отирая о траву руки, сказала скороговоркой:

— Теперь камень, какъ воскъ, — копайте, ребята, прямо, — не вбокъ и не впередъ. Охъ, силушки моей нѣтъ, легка на меня кровушка... Тѣфу, тѣфу, тѣфу!..

Рабочіе, посмѣиваясь, полѣзли подъ землю, и старшой, осклабясь, спросилъ:

— Насчетъ курей, Степанида Ивановна, дозвольте въ обѣдъ сварить?

— Варите, варите, ничего, — отвѣчала Павлина, — напередъ только святой водой окропите, а то поѣшь, да и пошелъ самъ пѣтухомъ кричать.

Сонечка и Николай Николаевичъ плечомъ касаясь плеча, сидѣли все это время на бугоркѣ среди шиповника и тихо разговаривали.

Смольковъ присмирѣлъ послѣ ночного похождения, сдѣлался тише воды, — деревня не казалась ему больше патриархальной и добродушной, какъ въ первые дни. Въ ушахъ еще до сихъ поръ отдавались крики парней, отъ которыхъ едва тогда ушелъ ночью. Сонечка думала, — «Боже, какъ я въ немъ ошибалась: — милый, кроткій и совсѣмъ не страшный».

Солнце стояло высоко. Сонечкѣ было жарко, лѣтливо, пріятно. Пекло руку, лежащую на колѣнѣ. Медомъ и зноемъ пахла трава.

— Посмотрите, что это съ бабушкой, — усмѣхаясь, сказалъ Смольковъ, — хватается за грудь... Что-то нашли должно быть.

— Покажите какой; каменный? Католическій? — донесся голосъ Степаниды Ивановны.

— Должно быть нашли крестъ, — отвѣтила Сонечка, — я помню, что это первая при-

мѣта по плану; другія двѣ — орелъ и каменная голова. Видите, какъ все сбывается, я знаю, что кладъ найдутъ. Одинъ только дѣдушка въ него не вѣритъ.

Николай Николаевичъ повернулся и сощурилъ глаза:

— А что бабушка думаетъ съ кладомъ сдѣлать?

— Я не знаю что, навѣрное себѣ возьметъ.

Въ это время Степанида Ивановна закричала:

— Дѣти, идите сюда!

И, когда они сбѣжали съ горки, подняла обѣими руками до этого прижимаемый къ груди каменный крестъ:

— Сбылось... сбылось!..

Говорить генеральша не могла, маленькое лицо ея покрылось подъ румянами лиловыми пятнами, шляпка сбилась, платье было испачкано пѣтушиной кровью и землей...

Перепуганная Сонечка подхватила ее подъ одинъ локоть, Смольковъ подъ другой, и повели генеральшу къ коляскѣ; усадили и повезли домой. Дорогой Степанида Ивановна плакала и цѣловала крестъ.

Степанида Ивановна вышила чернаго кофе и приказала просить къ себѣ генерала, но Алексѣя Алексѣевича въ кабинетъ не оказалось: — онъ ушелъ къ амбарамъ, гдѣ насыпали отсѣянную рожь на воза.

Покупка «Свиныхъ Овражковъ» и приготовленія къ свадьбѣ заставили генерала поторопиться продажей хлѣба. Онъ рѣшилъ самъ те-

перъ вникать во всѣ мелочи хозяйства, — присутствовалъ при насыпкѣ, а вечеромъ сегодня собирался въ городъ, чтобы на утреннемъ базарѣ самому продать рожь.

Довольный, что нашелъ дѣло по душѣ, Алексѣй Алексѣвичъ стыдился немного приказчика, съ улыбкой выслушивающаго рѣшительныя его приказанія, и, чтобы устранить всякое постороннее вліяніе, послалъ приказчика считать деревья въ заповѣдномъ лѣсу, хотя это можно было сдѣлать и въ другое время. Приказчикъ обидѣлся, но ушелъ, а генералъ леталъ отъ вѣялокъ къ амбару, отъ амбара къ возамъ и зычнымъ голосомъ покрикивалъ на рабочихъ, — красный весь, одухотворенный, будто на войнѣ.

Къ полднику въ пять часовъ генералъ явился въ промокшемъ насквозь кителѣ, и поспѣшно принялся ѣсть. Очень этимъ недовольная Степанида Ивановна начала обиженнымъ тономъ издалека рассказъ о сегодняшней находкѣ, но генералъ перебилъ:

— Хорошо, хорошо, Степочка, отлично... Нашла какую-то штуку... послѣ доскажешь. — И убѣжалъ, крича Афанасію закладывать лошадей...

— Не штуку, а крестъ! — крикнула вдогонку генеральша, — сумасшедшій человѣкъ, буреломъ!.. Чувствую, дѣти мои, — съ этой продажей хлѣба — кончится плохо,

Вечеромъ того же дня подъѣзжалъ Алексѣй Алексѣвичъ по ровной и годой степи къ уѣзд-

ному городу. Солнце сѣло и тусклѣя тучи висѣли надъ темной степью. Тащились навстрѣчу телеграфныя, тощія столбы вдоль дороги. Впереди за канавой торчали кресты кладбища, еще далѣе — заборы, крыши предмѣстья и колодезные журавли. Тихой рысью бѣжали лошади, поднимая пыль. У дороги валялась падалъ, оскаленная зубы. Становилось тусклѣе съ каждой минутой, тоскливѣе.

Алексѣй Алексѣевичъ сначала бодрился, откинувшись на затылокъ генеральскую фуражку и подбоченясь, но тоска наконецъ и его проняла:

— Погоняй, что ли!

— Но, милыя, — уныло покричалъ кучеръ, помахавъ варежкой и опять сгорбился, такъ что линиялая его рубашка надулась пузыремъ.

Наконецъ, поравнявшись съ первой избой, тарантасъ тяжело въѣхалъ въ песокъ улицы. У воротъ поклонился генералу сѣдой мѣщанинъ въ жилеткѣ; опустивъ крылья побѣжала подъ лошадей курица; Алексѣй Алексѣевичъ прочелъ заржавленную вывѣску синими буквами: «Стрижка, бритье, также — починка часовъ», — поморщился и сердито крикнулъ на мальчишку, который наровилъ присѣсть сзади тарантаса. Дома были съ воротами и крашенными ставнями, но ближе къ центру стали попадаться и каменные, подъ охру, или дикаго цвѣта. На углу переулка дремалъ въ заплатанномъ кафтанишкѣ извозчикъ; линейка его и сивая лошадь были до того стародавнія, — казалось — со временъ еще Екатерины дремалъ онъ на этомъ углу. Въ переулкѣ появился первый керосиновый фонарь, и тарантасъ, громыхая, въ-

ѣхалъ на большую площадь, гдѣ стояли соборъ, лавки и вѣзжій трактиръ.

Алексѣй Алексѣевичъ приказалъ здѣсь остановиться, на вопросъ кучера — не завернуть ли лучше въ «Ливерпуль», отвѣтилъ, что пріѣхалъ не спать, а дѣло дѣлать, и крикнулъ отворять ворота.

Рыжій мужикъ, въ нагольномъ полушубкѣ, но босой, со скрипомъ отворилъ ворота, и лошади, чавкая по навозной жижѣ, вѣхали во дворъ.

— Не были еще воза изъ Гнилопята? — спросилъ генераль.

— Нѣтъ, возовъ изъ Гнилопята не было, — отвѣчалъ мужикъ, — а что овесъ у васъ свой или хозяйскій?

— Хозяйскій, хозяйскій, — сказалъ кучеръ, — у насъ господскіе кони, ѣдятъ овесъ безъ песку.

— Зачѣмъ хаешь, у насъ овесъ хорошій, — сказалъ мужикъ.

Генераль выѣзъ изъ тарантаса, разминая отекашія ноги, потянулся и черезъ широкое затоптанное грязью крыльцо вошелъ въ трактиръ. Въ большой, низкой и грязной горницѣ у окна, за самоваромъ, сидѣли три человѣка въ суконныхъ чуйкахъ и негромко разговаривали. Одинъ былъ толстый, съ висячей губой, — сопя, втягивалъ онъ въ себя чай и крикалъ; другой — безбородый парень, круглолицый и курносый, говорилъ прибаутками, вытирая полотенцемъ скулы, которыя до того были крѣпки — колоти по нимъ кулакомъ — мозоли набьешь; у третьяго — сѣдая борода и умные сѣрые глаза.

На вошедшаго генерала чаепійцы посмотрѣли равнодушно, но когда онъ сѣлъ на лавку и отвернулся, перемигнулись.

— Запашокъ! — подумалъ Алексѣй Алексѣевичъ и, разглядывая липкіе, ободранные обои, захарканный полъ, замѣтилъ еще четвертаго посѣтителя — должно быть землевладѣльца изъ мужиковъ, въ суконномъ кафтанѣ, сидѣвшаго поодаль, подсунувъ подъ себя руки... Мужикъ слушалъ, что говорилось, на генерала же не обернулся... Говорили о прошлыхъ цѣнахъ, объ урожаѣ и о какомъ-то Нилѣ Потапычѣ Емельяновѣ.

— Вы тоже рожь привезли? — спросилъ генералъ мужичка, подсунувшаго руки.

Мужикъ зѣвнулъ, ладонью провелъ вверхъ и внизъ по лицу и кивнулъ головой.

— А какія, вы думаете, цѣны на завтра будутъ?

— А кто ихъ знаетъ, все отъ Бога...

— Цѣны, господинъ генералъ, плохія, — бойко сказалъ парень, — ржи очень много навезли. Да вы подсаживайтесь, сдѣлайте милость, — не угодно ли стаканчикъ чайку...

«Э, да у нихъ я все разужнаю, — подумалъ генералъ и пересѣлъ къ чайному столу, — у меня, кажется, съ собой бутылка вина есть и пирожки». Степанъ! — постучавъ пальцемъ въ окно, позвалъ онъ, — принеси-ка погребецъ. Такъ вы говорите, низкія цѣны?

— Хлѣбъ хоть въ рѣчку ссыпай, вотъ какія цѣны, — хрипло сказалъ толстый человѣкъ...

— Жаль, а у меня такъ сошлись семейныя дѣла, что вынь да положь сейчасъ деньги, —

сказалъ генералъ и спохватился. — Хотя — не сойдуся въ цѣнѣ — отправлю хлѣбъ за границу.

Чаепійцы устали глазами въ столъ, старикъ сказалъ:

— Нѣтъ, рожъ за границу не идетъ... Пшеничка, пшеничка...

— Куда ее съ базара повезешь, провозъ денежки стоитъ, — сказалъ толстый человѣкъ. — Мы ужъ и такъ горюемъ, — подхватилъ парень. Мужикъ, сидѣвшій на лавкѣ, перебилъ ихъ съ сердцемъ:

— Горюемъ, горе твое вотъ гдѣ у меня, — и показалъ себѣ на шею... — Всѣ трое захотали, а мужикъ громко плюнулъ, снялъ кафтанъ и легъ, ворча:

— Мошенники, прасолы, осиновымъ васъ коломъ...

— Такъ вы мои завтрашніе покупатели? — спросилъ генералъ...

— Нѣтъ, — отвѣчалъ парень, — гдѣ намъ, мы для себя беремъ возикъ или два. — И сталъ спрашивать Алексѣя Алексѣевича о хозяйствѣ и о томъ, почему самъ пріѣхалъ, а не послалъ приказчика. Генералъ охотно на все это отвѣчалъ, радуясь, что ловко сумѣлъ угостить нужныхъ ему людей...

Потомъ пришла босая и заспанная баба, унесла самоваръ и привернула лампу... Прасолы, вставъ изъ за стола, пошли спать, должно быть на сѣноваль, или въ телѣги. Алексѣй Алексѣевичъ разостлалъ на лавкѣ пледъ, подъ голову положилъ кожанную подушку и, не думая заснуть въ такой духотѣ и вони, скоро задремалъ, чувствуя какъ дрожатъ стѣны и стекла, хлю-

паетъ что то, рвется, задыхаясь, будто ходить по горницѣ мокрый вихрь, — то похрапываль христіанской своей утробой землевладѣлецъ изъ мужиковъ... Потомъ пришелъ какой-то человекъ, сѣлъ на полъ и сталъ раздѣваться — оказалось, это былъ Смольковъ во фракѣ съ графиномъ кваса въ рукѣ... «Дайте-ка напиться», — сказалъ ему генераль. — А по сорока семи копѣекъ за пудъ хочешь? — отвѣтилъ Смольковъ, и у него отвисла губа. «На кого онъ похожъ? — со страхомъ думалъ генераль. — Э, да это убитый турокъ! Ахъ ты!»... Но турокъ всталъ на четвереньки и вдругъ ударилъ въ барабанъ. Въ ужасѣ генераль проснулся, сбросилъ ноги и посмотрѣлъ.

За окномъ брезжилъ разсвѣтъ и кричали пѣтухи; кто-то, выйдя изъ избы, ударилъ дверью.

«Зачѣмъ я сюда попалъ? — подумалъ генераль, — пить какъ хочется... Ахъ, да»... И, поспѣшно надѣвъ пальто, вышелъ на дворъ.

На дворѣ очертанья крышъ четко рисовались на небѣ, едва тронутымъ съ востока оранжевой зарей и было такъ тихо, что слышался хрустъ жующихъ сѣно лошадей. Кучеръ Степанъ, въ армякѣ отъ утренняго холода, подошелъ къ Алексѣю Алексѣвичу и не громко еще, поночному, сказалъ:

— Воза пріѣхали, ваше превосходительство.

Алексѣй Алексѣвичъ кивнулъ головой и, вздрагивая отъ дремоты, вышелъ черезъ калитку на площадь.

Площадь, пустая съ вечера, теперь была заставлена возами, — поднятыя оглобли ихъ торчали, какъ лѣсъ послѣ пожара. Распряженные

лошади жевали сѣно и слышались голоса проснувшихся крестьянъ. Предразсвѣтный вѣтеръ пахнулъ навозцемъ, сѣнной трухой и дегтемъ. Алексѣй Алексѣевичъ, ходя межъ возовъ, послѣ долгихъ разспросовъ, отыскалъ наконецъ свои сто сорокъ восемь телѣгъ, стоящихъ на дальнемъ концѣ площади, у рѣки.

— Что, ребята, благополучно? — спросилъ генераль, подходя къ своимъ.

Трое или четверо возчиковъ сняли шапки, одинъ отвѣтилъ:

— Все слава Богу, Алексѣй Алексѣевичъ.

— Хорошо продадимъ, — на водку получите.

— Благодаримъ покорно, — отвѣтилъ тотъ же голосъ. Генераль влѣзъ на телѣгу и закурилъ папироску. Вчерашній задоръ соскочилъ съ него и продажа хлѣба вовсе не казалась простой и веселой, къ тому же отъ душной комнаты тошнило, болѣла голова и хотѣлось пить... Но генераль пересилилъ себя и въ трактиръ не пошелъ, а дождался, когда откроютъ пекарню и послалъ одного изъ возчиковъ купить горячаго хлѣба и молока:

«Разскажу Сонюркѣ, — думалъ онъ, — какъ я на возу молоко пилъ, фантастично! Что же эти дураки купцы не идутъ, пора бы? Совсѣмъ свѣтло... А вдругъ они ко всѣмъ подойдутъ, а ко мнѣ не подойдутъ? Гмъ!»

Свѣтало быстро. Лошади ржали, хотѣли ваяться. Разговорился, задвигался народъ.

Генераль, держа въ одной рукѣ калачъ, оглядывался, поджидалъ, стараясь придать себѣ равнодушный видъ. Вдругъ, между возовъ появилась синяя чуйка — вчерашній парень...

Алексѣй Алексѣевичъ сразу ободрился и помахалъ чуйкѣ калачемъ. Но парень, какъ будто не замѣчая генерала, заглядывалъ въ чужіе воза и сошелся со вчерашнимъ землевладѣльцемъ изъ мужиковъ, принявшись о чемъ-то кричать и хлопотливо рыться въ его возу.

Алексѣй Алексѣевичъ огорчился такимъ невниманіемъ, но рѣшилъ ждать терпѣливо. Солнце поднялось надъ крышами, и многіе воза снялись съ площади и уѣхали. Торгъ, очевидно, шелъ во всю. Слышались пьяные голоса...

«Что за дьявольщина, почему ко мнѣ не подходятъ», — думалъ генералъ и началъ уже сердиться, вертясь на возу. Вдругъ позади окликнулъ его дѣловитый голосъ:

— Послушайте, что продаете?..

Это говорилъ вчерашній парень и, морщась, пересыпалъ рожь изъ ладони въ ладонь. Алексѣй Алексѣевичъ опѣшилъ:

— Какъ что, рожь!

— Развѣ это рожь, — сказалъ парень, бросая зерно въ телѣгу, — ржишка, прошлогоднее гнилье...

— Гнилье, — закричалъ генералъ, — сегодняшній урожай, да вы смѣетесь! Гнилье!

— Намъ смѣяться не время. Сорокъ семь копѣчекъ отъ силы могу дать...

И поправивъ картузь, онъ отошелъ, а генералъ, дернувъ плечами, гнѣвно отвернулся, прошипѣвъ:

— Нахалъ, мальчишка!..

Цѣна ржи на нынѣшнемъ базарѣ стояла шестьдесятъ три копѣйки за пудъ (такъ сообщили генералу возчики, бѣгавшіе слушать,

какъ торгуются), отдать же по сорока семи значило потерять рублей пятьсотъ, вѣрнѣе — подарить ихъ этому нахалу-прасолу. Воза продолжали разѣзжаться, и Алексѣй Алексѣевичъ все болѣе гнѣвался и недоумѣвалъ. Тогда подошелъ къ нему вчерашній толстый прасоль, подалъ жирные пальцы лопаткой и, ни хваля, ни хая, предложилъ сорокъ пять копѣчекъ за пудъ...

— Шестьдесятъ, — сказалъ генераль не глядя и добавилъ дрогнувшимъ голосомъ, — эхъ ты, безсовѣстный!

Прасоль развелъ руками и лѣнливо отошелъ.

Долго не могъ побороть гнѣва Алексѣй Алексѣевичъ, и, насупясь въ сѣдые усы, не глядѣлъ на окружающихъ. Когда же поднялъ глаза, мимо, не замѣчая его, проходилъ третій вчерашній знакомецъ — старикъ.

— Послушай, покупаешь... рожь? — спросилъ генераль. — За пятьдесятъ девять отдамъ...

— Это не цѣна, — не останавливаясь, проговорилъ старикъ, — цѣна сорокъ три копѣйки за твою рожь, баринъ...

— Дуракъ! — крикнулъ генераль, — болванъ!

Воза развезли всѣ, и на площади, усѣянной объѣдками сѣна, остались одни Гнилопятскіе, среди которыхъ на телѣгѣ сидѣлъ на людское посмѣшище генераль, сутулясь и поводя покраснѣвшими глазами. Дворянская фуражка его съѣхала на бокъ и коробомъ торчало запачканное сѣрое пальто. По очереди подходили прасолы и, явно издѣваясь, давали сорокъ, даже

тридцать пять за пудъ, а онъ не отвѣчалъ, выжидая, когда подвернется кто поближе, чтобы хоть ударить обидчика.

Возчики стояли поодаль и смѣялись; смѣялись приказчики, выйдя на порогъ лавокъ; подъ колесами вертѣлись босоногіе мальчишки, и по всей площади полетѣлъ слухъ о сердитомъ баринѣ, котораго травятъ прасолы и заставляютъ чуть не даромъ отдать хлѣбъ, или везти домой, что еще болѣе накладно и обидно.

Прасоловъ же подговорилъ купецъ Ниль Потапычъ Емельяновъ, который теперь и шелъ по площади въ длинополомъ сюртукѣ, надѣтомъ на ситцевую рубаху, широко разставляя ноги и еще шире улыбаясь. Подойдя къ сердитому генералу, Ниль Потапычъ сдернулъ картузъ съ помазанныхъ коровьимъ масломъ кудрей своихъ, отнесъ его въ бокъ и сказалъ съ широкимъ поклономъ:

— Съ почтеніемъ Алексѣю Алексѣвичу, поигралъ дерьмомъ и за щеку, какъ говорится, вели запрягать, даю пятьдесятъ пять копѣчекъ съ половиной...

— Вонъ! — вдругъ побагровѣвъ, заревѣлъ генералъ, — не позволю, зарублю!.. — и, прыгнувъ съ телѣги, трясаясь и брызгая слюной, побѣжалъ къ лошадямъ, — Мужики! мужики! негодяй! запрягай! вали все въ воду... къ чорту!..

— Что ты, что ты? — говорилъ Ниль Потапычъ, отступая, — одурѣлъ человѣкъ!..

Алексѣй Алексѣвичъ самъ отвязывалъ лошадей, за недоузки тянулъ ихъ къ возамъ и, подставляя мужикамъ кулаки подъ самый носъ,

кричалъ: — Запрягать! запрягать! запрягать!
— Воза скоро зашевелились, и генералъ заметался около нихъ, хваталъ вожжи, кнутомъ билъ лошадей по мордамъ и всѣ сто сорокъ восемь телѣгъ, скрипя и колыхаясь, понеслись подъ гору къ рѣчкѣ...

Кричалъ генералъ сначала басомъ, потомъ пронзительно и, наконецъ, замолкъ — порвался голосъ и онъ только шепталъ.

— Вали въ воду, подвертывай! — самъ схватился за первый возъ, рванулъ брезентъ и съ шумомъ зерно посыпалось въ тихую рѣку. Мужики захохотали и съ крикомъ опрокинули телѣгу колесами вверхъ... Подвозили еще и еще перевертывали. На горкѣ у дома собрался народъ. Нилъ Потапычъ стоялъ все еще безъ картуза, разставя въ изумленіи ноги и руки. Заголосила какая-то баба. Густымъ, золотымъ слоемъ по всей рѣчкѣ плыло зерно...

Долго глядѣлъ на рѣку Алексѣй Алексѣевичъ, потомъ повернулся къ народу и показалъ шишъ.

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ

— Уйди, Павлина, пропади съ моихъ глазъ,
— въ отчаяніи говорила Степанида Ивановна. Павлина, хватая ее за платье, вопила:

— Я ли не старалась! Взгляни на меня, ягодка, глазочкомъ погляди на меня, дуру!

— Я тебѣ ввѣрилась, Павлина, хорошо ты меня отблагодарила.

Павлина ударила голову о половицу и пуще принялась стонать:

— Разумъ отшибло! Отъ сладкой пищи жиромъ я, окаянная, заплыла, огорчила свою благодѣтельницу!..

— Пѣтухи ей понадобились, а зачѣмъ? Смѣяться надо мной, или денегъ выманивать? Ты бы сказала просто, я бы тебѣ просто денегъ дала...

— Охъ, смерть пришла, охъ, мочи моей нѣтъ! — причитывала баба.

— Уходи, Павлина, вонъ, — генеральша повернулась на диванчикѣ лицомъ къ стѣнѣ...

Произошелъ такой разговоръ потому, что вчера ночью обрушился неукрѣпленный подпорками сводъ и землей завалило всю галерею. Землекопы кобенились, увѣряя, что это — чортова работа и просили расчетъ. Имъ прибавили поденную плату и поставили ведро водки, съ которой они напились въ лоскъ и завалились спать на «Свиныхъ Овражкахъ», въ густомъ папоротникѣ. Афанасій ходилъ ихъ будить, не добудился, самъ какъ-то нечаянно напился и, вернувшись, побилъ Павлину. На глупую бабу пала вся вина.

— Что за глупость придумала — пѣтуховъ! — послѣ молчанія продолжала генеральша, — Не знаешь ничего, такъ и говори: ничего не знаю, ваше превосходительство. Навѣрно и всѣ сны твои дурацкіе.

Павлина сидѣла на полу, пригорюнясь. Съ покраснѣвшаго ея носа падали слезы. Вдругъ она вскочила и ударила себя по бокамъ:

— Догадалась! Лопни мои глаза! Пѣтуховъ-то надо купить неторгованныхъ.

— Какъ неторгованныхъ? — спросила Степанида Ивановна и съ живостью спустила ноги на коверъ.

— Неторгованный пѣтухъ силу имѣетъ, благотѣтельница; а торгованный есть суповая куря. Сколько спросили за птицу, столько за нее и давай. Слава Тебѣ, Господи, вспомнила. Пожалуйте денежекъ, я сейчасъ побѣгу...

— Ну нѣтъ, — сказала Степанида Ивановна твердо, — хотя я вижу, въ чемъ была ошибка, но денегъ тебѣ не дамъ, сама поѣду и куплю.

Генеральша подробно разспросила, какимъ образомъ покупать пѣтуховъ, гдѣ и когда. Въ это время вошелъ Афанасій и, прикрывая ладонью ротъ отъ виннаго духа, доложилъ, что генераль вернулся, прошелъ прямо въ кабинетъ и никого къ себѣ не пускаетъ.

— Воиъ какая отъ тебя, — сказала генеральша, — ахъ ты, пьяница!

— Это бензинъ-съ, извинялся Афанасій, — для чистки его превосходительства панталонъ-съ.

— Поди узнай, хорошо ли продали хлѣбъ.

— Никакъ нѣтъ, ваше превосходительство, кучеръ мнѣ говорилъ, что его превосходительство хлѣбецъ въ воду изволилъ высыпать.

— Что, въ воду? Ужасъ! Быть не можетъ!

Генеральша поблѣла, какъ носовой платочекъ, ноги ея подкосились и она сѣла на диванъ, но вскорѣ оправилась и поспѣшила къ Алексѣю Алексѣвичу.

На стукъ въ дверь онъ не отвѣтилъ, услышавъ же голосъ жены кашлянулъ, зашаркалъ туфлями и повернулъ ключъ. Степанида Ивановна толкнула дверь и ахнула: передъ ней стоялъ, сутулясь, Алексѣй Алексѣевичъ, желтый, со спутанными волосами, страшный, въ грязномъ военномъ пальто.

— Запахъ какой-то отъ тебя, Алексѣй, что ты надѣлалъ? — закричала генеральша.

Генераль пошевелилъ губами и, держась за косякъ, опустился на колѣни:

— Прости меня, Степанида Ивановна, я утопилъ весь хлѣбъ, и, поднявъ плечи, покрутилъ поникшей головой.

— Милый ты мой, — охвативъ его руками, торопливо заговорила Степанида Ивановна, — ты боленъ, совсѣмъ боленъ... лягъ... Афанасій, воды горячей. Что за слуги, ужасные! — вскрикнула она, звоня въ колокольчикъ. — Ложись, ложись и молчи.

Съ трудомъ поднялся генераль и, поддерживаемый генеральшей, прилегъ на диванъ, вздохнулъ, судорожно заморгалъ, и слезы потекли по грязнымъ щекамъ. Степанида Ивановна, молча, прижимала его голову къ груди.

Принесли воды, омыли генерала, одѣли въ чистое бѣлье, спустили въ кабинетѣ шторы.

Генеральша сидѣла на диванѣ, держа мужа за руку; когда же онъ начиналъ шевелиться и вздыхать, повторяла:

— Не бываетъ счастья безъ горя, вотъ тебѣ горе было и прошло, а на смѣну счастье придетъ. Вѣрь только мнѣ. Я найду тебѣ инья сокровища. Крѣпись, Алексѣй, и терпи.

— Хорошо, буду терпѣть, только ты то меня прости, — шепталъ генераль.

Принесли завареной крѣпко малины, рому, генераль откушалъ и ему полегчало. Генеральша дождалась, когда Алексѣй Алексѣевичъ уснулъ, и велѣла позвать къ себѣ кучера, — онъ разсказалъ все, какъ было.

Генеральша ему и всѣмъ настрого запретила напоминать генералу о несчастіи и, не теряя времени, поѣхала въ село.

Теперь, когда хозяйство потерпѣло такой уронъ, было совсѣмъ необходимо скорѣе окончить дѣло съ кладомъ. Силы генеральши возросли и она объѣздила всѣ дворы, но пѣтуховъ нашла только двухъ; бабы увѣряли, что безъ пѣтуховъ въ хозяйствѣ трудно, не самимъ же имъ куръ топтать, и за птицу держались крѣпко.

Въ сосѣднихъ деревняхъ могли тоже не продать, или всучить какихъ-нибудьдохлыхъ кочетовъ, поэтому, чтобы сыграть навѣрняка, рѣшила Степанида Ивановна поѣхать въ городъ и попросила Николая Николаевича сопровождать себя въ пути...

Смольковъ надѣлъ охотничій костюмъ и они поѣхали. Городской базаръ давно отошелъ, когда гнилопятскія, измокшія отъ быстрой ѣзды, лошади остановились на большой площади около лавки со съѣстнымъ. На вопросъ Степаниды Ивановны: есть ли живые пѣтухи, — расторопный приказчикъ принесъ безъ малаго половину туши говядины; генеральша разсердилась:

— Я у тебя пѣтуховъ спрашивала, а не говядину твою вонючую...

— Не извольте гнѣваться, — возразилъ приказчикъ, похлопывая по тушѣ, — говядина у насъ первый сортъ, а вамъ куда пѣтуха, — естество у него лиловое, жесткое.

— Дуракъ ты, отецъ мой, — отрѣзала Степанида Ивановна и приказала кучеру пойти по домамъ — спросить: не продадутъ ли птицъ, барыня, молъ, не торгуется.

Кучеръ, передавъ Смолькову возжи, ушелъ. Изъ сосѣдней галантерейной лавки вышелъ приказчикъ, держа картузъ наотлетъ, и предложилъ только что полученнаго уральскаго балычку. Приглашали также зайти въ мучной лабазъ и въ квасную. Какой-то лохматый мужикъ въ бабьей кацавеѣ привелъ на веревкѣ продавать тощаго телка.

— Отъѣзжайте, Николай Николаевичъ, — воскликнула разгнѣванная генеральша, — вотъ сюда поближе къ рѣкѣ, — и стала внимательно глядѣть на берегъ, гдѣ ходило множество куръ и вспархивающихъ голубей...

— Здѣсь его мучили, — прошептала она, — вонъ слѣды отъ колесъ, и эти птицы! Николай Николаевичъ, отъѣзжайте подальше отъ ужаснаго мѣста... Злые, гадкіе люди...

Генеральша заплакала въ платочекъ, не выдержавъ волненій сегодняшняго дня. Смольковъ растерялся, упустилъ вожжу и въ утѣшеніе сказалъ:

— Ободритесь, побольше энергіи...

Кучеръ явился и объявилъ, что бабы ломаютъ несуразную цѣну, — по рублю семь гривенъ за

цыплака, а онъ предлагалъ даже восемьдесятъ, а гусей, молъ, сколько угодно.

— Ну, не глупъ ли ты? — вытирая слезы, укорила его Степанида Ивановна, — говорила я — нельзя торговаться... Иди за мной...

У воротъ двухъэтажнаго дома генеральша вышла и вошла во дворъ. Во дворѣ у чернаго крыльца стояла съ рѣшетомъ въ рукахъ худая мѣщанка въ ярко-зеленомъ платьѣ и звала:

— Цыпъ, цыпъ, тега, тега, уть, уть! — бросая изъ рѣшета птицамъ размоченный хлѣбъ. Вошедшихъ Степаниду Ивановну и кучера она подозрительно оглянула:

— Вамъ что нужно?

— Продайте мнѣ вотъ этого, — сказала генеральша, съ волненіемъ глядя на голенастаго, краснаго пѣтуха.

— Самимъ надобенъ, ищите у другихъ.

— Я не торгуюсь, сколько хотите?

— А вамъ зачѣмъ?..

— Это не ваше дѣло, — вспылила генеральша, — я спрашиваю: продадите пѣтуха?

— Не мое дѣло, такъ на чужіе дворы не шляйтесь, — съ тоскливой злобой проговорила мѣщанка, отворачиваясь.

На слѣдующемъ дворѣ оказалось, что пѣтуха вчера только задавила свинья, а то бы непременно продали, въ третьемъ мѣстѣ совсѣмъ было удалось купить, но, когда дѣвченка стала ловить попку, пѣтухъ заоралъ и улетѣлъ черезъ заборъ.

Послѣ долгихъ хожденій Степанидѣ Ивановнѣ удалось приобрести трехъ птицъ и кучеръ посоветовалъ поѣхать въ слободку. Въ сло-

бодкѣ очевидно прослышали про барыню, которая не торгуется, и бабы нанесли великое множество пѣтуховъ, прося за нихъ совсѣмъ уже несуразныя цѣны. Наконецъ, лукошко, привязанное къ козламъ, наполнилось, и генеральша приказала поскорѣе гнать лошадей домой, такъ какъ солнце зашло и съ запада надвигалась черная туча, усугублявшая вечернюю темноту.

Гладкая степная дорога, дойдя до пашни, испортилась: плугари, заворачивая плуги на обратную борозду, исцарапали путь; коляску стало подбрасывать такъ, что Николай Николаевичъ прикусилъ языкъ, лукошко трясло, и одинъ изъ пѣтуховъ, приподнявъ плетеную крышку, оглянулся, ударилъ крыльями, выпрыгнуть и побѣжалъ по пашнѣ; за нимъ выскочилъ другой и сѣлъ на траву.

— Стой, стой! Держи, держи его! — закричала генеральша, обхвативъ лукошко. Смольковъ проворно вылѣзъ изъ коляски и побѣжалъ за голенастымъ пѣтухомъ, мелькая бѣлыми панталонами по пашнѣ. Пѣтухъ заметался. Когда Смольковъ нацѣливался, чтобы его схватить, нырнулъ онъ между ногъ, и Николай Николаевичъ, потерявъ равновѣсіе, падалъ. Такъ они далеко забѣжали по пашнѣ, и, только нагнувшись, можно было видѣть на вечерней зарѣ силуэты человѣка и впереди него бѣгущей птицы. Степанида Ивановна подобрала смирнаго пѣтушка, сидѣвшаго въ травѣ около коляски, поцѣловала, посадила въ лукошко и, вздернувъ юбки, побѣжала, спотыкаясь, на помощь Смолькову.

— Берегитесь, онъ страшно клюется, — кричалъ издали Николай Николаевичъ...

Промокшій и грязный вернулся онъ со Степанидой Ивановной къ экипажу — пѣтухъ же удралъ, гдѣ-то присѣлъ за кочкой.

Сталъ накрапывать дождь, подняли верхъ у коляски и скоро въѣхали въ удѣльный лѣсъ. Въ лѣсу стало совсѣмъ темно, пропала изъ глазъ сѣрая полоса дороги. Только дождь стучалъ въ кожаный верхъ экипажа да глухо роптали невидимые во мракѣ листья. Лошади шли шагомъ, потомъ остановились совсѣмъ и кучеръ, нагнувшись, сказалъ, что придется переждать, пока прояснитъ, иначе можно сгубить коляску и коней, въѣхавъ на буреломное дерево или въ канаву. Генеральша очень разсердилась, но дѣлать было нечего, изъ саквояжа вынула она двухствольный, взятый изъ генеральской коллекціи, пистолетъ, положила на колѣни и проговорила громкимъ шопотомъ:

— Никому не довѣряю въ такое время.

— Развѣ есть опасность? — поспѣшно спросилъ Смольковъ.

— Посмотрите, какая темнота, лица вашего не вижу, а здѣсь по дорогамъ шалать...

Лошади въ это время захрапѣли, кучеръ прикрикнулъ на нихъ, но они продолжали пятиться: кто-то очевидно приближался. Вотъ чавкнула нога по грязи, хрустнулъ сукъ.

Степанида Ивановна, услышавъ, какъ стучать у Смолькова зубы, прошептала:

— Перестаньте же, стыдно! — и, высунувшись изъ-за козуха, сказала громко:

— Не подходи, я стрѣляю!..

— Зачѣмъ стрѣлять, — совсѣмъ близко отвѣтилъ кроткій голосъ, — я не лѣхой человѣкъ. Видишь — темень какая засилила, и глазъ не надо...

— Кто ты?

— А сторожъ удѣльный. Изба моя неподалече, заходите, если не побрезгуете.

— Нѣтъ, благодарствуй, а что скоро прояснить?

— Прояснить, — отвѣтилъ сторожъ увѣренно, — Богъ милостивъ.

Въ голосѣ его было столько ласкового спокойствія, будто не человѣкъ это говорилъ, а шумѣло дерево листьями. Въ лѣсахъ рождаются такіе голоса, въ широкихъ степяхъ, и нѣтъ въ нихъ ни злобы, ни страсти, утромъ они звонкіе, въ сумеркахъ вечерніе. Слушая ихъ, чувствуешь, какъ во всемъ: и въ камнѣ, и въ птицѣ, и въ человѣкѣ — одна душа.

Умиротворилось сердце Степаниды Ивановны, пропалъ у Смолькова ночной страхъ, и долго еще слушали они, какъ, удалясь, постукивалъ сторожъ палкой по стволамъ...

— Вотъ будто звѣзда проглянула, — сказалъ кучеръ негромко.

Дождь переставалъ; Степанида Ивановна, откинувшись вглубь коляски, улыбалась своимъ мыслямъ. Смольковъ вполголоса принялся декламировать французскіе стихи...

ГЛАВА ДВѢНАДЦАТАЯ

Сегодня въ двѣнадцать часовъ въ монастырской церкви назначено было бракосочетаніе. Сонечка рано проснулась въ бѣлой своей постели и лежала, глядя на солнце, играющее на подоконникѣ и на полу. Въ окно невѣрнымъ полетомъ влетѣли бѣлыя бабочки и вновь унеслись на свѣтъ. Сонечка перевела глаза и на стулѣ увидѣла приготовленное тонкое, въ кружевахъ, подвѣчное бѣлье. Платье, заколотое въ простыню, лежало около, и на немъ стояли бѣлыя туфельки. Вечеромъ, ложась спать, Сонечка очень боялась увидеть поутру эти бѣлыя, приготовленные для нея, вещи и долго не тушила свѣчи, думая объ ужасныхъ подробностяхъ, рассказанныхъ Степанидой Ивановной тогда ночью. Думы эти растравили ее и распалили; подобравъ подъ себя колѣни, зарылась она съ головой и уснула только на разсвѣтѣ.

Но сейчасъ съ радостью чувствовала себя ясной и спокойной; можетъ быть только въ страшной глубинѣ сердца у нея была, какъ бы, натянута струна.

Сообразивъ, что не стоитъ два раза на дню переодѣваться, Сонечка спустила на коврикъ маленькія ноги и осторожно развернула шелковые чулки.

«Пожалуй протрутся, — подумала она, — такая тонизна», изъ тумбочки вынула ножницы и, поднявъ къ подбородку колѣно, стала подстригать ногти на ногѣ, но не коротко, какъ обычно, а округленно ихъ выравнивая. Уливъ себя въ этомъ, Сонечка покраснѣла.

— Вотъ глупости, кому это нужно, — и пошла къ умывальнику. Здѣсь опять, вмѣсто ежедневнаго, казанскаго, мыла лежало въ новой серебряной мыльницѣ — французское...

«Какое душистое», — еще подумала она, и тщательно вымыла себѣ руки, шею и грудь. Надѣла бѣлье и остановилась въ раздумьи, — какое выбрать платье? Пока она такъ думала, вошла Люба, неся на обѣихъ рукахъ зеленое шелковое платье, въ которомъ (Сонечка его сейчасъ же узнала) генеральша еще въ молодости снималась.

— Ахъ, милая барышня, вы ужъ встали, — генеральша вамъ этотъ туалетъ къ утреннему чаю приказали надѣть. Всѣ еще спятъ, вы не торопитесь.

— Все равно, погуляю, — Сонечка покраснѣла, и, съ помощью Любы, надѣвъ пахнущее старыми духами, шуршащее платье, вышла въ садъ.

Садовникъ поливалъ въ клумбахъ георгины и отцвѣтающіе уже левкой и резеду. Сонечка ласково поздоровалась съ садовникомъ и осторожно, чтобы не оброситься, пошла по дорожкѣ къ пруду.

— Прощай, прудъ, прощайте, мои липы, — сказала она громко и оглянулась — не подслушиваетъ ли кто-нибудь. Но было совсѣмъ тихо, даже не кричали молодые и старые грачи, — улетѣли на поля.

Сонечка сѣла на скамейку, склонила голову немного на бокъ и усмѣхнулась:

— Вы такъ и не пришли, а я выхожу за-

мужъ. До свиданья. Оставайтесь съ вашей высокой шляпой и чернымъ плащемъ.

Проговоривъ все это, она сломила соломинку и стала дразнить козявку, у которой на спинѣ было нарисовано красными точками глупое лицо.

«Сколько этихъ козявокъ у насъ дома», — и сердце Сонечки сжалось воспоминаніями милого, тихаго дѣтства...

Чай пили всѣ по своимъ комнатамъ. Афанасій, состоя въ этотъ день при Николаѣ Николаевичѣ, суетился ужасно: чистилъ штиблеты, выколачивалъ платье; разболталъ всѣмъ про какія-то необыкновенныя подтяжки съ колесиками у молодого барина. Нѣсколько разъ раздавался изъ окна голосъ Смолькова: «Афанасій!» — и Афанасій бѣжалъ, топая ногами такъ, будто безъ него вообще ничего не можетъ случиться.

Когда Сонечка вошла въ генеральшину комнату — Степанида Ивановна стояла посреди большого безпорядка. Повсюду валялись платья, бѣлье, пахло духами и, цапаясь клювомъ о клѣтку, кричалъ попугай. Брови у генеральши были подведены отъ переносицы почти до ушей, лицо пятнами обсыпано пудрой, въ шиньонѣ торчалъ испанскій гребень.

— Одѣваться, мать моя, — воскликнула она, фу, какъ все дѣлается не по настоящему. Снимай платье, я тебя сейчасъ одѣну...

— Развѣ пора? — спросила Сонечка и на одну только минуту затрепетала, — хорошо,

я сейчасъ. — Генеральша помогла ей раздѣться, оглянула строго, и сказала:

— Ну, нѣтъ, это не бѣлье, Люба, достань изъ шифоньерки — ты знаешь какое — съ брюссельскими... Да поворачивайся, мать моя.

Затѣмъ, поворачивая Сонечку, трогая и разглядывая, генеральша забормотала:

— Здѣсь родимое пятно, это хорошо, на удачномъ мѣстѣ. Я, признаться, думала, что ты кособокая. А это что? Софья! Ты по крыжовнику, что ли ползала? Стыдно... Загаръ съ рукъ сведи разсоломъ.

Затѣмъ, притянувъ къ себѣ пунцовую отъ стыда дѣвушку, генеральша шепнула ей на ухо такое, отъ чего Сонечка похолодѣла, ахнула и замерла, чувствуя — вотъ рухнетъ все призрачное ея спокойствіе.

Но она превозмогла себя и, со слезами на глазахъ, стала глядѣть въ сторону, предоставивъ генеральшѣ возиться и бормотать сколько хочетъ.

Съ этой минуты все происходящее потеряло для нея значеніе. Какъ во снѣ, она одѣлась. Пошла въ кабинетъ, гдѣ на коврикѣ опустилась передъ Алексѣемъ Алексѣвичемъ на колѣни; приняла благословеніе походнымъ образомъ, съ надписью отъ полка; поцѣловала дрожащую съ синими жилами руку генерала; потомъ продѣлала то же передъ генеральшей; вмѣстѣ съ нею сѣла въ карету и поѣхала въ монастырь, гдѣ за оградой въ деревянной церквенкѣ долженъ былъ ее повѣнчать заштатный попъ.

По дорогѣ, глядя въ окно, замѣчала каждый кустъ близъ дороги. Узнала на «Свиныхъ

Овражкахъ» флагъ съ изображеніемъ пѣтуха, поставленный иждивеніемъ Павлины, и улыбнулась. Вѣтка орѣшника со спѣлымъ орѣхомъ-тройчаткой задѣла ее по рукѣ. У монастырскихъ воротъ поклонились двѣ монашенки, какъ черныя куклы. На пескѣ, распушась, сидѣлъ глупый воробей, колесомъ его чуть не задѣло...

Сонечка сама отворила дверцу кареты, вышла на паперть, помогла выйти генеральшѣ и, подъ руку съ нею, пошла по чистому половику, подбирая тяжелый шлейфъ. Въ церкви было ярко и зелено отъ листьевъ, льнущихъ извнѣ къ окнамъ. Солнце, разбитое на множество пыльных лучей, играло на золотомъ иконостасѣ. Сонечка вдохнула запахъ ладана и свѣчей и стала молиться Сладчайшему Спасу.

Когда послышался шумъ въ дверяхъ, она догадалась, что пріѣхалъ Смольковъ, угадала его голосъ, но, когда онъ, весь въ черномъ, съ испуганнымъ лицомъ, всталъ подлѣ, прошептавъ: «здравствуй», не узнала его и улыбнулась.

Священникъ началъ обрядъ. Сонечка вѣрила всей душой въ совершающееся таинство. Когда приказали ходить, — словно полетѣла, не чувствуя пола подъ ногами. Рука ея не ощущала чужой руки, глаза не видѣли ничего, кромѣ огня свѣчи, и, когда махнули кадиломъ, — вдохнула грудью ароматный дымъ ладана. Свѣтъ свѣчи, все увеличиваясь, разлился по всему ея тѣлу и кто-то сказалъ: — Невѣстѣ дурно.

Но она знала, что не дурно ей, а легко. Только, боясь испугать добрыхъ людей, рѣшила она опуститься на землю и, стукнувъ туфелькой

о плиту, почувствовала, какъ все тѣло покрылось капельками пота, рука Смолькова поддерживаетъ ее и наклоняются странные его глаза.

Служба не прерывалась и скоро пришла къ концу. Сонечку поздравили, а она все глядѣла на блѣдное лицо Николая Николаевича, думая:

— Какой же онъ мнѣ мужъ!

Въ каретѣ на обратномъ пути Смольковъ сказалъ особеннымъ шопотомъ:

— Наконецъ-то, милая моя Соня! — и поцѣловаль ее въ губы, а она, поднявъ брови, глядѣла, не отклоняясь, на эти, такіе близкіе, странные сейчасъ полузакрытые глаза мужа.

Генераль и генеральша, приѣхавъ первыми, встрѣтили съ образомъ молодыхъ и повели къ столу. Всѣ громко старались шутить и смѣяться. Сонечка, слушая ихъ голоса словно издадека, чувствовала ту же легкость, какъ въ церкви, и не притрагивалась къ ѣдѣ. Шампанское пригубила и выпила весь бокаль и попросила еще.

— Она труситъ, поэтому пьетъ, — увѣряла генеральша, слишкомъ много смѣясь. Поминутно чокалась она, проливая вино на скатерть. Генераль сказалъ:

— Жаль, что музыки нѣтъ, я бы пошелъ трепака!

— Все равно, выходи, выходи, — воскликнула Степанида Ивановна, — покачиваясь, вышла на середину комнаты и подняла платочекъ.

— Эхъ, старина! — крикнулъ генераль, вскочилъ и лихо затопаль ногами. Генеральша покачнулась и, визгливо смѣясь, упала бы, если бы не поддержалъ Смольковъ. Генераль про-

должалъ топтаться... Сонечка, подперевъ щеку, глядѣла на нихъ и глаза ея были полны слезъ.

Послѣ обѣда всѣ, съ тяжелыми головами, не отдыхая, начали слоняться по дому и не знали, что начать, потому что дѣлать обычное казалось неловкимъ.

Въ саду, около веранды, собрались дворовые и парни съ дѣвушками изъ села — разодрѣтые въ кумачи... По настоянію генерала Николай Николаевичъ вынесъ имъ четверть водки, а Сонечка подносъ, полный орѣховъ и пряниковъ. Дѣвушки, ставъ полукругомъ, прославили молодыхъ, захлопали въ ладоши, и пошли плясать, подпѣвая...

Ахъ ты, Дуня, Дуня, Дуня, Дуня, Дуня, ду!
Била Дуня Ваню коломъ на леду!

Выискался музыкантъ на жалейкѣ и подхватилъ припѣвъ; тогда изъ толпы выскочилъ парень, схватился за шапку, крикнулъ и, загребая тяжелыми сапогами, пустился плясать. Сонечка, отыскавъ глазами въ толпѣ своего красавца парня, теперь добродушно смѣящагося пляскѣ, подумала съ грустью: — «минуту все это, минуло, прощайте».

Къ вечеру народъ ушелъ и долго еще съ плотины слышались пѣсни и дѣвичій визгъ. Въ саду и на верандѣ стало тихо. Вздохнувъ, генеральша принесла шкатулку съ фотографіями и показала портреты еще живыхъ и давно умершихъ: Алексѣй Алексѣевичъ въ молодости былъ красавецъ. О каждой карточкѣ рассказывала генеральша задумчивыя исторіи.

Генераль, въ свою очередь, принёсъ военную карту и описывалъ походъ черезъ Дунай.

Такъ старики дѣлали, что могли, развлекая молодыхъ. Когда же сошла ночь и отпили послѣдній чай на той же верандѣ, Степанида Ивановна сказала:

— Дѣти, проститесь съ нами и подите спать. Люба васъ отведетъ въ вашу новую комнату, я своими руками постлала бѣлье и приготовила все, что нужно.

Николай Николаевичъ скрылся незамѣтно. Сонечка такъ смутилась, что стояла посреди террасы, словно ища помощи у людей. Степанида Ивановна обняла ее и, ласково уговаривая, повела.

Генераль остался одинъ; задумчиво всматриваясь въ тусклую давно отгорѣвшую полосу заката, курилъ онъ трубочку и думалъ о невеселой своей жизни. Наконецъ вернулась жена, сѣла близко около него и вдругъ, вся собравшись въ комочекъ, сказала:

— Алешенька, приласкай меня, ты ужъ давно меня не ласкалъ...

Генераль бережно обнялъ Степаниду Ивановну, прижалъ къ себѣ и сталъ гладить по волосамъ...

— Вотъ мы и отжили свой вѣкъ, — сказалъ онъ негромко.

Генеральша покачала головой: — Не говори такъ, — намъ еще много, много предстоитъ впереди. Ахъ, только сердце у меня очень ноетъ...

Въ нижнемъ окнѣ праваго крыла дома, про-

тивъ веранды, зажегся свѣтъ, — это была комната молодыхъ съ особой дверью въ садъ — бывшая гостинная.

— Свѣтъ у нихъ, — сказала Степанида Ивановна — глупыя дѣти...

— Мнѣ показалось, будто вскрикнули, — послѣ долгаго времени спросилъ генераль, — ты ничего не слыхала?..

— Дай-то ей Богъ, — прошептала генеральша.

Спустя немного стеклянная дверь во флигель-кѣ звякнула, отъ стѣны отдѣлился Смольковъ и быстро зашагалъ на длинныхъ, бѣлыхъ ногахъ черезъ клумбы къ верандѣ, говоря задыхающимся съ перепугу голосомъ:

— Степанида Ивановна, помогите, моя жена безъ чувствъ я, право, не понимаю...

Степанида Ивановна поспѣшно поднялась, взглядѣлась:

— Одѣньтесь же по крайней мѣрѣ, сударь, прикройте ваши голыя ноги, — воскликнула она съ негодованіемъ.

ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ

Мокрыя тучи заволокли небо, лишь вдали, у края степи, виднѣлся мутный просвѣтъ. Туда, къ длинной щели подъ тучами, уходила черная, разѣзженная дорога. Пара почтовыхъ лошадеенокъ тащила кое-какъ плетеный тарантасъ по дорожнымъ колеямъ, отсвѣчивающимъ свинцовой водой. Ямщикъ покрикивалъ уныло.

Кругомъ — мокрая жнивья, ровныя поля, — тоска, степь.

Николай Николаевичъ, закутавшись въ чапанъ, залѣпленный сзади лепешками грязи, потряхивался въ тарантасѣ и покачивался въ ту сторону, куда покачивался тарантасъ. Носъ его покраснѣлъ, душа была въ глубочайшемъ уныніи: — ну, и заѣхали! — мокрая тучи, мокрая, голая степь, впереди тоскливый просвѣтъ, отражающійся въ свинцовыхъ лужахъ и колеяхъ дороги, сутулая спина мужика на козлахъ, да два лошадиныхъ хвоста, подвязанные подъ самую рѣпицу.

Рядомъ съ Николаемъ Николаевичемъ потряхивалась на подушкахъ Сонечка, тоже закутанная въ чапанъ, въ оренбургскій платокъ. Молчить и думать. Молчить и ямщикъ, изрѣдка подстегивая взѣрошенную отъ мокрети, неопредѣленнаго цвѣта пристяжную. Молчить и Николай Николаевичъ, — еще-бы! Не хватало еще и разговаривать среди этой безнадежной грязищи. И понесло же ихъ изъ уютныхъ Гнилопятъ черезъ всю Россію, съ пересадками, вонючими вокзалами и вотъ теперь на почтовыхъ, — въ это захолустье къ какому-то скучнѣйшему старику, Ильѣ Леонтьевичу. Какая была надобность? Высказать родственныя чувства? Родственные чувства обычно высказываются съ гораздо большимъ успѣхомъ въ телеграммѣ, или въ письмѣ. Сыро, ногамъ холодно, отъ тряски болить голова, половинки отсидѣлись. Вотъ она расплата за легкомысліе! Сейчасъ бы въ Петербургъ! Господи! — посидѣть бы хоть съ полъ часика въ парикмахер-

ской у Жаңа! Никогда, никогда ничего больше не будетъ, кромѣ этой дороги куда-то къ чорту, въ щель подъ тучами!

— Соня, долго намъ еще ѣхать? — спросилъ Николай Николаевичъ.

Сонечка отогнула воротникъ чапана, взглянула на мужа, — личико у нея было блѣдное, на щекѣ лепешки грязи, — оглянулась на степь:

— Мы еще Марьевку не проѣхали, — сказала она негромко и кротко, — проѣдемъ Марьевку, направо будетъ Хомяковка, а налѣво — Коровино, оттуда уже близко.

— Доѣдемъ, — сказалъ мужикъ на козлахъ, не оборачиваясь.

Николай Николаевичъ надулъ щеки и, по крайней мѣрѣ, минутъ пять выпускалъ изъ себя воздухъ, — торопиться было некуда.

Наконецъ, проѣхали Марьевку, увидѣли направо обвѣтренныя, соломенные крыши Хомяковки, налѣво — ометы, соломенные крыши и одинокую на юру вѣтрятную мельницу Коровина; Сонечка начала волноваться, распахнула чапанъ, щеки ея порозовѣли: — изъ-подъ горки поднимались порѣдѣвшія, старыя ветла, желтыя кущи сада, блеснула свинцовая вода длинныхъ прудовъ, отразившихъ тучи.

— Рѣпьевка, — сказала Сонечка, указывая на ветла, на краснѣющую за ними крышу деревяннаго дома. Ямщикъ подстегнулъ взѣрошенную пристяжную, прикрикнулъ: — «Но,

милая, выручай!» — Покатили подъ горку, проѣхали мягкую плотину, гдѣ пахло вянущей листвою и сыростью пруда, встрѣтили кучу грязныхъ и охрипшихъ отъ злости собакъ, и остановились у крыльца, заѣхавъ колесомъ на цвѣточную клумбу.

Досчатый обвѣтренный фасадъ дома съ деревянными колоннами и съ разбитымъ слуховымъ окошкомъ посреди треугольнаго портика, замараннаго голубями, — былъ обращенъ къ бѣлесоватой щели въ небѣ. Сонечка выпрыгнула изъ тарантаса и, путаясь въ полахъ чапана, взбѣжала на крылечко, за ней поплелся Николай Николаевичъ. Толстое бабье лицо метнулось за окошкомъ, и — пошли скрипѣть двери. Сонечка звонко крикнула:

— Анисья, гдѣ папа?

— Въ саду, милая барышня, здравствуйте, съ пріѣздомъ...

Илья Леонтьевичъ съ утра возился въ саду. Мелкій дождь моросилъ на сѣдую его бороду, на черную безрукавку, на сизую траву вокругъ, на опадающіе золотые листья березъ. Налегая ногой на лопатку, покряхтывая, Илья Леонтьевичъ перекапывалъ розовый кустъ. Когда лопатка задѣвала за корень, онъ морщился, опускался на колѣни и пальцемъ отковыривалъ корешокъ, бормоча по давнишней привычкѣ вслухъ:

«Терпѣніе можно испытывать лишь до извѣстной границы, далѣе — я могу впасть въ раздражительность, и это дурно. Но если это

дурно, все-же не значитъ, что я не могу быть раздражителенъ».

Скверное настроеніе у Ильи Леонтьевича началось недѣлю тому назадъ по ничтожному поводу. Еще лѣтомъ онъ послалъ племяннику своему Михайлѣ Михайловичу, по его просьбѣ, свой, лѣтъ двадцать лежавшій въ сундукѣ, дворянскій мундиръ съ золотымъ шитьемъ, — совсѣмъ новешенькій. Дворянскіе выборы давнымъ давно прошли, но Михайла мундира назадъ не присылалъ. При встрѣчѣ Илья Леонтьевичъ не могъ глядѣть въ глаза племяннику и сердился и на него и на себя за мелочность. Хотя мундиръ Ильѣ Леонтьевичу былъ совершенно не нуженъ, — все же недѣлю тому назадъ онъ послалъ за нимъ нарочного, который и привезъ мундиръ, но не тотъ, что Илья Леонтьевичъ далъ этимъ лѣтомъ Михайлѣ поносить, а какой-то весьма поношенный мундиръ съ обшарпаннымъ шитьемъ. Тогда Илья Леонтьевичъ написалъ Михайлѣ:

«Я оставилъ тебѣ мундиръ поносить, а ты прислалъ мнѣ, взамѣнъ, какія-то скверныя обноски. Мнѣ обидно не то, что ты взялъ мой мундиръ, приславъ негодный, а обидна эта манера, взгляды на вещи; такъ же и то, особенно, что ты, обидѣвъ меня, самъ же меня считаешь мелочнымъ, что и высказывалъ Аннѣ Аполосовнѣ, и даже смѣялся, представляя въ жестяхъ, какъ будто-бы я, надѣвъ мундиръ, расхаживаю одинъ по дому... Повторяю, что мундиръ мнѣ не нуженъ, и расхаживать въ немъ я не собираюсь, тѣмъ болѣе — потѣшать другихъ, но прошу тебя, все-же, мой мундиръ

вернуть въ цѣлости, а присланный тобою, обшарпанный, отсылаю...» И такъ далѣе, и такъ далѣе...

Досадовалъ Илья Леонтьевичъ на всю эту исторію, и не могъ найти въ себѣ ни подобающаго спокойствія, ни душевной тишины. А нынче ночью, къ тому же, и видѣлъ во снѣ Михайлу, — стоитъ будто бы онъ въ новомъ мундирѣ, застегнутомъ на одну верхнюю пуговицу и показываетъ языкъ.

Отковыривъ пальцемъ раздражавшій его корень розы, Илья Леонтьевичъ, кряхтя, вытащилъ изъ ямы кустъ, обиль землю и завернулъ его въ рогожу.

Въ это время въ саду появилась Анисья, крича еще издали:

— Илья Леонтьевичъ, барышня пріѣхала!

Это уже было ни на что не похоже: — внезапно, не извѣстивъ, свалиться, какъ снѣгъ на голову.

Подходя къ дому, Илья Леонтьевичъ увидѣлъ, какъ ямщицкій тарантасъ съѣзжалъ съ цвѣточной клумбы, и лохматая пристяжная, походя,хватила зубами вѣтку недавно посаженнаго тополя, на которомъ еще не осыпались желтые листья...

— Разбойникъ, — закричалъ Илья Леонтьевичъ, — что ты мнѣ весь палисадникъ вытопталъ!

Ямщикъ покосился на сердитаго барина и, пристегнувъ лошадеенокъ, ни слова не отвѣчая, уѣхалъ. На лѣстницѣ, на крылечкѣ, въ лакейской, — повсюду на чисто вымытыхъ, сосновыхъ старыхъ полахъ увидѣлъ Илья Леон-

тьевичъ лепешки грязи... «Домъ въ конюшню обратили», — подумалъ онъ, еще сильнѣе раздражаясь на то, что, вотъ, — прѣхала дочь съ мужемъ, а онъ только и знаетъ, что сердиться на мелочи.

Илья Леонтьевичъ пошелъ къ себѣ въ спальню за занавѣску, вымылъ въ рукомойникѣ руки и лицо, расчесалъ влажную бороду и вышелъ въ столовую, гдѣ слышался запахъ дорогого табачнаго дыма.

Сонечка сидѣла на диванѣ, — было на ней незнакомое (Илья Леонтьевичъ осудительно подумалъ: «изъ Парижа, чай, выписали»), шелковое платье, шелковые чулочки, тоненькіе башмачки-копытцами, — лицо похудѣвшее, чужое, волосы подобраны неестественно: — чистая кукла! Николай Николаевичъ стоялъ у окна, глядя черезъ заплаканныя стекла на умирающій садъ. Голова у зятя была огурцомъ, съ плѣшинкой, спина унылая. «Фертикъ» — подумалъ Илья Леонтьевичъ и сейчасъ же съ отвратностью подавилъ въ себѣ гадкую мысль. Сонечка, увидѣвъ отца въ дверяхъ, легко вскрикнула, подбѣжала на каблучкахъ-копытцахъ. — Илья Леонтьевичъ расцѣловался съ дочерью.

— Папа, мой мужъ, — она указала глазами и улыбкой на почтительно, почему то даже съ отгѣнкомъ нѣкоторой скорби, кланяющагося Николая Николаевича, затѣмъ умоляюще глядя въ глаза отцу, такъ, вдругъ, покраснѣла, что выступили слезы. Илья Леонтьевичъ обнялъ зятя, поцѣловалъ въ високъ.

— Ну, — сказалъ онъ со вздохомъ, — по-

здравляю, радъ, радъ. Спасибо, что прїѣхали... Садитесь.

Онъ сѣлъ на старенькій кожаный диванчикъ, Сонечка робко присѣла отцу подъ крыло, Николай Николаевичъ сѣлъ напротивъ, нагнулъ голову.

Сквозь заплаканныя стекла едва теперь былъ видѣнъ садъ, весь мокрый и сѣрый въ туманѣ, за пеленой отвѣснаго дождичка. Полукруглыя окна вверху были затянуты паутиной. Казалось пыльная эта паутина виситъ во всѣхъ темныхъ углахъ столовой, во всемъ рѣпьевскомъ домѣ.

Сонечка стала рассказывать, вкратцѣ и немного сбивчиво, какъ урокъ, — о свадьбѣ, о Гнилопятахъ, о генералѣ и генеральшѣ, о поѣздкѣ. Илья Леонтьевичъ кивалъ бородой, вынулъ изъ кармана и вертѣлъ въ пальцахъ табличку съ нюхательнымъ табакомъ.

— Жалѣю, жалѣю, — сказалъ онъ, — хотѣлъ быть на свадьбѣ, но не могъ: — дорога тяжела, расходы большіе и хозяйство не на кого было оставить. Да, вы, по правдѣ сказать, и безъ меня хорошо обошлись. Не сѣтую, не сѣтую, — новое поколѣніе, новые нравы... Вчера познакомились, а сегодня ужъ и обвѣнчались, а завтра и разѣхались по сторонамъ... Въ шутку это говорю, да, да, шучу. — Онъ захватилъ щепоть крупной крошки, французскаго табачку, прищурилъ правый глазъ и нюхнулъ, затѣмъ узловатыми пальцами слегка отряхнулъ бороду. — Шучу. Радъ, что прїѣхали. Ну, какъ же вы думаете начать жить?

Николай Николаевичъ моргнулъ нѣсколько

разъ, затѣмъ сдѣлалъ неопредѣленный жестъ... Глаза у него слипались отъ сумерекъ, отъ скучнѣйшей этой бесѣды, отъ усталости послѣ дороги.

— Мой дядя опредѣленно обѣщалъ мнѣ постъ въ министерствѣ иностранныхъ дѣлъ, — сказалъ Николай Николаевичъ, — вотъ вы насъ здѣсь побалуете нѣсколько дней, потомъ поѣдемъ.

— Что же такъ. Нѣсколько дней? Я не гоню, живите покуда можно.

— Нѣтъ, нѣтъ, мы здѣсь проживемъ, — поспѣшно сказала Сонечка, — знаешь Николай, какъ хорошо здѣсь будетъ осенью: — заморозки, иней, хрустальный воздухъ. Длинные вечера, бесѣды... Будемъ вслухъ читать...

Николай Николаевичъ, странно, пустыми глазами, посмотрѣлъ на жену, — она опустила голову. Илья Леонтьевичъ сказалъ, послѣ нѣкотораго молчанія:

— Жить въ деревенской глуши — надо имѣть привычку. Ежели вы, — онъ изъ подъ бровей уставился на зятя, — ищите поминутныхъ развлеченій — деревня вамъ покажется скучна. Здѣсь не найдете ни суетливыхъ улицъ, ни гостинныхъ съ пустой болтовней, ни развращающихъ душу и тѣло ресторановъ. Но вы найдете здѣсь тишину, мудрый укрѣпляющій трудъ, суровую справедливость дѣйствительности. Вотъ, всѣ мои родственники, та же Соня, тотъ же племянникъ Михаилъ, — думаютъ, что я все хандрю и сержусь. Неправда, — по натурѣ я не хандрунъ, у хандруна въ глазахъ потемки, я же вижу — ясно, и полагаю, что

глупо считать меня за ворчуна. — Борода у него затряслась, онъ опять нюхнулъ табачку. — Всѣ мы подвержены слабости и паденію. Почему? Потому только, что не страшимся неумѣстной гордости, которая погубила Перваго Ангела, и которая въ насъ извращаетъ понятія. Гордость: — свободная воля и легкомысленное расточеніе бытія. Какое извращеніе понятій! Какой грустный выводъ! Мы не хотимъ, мы страшимся понять, что все окружающее, равно какъ и все находящееся внутри насъ дано не намъ однимъ, но и нашимъ предшественникамъ и будущимъ поколѣніямъ. Мы лишь приказчики нашихъ сокровищъ. Мы лишь отвѣтчики за большее, или меньшее раденіе о нашемъ имуществѣ. Отъ непониманія этой суровой истины — всѣ наши пламенные желанія, вся жажда наслажденій, для которыхъ нужны деньги и деньги, — накопленіе и вновь расточеніе. Оттого и вѣчное недовольство, помраченіе разсудка, слѣпота...

«Эге, — подумалъ Смольковъ, — старикъ-то вонъ куда гнетъ... Нѣтъ, братъ, на эти штуки меня уже ловили, шалишь».

— Примѣръ я беру, — продолжалъ Илья Леонтьевичъ, — скажемъ, есть у меня мундиръ съ золотымъ шитьемъ, въ полной сохранности. Долженъ я его швырнуть какому-то шелопаю, на вѣтеръ, или я долженъ его сохранить, беречь, ибо я его временный владѣлецъ? — Илья Леонтьевичъ сильно запустилъ въ носъ двѣ понюшки. — Можно, разумѣется, представить, что старикъ выжилъ изъ ума и по вечерамъ разгуливаетъ въ мундирѣ по пустымъ комна-

тамъ... Да, да — мнѣ мундиръ не нуженъ, — пускай его носятъ на здоровье, важенъ принципъ...

Николай Николаевичъ, сморщившись, старался понять — въ чемъ тутъ дѣло, о какомъ мундирѣ говоритъ Рѣпьевъ? Но такъ и не понялъ, — мигреновой болью вдругъ разболѣлся затылокъ. А Илья Леонтьевичъ все продолжалъ говорить, путанно и сложно, — самъ себѣ отвѣчалъ на мысли, ворчалъ и нюхалъ табакъ.

А за окномъ лилъ и лилъ дождикъ на примятую траву, на рыхлыя клумбы, шумѣлъ въ водосточныхъ трубахъ.

Николай Николаевичъ давно уже пересталъ слушать: «Дѣйствительно, ничто другое здѣсь и не придетъ въ голову человѣку, — думалъ онъ, — тоска, мокреть, отъ самого себя стошнить».

Наконецъ, Анисья внесла самоваръ, стрѣляющий искрами изъ рѣшетки, и вздула лампу надъ бѣлой скатертью круглого стола. Въ комнатѣ стало уютнѣе, — дождь и сырость ушли за окна... Илья Леонтьевичъ сунулъ тавличку въ карманъ и сказалъ, поднимаясь съ диванчика: — Прошу, чѣмъ Богъ послалъ.

ГЛАВА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ

Вторую недѣлю доживали молодые Смольковы въ Рѣпьевкѣ. А дождикъ, не переставая, лилъ и лилъ, — мелкій, отвѣсный. Сырость и скука проникли во всѣ углы рѣпьевскаго

дома. Въ штукатуренныхъ стѣнахъ повсюду торчали гвозди; на диванахъ, на просторныхъ креслахъ лежали пыльные связки картинъ, портретовъ и книгъ; подъ диванами, подъ ножками креселъ стояли заколоченные ящики. Въ иныхъ комнатахъ никогда не отворявшіяся окна были такъ затянуты паутиной, что едва пропускали свѣтъ. Станный былъ этотъ домъ.

Лѣтъ пятнадцать тому назадъ, когда внезапно умерла Марья Аполосовна, Сонечкина мать, — Илья Леонтьевичъ въ безмѣрномъ отчаяніи рѣшилъ было навсегда покинуть усадьбу — переѣхать въ городъ. Картины, книги, вещи были уже упакованы въ ящики, — но какъ-то такъ вышло, что не переѣхали. Часть вещей снова поставили на мѣста, а часть такъ и осталась лежать въ ящикахъ и на диванахъ. Нѣсколько разъ Илья Леонтьевичъ заговаривалъ съ дочерью, что хорошо бы привести домъ въ порядокъ, развязывалъ пачку портретовъ, задумывался надъ ними и клалъ ихъ на старое мѣсто.

Но сейчасъ, по случаю пріѣзда молодыхъ, все же прибрали наверху двѣ комнаты, — спальню и горенку, гдѣ супруги могли, безъ помѣхи, съ глазу на глазъ, проводить время. Супруги время проводили однообразно: — вставали поздно и въ кроватяхъ кушали остывшій чай, спускались внизъ только къ завтраку, когда Илья Леонтьевичъ, насуетившійся спозаранку по хозяйству, уже сидѣлъ на своемъ мѣстѣ — на кожаномъ диванчикѣ и поворчивалъ въ бороду.

Послѣ завтрака Сонечка вмѣстѣ съ Анисьей занималась переборкой старыхъ вещей — носильнаго платья, бѣлья, кружевъ, лежавшихъ въ ящикахъ огромныхъ комодовъ. Николай Николаевичъ бродилъ безъ опредѣленнаго занятія по комнатамъ, — курилъ, глядѣлъ въ окошки, или свисталъ, заложивъ пальцы въ кармашки полосатаго коричневаго жилета. Илья Леонтьевичъ уходилъ соснуть. Затѣмъ пили чай. Затѣмъ сидѣли въ сумеркахъ, — любимый часъ Ильи Леонтьевича, когда онъ, понюхивая табачекъ, заводилъ, обычно, длинную бесѣду о предметахъ высокихъ и отвлеченныхъ. Затѣмъ — ужинали, и расходились по своимъ комнатамъ до слѣдующаго утра.

Днемъ и ночью шумѣлъ дождь въ водосточныхъ трубахъ. Николай Николаевичъ бродилъ по дому, поглядывая на углы, гдѣ висѣла паутина. Такого унынія онъ еще не испытывалъ въ жизни. Въ ожесточенной душѣ его зрѣло отчаяніе.

— Коленька, можетъ быть ты почитать чтонибудь хочешь? Вотъ, я взяла у папы «Вѣстникъ Европы», — сказала Сонечка, съ тревогой всматриваясь въ блѣдное въ сумеркахъ лицо мужа, сидѣвшаго у стола передъ недопитымъ стаканомъ чая.

— Уволь, пожалуйста, отъ твоего чтенія, — сказалъ Николай Николаевичъ, — твой отецъ очень странный человѣкъ, я нахожу. Да, да, — очень странный.

Сонечка положила книгу, сѣла у стола:

— Что случилось, Коленька?

— Въ томъ то и дѣло, что здѣсь ровно ничего не случается.

Голосъ его какъ то даже особенно зазвенѣлъ. Николай Николаевичъ взялъ со стола книгу, раскрылъ, закрылъ:

— Прислалъ «Вѣстникъ Европы»... Ха, ха... Можетъ быть мнѣ такъ же «Четыи Минеи» надо читать? Я совершенно серьезно начинаю подумывать, не заняться ли искусственнымъ выведеніемъ цыплятъ, или, напримѣръ, поступить въ сельскіе учителя... Изъ меня бы вышелъ достойный мѣстный дѣятель... — Николай Николаевичъ швырнулъ «Вѣстникъ Европы» подъ диванъ, отошелъ къ окну, и, сунувъ пальцы въ карманы жилета, засвисталъ мотивчикъ:

«Папирочка, мой другъ,
Ты меня плѣняешь,
Сонъ навѣваешь,
Люблю тебя всей душой,
Всей душой, да».

Послѣ того какъ пѣсенка о папирочкѣ была спѣта, Сонечка сказала чуть слышно:

— Я давно замѣтила, что ты сердишься на папу... Я не знаю, что у васъ произошло... Но я знаю — папа намъ хочетъ только добра...

— Папа хочетъ! — воскликнулъ Николай Николаевичъ съ яростью оборачиваясь, — папа хочетъ, чтобы я выучился доить коровъ и такъ далѣе. Да-съ, это онъ мнѣ самъ вчера заявилъ въ видѣ аллегоріи. Папа хочетъ сдѣлать изъ меня высоко-моральнаго человѣка, второго Франциска Ассизскаго... А денегъ намъ на поѣздку въ Парижъ давать не хочетъ!

— Коля!

— Что Коля? Отъ этихъ, — двадцать четыре часа въ сутки, — разговоровъ подъ дождикъ о душѣ и всемірной любви меня тошнить и рветъ...

Николай Николаевичъ выпуклыми глазами уставился на Сонечку, — подъ его взглядомъ ей стало холодно спинѣ, упало сердце...

— Я раздражёнъ, да-съ. Мало того, — я въ крайнемъ возмущеніи. Только скупые старики и старья, истерическія бабы могутъ разглагольствовать о величій души, о любви въ шалашахъ, о разныхъ Эдипахъ и прочей омерзительной гадости... Но ты — моя жена, ты не должна способствовать этому жалкому надувательству... Ты должна понять, что я свѣтскій человѣкъ, а не пастухъ... Я хочу жить, а не торчать цѣлые дни носомъ въ мокрыхъ окошкахъ... Намъ нужны деньги... Мы должны успѣть къ началу сезона быть въ Парижѣ... У меня есть планъ страшно выиграть въ Эн-гіенъ, въ рулетку... Въ декабрѣ мы должны вернуться въ Петербургъ... Во всякомъ случаѣ — я это долженъ, я это сдѣлаю, чортъ возьми!

Онъ повернулся на каблукахъ, фыркнулъ носомъ и выбѣжалъ изъ столовой. Сонечка осталась сидѣть у стола, опустивъ на кулачекъ голову. Ею овладѣло оцѣпененіе, истинная грусть. Твердо и ясно проговорила она тѣ слова, о которыхъ раньше боялась и думать:

— Не любить меня, никогда не любилъ.

Все это время, съ первой встрѣчи со Смольковымъ въ Гнилопятахъ, жила Сонечка, какъ бы въ забытіи, — въ ней все было притушено и заглушено. Генеральша, — тогда ночью со свѣчей, — нагнала на Сонечку ужасъ и разбудила любопытство. Смольковъ использовалъ его. Сонечка смутно чувствовала, что отношенія ея съ женихомъ, — а затѣмъ — съ мужемъ, — «совсѣмъ не то», но не знала, — что же «то», и лишь всѣми силами души стремилась наградить Николая Николаевича качествами необыкновенными, прекрасными, возвышенными, и самой быть такой, какою онъ хотѣлъ, чтобы она была.

Минутами ей дико казалось ощущать себя — новую: — все въ ней было новое, чужое, не пролюбованное, — платье, бѣлье, башмачки, движенія, голосъ, запахъ волосъ (раньше она думала, что завиваться и душиться — дурно). Бывали минуты, когда въ ней поднималось тошненькое отвращеніе къ этому новому существу. Но она повторяла:

«Такъ нужно, такъ хочетъ Коленька».

Правда, первая же свадебная ночь едва не окончилась катастрофой. Николай Николаевичъ, когда ихъ оставили, наконецъ, вдвоемъ во флигелькѣ въ саду, ни говоря ни слова, даже не лаская, только ужасно, вдругъ, побѣлѣвъ, приблизилъ къ Сонечкѣ страшное лицо свое, — выпуклые, остеклянѣвшіе глаза, трясущіяся губы, — хрустнулъ зубами и повалился вмѣстѣ съ женой на кружевную постель.

Сонечка слабо молча сопротивлялась. Было такъ, будто ее убиваютъ. Упала, погасла свѣча.

Невидимый звѣръ рвалъ на ней кружева, зарывался зубами, холоднымъ носомъ въ шею. Кончился этотъ ужасъ глубокимъ обморокомъ молодой женщины.

Затѣмъ, прибѣжала генеральша, поила Сонечку каплями, прикладывала припарки, съ кривой усмѣшкой, шепоткомъ на ушко спрашивала объ ужасномъ и стыдномъ. Николай Николаевичъ крайне недовольный всей этой возней съ припарками, бродилъ по саду и громко чихалъ, такъ какъ въ эту ночь выпала обильная роса.

Въ первые дни Сонечка думала, что сойдетъ съ ума отъ страха и отвращенія, — сама себѣ казалась растоптанной, какъ кошка, попавшая подъ колесо. Но вотъ, — съ ума не сошла, и плакать перестала. Николай Николаевичъ былъ веселъ и даже шутливъ, нѣжны и ласковы — генеральша и генераль.

И уже Сонечка вновь корила себя за то, что — глупая, за то, что неумѣлая жена. Быстро мелькнула послѣсвадебная недѣля въ Гнилопятахъ. Николай Николаевичъ самъ настоялъ на поѣздкѣ къ тестю. Прощанье было грустное, — генеральша расплакалась, стоя на крылечкѣ, въ тоскѣ подняла глаза къ небу, гдѣ въ осенней синевѣ улеталъ клинъ журавлей. Алексѣй Алексѣевичъ вытиралъ глаза малиновымъ платкомъ: «Прощайте, дѣти, дай Богъ вамъ счастья, живите долго. Увидишь отца, — кланяйся ему, Сонюрка, обними. Видно ужъ намъ не увидаться съ нимъ. А жаль, хорошій старикъ... Напомни ему, какъ мы въ шахматы играли».

Въ дорогѣ Николай Николаевичъ былъ не-сносенъ, — капризничалъ, сердился, жаловался на желудокъ и на сквозняки. У Сонечки точно оторвалась душа, послѣ прощанья на крылечкѣ съ генераломъ и генеральшей. Отъ духоты вагона, отъ табачнаго дыма, отъ визгливаго голоса Николая Николаевича болѣла голова, — это были будни, настоящая жизнь. Ахъ журавли, журавли въ осеннемъ небѣ надъ Гнилопятами! До слезъ было жалко куда-то навсегда улетѣвшую прежнюю, глупую мечтательницу, Сонечку Рѣпьеву.

И вотъ, здѣсь, въ отцовскомъ дому, подъ шумъ дождя, въ сумеркахъ разоренныхъ комнатъ, гдѣ торчали гвозди, качалась паутина, — почувствовала Сонечка, что далѣе не можетъ притворствовать и лгать себѣ и ему. Съ печалью и твердостью сказала она, — «Не любить, должно быть и я не люблю его».

Она вздохнула, заложила руки за спину и пошла въ библіотеку, гдѣ было слышно, какъ ронялъ книжки, чиркалъ спичками Николай Николаевичъ.

Въ библіотекѣ вдоль трехъ стѣнъ стояли черные, высокіе шкафы, полные ветхихъ книгъ. Пахло мышами и книжной плесенью. Въ каминной трубѣ, съ давнихъ временъ заткнутой вороньимъ гнѣздомъ, подвывалъ вѣтеръ. Николай Николаевичъ сидѣлъ на библіотечной лѣсенкѣ, зажмуривъ глазъ отъ дыма папироски:

— Знаешь, здѣсь пять тысячъ книгъ и все — духовно нравственнаго содержанія, — сказалъ онъ и швырнулъ книжку въ кучу книгъ на полу, — скажи, сдѣлай милость, что за

люди здѣсь жили? Отшельники? Или ихъ всѣхъ, что ли, отсюда живыми на небо брали?

— Эту библіотеку началъ собирать прадѣдушка, Илья Ильичъ, массонъ, — сурово отвѣтила Сонечка, — онъ былъ возвышенный и образованный человѣкъ, мы чтимъ его память. Такимъ же былъ и дѣдушка, такой же и отецъ. Николай, можно тебя отвлечь на минуту? — Я бы хотѣла спросить объ очень серьезномъ...

Сонечка, заложивъ руки за спину, смутнымъ очертаніемъ ходила вдоль оконъ, за которыми повисли тяжелыя, мокрыя вѣтви сосенъ. Николай Николаевичъ чиркнулъ спичкой, усмѣхнулся, сказалъ:

— Ого, это что-то новое у тебя.

— Я хочу спросить, Коленька... Мы живемъ вмѣстѣ, цѣлуемся, смѣемся, вотъ теперь — скучаемъ. Но я не знаю — любишь ты меня? — Сонечка пріостановилась, какъ бы прислушиваясь къ этимъ новымъ для нея словамъ, къ спокойному, твердому, тоже совсѣмъ новому голосу. — Я хочу сказать, — нужна ли я тебѣ душевно? Конечно, если бы я тебѣ совсѣмъ не нравилась, ты бы не былъ моимъ мужемъ... Нѣтъ, я хочу спросить, — любишь ли ты меня, именно меня... Есть ли у тебя хоть немного жалости ко мнѣ?... Ахъ, пойми же...

Николай Николаевичъ молчалъ. Сонечка пронзительно всматривалась, — кажется онъ опустилъ глаза, кажется — жалобно, жалобно у него задрожали губы... И, вдругъ, ее самое пронзила жалость къ этому, въ сумеркахъ, сидящему на лѣсенкѣ человѣку. Сонечка стре-

мительно схватила его руку, но онъ руку освободилъ, отошелъ къ пыльному окну и сказалъ:

— Дорогая, мы не дѣти. Нужно жить реальною, а не фантазіями. Подобныхъ разговоровъ просилъ бы не возобновлять. Ты не глупа, мой другъ, и отлично понимаешь, что я прискакалъ изъ Петербурга и женился на тебѣ лишь въ крайнемъ отчаяніи. — Онъ поднялъ руку, останавливая ее восклицаніе. — Я былъ принужденъ обстоятельствами, на шеѣ у меня висѣла петля. Если бы ты была уродомъ, — и тогда бы я на тебѣ женился... Къ счастью ты оказалась хорошенькой. Ты очень миленькая женщина... Въ чемъ же дѣло? Просто въ этомъ мнѣ, на этотъ разъ, повезло... Ты видишь передъ собой человѣка, который совершенно искренне доволенъ... Что же еще тебѣ нужно? Чтобы я лгалъ о «духовномъ общеніи», «сродствѣ душъ», влѣзъ въ халатъ и елейнымъ голосомъ читалъ бы Ниву по вечерамъ?... Я не сутенеръ, я себя не продавалъ...

— Николай, ради Бога, что ты говоришь!..

— Пожалуйста безъ этихъ «ради Бога»... Я же вѣдь не спрашиваю — для чего ты вышла за меня... Отлично знаешь, что у меня ломаного гроша за душой нѣтъ... Нечеловѣческой красотой не блистаю... Вышла потому, что — срокъ пришелъ, нуженъ мужчина... И, вообще, все, что произошло, — вполне естественно, нормально и прилично... Но ужъ когда мнѣ, вмѣсто денегъ, на которыя я имѣю право, — общаются загробное блаженство, требуютъ отъ меня сродства душъ и при этомъ же счи-

таютъ меня прохвостомъ, — это, дорогая моя, свинство и шулерство. Этого я повторять не перестану, покуда твой отецъ не дастъ мнѣ денегъ, вексель, закладную, — плевать, все равно...

Онъ опять повернулся на каблукахъ и вышелъ, но на этотъ разъ уже не засвисталъ про папиросочку. Сонечка опять осталась одна. Безнадежное омерзение, какъ мракъ, опустилось на ея сердце. Въ окна дребезжалъ дождикъ, вѣтеръ подвывалъ въ трубѣ, заваленной вороньимъ гнѣздомъ. Охъ, если-бы можно было содрать съ себя всю опоганенную кожу!

Смольковъ былъ мудръ во всемъ, что касалось удовольствій, — поэтому передъ сномъ всегда мирился съ той женщиной, съ которой ложился въ постель.

Такъ намѣревался онъ поступить и съ Сонечкой въ вечеръ разговора въ библіотекѣ. Ужинъ прошелъ въ молчаніи. Илья Леонтьевичъ дремалъ, намаявшись по хозяйству. Сонечка сидѣла, какъ истуканъ, опустивъ глаза, — не притрагивалась къ ѣдѣ, щипала корочку хлѣба. Николай Николаевичъ покушалъ обильно. Наливая себѣ изъ графина воды, подмигнулъ и сказалъ:

— А вѣдь чертовски вкусный напитокъ — вода. Еще немножко — и я привыкну пить воду.

Сонечка подняла брови. Илья Леонтьевичъ сказалъ хриповато и сонно:

— Вино разрушаетъ организмъ и вмѣстѣ съ

нимъ духовный скелетъ чловѣка, вода же полезна для здоровья.

Николай Николаевичъ подтвердилъ, что, дѣйствительно, вода полезна, но разговоръ не наладился. Тогда Смольковъ простился съ тестемъ, пристально посмотрѣлъ на Сонечку и пошелъ наверхъ. Раздѣлся, надушился, легъ въ постель и съ удовольствіемъ закурилъ папиросу. Сонечка не шла. Онъ выкурилъ три папироски: — Чортъ знаетъ что такое! Сидятъ, навѣрно, съ отцомъ на диванчикѣ и тянутъ мистическую резинку!

Лежа и куря, Николай Николаевичъ сталъ припоминать всѣ несправедливости, испытанныя имъ за эти дни въ Рѣпьевкѣ. Возмутительно! Обращаются съ нимъ, какъ съ малолѣтнимъ преступникомъ! Спитъ — значитъ грѣхъ. Ходитъ — грѣхъ. Куритъ — грѣхъ. Раскроетъ ротъ — грѣхъ, ужасно, преступно! Тьфу! Наняли раба! Купили мужа за ломанный пятакъ!.. Отвратительнѣе всего было то, что въ кошелькѣ Николая Николаевича оставалось только три рубля тридцать копѣекъ. «Пять тысячъ томовъ, — подумалъ онъ, — если бы старикъ сегодня ночью померъ, — продать бы эту библіотеку: — полъ года беззаботной жизни въ Парижѣ!» Николай Николаевичъ сталъ представлять, какъ тестъ, Илья Леонтьевичъ, проглотитъ дробинку отъ дичи, дробинка попадаетъ въ слѣпую кишку, — ну, конечно, старику — конецъ... И вотъ, — все перевортывается въ жизни... Въ половина десятаго — прогулка верхомъ по Булонскому лѣсу. Въ одиннадцать Николай Николаевичъ пере-

одѣвается къ завтраку. Идетъ пѣшкомъ въ кафе Фукъетцъ на Елисейскихъ Поляхъ. Садится на воздухъ, — палка между ногъ, шляпа на затылкѣ, въ петлицѣ фіалка. Гарсонъ наливаетъ коктейль — Мартини. Мимо — бѣгутъ дѣвченки. Плывутъ струи духовъ, сверкаютъ глаза изъ подъ огромныхъ шляпъ, мелькаютъ крѣпкія ножки. Онъ бросаетъ мелочь гарсону, кладетъ трость на плечо и идетъ, — куда? Къ Лярю? Нѣтъ, — къ Грифону. Маленькій ресторанъ, диваны красной кожи, посрединѣ — телѣжка съ гигантскимъ блюдомъ, покрытымъ серебряннымъ колпакомъ, — гордость дома Грифонъ, единственное въ мірѣ фо-филэ. Чортъ! А вечеръ! Тугая рубашка фрака, шелковый цилиндръ, надвинутый глубоко! Огни, огни и, пахнувшая ванилью и пудрой, золотая пыль Монмартра. Чортъ! И все это рѣшаетъ ничтожная дробинка...

Послышался скрипъ винтовой лѣстницы и — шаги жены. Николай Николаевичъ погасилъ окурокъ и сдѣлалъ сладенькое лицо. Сонечка вошла, не взглянувъ на мужа, присѣла къ туалетному зеркалу и, не спѣша, стала вынимать шпильки изъ волосъ.

— А я заждался, гдѣ ты пропадала? — спросилъ Николай Николаевичъ, и — опершись о локоть, исподволь завелъ разговоръ о мужскомъ самолюбіи, о лишнихъ словахъ, сказанныхъ въ гнѣвѣ, о честности прежде всего, и о вредѣ романтики и мистическихъ настроеній. Голосъ у него былъ бархатный.

Сонечка медленно чесала волосы передъ зеркаломъ, не отвѣчала и не слушала. Какъ да-

веча сжалось сердце, — такъ и не отпускало, — холодная лѣнь овладѣла ею. Она заплела волосы въ косу, поднялась и зашла за распахнутую дверцу платяного шкафа, разстегивая платье и раздѣваясь.

— Ну, дѣтка, это глупо, — сказалъ, вытянувъ губы, Николай Николаевичъ, — иди же ко мнѣ... Ты знаешь, какъ я люблю тебя голенькую.

Онъ потянулся и захлопнулъ дверцу шкафа. Сонечка со злобой вскрикнула, прикрылась рубашкой. Онъ, все же, поймалъ ее за локоть, но она рѣзко выдернула руку, и стала, вдругъ, такой ненужной и некрасивой, что Смольковъ дернулъ на себя одѣяло, повернулся спиной:

— Ну и убирайся! Холодная лягушка! Деревяшка!.. Подумаешь, — одна единственная. Ханжа!

Онъ съ яростью задулъ свѣчку. Сонечка легла рядомъ, съ самого краю, вытянула руки поверхъ одѣяла и стала глядѣть въ темноту. Она знала, что не заснетъ всю ночь, и приготовилась лежать терпѣливо.

ГЛАВА ПЯТНАДЦАТАЯ

Николай Николаевичъ, несмотря на всю видимость, былъ робокъ, а теперь, когда денежные средства его не превышали 3 руб. 30 коп., — впаль, также, и въ нерѣшительность.

Чего, казалось, проще — поговорить съ тестемъ о деньгахъ? Но у него сердце замирало,

— а, вдругъ, подъ какимъ-нибудь предлогомъ старикъ откажетъ? Кошмаръ! Николай Николаевичъ подталкивалъ Сонечку на разговоръ съ отцомъ (этимъ и объяснялась сцена въ библиотекѣ). Но Сонечка была, какъ извѣстно, глупа и не могла понять, что только отъ денегъ сейчасъ зависитъ и ея и его счастье. А тестъ — помалкивалъ.

Надъ садомъ, надъ мокрыми ветлами лежало безпросвѣтное небо. Земля, не принимая больше влаги, взбухла и стала оползать на неровностяхъ дорожекъ и клумбъ. Николай Николаевичъ продолжалъ слоняться по дому, барабанилъ ногтями въ стекла, но, конечно, такая жизнь могла убить кого угодно. Въ крайне нервномъ состояніи онъ ждалъ подходящей минуты для разговора съ хитрымъ старикомъ.

И, вотъ, минута эта наступила. День начался, какъ обычно. Сонечка встала рано и поспѣшила спуститься въ столовую, гдѣ Илья Леонтьевичъ, согнувшись надъ своей чашкой, пилъ чай съ горячими лепешками. Сонечка поцѣловала отца въ руку и въ високъ и сѣла напротивъ:

— Анисья просила выдать сахару и крупы, — ты дашь ключи, папочка?

Илья Леонтьевичъ полѣзъ въ карманъ, выбралъ связку ключей, не спѣша отыскалъ ключъ отъ кладовой и подалъ его, вмѣстѣ со всей связкой, Сонечкѣ:

— Одну ее, все-таки, не оставляй въ кладовой, сама запири дверь. Сахару идетъ, я тебѣ скажу, ужасно много у насъ. Не въ сахарѣ, конечно, дѣло, — но чрезмѣрное употребленіе

его вызываетъ въ организмѣ отложеніе солей и жировъ. Ну, да Богъ съ нимъ, съ сахаромъ. Какъ спала?

— Спасибо, хорошо.

— У васъ все благополучно, значитъ?

— Спасибо, да...

— Ну, ну, а то я смотрю, какъ мыши на крупу оба надулись... Вставать нужно раньше и раньше ложиться, въ этомъ — вся сила, скажи это мужу то... А то — спать, какъ медвѣдь.

— Скажу.

Сонечка собрала въ ладонь крошки на скатерти и ссыпала ихъ въ чашку. Илья Леонтьевичъ, кряхтя, поднялся со стула. Онъ и Сонечка надѣли резиновые плащи, калоши и вышли на дворъ. Илья Леонтьевичъ сейчасъ же замѣтилъ безпорядки около каретника и пошелъ туда, повторяя въ досадѣ:

— Ахъ, кляузники! Ахъ, кляузники!

Сонечка побрела къ пруду, мутному сейчасъ и полноводному. Тихо, тихо шумѣлъ дождь по водѣ, по вѣтвямъ огромныхъ, корявыхъ осокорей, по вянущимъ листьямъ подъ ногами. Сонечка смотрѣла на прудъ, на еще зеленые бережка, слушала однообразный шумъ дождя, вдыхала запахъ увяданія, и душа ея въ этой печали словно набиралась силъ для бóльшей бѣды.

Возвращаясь домой, продрогшая, съ капельками дождя на волосахъ, полуприкрытыхъ капюшономъ, Сонечка увидѣла у крыльца работника, гонявшего сегодня на почту, и взяла у него «Вѣстникъ Европы», газету за три дня,

бандероль — сѣмянной каталогъ, и на имя Н. Н. Смолькова — телеграмму и письмо.

Николай Николаевичъ, только что поднявшійся съ постели, сидѣлъ въ столовой, курилъ и зѣвалъ до слезъ.

— Тебѣ, — сказала Сонечка, положивъ передъ нимъ телеграмму и письмо, и пошла наверхъ. У Смолькова собралась кожа на лбу, нѣкоторое время бессмысленными глазами глядѣлъ онъ на телеграмму, затѣмъ осторожно разорвалъ заклею, повернулся къ свѣту и прочелъ:

«Назначенъ Парижъ посольство вторымъ секретаремъ точка поздравляю бракомъ обнимаю точка Петербургъ не заѣзжай Ртищевъ»...

— Ура, — шопотомъ сказалъ Николай Николаевичъ, — ура! Свободенъ! Жизнь! Парижъ!..

Онъ пробѣжался по комнатѣ, глубоко засунувъ кулаки въ карманы штановъ. Затѣмъ, неслышно, на цыпочкахъ, принялся лягаться ногами вбокъ, вернулся къ столу, взялъ письмо, съ любопытствомъ повертѣлъ, понюхалъ. — Гмъ! — Распечаталъ, — каракулями было написано:

«Я слышала — ты женился: — дуракъ. А вотъ мнѣ Викторчукъ — шулеръ выигралъ въ игорномъ дому двѣнадцать тысячъ, — я ихъ моментально положила на сберегательную книжку. И Викторчука я бросила, потому что онъ скотина. Люблю тебя, прямо помираю. Третьяго дня мы въ одной компаніи напились, въ рояли устроили акваріумъ, налили туды пива и напустили сардинокъ, вотъ было смѣху,

у Шурки Евріона — корсетъ лопнулъ. Приѣзжай скорѣй, — женатый, вотъ свинья! Женѣ письмо не показывай. Цѣлую тебя незабвенно. Мунька».

Старымъ, разгульнымъ, безпечнымъ временемъ пахло на Смолькова отъ записочки Муньки Варвара. Вотъ это — люди, жизнь! Вотъ эта женщина любитъ меня. Звѣрюга!

Сонечка сидѣла на полу передъ выдвинутымъ ящикомъ комода и перебирала старыя платья. Въ комнату ворвался Николай Николаевичъ, потрясая телеграммой.

— Сонюрка, ура! Назначенъ въ Парижъ... Смотри, читай, — вторымъ секретаремъ, черезъ годъ — первый секретарь, затѣмъ со-вѣтникъ посольства... Когда поѣздъ? Нельзя ли намъ еще сегодня отсюда уѣхать?

Сонечка прочла телеграмму и опять нагнулась надъ ящикомъ съ прабабушкиными вещами.

— Собраться намъ — полчаса. Нѣкоторая задержка только за... папой (онъ впервые такъ назвалъ Илью Леонтьевича). Ты понимаешь, — я готовъ здѣсь хоть всю зиму прожить, но долгъ, долгъ: — мы всѣ обязаны служить государству!

Сонечка опустила на колѣни кружевной чепчикъ, подняла голову, взглянула на Николая Николаевича, глаза у нея были синіе, спокойные.

— Я не поѣду съ тобой, Николай...

— То есть какъ?... Ну, да, — ты хочешь сказать, чтобы я ѣхалъ впередъ... Гмъ... Это имѣеть нѣкоторый резонъ... Я, такъ сказать, — скачу передовымъ, устраиваю дѣла (надо же осмотрѣться), меблированную квартиру... Въ ноябрѣ, декабрѣ ты пріѣзжаешь въ Парижъ, прямо въ свое гнѣздышко... Но, какъ я буду тосковать по тебѣ!..

— Нѣтъ, Николай, я совсѣмъ не поѣду въ Парижъ...

— Почему?..

— Я не люблю тебя.

— Постой, постой! — Онъ замигалъ рыжими рѣсницами, вдругъ измѣнился въ лицѣ, провелъ рукой по лбу. — Ну да, ты о томъ разговорѣ въ библіотекѣ. Чепуха, мелочи! Я люблю тебя, прямо помираю. У тебя прескверный характеръ, долженъ тебѣ сказать. Молчишь, и, вдругъ, — бацъ! Сонюрочка. — Онъ нагнулся и поцѣловалъ ее въ проборъ. — Ну, моя дѣтка незабвенная. Поди, поговори съ папой.

Упрямымъ движеніемъ она освободила темя отъ его поцѣлуя:

— Я не люблю тебя. Уѣзжай куда хочешь.

Николай Николаевичъ молча стоялъ за ея спиной. Сонечка глубоко засунула руки въ ящикъ, вытащила кучу шуршащихъ платьевъ, положила ихъ на колѣни. Ея затылокъ съ чистенькимъ проборомъ въ русыхъ волосахъ былъ упрямый и неподкупный.

— Я понимаю — у тебя настроеніе. Но настроеніе настроеніемъ, а мнѣ нужно ѣхать къ мѣсту службы. Прошу тебя, Соня, поговори

съ отцомъ, — у меня — три рубля тридцать копѣекъ...

— Я не люблю тебя, Николай, — въ третій разъ тихонькимъ, но твердымъ голосомъ сказала Сонечка. — «Тѣфу»! — Николай Николаевичъ даже плюнулъ, подумалъ: «Народится же на свѣтъ такая дура»... Хлопнулъ дверью и пошелъ внизъ.

Когда удалились шаги мужа, Сонечка уронила руки на кучу прабабушкиныхъ роброновъ, пахнущихъ пачулей, и, не сдерживаясь больше, принялась плакать. Слезы капали часто, обильныя, крупныя, точно капли дождя съ листьевъ. Она не вытирала ихъ и не жалѣла.

Тестъ, какъ и надо было ожидать, сидѣлъ въ столовой на диванчикѣ и нюхалъ табакъ. Николай Николаевичъ крупными шагами, озабоченно, подошелъ къ нему и показалъ телеграмму.

Илья Леонтьевичъ прочелъ и ни особенной радости, ни изумленія не выразилъ.

— Ну что же, очень хорошо. Когда думаете ѣхать?

— Я, если позволите, ѣду завтра, — передовымъ... жена думаетъ задержаться нѣкоторое время... Я — завтра, если...

— Вотъ какъ, — не вмѣстѣ ѣдете?

— Нѣтъ... Я — передовымъ... То — сѣ... Квартиру присмотрѣть... Суета... То — сѣ...

Николай Николаевичъ замолчалъ, надулъ щеки. Пальцы у него на рукахъ и ногахъ — за-

мерзли. Тестъ постукивалъ по лубяной табакеркѣ.

— Ну, ну, — сказалъ онъ тихо, — это дѣло ваше. Новое поколѣніе, новые нравы. Дѣло ваше. Вы вѣрующій, Николай Николаевичъ?

— Я? — Смольковъ даже вздрогнулъ.

— Богу на ночь молитесь?

— Молюсь... Бываетъ, иногда, манкирую...

— Въ церковь ходите?

— Бывалъ.

— Вы простите меня, старика, давно я хотѣлъ побесѣдовать съ вами на эту тему. Все откладывалъ, — грѣшенъ въ нерадѣніи... Завтра уѣдете, Богъ знаетъ когда увидимся. Но вы — мужъ моей дочери, ея духовный водитель...

У Николая Николаевича сразу же заболѣлъ низъ живота, заскулило во всемъ тѣлѣ невыносимо...

— Дорогой тестъ, на минутку, простите, прерву васъ...

Онъ выкрикнулъ это такъ отчаянно, что Илья Леонтьевичъ поднялъ брови и посмотрѣлъ на него.

— Дорогой тестъ... Я чертовски въ глупомъ положеніи... Не рассчиталъ, были чертовскіе расходы. Осталось три рубля съ мелочью... Глупо. Что?

— Денегъ вамъ нужно?

— Да, да. Именно, именно.

— Какимъ же образомъ я могу вамъ дать денегъ, — не понимаю еще.

— Сонечка говорила, вы сами писали относительно Сосновки...

— Да, я писалъ. Но Сосновка принадлежит Софѣ Ильинишнѣ... Къ тому же доходъ съ этого имѣнія весь вложенъ въ обскѣменение полей, въ запашку пара и въ покупку рогатаго скота... Я рассчитывалъ, признаться, что вы здѣсь зазимуете. А вдругъ — Парижъ. Денегъ? Надо было мѣсяца за два предупредить. Какія же въ деревнѣ деньги?... Удивленъ чрезвычайно...

Посинѣвшими губами Николай Николаевичъ пролепеталъ.

— А, если, векселекъ?

Илья Леонтьевичъ поднялся съ дивана и опять сѣлъ. У Николая Николаевича ходили огненные круги передъ глазами. Тестъ сказалъ:

— Вы хотите выдать вексель Софѣ Ильинишнѣ? Но у нея денегъ нѣтъ...

— Знаю, но, если, дорогой тестъ, сдѣлать такъ: я дамъ вексель моей женѣ, она же, въ свою очередь, дастъ на таковую же сумму вексель вамъ... Деньги дадите, собственно, вы... Это страшно, страшно просто, что?

Илья Леонтьевичъ былъ сбить съ толку и проговорилъ упавшимъ голосомъ:

— Посмотримъ, какова будетъ воля Софьи Ильинишны...

Сонечка, какъ и надо было ожидать, сказала мужу: «Ради Бога, все что тебѣ будетъ угодно». Тогда Илья Леонтьевичъ заявилъ, что у него нѣтъ вексельной бумаги и поэтому придется гнать въ городъ за бумагой, мучить по распутицѣ лошадей и людей. Но въ чемоданѣ

Николая Николаевича оказалась вексельная бумага, — возилъ онъ ее всегда съ собою на случай. Затѣмъ, серьезная разногласица съ тестемъ вышла изъ за суммы, говорили объ этомъ до сумерекъ. Наконецъ, оба векселя были подписаны (на три тысячи семьсотъ рублей). Илья Леонтьевичъ щелкалъ у себя въ кабинетѣ сче-тами, рвалъ какія-то бумажки. Переслюнивъ и отсчитавъ деньги, перевязавъ ихъ бичевочкой — крестъ на крестъ, онъ пошелъ наверхъ, къ молодымъ. Сонечка, склонясь у свѣчи, пришивала пуговицу къ рубашкѣ мужа. Николай Николаевичъ жевалъ папироску, шагаль по комнаткѣ подъ низкимъ потолкомъ, соваль въ чемоданъ колодки отъ башмаковъ. Увидѣвъ тестя и, особливо, — въ рукахъ его пачку денегъ, — онъ нагнулъ голову, какъ будто говоря: «Нѣтъ, нѣтъ, не надо, не надо»... Пошелъ — и обнялъ стараго Рѣпьева:

— Такъ грустно, такъ тяжело, папа, люблю ее, какъ Бога, и вдругъ — разлука.

Илья Леонтьевичъ освободился отъ объятій и передалъ деньги. Сонечка откусила нитку, расправила рубашку и, вставъ, положила ее въ чемоданъ.

— Пойдемъ внизъ, — сказала она Ильѣ Леонтьевичу, ласково беря его подъ руку. — Ты еще не пилъ чаю? Николай уложится и безъ насъ.

Въ столовой Сонечка сѣла близко къ отцу, налила ему чаю и сама положила сахаръ, налила сливокъ, и обхвативъ его руку у плеча, прижалась щекой. Илья Леонтьевичъ сидѣлъ сутулясь, чуть трясая сѣдой головой, точно ки-

валь преогромной чашкѣ, на которой было написано: «Со днемъ ангела».

Наконецъ онъ почувствовалъ сквозь рубашку горячую влагу слезъ, обхватилъ Сонечку за плечи и спросилъ сдержанно:

— Какъ же это у васъ вышло все?

— Слава Богу, что скоро вышло, не такъ больно, — отвѣтила Сонечка, глядя на огонь лампы, висящей надъ столомъ.

— Навсегда, что ли, расстаетесь?

— Навсегда, папочка, — не люблю его,

Неслышно въ комнатѣ появился котъ, гладкій, ласковый. Поднявъ торчкомъ хвостъ, мяукнулъ еле слышно, но, видя, что хозяева вниманія на это не обращаютъ, — отправился по своимъ тайнымъ дѣлишкамъ. Илья Леонтьевичъ сказалъ:

— Не понимаю... Нѣтъ, не могу понять такихъ отношеній.

Тогда Сонечка принялась рассказывать ему все, что было. Прошрое въ этомъ рассказѣ представилось ей отошедшимъ далеко, точно она передавала чужую повѣсть. Точно не она мечтала въ гнилопятскомъ паркѣ о жгучихъ глазахъ подъ черными полями шляпы, точно не ее — другую — заставилъ жгуче покраснѣть красавецъ парень, опрокинувъ вмѣстѣ съ возилкой въ ворохъ соломы, точно не ее тревожно и безстыдно поцѣловалъ на качеляхъ Николай Николаевичъ.

Глаза Сонечки потемнѣли, лицо — обтянулось, стало строгимъ. — Илья Леонтьевичъ съ изумленіемъ глядѣлъ на дочь. Сонечка — дѣвочка умерла. Передъ нимъ сидѣла и печаль-

нымъ голосомъ раздумчиво рассказывала глупенькую и трогательную повѣсть Сонечка — женщина.

— Я, можетъ быть, рада, что миновало дѣвичество. Былъ сладкій туманъ, — ничего въ немъ не оказалось, кромѣ слезъ. Теперь — если придетъ новое чувство — будетъ любовь благословенная, ясная. Ахъ, отецъ, отецъ... Я чувствую — какъ могу полюбить человѣка... Во мнѣ столько нѣжности... Неужели же никому, ни кому не нужно...

Она опять крѣпко прижалась къ его плечу, и сквозь рубашку Ильѣ Леонтьевичу снова стало горячо... — Ну, конечно, мнѣ тяжело, мнѣ больно... Ты самъ все видишь, отецъ...

— Много нужно страдать, много, — сказалъ Илья Леонтьевичъ, — человѣкъ, какъ зерно, прорастаетъ — черезъ страданіе, черезъ тягость борьбы. А что-же полечку-то всю жизнь танцевать! — Прыгаетъ, прыгаетъ человѣкъ, — смотришь: — отъ него ужъ одна тѣнь прыгаетъ... Пусто мѣсто... Не бойся, не бѣги страданія, Соня, — страдай во всю глубину, и люби во всю глубину женскую... Вотъ такъ же твоя мать, такая-же, какъ ты была... То же лицо дорогое...

— Папочка, милый, не плачь.

Рано поутру Николай Николаевичъ уѣхалъ. Прощаясь онъ сильно задумался, — смутило его спокойное равнодушіе Сонечки. Не было ли здѣсь какой-нибудь неожиданной ловушки? И совсѣмъ уже онъ призадумался, когда огля-

нулъ жену съ «птичьяго полета». Онъ сидѣлъ въ тарантасѣ, она стояла на крылечкѣ, держа обѣими руками подѣ руку Илью Леонтьевича. Она показалась ему, вдругъ, и выше ростомъ, и похудѣвшей, и прекрасной, — никогда онъ еще такую ее не видалъ. Спокойная, съ грустной улыбкой, стояла она въ бѣличьей шубкѣ, въ пуховомъ платочкѣ. «Ахъ, чортъ, а не захватить ли ее съ собой? Охъ, кажется, упущу большое удовольствіе», — подумалъ онъ, въ нерѣшительности высовывая одну ногу изъ тарантаса. Но Сонечка сказала:

— Прощай, Николай, прощай, голубчикъ.

Кучеръ, подхвативъ вожжи, прикрикнулъ уныло: — Съ Богомъ! — Лошади тронули, отъ колесъ полетѣли комья грязи. Бѣлые гуси, потревоженные на лугу, гдѣ щипали траву, зашипѣли вслѣдъ тарантасу.

На поворотѣ за околицу Смольковъ оглянулся. Крыльцо было пусто, подошедшая собака обнюхивала слѣды. Сжалось сердце у Николая Николаевича. «Э, пустяки, черезъ мѣсяцъ напишу письмо, — прискачетъ», — и онъ плотнѣе завернулся въ чапанъ.

Этой же ночью Илья Леонтьевичъ увидѣлъ странный сонъ. Будто бы появился въ его комнатѣ длинный какой-то ящикъ, и послышался изъ него голосъ до того неясный, точно у говорящаго шипѣлъ во рту сломанный органикъ. Шипѣвшій мучался, поднимался изъ ящи-

ка и не могъ подняться. Сквозь шипѣніе выскакивали странныя слова. Вдругъ онъ опрокинулся, застоналъ и, затѣмъ, явственно произнесъ: «руби наотмашь».

Въ ужасѣ пробудился Илья Леонтьевичъ, шепталъ молитвы и чувствовалъ, какъ смертельной тоской сжимается старое сердце.

ГЛАВА ШЕСТНАДЦАТАЯ

Степанида Иваѳовна, пригорюнившись, сидѣла у окна, за которымъ опадали желтые листья. Солнце къ восьми часамъ пригрѣло и только въ тѣни дома да кое-гдѣ подъ кустами синѣла отъ студеной росы трава. Много птицъ улетѣло за море, домъ опустѣлъ. Алексѣй Алексѣевичъ, шаркая туфлями, ходилъ по комнатамъ и вздыхалъ Богъ знаетъ о чемъ. Лицо его все желтѣло и гнулась спина, что очень заботило генеральшу. Утомилась ли она за это лѣто, или осень слишкомъ опечалила ея думы, но только рѣже ѣздила Степанида Иваѳовна на раскопки, особенно съ тѣхъ поръ, какъ едва не прогнали отъ дѣла Аѳанасія, изолгавшагося безъ совѣсти.

Аѳанасій однажды, въ присутствіи генерала, принесъ ворону и, держа ее за крыло, увѣрялъ, что это и есть вторая примѣта — орелъ, черный же онъ отъ того, что долго лежалъ въ землѣ. Генералъ не медля вышвырнулъ Аѳанасія вмѣстѣ съ вороной за дверь. Въ тотъ же

день изъ города былъ выписанъ нѣмецъ-спеціалистъ по землянымъ работамъ.

Нѣмецъ повелъ раскопки аккуратно; поставилъ солидныя крѣпи, въ слабыхъ мѣстахъ вывелъ сводъ, нанялъ новыхъ рабочихъ, дѣйствительно нашелъ старые ходы подъ землей, идущіе зигзагами, принесъ генеральшѣ птичьи косточки въ прозеленѣвшемъ горшкѣ и, наконецъ, выкопалъ грубо высѣченную изъ камня человѣческую голову, на лбу которой былъ начертанъ планъ подземелій. Оказалось, что голова эта стояла на половинѣ пути, и отъ нея подземелья шли въ глубину горы, страшно запутанныя и рухнувшія. Раньше ноября и нечего было думать добратъся до клада и генеральша была весьма этимъ разстроена и даже обезсилена.

— Копаемъ, — говорилъ прокуренный табачищемъ нѣмецъ, — еще три аршина прошли, пожалуйста денегъ.

Не такъ разговаривали Афанасій и Павлина. Слова ихъ были таинственны и волновали генеральшу. Каждое утро она ждала, бывало, съ нетерпѣніемъ разсказа о Павлининомъ снѣ. Вечеромъ Афанасій приносилъ ей какіе-нибудь черепки и рассказывалъ, какъ едва не утянула нечистая сила подъ землю мальчишку-поденщика. У генеральши глаза выкатывались отъ ужаса и любопытства: «Я такъ и знала, это очень опасно. Они охраняютъ, но мы побѣдимъ».

Павлина жила въ своей каморкѣ за лѣстницей, но на глаза показывалась рѣдко и то для того только, чтобы наговорить на проклятаго

нѣмца въ пользу Афанасія, мрачно прислуживавшаго у. стола.

— Мнѣ и самой надоѣлъ нѣмецъ, — сказала разъ генеральша, — но какъ его прогнать, когда онъ честный...

Видя такое недовольство Степаниды Ивановны, Афанасій поступилъ рѣшительно: выворотилъ шубу, ночью вошелъ къ спящей Павлинѣ, завалился къ ней на лежанку и, скрежеща зубами, объявилъ, что онъ и есть огненный бѣсъ, всю жизнь искушавшій бабу.

Павлина обмерла, а бѣсъ сказалъ, что если завтра же не прогонятъ пузатаго нѣмца и къ работамъ не приставятъ раба Афанасія, то онъ, бѣсъ, обрушитъ всѣ вырытые ходы, а Павлину ухватитъ поперекъ живота, потащитъ въ пекло.

— Хорошо, батюшка, все такъ будетъ, — вся дрожа, шептала въ темнотѣ Павлина. Бѣсъ цапнулъ ее по спинѣ ногтями и ушелъ...

Павлина все это, конечно, подробно рассказала генеральшѣ. Степанида Ивановна тотчасъ разсчитала нѣмца, выставивъ резонъ, что нѣмецъ, молъ, непременно зацѣпитъ подъ землей толстымъ животомъ за что-нибудь, да такъ тамъ и останется. Повеселѣвшій Афанасій уѣхалъ на работы и въ тотъ же вечеръ привезъ извѣстіе, что «гудитъ». Всѣ повѣрили и удивились, хотя никто не зналъ, что — гудитъ.

Но теперь, когда съ кладомъ дѣло было налажено, началась у Степаниды Ивановны новая забота — тайная и усиленная переписка съ однимъ старичкомъ-шведомъ. Это и было то главное и огромное дѣло, изъ-за котораго начала она рыть кладъ.

Съ каждымъ днемъ заботъ становилось больше, силъ уже не хватало. Съ трудомъ оканчивала генеральша свой день и засыпала тяжелымъ, глухимъ, какъ смерть, сномъ. И постоянно томило ее какое-то безпокойство, — она приписывала это усталости и суетѣ.

Съ каждымъ днемъ все болѣе волновалъ ее Алексѣй Алексѣвичъ: генераль таялъ, какъ воскъ, тосковалъ, не притрагиваясь ни къ какой работѣ.

Началось это со злосчастной продажи хлѣба. Простудился ли тогда Алексѣй Алексѣвичъ, или сердце его, перенесъ ударъ, слишкомъ надорвалось, — неизвѣстно, только пышные усы его и бѣлые волосы на головѣ замѣтно стали рѣдѣть. Ночью, лежа подлѣ жены, генераль часто стоналъ во снѣ.

Невеселыя мысли проходили сейчасъ передъ Степанидой Ивановной. Облокотясь о подоконникъ, глядѣла она на желтый листъ, повисшій на паутинѣ, и трясла головой въ кружевномъ чепцѣ, съѣхавшемъ на бокъ.

По корридору, медленно шаркая ногами, шелъ Алексѣй Алексѣвичъ. Генеральша прошептала:

— Какъ онъ ноги волочить сталъ, а прежде бывало вбѣжить по лѣстницѣ — не задохнется.

Генераль медленно, нѣсколько разъ нажимая скобку двери, вошелъ, кротко улыбнулся и, показавъ попугаю палецъ, сказалъ:

— Что, братъ, видно осень пришла...

— Онъ хвораеть, — поспѣшно отвѣтила генеральша, — совсѣмъ не разговариваетъ...

Генераль постояль немнрго и ушелъ.

Степанида Ивановна, наморщивъ лобъ, глядѣла на то мѣсто, гдѣ только что стоялъ мужъ, — все ей представлялась сутулая его спина и жалостливая улыбка.

«Ахъ, сколько разъ я его огорчала, — думала она, — а онъ такой добрый; видѣть не могу, какъ онъ улыбается; бѣдный мой Алешенька, прости, прости меня за всѣ обиды».

Она положила руки на подоконникъ и голову на руки, и застыла, слушая, какъ бродить генераль по комнатамъ, будто не находить мѣста.

«Что онъ все ходитъ, все ходитъ... Въ самомъ дѣлѣ, у насъ пусто и скучно въ домѣ».

Когда, спустя долгое время, генераль опять вошелъ въ ея спальню, генеральша проговорила: — Сядь, Алексѣй, расскажи, что съ тобой? Отчего у тебя такъ ноги шаркаютъ. Боленъ? Или скучно тебѣ?

— Странная вещь, — отвѣтилъ Алексѣй Алексѣвичъ глухимъ голосомъ, — я нигдѣ не могу найти мой носовой платокъ... Куда... — онъ не окончилъ говорить и сѣлъ на стулъ позади генеральши.

Послѣ долгаго молчанія Степанида Ивановна слышала странные звуки, словно во рту генерала шипѣлъ и вертѣлся валикъ отъ игрушечнаго органчика.

Содрогнулась она, какъ бы отъ толчка въ спину, и тупыя иглы забѣгали по тѣлу. Понимая, что смертельно испугалась, она взглянула: одинъ глазъ у генерала сталъ оловянный и вы-

пучился, другой былъ закрытъ; ротъ и все побагровѣвшее лицо его перекосило; изъ лиловыхъ губъ вылеталъ странный звукъ.

— Ай! — закричала генеральша, махая на мужа руками. А онъ все клонился на правую сторону, пока не съѣхалъ на коверъ.

На крикъ генеральши прибѣжали слуги, подняли огромнаго Алексѣя Алексѣевича. Онъ двигалъ одной лѣвой рукой и ногой, не говорилъ, а только шипѣлъ, вращая глазомъ. Его положили на диванъ.

Степанида Ивановна, пронзительно вскрикивая, билась въ рукахъ Павлины и Афанасія. Увидавъ, что генераль живъ и шевелитъ пальцами по краю тужурки, она метнулась, упала подлѣ него на колѣни, и быстро, словно смахивая пыль, стала гладить волосы его и лицо:

— Алешенька, оправься. Другъ ты мой, скажи, что тебѣ не больно. Скажи, что пошутилъ. Помнишь, бывало я покричу на тебя, а ты ляжешь на кровать и притворишься, что умираешь . . . Алешенька! Алексѣй, гдѣ болитъ у тебя? Сейчасъ компрессъ положимъ. Афанасій, вина принеси и воды горячей. Выпей. Ротъ разожми. Не можешь? Отчего не отвѣчаешь? Постой, я другой глазъ тебѣ открою, больно? Алексѣй, что съ тобой, да ты живъ ли? Живъ?

Она обѣими руками трясла мужа и снова бормотала:

— Не огорчай меня, сдѣлай усилие, оправься. Посмотри, какъ я боюсь. Доставь мнѣ удовольствіе. Я умру отъ страха. Алексѣй! Посмотри — вотъ я разсердилась, ухожу, буду плакать.

Доктора! За докторомъ послать! Скорѣе! — вдругъ закричала она, побѣжала, вернулась и опять припала къ Алексѣю Алексѣвичу.

Афанасій поскакалъ въ село за земскимъ врачомъ. Степанида Ивановна, увидавъ, что Павлина снимаетъ съ генерала туфли, оттолкнула ее, сама раздѣла мужа, закутала въ теплый пледъ и сѣла у его изголовья, поминутно наклоняясь.

Жужжать генераль пересталъ. Въ открытомъ его глазу исчезло выраженіе ужаса, — вѣки полузакрылись. Тогда генеральша, снявъ башмаки, на цыпочкахъ подошла къ образу, опустилась и шептала:

— Отче нашъ... иже еси на небесахъ... — Она обернулась, съ ужасной тоской взглянула на мужа и на минуту припала лбомъ къ холодному полу. — Не такъ нужно просить — Ему душа надобна, Онъ не пойметъ, почему я не хочу отдавать Ему Алексѣя... Отче нашъ, повремени, онъ не уйдетъ отъ Тебя... Ахъ, Ты меня не слышишь...

И генеральша снова припала къ паркету. Такой ее нашелъ, потирая только что вымытыя руки, мѣстный докторъ. Генеральша поглядѣла на короткіе въ рыжихъ волосахъ пальцы врача, стремительно поднялась и поцѣловала ихъ. Врачъ смутился и занялся больнымъ.

Глядя доктору въ глаза, выслушала Степанида Ивановна, что если не будетъ еще удара, генераль выживетъ, въ противномъ же случаѣ, — тутъ докторъ тяжело вздохнулъ и, разведя руки, поклонился, — тогда конецъ.

— Конецъ, — твердо повторила генеральша,

Быстро сдѣлавъ все, что было прописано, она затворила дверь на ключъ и съ рѣшительнымъ лицомъ подошла къ Алексѣю Алексѣвичу, готовая на крайнее, но вѣрное средство, которое, пробудивъ въ генералѣ духъ, подниметъ и ослабѣвшее его тѣло.

— Алексѣй, — сказала Степанида Ивановна торжественно, — я открываю тебѣ тайну. Алексѣй, фамилія Брагиныхъ по женской линіи есть престолонаслѣдная вѣтвь шведскихъ королей Бернадотовъ. Теперешній шведскій король бездѣтенъ и скоро умретъ, послѣ него единственнымъ наслѣдникомъ престола явишься ты. Для этого все предварительное сдѣлано, остается теперь объявить себя претендентомъ. Ты узналъ все и перстъ Всемогущаго указалъ на тебя: Алексѣй, корона шведскихъ королей, потерянная Карломъ Двѣнадцатымъ, утаенная Мазепой, въ моихъ рукахъ, Алексѣй, — встань!

Степанида Ивановна, сверкая глазами, подняла руку. Волненіе ея, должно быть, передалось Алексѣю Алексѣвичу. Когда генеральша приказала: встань! — онъ здоровой рукой оперся о кровать, приподнялся до половины, вдругъ икнулъ громко, закинулъ голову и повалился съ дивана на коверъ. Присѣвъ около мужа, генеральша стала царапать себѣ лицо, потомъ легла на Алексѣя Алексѣвича, и застыла такъ на много часовъ.

Омытый, одѣтый въ парадный мундиръ, со всѣми орденами и лентами, третій день лежалъ

Алексѣй Алексѣевичъ въ залѣ на столѣ, скрестивъ на груди большія ладони.

Павлина, опухшая отъ слезъ и довольная, что сподобилась походить за такимъ покойничкомъ, распоряжалась похоронами. У аналоя, между двухъ свѣчей, не переставая читали монахини. Третья свѣча таинственно свѣтила въ лицо мертвому Алексѣю Алексѣевичу. Смутно были озарены зеркала, занавѣшенные чернымъ тюлемъ, огромный гробъ, и подлѣ — маленькая генеральша, комочкомъ сгорбленная на своемъ стулѣ.

Сложивъ руки на колѣняхъ, склонивъ голову, терпѣливо ждала Степанида Ивановна, когда въ столовой пробьютъ часы, — тогда она приподнималась и заглядывала мужу въ лицо, твердо вѣря, что Алексѣй Алексѣевичъ очнется отъ ужасной неподвижности, улыбнется ей спокойными, совсѣмъ еще живыми, губами, облизнетъ на нихъ полоску сукровицы.

Но ни одинъ волосъ генерала не шевелился, хотя сквозъ желтую кожу щеки какъ будто проступалъ румянецъ: можетъ быть, игралъ это свѣтъ свѣчи.

Генеральша терпѣливо садилась опять и ждала, жалобно, иногда въ недоумѣніи, улыбаясь.

На третьи сутки появились въ комнатѣ священникъ, дякъ и мужики. Отворили всѣ двери и ставни. Въ душную комнату ворвался день и отъ синяго его свѣта генераль сразу позеленѣлъ. Степанида Ивановна испугалась и отошла къ стѣнѣ. Священникъ облачился въ бархатную съ серебромъ ризку, дякъ кашлянулъ

въ кулакѣ, забасилъ густо, и всѣ запѣли. Генеральша подумала, что Алексѣю Алексѣвичу пріятно слышать, какъ о немъ заботятся...

Наконецъ, Павлина брякнулась около гроба, и всѣ пошли прикладываться къ мертвой рукѣ. Парни, съ бѣлыми полотенцами, толкаясь, отодвинули свѣчи и подняли гробъ на плечи. Генеральша побѣжала за ними, умоляя поосторожнѣе браться, — не толкать и не тревожить милого Алешеньку. Топоча, его понесли ногами впередъ въ раскрытую стеклянную дверь.

— Куда вы? — спросила генеральша, но ей не отвѣтили и все несли съ крыльца на дворъ, черезъ плотину, по дорогѣ въ гору, мимо «Свинныхъ Овражекъ», — въ монастырь.

За гробомъ по желтому полю тянулись крестьяне. Съ боковъ дороги бѣжали мальчишки. Впереди всѣхъ, покрывшись отъ накрапывающаго дождя мѣшкомъ, плелся священникъ, рѣдко взмахивая кадиломъ. Пѣли монашенки, словно печальные ангелы.

Спотыкаясь, спѣшила генеральша за гробомъ и удивлялась, — чего же она не понимаетъ, для чего нужно ей такъ далеко бѣжать на одереветнѣлыхъ ногахъ?

Въ церкви подошла къ ней мать Голендуха и, поцѣловавъ въ губы, измочила слезами. Послѣ службы, опять шопотомъ споря и толкаясь, понесли парни Алексѣя Алексѣвича на мокрый лужокъ и, опустивъ гробъ, наложили крышку, стали заколачивать гвозди.

— Тише вы, отчаянные, — сказала генеральша и заглянула въ глубокую яму... Туда

на веревкахъ опустили гробъ, и священникъ первый бросилъ горсть земли.

— Вы въ него землей бросаете? — спросила генеральша и снова заглянула внизъ, гдѣ на глинистомъ днѣ лежалъ Алексѣй Алексѣвичъ, — какъ можно, онъ привыкъ спать на мягкой постели...

Она раскрыла широко глаза и часто-часто за-трясла головой: поняла, наконецъ, то, что всѣ эти дни было отъ нея скрыто. Она поспѣшно подобрала платье, чтобы прыгнуть внизъ къ мужу, не оставить его навсегда одного. Но Степаниду Ивановну схватили и повели къ экипажу... Она вырвалась и опять побѣжала. Тогда ее съ руками закутали въ пледъ, положили въ коляску и погнали Ахиллеса и Геркулеса, и долго еще крестьяне, неторопливо расходясь, слышали удаляющійся по дорогѣ тонкій крикъ: — Алексѣй! Алексѣй!

Дома генеральша обезпамятѣла. Павлина спрыснула ее съ уголька, — это помогло, и Степанида Ивановна, какъ каменная, пролежала до вечера въ неубранной постели. На закатѣ внезапно поднялась, оправила платье и, кликнувъ Павлину, пошла со свѣчей по комнатамъ, заглядывая во всѣ углы...

Такъ обошли онѣ весь низъ дома, гдѣ въ необитаемыхъ покояхъ пыльные окна были темны и страшны, поднялись въ Сонечкины бѣлыя антресоли, спустились по скрипучей лѣсенкѣ обратно и остановились передъ кабинетомъ.

— Какъ ты спалъ, хорошо? — громко вдругъ сказала генеральша, — голова не болитъ? А у меня, знаешь, самое темя ломитъ. — И она, прикрывая ладонью свѣтъ, вошла въ кабинетъ. А Павлина поползла по корридору, — не помнила, какъ очутилась въ кухнѣ, гдѣ сейчасъ же разсказала, что генеральша разговариваетъ съ мертвымъ бариномъ.

Въ кабинетѣ Степанида Ивановна поставила свѣчу на курительный столикъ и прилегла на диванъ, говоря:

— Знаешь, Алексѣй, любовь наша такая же сильная, какъ и раньше. Я много передумала за эти дни и рѣшила, что несправедливо тебя обижала. Я хочу сегодня просить у тебя прощенья.

Она оглянулась, вздохнула коротко, посидѣла еще, пригорюнясь, и побрела къ себѣ, сказавъ въ дверяхъ:

— Спи спокойно. Господь съ тобой.

У себя она затворила окно, дождь въ него наплюхалъ лужу на коверъ. Сильный вѣтеръ шумѣлъ деревьями, лѣпилъ желтые листья къ стекламъ, подвывалъ на чердакѣ.

Присѣвъ передъ зеркаломъ, Степанида Ивановна сняла чепецъ, изъ флакона налила на плечи и грудь густыхъ духовъ и, поднявъ свѣчу, стала разглядывать свое лицо.

— Ничего еще, я все-таки хороша. Особенно когда принаряжусь.

Заячьей лапкой она наругянила ярко щеки и уши, подвела дугою брови и надѣла парадную наголку изъ кружевъ.

— Видишь, — она жеманно улыбнулась, —

это еще не все. — Вынула темно-красные кораллы, окрутила ихъ кругомъ шеи, въ лѣвую руку взяла кружевной платочекъ, правую подняла и, погрозивъ пальцемъ, оглянула всю себя въ большое зеркало. Голова у нея затряслась. Потомъ она зажгла два канделябра на стѣнѣ, легла на постель и, повертѣвшись, проговорила громкимъ шопотомъ:

— Что же ты не идешь?

Прошло долгое время, и генеральша зашептала:

— Знаешь, Алексѣй, я почему-то все вспоминаю походъ на Дунай: — ты приходилъ усталый въ палатку и сейчасъ же засыпалъ. На мнѣ было премиленькое черное платье, я сидѣла подлѣ тебя и все глядѣла. У тебя во снѣ усы путались, нельзя было не любоваться тобой. Теперь мнѣ очень жалко, что умерла наша дочка. Она такъ мило перебирала крошечными пальчиками, раздѣвала ротикъ. ... Алексѣй, я вотъ уже часъ, какъ разговариваю, а ты не идешь. Тебя навѣрное задерживаютъ по этому дѣлу. Пожалуйста, сразу не соглашайся быть королемъ, откажись по крайней мѣрѣ одинъ разъ, потребуй, чтобы весь народъ просилъ тебя взойти на престолъ. У меня много жемчуга. Ты вѣдь знаешь, жемчугъ умираетъ, если его не носить на тѣлѣ, а въ землѣ опять оживаетъ. Мой жемчугъ двѣсти лѣтъ лежалъ подъ землей. Алексѣй, для тебя я добыла изъ земли сокровища... Иди. Что же ты медлишь?

Генеральша прислушалась. Вѣтеръ хлесталъ дождемъ въ окно, обсыпалась штукатурка въ печной трубѣ. Мрачно вылъ уголь дома.

— Алексѣй, можетъ быть, ты меня обманываешь, — приставъ сказала генеральша, — можетъ быть, къ тебѣ пришла она. Я понимаю твою комедію. Ты подстроилъ, чтобы тебя похоронили, и тамъ хочешь встрѣтиться съ ней. Она всю жизнь душила меня по ночамъ. Теперь она смѣется... Иди ко мнѣ!... оттолкни ее... Это ты его убила!.. Алексѣй, Алексѣй!..

Генеральша вскочила съ кровати, затопала босыми ногами, сжала кулачки.

— Ты воспользовался гадкимъ случаемъ, чтобы обмануть... Я накажу тебя...

Степанида Ивановна стремительно побѣжала въ кабинетъ, — ощупала пустой диванъ, кресло, углы за шкафами и остановилась, тяжело дыша:

— Они не здѣсь, а тамъ, у церкви, на погостѣ встрѣтились...

Снявъ со стѣны двухствольный пистолетъ, генеральша побѣжала въ прихожую, накинула пледъ и отворила стеклянную дверь на веранду. Мокрый вѣтеръ подхватилъ ея покрывало, сорвалъ, изсѣкъ дождемъ, закрутилъ ея изсохшее тѣло. Обезсиленная, упала Степанида Ивановна на каменные, холодныя плиты...

— Дверь будто звякнула, — прошепталъ Афанасій, сидя на лежанкѣ, — слушай-ка, крикнули, не случилось ли бѣды какой съ нашей барыней. Павлина, пойти, посмотрѣть...

Снявъ со стѣны коптилку, пошли Афанасій и Павлина, подсовывая другъ друга, пугаясь скрипящихъ половицъ, туда, гдѣ подъ дождемъ лежала, разметавшись, обезумѣвшая Степанида Ивановна.

ГЛАВА СЕМНАДЦАТАЯ

«Любезнѣйшая дочь моя, Софья Ильинишна, приключилось у насъ великое горе: Алексѣя Алексѣевича нашель Господь въ возрастѣ сына царствія Божьяго, — померъ. Аминь. Ревѣмъ, не переставая. Передъ смертью языкъ у него шипѣлъ, какъ въ шарманкѣ, — набрались страху. Однако, генераль погребенъ съ благочестіемъ. Старуха, Степанида Ивановна, со всѣмъ ополоумѣла. Не знаемъ, что съ нею и дѣлать. Срамотища, — соблазнъ и грѣхъ на всю округу. Монашки мои, дуры, — всѣ языки обтрепали. Народъ не столько молиться къ намъ течетъ, сколько срамные ихъ рассказы слушать про генеральшу. Видно за грѣхи помутилась моя голова, не рада, что и связалась со Степанидой Ивановной. Увезите ее, Христа Ради отъ насъ. Въ Гнилопятахъ — потокъ и разореніе, — воруютъ кому не лѣнь. Простите за глупое письмо сіе, примите мое благословеніе. Настоятельница Чернорѣченскаго женскаго монастыря, игуменья Голендуха».

Какъ громомъ поразило Сонечку и Илью Леонтьевича извѣстіе о внезапной смерти Алексѣя Алексѣевича. Рѣпьевъ припомнилъ недавній свой сонъ и сталъ говорить: «Это онъ ко мнѣ приходилъ. Не успокоеннымъ умеръ Алексѣй Алексѣевичъ, въ смятеніи и въ мукѣ».

Въ смятеніи и въ мукѣ былъ и самъ Илья Леонтьевичъ отъ такихъ мыслей. На другой день послѣ полученія письма отъ Голендухи,

онъ вмѣстѣ съ Сонечкой выѣхалъ въ Гнилопята, гдѣ мучилась, покинутая всѣми, сумасшедшая генеральша.

Афанасій и Павлина подняли тогда ночью Степаниду Ивановну, лежавшую на проливномъ дождѣ, уложили въ постель, укутали, натерли водкой. Генеральша бредила, несла несуразное и соблазнительное.

Всю ночь проскулила Павлина, сидя на своей лежанкѣ: «Крышка нашей благодѣтельницѣ! Охъ, Афанасьюшка, прошли наши красные денечки»...

Но, къ удивленію всѣхъ и, въ особенности — доктора, — Степанида Ивановна черезъ недѣлю «околемалась», и даже встала съ постели. Маленькое ея личико, до костей изсушенное лихорадкой, огромные, въ глубинѣ черепа, глаза и засохшія полоски губъ, не закрывающихъ десенъ, показывали, что горитъ еще въ птичьемъ ея тѣлѣ огонь, и спокойно генеральша не уйдетъ въ землю.

Днемъ Степанида Ивановна лежала, одѣтая, на постели, не отвѣчала ни звука на слезливыя словечки Павлины, не пила, не ѣла. Когда наступалъ вечеръ, она вставала, словно поднятая рукой, и, волоча смятое и порванное лиловое платье, ходила по спальнѣ и бормотала:

— На твою душу падетъ мой новый грѣхъ. Ты, ты самъ довелъ меня до отчаянія. Знай — не успокоюсь, покуда тебѣ не отомщу. — И заламывала руки. — Ахъ, видѣть не могу эти стѣны, и двери скрипятъ! Охъ, уѣхать, уѣхать! —

Въ тоскѣ она шла по пустыннымъ комнатамъ дома. Въ залѣ, отогнувъ на зеркалѣ траурный креплъ, всматривалась въ свое изображеніе и дѣловито охорашивалась, и была похожа на маленькую, густо нарумяненную, дѣвочку, съ трясущейся головой, съ оскаленнымъ ртомъ. Ревность, злоба, неутоленныя желанія изглодали ее, высушили какъ корешокъ. Вся воля ея была устремлена на одно — отомстить: «Ты нарочно завезъ меня въ проклятыя Гнилопята, бросилъ, обманулъ, и тамъ сейчасъ тѣшишься со своей первой... — Погоди, погоди! Ты тамъ утѣшаешься, а я здѣсь отомщу...

Она вынимала изъ ларчика драгоценности — колъе, фермуары, браслеты, серьги, разсматривала, примѣряла и вновь приходила въ отчаяніе: — «Нѣтъ, нужна царская роскошь, неслыханныя сокровища, чтобы затмить въ Петербургѣ всѣхъ красавицъ, заставить забыть и морщины эти, и года».

Генеральшѣ нужны были огромныя деньги и она снова рѣшила продолжать раскопки...

Послѣ смерти генерала были предъявлены ко взысканію нѣсколько крупныхъ векселей. Приказчикъ и главнымъ образомъ Афанасій, орудовавшій теперь по всему хозяйству, продали и заповѣдникъ, и запашку будущаго года, уплатили по векселямъ и сшили каждый себѣ по кафтану со смушками. Кромѣ того оказалось множество мелкихъ долговъ. Павлина докладывала о нихъ ежедневно. Генеральша только сердилась, требовала себѣ денегъ — золотыми монетами, и сыпала ихъ на дно ларца. Гнѣвалась она также на дождливую погоду, пріоста-

новившую работу по раскопкамъ. Дѣйстви-
тельно, вторую недѣлю шумѣли въ паркѣ и
на поляхъ несносные дожди. По дну Свиныхъ
Овражковъ катилась мутная рѣка. Такихъ
дождей не помнили старожилы.

Неожиданно, генеральша потребовала у ма-
тери Голендухи двухъ монашенокъ и усадила
ихъ передѣлывать и обновлять многочисленныя,
но уже пришедшія въ ветхость, платья. Тутъ-
то и начался соблазнъ и разговоры.

Монашенки, уходя ночевать въ монастырь,
разсказывали о чудесахъ въ гнилопятскомъ
домѣ, о ночныхъ прогулкахъ Степаниды Ива-
новны, о раскрываемыхъ въ залѣ послѣ по-
луночи зеркалахъ, въ которыя генеральша смо-
трѣлась, говорятъ, даже совсѣмъ нагишемъ, о
странныхъ крикахъ въ кабинетѣ покойнаго ге-
нерала, о шумахъ и стукахъ, о столахъ и хо-
хотѣ, слышномъ каждую ночь на чердакѣ, и о
многомъ такомъ, что передавалось шопотомъ, и
волосы шевелились подъ платочкомъ у дѣву-
шекъ.

Наконецъ дожди кончились, настали ясные,
осенніе дни. Степанида Ивановна сама по-
ѣхала на Свиные Овражки и неподалеку отъ
раскопокъ, въ мѣстѣ, куда все это время сильно
била вода, обнаружила глубокой провалъ и часть
обнажившейся древней кладки. Тотчасъ при-
казано было рыть. Четыре дня генеральша не
отходила отъ работъ и ночевала тамъ въ
оврагѣ, въ нарочно привезенной каретѣ.

На пятый день изъ подъ земли послышался
глухой шумъ голосовъ, и Афанасій, выскочивъ
изъ ямы, заоралъ:

— Ваше превосходительство, нашли!

Степанида Ивановна затряслась въ лихорадкѣ, застучала вставными зубами и полѣзла въ яму. Афанасій съ фонаремъ повелъ генеральшу по узкому, уходящему внизъ, туннелю... Послѣ множества заворотовъ туннель окончился низкой, сводчатой пещерой. Здѣсь было сыро, какъ въ могилѣ. Въ глубокихъ нишахъ пещеры, подъ сводами, стояли глиняные горшки, два были разбиты, одинъ валялся на полу... Афанасій, высоко держа фонарь, свѣтилъ. Генеральша, пытаясь въ платѣ, взобралась, какъ обезьяна, въ нишу, ухватилась за край горшка, заглянула, запустила руку туда и закричала пронзительно: — Пусть, пусть! Ограбили!..

Обхвативъ горшокъ, она затряслась, заплакала отъ злобы и отчаянія. Рабочіе охали, разводили руками. Афанасій заглянулъ въ остальные горшки, они тоже были пусты... Затѣмъ онъ наткнулся въ углу на закрытый до половины сундукъ, съ разбитой крышкой: обшарилъ его и въ пыли и прахѣ нашелъ камушекъ величиной съ грецкій орѣхъ, поплевалъ на него, отеръ, и затеплилась въ свѣтѣ фонаря молочно-розовымъ свѣтомъ жемчужина, необычайной величины... Степанида Ивановна выхватила ее у Афанасія, зажала въ кулачкѣ, на губахъ ея появилась пѣна.

Степанида Ивановна лежала навзничъ на кровати и глядѣла на жемчужину, положенную около, на черной подушечкѣ для булавокъ. Подъ огромнымъ абажуромъ не яркая лампа ос-

вѣщала грязныя простыни и уголь подушки, — все остальное было погружено въ красноватый полумракъ.

Степанида Ивановна боролась съ видѣніями, возникающими, какъ ей казалось, въ живомъ, то молочномъ, то аломъ, то зеленоватомъ тѣлѣ жемчужины. Изъ видѣній самое страшное было одно, постоянно повторяющееся, мучительное. Видѣла генеральша мокрое истоптанное поле, въ концѣ его — тусклая, вѣчная полоса заката. Холмики, кресты, холмики и вдругъ яма. Ноги скользятъ, сыплются комья. Нужно прильнуть къ землѣ, чтобы не скатиться. Тамъ, на днѣ ямы лежитъ усатый, огромный человѣкъ. «Алешенька, — зоветъ генеральша, — я тебя все-таки нашла. Холодно тебѣ одному? Что ты какой мерзлый?» Кругомъ нѣтъ ничего, нечѣмъ согрѣться, все мокрое, все холодное. А прыгнуть туда, прильнуть — страшно. Тогда вкрадчивымъ сладкимъ голосомъ начинаетъ она вспоминать прежнія ласки, обольщаетъ его, щурится. И вдругъ изъ подъ генерала заструился дымокъ и появились красные огненные язычки... Генераль розовѣетъ, скрещенныя руки его трепещутъ... Онъ шевелится на огнѣ, хочетъ разлѣпить глаза, привстать... «Вѣдь это муки адскія», думаетъ генеральша. И силится оторваться отъ злого видѣнія и не можетъ. Генераль подплясываетъ на пламени, раскрываетъ глаза. «Алешенька, шепчетъ она, — взгляни на меня, мучаюсь». Онъ глядитъ на нее и не видитъ. И чувствуетъ она — нѣтъ той силы, какая могла бы соединить ихъ глаза... Уже вся яма въ огнѣ, по всему полю танцуетъ огонь, не жаркій, ле-

дяной. И въ глубокую яму къ веселому генералу сходить тѣнь... Это она, другая, Вѣра...

Мечется генеральша по постели, вскрикиваетъ.

— Что, матушка, благодѣтельница, или головка болитъ? — медовымъ голоскомъ спрашиваетъ Павлина...

— Боюсь я смерти, Павлина! Боже мой, какъ боюсь! Вѣдь потомъ будутъ только муки, муки, муки!.. Намъ разъ дано жить, насладиться. А потомъ темнота, холодъ, ужасъ!..

У Павлины изъ головы не шель недавній разговоръ съ генеральшей, которая все повторяла въ изступленіи и бреду, о томъ, какъ она ослѣпитъ золотомъ и кокетствомъ какого-то, нечеловѣческой красоты, ротмистра — желтаго кирасира, и предастся съ нимъ такимъ излишествами, что Алексѣю Алексѣвичу станетъ тошно на томъ свѣтѣ. Даже сейчасъ, истерзанная неудачей съ сокровищами Мазепы, не отказалась Степанида Ивановна отъ мысли — отомстить генералу. Она судорожно цѣплялась за уходящіе часы жизни, ея безпокойство и муки возрастали.

Павлина узнала, что найденная въ пещерѣ жемчужина одна стоитъ нѣсколько тысячъ, и, вынимая ночью для генеральши драгоценности изъ ларца, прикинула и ахнула: если продать всѣ эти броши, серьги и браслеты да прибавить къ нимъ червонцы на днѣ ларца — навѣкъ можно стать богатѣйшей барыней... А попадетъ все это какому-нибудь пьяницѣ офицеру.

Всю ночь проворочалась Павлина на лежанкѣ и утромъ подѣхала къ Афанасію, пившему въ столовой кофе. (Генеральша просыпалась только вечеромъ и весь день прислуга въ домѣ дѣлала, что хотѣла).

Павлина стала за его стуломъ, вытерла губы и сказала умильно:

— Счастья твоего желаю, Афанасьюшка, бездельные мы съ тобой, безродные... Умреть наша благодѣтельница — куда пойдешь?

— Не знаю, какъ ты, баба? — сказалъ Афанасій, закуривая генеральскую сигару и развѣсивъ, — я ничего себѣ живу, хорошо. А старуха умреть — открою ресторанъ при монастырѣ. Ты же пошла отъ меня прочь, видишь, я сигару курю.

— Да я уйду, Афанасьюшка, уйду, коли гонишь. А быть бы тебѣ бариномъ, не то что въ ресторанѣ тарелки мыть. Въ двѣсти тысячъ могла бы тебя произвести.

Афанасій посмотрѣлъ на Павлину. — «Охъ, рожа хитрющая у бабы, ну и рожа!» — Рассказывай, слушаю.

— У благодѣтельницы нашей деньгами и брошками аккуратъ эта сумма лежитъ. Безъ меня не видать тебѣ ломаннаго пятака. Женись на мнѣ — счастье найдешь, не хочешь, другого отыщу... Вашего брата много тутъ бѣгаетъ, — давеча приказчикъ ко мнѣ подѣзжалъ.

— Ты не грабить ли задумала? Ой, донесу!

Но тутъ Павлина, присѣвъ рядышкомъ, подробно и толково принялась рассказывать все, что надумала за эту ночь. Афанасій, слушая, бросилъ сигару, потомъ началъ отплевываться

и наконецъ, хвативъ бабу по спинѣ, заржалъ на весь домъ.

— Не люблю, сударь, такого обращенія, — сказала Павлина, — у меня спина женская. Даю тебѣ день сроку, подумай и самъ рѣшай. Рожа то я рожа, а ума ни у кого не займу.

Къ утру Афанасій дѣйствительно додумался и поѣхалъ въ городъ, гдѣ взялъ себѣ у парикмахера фракъ и все къ нему нужное.

Павлина за это время не отходила отъ Степаниды Ивановны и, едва генеральша переставала бредить, — заводила разговоръ о какомъ-то господинѣ Фіалкинѣ, нечеловѣчески, говорятъ, красивомъ мужчинѣ, который собирается заѣхать въ Гнилопята — познакомиться съ генеральшей: такъ и рвется, говорятъ, повидать.

— О какомъ ты Фіалкинѣ говоришь? О какомъ Фіалкинѣ? Не знаю такого, — съ тоской спрашивала Степанида Ивановна, — развѣ я могу сейчасъ принять молодого человѣка? Дай поправлюсь, пополнѣю немножко... Отстань отъ меня!

— Красивый, сытый, на слова бойкій, — говорила Павлина, — увидить женщину, — такъ весь на нее и прыгаетъ, и кидается... Рѣдкій мужчина... Ужъ сама не знаю, благодѣтельница, — допускать ли его до васъ?

Генеральша промолчала. Затѣмъ, потребовала зеркало, и долго огромными глазами всматривалась въ ужасное лицо свое. Безъ силъ уронила руки и сказала, едва слышно, съ отчаяніемъ:

— Не вижу ничего, Павлина, — темно.

Скажи, — не слишкомъ ли я стара?... Скажи правду.

— И, благодѣтельница, нечего душой кривить, — не восемнадцати лѣтъ... Червоточина есть, конечно, но мало, — припудритесь и не видно... А я еще и лампу приверну: — чистый ангелъ небесный! Въ ваши то года — баба згода. Съ ума его сведемъ нашего Фіалкина то.

— Какого Фіалкина? Ничего я не пойму... Путаешь ты меня, глупая баба.

Въ тотъ же вечеръ въ спальнѣ Степаниды Ивановны появился странный господинъ. У него были черные, густые, какъ баранья шерсть, необыкновенно длинные усы. На немъ былъ фракъ, красный галстукъ, и скрипящіе сапожки. Онъ прошелъ изъ дверей до середины комнаты, снялъ шляпу и низко поклонился генеральшѣ.

Она приподнялась на локтѣ: «Что это, — опять бредъ? Какой гнусный!» Но поскрипываютъ сапожки, — ближе, ближе бараньи усы. Господинъ говоритъ басоватымъ голоскомъ:

— Я Фіалкинъ... Ъхалъ по частнымъ дѣламъ, но, вотъ такъ штука! — сломался тарантасъ. Нельзя ли, ваше превосходительство, переночевать у васъ?..

Съ ужасомъ глядѣла Степанида Ивановна на господина Фіалкина, не понимала, — бредъ это? Или самъ чортъ за ней явился?

Онъ сѣлъ на постель, расправивъ фалды, — впереди всего торчали черные усы.

— Такъ какъ же насчетъ ночевки? А, кро-

мѣ того, большой я любитель насчетъ проклятаго... Хи — хи... насчетъ этого самаго... Хо — хо...

Онъ замигалъ глазами, зашевелилъ усами, закрутилъ носомъ. Генеральша едва слышно проговорила:

— Кто вы такой? О чемъ вы говорите? Что вы такъ странно смотрите?..

— Лютъ я до вашего пола. Ни одной не пропущу. Я мастакъ. Хо — хо!

— Какой страшный.

— Это хорошо, что я страшный. Я мастакъ.

— Такъ я же старая, что вы...

— Это мы тамъ посмотримъ. А мнѣ по вкусу.

— Уйдите...

— Нѣтъ, — грѣшить такъ грѣшить. Хо — хо!

Фіалкинъ ткнулъ пальцемъ Степаниду Ивановну подъ ребро. Она ахнула и хихикнула. Онъ ткнулъ съ другой стороны. Тогда она начала смѣяться, отмахиваться. Слезы потекли по сморщенному ея личику. Теплая, тягучая паутина поползла по всему тѣлу, затягивала лицо, застилала глаза.

А Фіалкинъ гудѣлъ баскомъ, щекоталъ пальцами. Черные усы шевелились передъ глазами. Басокъ все гудѣлъ о какихъ-то брошкахъ, червонцахъ... Генеральша ежилась, собиралась въ комочекъ... Не сводила глазъ съ этого чловѣка. Но онъ уже расплывался въ глазахъ. Быстро, быстро наматывалась вокругъ нея паутина. Это онъ, огромный червякъ, обматывалъ ее, душилъ...

— Пустите... Мнѣ душно... — проговорила Степанида Ивановна. Фіалкинъ исчезъ . . .

— Старуха то помираетъ.

— Врешь!

— Посинѣла вся.

— Зачѣмъ ты ее сразу-то облапилъ, надо бы легче.

— Я думалъ сразу надо.

Афанасій, стоя за дверью, вытиралъ потное лицо. Одинъ усъ отсталъ у него, не приклеивался. Павлина, таращась, шептала:

— А помретъ — деньги сейчасъ же брать надо, да вещи съ брилліантами. Закопаемъ ихъ въ землю, и знать ничего не знаемъ...

— А власти наѣдутъ?

— Ну, что-жъ! И — отопремся. И посидимъ — выпустятъ... Деньги-то большія... Ну, иди опять къ ней, наскაკивай!

— Ой, не могу, противно. Съ души воротить.

— Иди, говорю, напугай ее хорошенько... Одинъ конецъ...

Афанасій зашевелилъ усами, втянулъ голову, растопырилъ пальцы и пошелъ къ постели. Но генеральша уже не видѣла его. Лежа на бочку, она только часто, часто стонала. Крошечное тѣло ея потрясали мелкія судороги...

— Кончается? — зашептала Павлина, просовываясь въ дверь. Афанасій и Павлина сѣли на кровать, глядѣли на генеральшу, ждали. Павлина вынула изъ кармана юбки два пятака, — прикрыть глаза покойницѣ. Въ это время на дворѣ усадьбы малиново, радостно залился колокольчикъ.

Афанасій сорвалъ съ себя усы и побѣждалъ на крыльцо. Павлина грохнулась около генеральшиной постели и заголосила на три голоса

сразу. Къ дому подкатила коляска, въ ней сидѣли Сонечка и Илья Леонтьевичъ.

Степаниду Ивановну похоронили. Въ ларчикѣ ея, среди драгоценностей, было найдено завѣщаніе Алексѣя Алексѣевича. По его волѣ все движимое и недвижимое имущество Гнилопятъ, въ случаѣ его и генеральшиной смерти, переходило Сонечкѣ Смольковой.

Сонечка сказала, что не хочетъ жить въ Гнилопятѣхъ. Она просила все въ домѣ оставить стоять на своихъ мѣстахъ, какъ было при генералѣ и генеральшѣ, и домъ закрыть наглухо. Съ утра до ночи рабочіе стучали молотками, заколачивая досками двери и окна. Гулко раздавались удары молотковъ по пустымъ комнатамъ, гдѣ хмурились неуспокоенныя тѣни ушедшихъ обитателей.

Въ одинъ изъ этихъ печальныхъ часовъ Сонечка сидѣла у пруда, по осеннему синяго и прозрачнаго. Осыпались послѣдніе листья. Сонечка думала:

— Промчится короткая жизнь. Приду осенью и сяду на эту скамью. Прудъ будетъ такимъ же яснымъ. Наклонюсь и увижу себя, — сѣдые волосы, потухшіе глаза. Будутъ стучать молотки, заколачивая за мною дверь. Какъ прожить мимолетную жизнь? Какъ остановить изъ этого потока хотя бы одну минутку, — не дать ей утекъ?

Сонечка подумала о недолгой своей женской жизни, о мужѣ, — вздохнула и покачала голо-

вой: мужъ припомнился ей, словно вычитанный изъ какой-то нехорошей книжки.

Долетѣлъ изъ-за рощи ударъ колокола, — въ монастырѣ звонили къ вечернѣ. Сонечка обернулась и долго слушала, и снова опустила голову.

«Нѣтъ, этотъ зовъ не для меня. Успокоеніе? Нѣтъ!» Тревожно билось сердце, — молило: хоть гибели, хоть горькихъ слезъ, но жить! жить! жить! Не бродить въ сладкомъ туманѣ, въ очарованіи, какъ прежде, но жить! Горѣть, какъ кустъ, раскинувъ огненные руки къ этому синему небу, къ этой печальной землѣ... «Прими, вотъ я вся взвилась огнями передъ тобой!»

1910 г.—1923 г.

ХРОМОЙ БАРИНЪ
РОМАНЪ

Съ престола ледяныхъ громадъ,
Родныхъ высотъ изгнанникъ вольный,
Спрядаетъ вольный водопадъ
Въ тѣснинный мракъ и плѣнь юдольный,
А облако, назадъ — горѣ —
Путеводимое любовью,
Какъ агнецъ, жертвенною кровью
На свѣжномъ рдѣть алтарѣ.
(Вячеславъ Ивановъ. «Кормчія Звѣзды»).

ЛУННЫЙ СВѢТЪ

I

Къ полуночи луна, взоидя надъ Колыванью, освѣтила съ лѣвой стороны неровныя стекла избъ, направо погнала густыя тѣни по притоптанному гусиному щавелю деревенской улицы и задвинулась заблудившимся въ ночномъ небѣ облакомъ, — въ это время вдоль села мчалась, во весь духъ съ подвязаннымъ колокольчикомъ, тройка, впряженная въ откидную коляску.

Еще не пѣли пѣтухи, а собаки уже перестали брехать, и только въ избѣ, съ краю села, сквозь щели ставенъ желтѣлъ свѣтъ.

У избы этой надъ двухскатной покрышей воротъ торчалъ шестъ съ обручемъ, обвязаннымъ сѣномъ, издалека указывая путнику постоялый дворъ. За избой далеко разстилалась ровная, сѣрая отъ луннаго свѣта, степь, куда

и уносила въ взмыленная тройка, съ четкимъ, гулкимъ въ ночной тишинѣ, галопомъ пристяжныхъ и валкой, уходистой рысью коренника. Человѣкъ, сидящій въ коляскѣ, поднялъ тростъ и тронулъ кучера. Тройка осѣла, и стала у постоялаго двора.

Человѣкъ снялъ съ ногъ пледъ, взялся за скобу козелъ и, прихрамывая, пошелъ по травѣ къ низкому крылечку. Тамъ, обернувшись, онъ сказалъ негромко:

— Ступай. На разсвѣтѣ пріѣдешь.

Кучеръ тронулъ вожжами, и тройка унеслась въ степь, а человѣкъ взялся за кольцо двери, погромѣлъ имъ и, словно въ раздумьи, прислонился къ ветхому столбику крылечка. Его узкое лицо было блѣдно, подъ длинными глазами — тѣни, вьющаяся, небольшая бородка оставляла голымъ подбородокъ. Онъ медленно стянулъ съ правой руки перчатку и постучалъ во второй разъ.

По скрипящимъ доскамъ сѣней слышались босые шаги, дверь пріоткрылась, распахнулась быстро, и на порогъ стала молодая баба.

— Алешенька! — сказала она радостно и взволнованно, — а я и не ждала. — Она не смѣло коснулась его руки и поцѣловала въ плечо.

— Принимаешь, Саша? — спросилъ онъ, — я къ тебѣ до утра, — и, кивнувъ головой, вошелъ въ залитыя луннымъ свѣтомъ сѣни. Саша шла впереди, оборачиваясь и открывая улыбкой на свѣжемъ, красивомъ лицѣ своемъ бѣлые зубы.

— Я видѣла, какъ ты о полдень проѣхалъ

по селу. Навѣрно, подумала, къ барину Волкову. Тамъ тебя и ночевать оставятъ, а ты вотъ какъ, батюшка, ко мнѣ прибылъ...

— У тебя никто не спитъ изъ пріѣзжихъ?

— Нѣтъ, никого нѣтъ, — отвѣтила Саша, входя въ лѣтнюю, досчатую горницу, — мужики съ возами остановились, только всѣ спятъ на волѣ, — и она сѣла на широкую, покрытую лоскутнымъ одѣяломъ кровать, и улыбнулась нѣжно.

Свѣтъ мѣсяца, пробираясь въ горницу черезъ небольшое окошко, освѣтилъ Сашино лицо съ приподнятыми углами губъ, высокую шею въ вырѣзѣ чернаго сарафана, на груди шевелившуюся нитку янтарныхъ бусъ.

— Принеси вина, — сказалъ вошедшій. Онъ стоялъ въ тѣни, держа шляпу и трость. Саша проворно соскочила и ушла. А онъ легъ на кровать, закинулъ за голову руки. Понемногу лицо его сморщилось, исказилось. Онъ повернулся на бокъ и, охвативъ подушку, сунулъ въ нее голову.

Саша вернулась, неся небольшой столикъ, покрытый салфеткой, на него она поставила двѣ бутылки, — одну съ виномъ, другую со сладкой водкой, поднялась по лѣсенкѣ въ чуланъ и вынесла оттуда на тарелкѣ орѣхи, пряники, изюмъ. Двигалась она быстро и легко, переходя изъ луннаго свѣта въ тѣнь. Лежавшій приподнялся на локтѣ, сказалъ:

— Поди сюда, Саша. — Она сейчасъ-же сѣла въ ноги его, на кровать. — Скажи — если бы я тебя обидѣлъ, страшно-бы обидѣлъ? Простишь?

— Воля твоя, Алексѣй Петровичъ, — помолчавъ, дрогнувшимъ голосомъ отвѣтила Саша, — а за твою любовь — благодарю покорно. — Она отвернулась и вздохнула.

Алексѣй Петровичъ, князь Краснопольскій, долго старался въ темнотѣ разобрать лицо Саша. Послѣ молчанія онъ сказалъ тихо, точно лѣниво:

— Все равно — ты ничего не поймешь. Рада, что я пріѣхалъ, а не спросила — откуда, и почему я у тебя здѣсь лежу?.. А то, что я у тебя лежу сейчасъ, — отвратительно... Да, ужасно, Саша, гнусно.

— Что ты, что ты! — проговорила она испуганно, — если бы я тебя не любя принимала.

— Поди, ближе. Вотъ такъ, — продолжалъ князь и обхватилъ Сашу за полныя плечи, — я и говорю — ты ничего не понимаешь, и не старайся. Послушай, нынче вечеромъ я до-сыта наговорился съ однимъ человѣкомъ. Хорошо было, очень.

— Съ барышней Волковой?

— Да, съ ней. Вотъ, такъ, — сидѣлъ близко къ ней, и голова у меня кружилась больше, чѣмъ отъ твоего вина. Знаешь, какъ во снѣ покажется, что тебя нѣжно погладятъ, такъ и я о ней, словно во снѣ, вспоминаю. Сейчасъ ѣхалъ оттуда, и мнѣ казалось, будто совсѣмъ все у меня хорошо и благополучно. А когда вѣхалъ въ Колывань, подумалъ, — стоитъ только остановить лошадей у твоего крыльца — и все мое благополучіе полетитъ къ чорту. Теперь понимаешь? Нѣтъ? Нельзя мнѣ къ

тебѣ заѣзжать. Хоть бы ты мнѣ отравы какой-нибудь дала.

Сашины руки упали безъ силъ, она опустила голову.

— Жалѣешь ты меня, Саша? Да? — спросилъ князь, привлекая ее и поцѣловалъ въ лицо, но она не раскрыла глазъ, не разомкнула губъ, какъ каменная.

— Перестань, — прошепталъ онъ, — я съ тобой шучу. Тогда она заговорила отчаянно:

— Знаю, что шутишь, а, все-таки, вѣрю. За чѣмъ же мучаешь? Вѣдь въ душѣ у меня живого мѣста не осталось. Знаю — изъ милости любишь. Баба я, какой мой вѣкъ, какое ужъ мнѣ счастье!

За стѣной, въ это время, громко закричалъ пѣтухъ. Лошадь, спросонья, ударила въ доску. Понемногу, въ утреннемъ, слабомъ свѣтѣ яснѣе стало видно худое, въ тѣняхъ, красивое лицо князя. Большіе глаза его были печальны и серьезны, на губахъ — застывшая усмѣшка.

Саша долго глядѣла на него, потомъ принялась цѣловать князю руки, плечи и лицо, ложась рядомъ и согрѣвая его сильнымъ своимъ, взволнованнымъ тѣломъ.

II

На другой сторонѣ села, за плетнемъ, посреди заросшаго бурьяномъ двора, въ новой избѣ, на полатахъ, лежалъ докторъ Заботкинъ.

Снизу была видна только его голова, упертая въ два кулака подбородкомъ, на которомъ росли

прямые, рыжіе волосы. Такія же космы во всѣ стороны, начиная съ макушки, падали на лобъ и глаза, круглое лицо было неумыто и припухло отъ сна.

Докторъ Григорій Ивановичъ Заботкинъ, прищуря глазъ, сплевывалъ внизъ съ полатей, стараясь попасть въ сучокъ на полу.

Напротивъ, въ простѣнкѣ подъ жестяной лампой, сидѣлъ на лавкѣ попикъ небольшого роста, тихій и умильный, съ просьдью въ темной косицѣ. Рукава его подрясника были засаленны и смяты, какъ у гармоники. Запустивъ въ нихъ пальцы, о. Василій морщился и молчалъ, глядя, какъ докторъ плюется.

— Въ три года во что себя человѣкъ обратилъ, — сказалъ, наконецъ, о. Василій.

— А что, не нравится? — лѣниво отвѣтилъ Григорій Ивановичъ, — а у меня съ дѣтства такая привычка, — когда очень скучно — залѣзу въ тѣсное мѣсто и плююсь. Не нравится — не глядите. У меня даже излюбленное мѣстечко было — подъ амбаромъ, гдѣ мягкая травка росла. Тамъ наша собака постоянно щенилась. Щенята — теплые, молокомъ отъ нихъ пахнетъ, собака ихъ лижетъ, — они скулятъ. Хорошо быть собакой, честное слово.

— Дуракъ ты, Григорій Ивановичъ, — помолчавъ нѣкоторое время, сказалъ о. Василій, — я лучше уйду.

— Вы, о Василій, не имѣете права уходить, пока не доставите мнѣ душевнаго облегченія, вамъ за это правительство деньги платить.

— Сколько тебѣ лѣтъ?

— Двадцать восемь.

— Университетъ окончилъ, года молодые, занятіе свѣтское, я бы на твоёмъ мѣстѣ весь день смѣялся. А ты, эхъ! Ну, куда ты годенъ съ твоими идеями? Лежишь и плюешься.

— У меня, о. Василій, идеи были замѣчательныя. — Григорій Ивановичъ повернулся на спину, вытянулъ съ полатей руки, хрустнулъ пальцами и зѣвнулъ. — Вотъ, къ водкѣ я привыкнуть не могу. Это вѣрно.

— Эхъ! — сказалъ о. Василій, аккуратненько досталъ изъ подрясника жестяной портсигаръ, чиркнулъ спичкой, по привычкѣ зажигать на вѣтру подержалъ ее между ладонями — шалашикомъ, закурилъ и, покатавъ въ пальцахъ, бросилъ подъ лавку. — Ну, вотъ, повѣрь, была бы въ селѣ другая, кромѣ тебя, интеллигенція, нипочемъ бы не сталъ ходить къ тебѣ.

Подобные разговоры происходили между докторомъ и о. Василиемъ постоянно, начиная съ весны, когда сгорѣла колыванская больница; Григорій Ивановичъ передалъ тогда всѣ дѣла фельдшеру, и сидѣлъ въ избѣ, нанятой земствомъ на время, покуда не построятъ новую больницу.

Три года назадъ Григорій Ивановичъ былъ назначенъ на первое свое мѣсто въ Колывань. Сгоряча, онъ принялся развѣзжать по деревнямъ, лѣчить и даже помогать деньгами. Таскаясь въ распутицу по разбухшей, навозной дорогѣ, или насквозь продуваемый ледянымъ вѣтромъ въ январскую ночь, когда мертвая луна стоитъ надъ мертвыми снѣгами; заглядывая въ тѣсныя избы, гдѣ кричатъ шелудивые ребятишки; угорая въ черныхъ баняхъ, подъ

горой, отъ воплей роженицы и ѣдкаго дыма; посылая отчаянныя письма въ земство съ требованіемъ лѣкарствъ, врачебной помощи и денегъ; видя, какъ все, что онъ ни дѣлаетъ, словно проваливается въ бездонную пропасть деревенскаго раззоренія, нищеты и неуройства, — почувствовалъ, наконецъ, Григорій Ивановичъ, что онъ — одинъ съ банкой касторки на участкѣ въ шестьдесятъ верстъ, гдѣ моромъ мрутъ ребятишки отъ скарлатины и взрослые отъ голоднаго тифа, что, все равно, ничему этой банкой касторки не поможешь, и не въ ней дѣло. Въ это время сгорѣла больница, онъ шваркнулъ касторку объ землю и полѣзъ на полати.

О. Василій, на глазахъ котораго выматывался, такимъ образомъ, третій докторъ, очень жалѣлъ Заботкина, забѣгалъ къ нему каждый почти день, стараясь, какъ-нибудь, — папирочкой или анекдотцемъ, — ужъ не утѣшить, какое тамъ утѣшеніе, когда отъ человѣка осталась одна копотъ, — а хоть на часокъ разсмѣшить: все-таки посмѣется.

Окончивъ зѣвать, Григорій Ивановичъ повернулся опять на животъ, спустилъ руку и попросилъ покурить.

— Сегодня табачокъ у Курбенева купилъ, — сказалъ на это о. Василій и, ставъ подъ полатами на цыпочки, поднялъ портсигаръ, нажавъ у него потайную пружину.

Григорій Ивановичъ хотя и зналъ, что портсигаръ этотъ «фармазонный», — съ фокусомъ, — сдѣлалъ видъ, что не помнитъ, и потянулъ фальшивое дно, гдѣ папиросъ не было...

— Что, получилъ папиросы «фабрики Чужаго», — засмѣялся о. Василій, очень довольный шуткой — ну, кури, кури. А я, знаешь, сегодня у Волкова былъ.

— Говорятъ, звѣрь, страшная скотина, твой Волковъ.

— Совершенная неправда! Мало что болтаютъ. Отличный человѣкъ, а живетъ... Вотъ бы ты, Григорій Ивановичъ, посмотрѣлъ хорошенько на такихъ людей — не валялся бы тогда на полатахъ. А дочка его, Екатерина Александровна, повѣрь мнѣ, замѣчательная красавица, благословенное твореніе Божіе... Былъ бы я живописцемъ — Марію бы Магдалину съ нея написалъ, когда она передъ женихомъ усмѣхается.

— Какъ это такъ, — усмѣхается передъ женихомъ? — внезапно перебилъ Григорій Ивановичъ.

— Развѣ ты этого не слыхалъ? Великіе живописцы всегда эту усмѣшку отмѣчали въ своихъ твореніяхъ. Дѣвица, дѣвственница, сосудъ любви и жизни, постоянно, какъ бы видя около себя ангела, указующаго перстомъ на ея чрево, — дивно усмѣхается. Я это тебѣ не шутя говорю. Ты не смѣйся.

О. Василій поднялъ брови и курилъ, пуская дымъ изъ носа, потомъ сказалъ: — да, такъ вотъ какъ, — вздохнулъ, помолчалъ и ушелъ.

Но Григорій Ивановичъ совсѣмъ не смѣялся. Втянувъ на полати голову, лежалъ онъ тихо: — закрылъ глаза, стиснулъ челюсти, потому что не даромъ было ему всего двадцать восемь

лѣтъ, и могли еще его, какъ громъ, поражать нечаянныя слова о дѣвичьихъ усмѣшкахъ.

III

Сіяетъ въ темно-темно синемъ небѣ лунный свѣтъ, и, кажется — конца не будетъ ему, — забирается сквозь щели, сквозь закрытыя вѣлки, въ спальни, въ клѣтки, въ норы звѣрей, на дно пруда, откуда выплываютъ очарованныя рыбы и касаются круглымъ ртомъ поверхности водъ.

Той-же ночью луна стояла надъ утоптанымъ копытами берегомъ пруда, — онъ вышелъ свѣтлымъ крыломъ изъ густой чащи волковского сада.

У воды, въ травѣ, на полушубкѣ лежалъ широкоплечій, бородатый конюхъ, опираясь на локоть. Конюшенокъ неподалеку дремалъ въ сѣдлѣ, сивый конекъ его, спросонокъ, моталъ головой и брякалъ удилами. По низкому лугу, среди высокихъ репейниковъ и полыни, паслись лошади. Жеребята лежали, касаясь мордой вытянутой ноги.

Вдоль берега, отъ высокихъ ветель плотины, медленно шелъ старичокъ въ кафтанѣ. Дойдя до конюха, онъ остановился и долго не то смотрѣлъ, не то слушалъ...

— Да, ночь теплая, — сказалъ старичокъ. Конюхъ спросилъ лѣниво:

— Что ты все бродишь, Кондратій Ивановичъ, — безпокоишься?..

— Брожу, не спится.

— Все думаешь?

— Думается, да... Вѣдь я по этимъ мѣстамъ, какъ въ колесѣ, всю свою жизнь прокрутился, по дому, да вокругъ. Землю-то до камня протеръ... Они и тянутъ, — старые слѣды. Помирать, что-ли, время?

— На покой тебѣ нужно, Кондратій Ивановичъ, на пенсію.

— А тутъ еще баринъ давеча опять расшумѣлся, — въ полъ-голоса говорилъ Кондратій. — Князь-то опять въ сумерки пріѣзжалъ. Коляску оставилъ за прудомъ и, воръ-воромъ, на лодкѣ подѣхалъ къ бесѣдкѣ, и съ барышней — разговоръ... Такой влипчивый, прямо опасный.

— На то онъ и князь, Кондратій Ивановичъ, это мы съ тобой нанялись, продались да помалкиваемъ, а онъ что хочетъ, то и творить. Сказывали, онъ, гостей провожать, изъ пушки стрѣляетъ.

— Не то противно, а зачѣмъ — ѣздитъ и не сватается. На барышнѣ нашей лица нѣтъ...

Кондратій Ивановичъ замолчалъ. Конюхъ, привставъ на полушубкѣ, взглянулъ и крикнулъ:

— Мишка, не спи, кони ушли!

Конюшенокъ очнулся въ сѣдлѣ, дернулъ головой и зачмокалъ, замахалъ кнутомъ; сивая лошадь шагнула и стала, опустивъ шею. И опять задремала и она и конюшенокъ: такая теплая и тихая была ночь.

Постоявъ, помолчавъ, проговоривъ многозначительно: «Да-съ, такъ-то вотъ оно все», — Кондратій побрелъ обратно къ саду.

Старая ветла, разбитая грозой, плетень, ка-

нава съ лазомъ черезъ нее, дорожки, очертанія деревьевъ, — все это было знакомо и все, словно ключиками, отмыкало старыя воспоминанія о тяжеломъ и о легкомъ, хотя, если припомнить хорошенько, то легкаго въ жизни было, пожалуй, и немного.

Кондратій служилъ камердинеромъ при Вадимѣ Андреевичѣ и при Андреѣ Вадимычѣ, и помнилъ самого Вадима Вадимыча Волкова, о которомъ Кондратій даже во снѣ вспоминать боялся, — такой былъ онъ усатый и ужасный, не зналъ удержу буйствамъ, и для униженія мелкопомѣстныхъ дворянъ держалъ особеннаго — дерзкаго шута, Рѣшето, и дурку. Отъ нихъ-то и произошелъ Кондратій, получивъ съ рожденія страхъ ко всѣмъ Волковымъ и преданность.

Вадимъ Андреевичъ, отецъ теперешняго Александра Вадимыча — былъ большой любитель почитывать и пописывать, издалъ даже брошюру для крестьянъ, подъ названіемъ: «Добродѣтельный труженикъ», но былъ рѣшительно противъ отмѣны крѣпостного права, и однажды, приказавъ привести въ комнаты кривого Федьку-пастуха, усадилъ его на шелковый диванъ, предложилъ сигару и сказалъ: «Теперь вы, Федоръ Ивановичъ, самостоятельная и свободная личность — привѣтствую васъ, можете идти куда хотите, но, если желаете у меня служить — то распорядитесь, будьте добры, и васъ въ послѣдній разъ высѣкутъ на конюшнѣ». Федька подумалъ и сказалъ: «Ладно».

При отцѣ Вадима Андреевича, — Андреѣ Вадимычѣ, — Кондратій началъ служить казач-

комъ. Баринъ былъ сырой, скучливый, любилъ ходить въ баню и тамъ часто напивался, сидя вмѣстѣ съ гостями и съ дѣвками на свѣжей соломѣ, нагишомъ. Тамъ, въ банѣ, его и сожгли дворовые.

Теперешній, Александръ Вадимычъ Волковъ, былъ уже не тотъ, — мельче, да и выросъ онъ на дворянскомъ гоненіи, когда нельзя уже было развернуться во всю ширь.

И не то, что не боялся Кондратій Александра Вадимыча, а недостаточно уважалъ, и былъ привязанъ только, но зато всею душой, къ дочкѣ его Катюшѣ, первой красавицѣ въ уѣздѣ.

Перейдя плотину, Кондратій спустился въ оврагъ, перелѣзъ черезъ плетень и побрелъ по сыроватой и темной аллеѣ.

Въ саду было тихо, только птица иногда ворочалась и опять засыпала въ липовыхъ вѣтвяхъ, да нѣжно и печально охали древесныя лягушки, да плескалась рыба въ пруду.

Овальный прудъ обступили кольцомъ старыя ветла, такія густыя и поникшія, что сквозь ихъ зелень не могъ пробиться лунный свѣтъ, — игралъ далеко на серединѣ пруда, гдѣ въ скользящей, стеклянной зыби плавала не то утка, не то граченочъ еле держался на распластанныхъ крыльяхъ, — нахлебался воды.

Дойдя до конца аллеи, Кондратій заглянулъ налѣво, туда, гдѣ надъ прудомъ стояла кривая отъ времени бесѣдка, сейчасъ вся въ тѣни.

Вглядываясь, онъ различилъ женскую фигуру въ бѣлой шали, облокотившуюся о перила. Подъ ногой Кондратія хрустнулъ сучокъ, женщина быстро обернулась, проговорила взволнованно.

— Это вы? Вернулись?

— Это я, Катенька, — покашлявъ, сказалъ Кондратій и двинулся къ мосткамъ...

Екатерина Александровна легко по доскамъ сошла на берегъ, до подбородка закутанная въ пуховый платокъ, постояла передъ Кондратиємъ и сказала:

— Ты тоже не спишь? А у меня столько комаровъ налетѣло въ комнату — не могла заснуть. Проводи меня.

— Комары комарами, — замѣтилъ Кондратій строго, — а на пруду по ночамъ дѣвицѣ одной неудобно.

Катенька, шедшая впереди, остановилась:

— Что за тонъ, Кондратій!

— Такъ, тонъ. Александръ Вадимычъ пушилъ меня, пушилъ сегодня, и за дѣло: развѣ мыслимо по ночамъ прогуливаться, сами понимаете...

Катенька отвернулась, вздохнула и опять пошла, задѣвая краемъ платья сырую траву.

— Ты папѣ ничего не рассказывай про сегодняшнее, голубчикъ, — вдругъ прошептала она, и губами коснулась сморщенной щеки Кондратія...

Онъ довелъ барышню до балкона, съ котораго поднимались шесть кое-гдѣ облупленныхъ колоннъ, наверху синевато-бѣлыхъ отъ луннаго свѣта; подождалъ, пока зашла въ домъ Екатерина Александровна, покашлялъ и повернулъ за уголъ къ небольшому крылечку, гдѣ была его каморка, съ окномъ въ кусты.

И только что онъ сѣлъ на сундукъ, покры-

тый кошмою, какъ по дому прокатился гнѣв-
ный окрикъ Александра Вадимыча:

— Кондратій!..

Кондратій, по привычкѣ, перекрестилъ душ-
ку и стариковской рысью побѣждалъ по длин-
ному корридору къ дверямъ, за которыми кри-
чалъ баринъ.

Берясь за дверную ручку, Кондратій почув-
ствовалъ запахъ гари. Когда-же вошелъ — то
въ густомъ дыму, гдѣ желтѣлъ огонекъ свѣчи,
увидѣлъ на постели Александра Вадимыча, въ
одной рубахѣ, раскрытой на жирной и воло-
сатой груди, съ багровымъ лицомъ, — баринъ
наклонился надъ глиняной корчагой, изъ ко-
торой валилъ дымъ отъ горящаго торфа. Под-
нявъ на Кондратія осовѣлые, выпученные гла-
за, Волковъ сказалъ хрипло:

— Комары заѣли. Дай квасу. — И, когда
Кондратій повернулся къ двери, онъ крикнулъ:
— Вотъ я тебя, мерзавецъ! Зачѣмъ на ночь
окошки не затворяешь?

— Виновать, — отвѣтилъ Кондратій и побѣ-
ждалъ въ погребъ за квасомъ.

НЕОЖИДАННОЕ ЧУВСТВО

I

Григорій Ивановичъ долго разглядывалъ на
полатахъ какія-то тряпки, мусоръ, окурки,
пыль, втянулъ черезъ ноздри тяжелый воздухъ,
потрогалъ болѣвшую голову, и медленно, точно

все тѣло его было тяжелое, безъ костей, полѣзъ внизъ, морщась и нащупывая ногами приступки въ печи.

Ставъ на полъ, Григорій Ивановичъ поддернулъ штаны и нагнулся къ осколку зеркала подъ лампой. Оттуда глянуло на него желтое, сальное лицо, савелье, мутно-голубые глаза и космы волосъ во всѣ стороны.

— Ну и харя! — сказалъ Григорій Ивановичъ, запустилъ пальцы въ волоса, откинулъ ихъ, сѣлъ къ столу, подперся и задумался.

Бываютъ такіе остатки мыслей, береженные на послѣдокъ, густые, какъ болотная тина, дурные, какъ гниль; если сможетъ человѣкъ ихъ вызвать изъ душевныхъ подваловъ, перенести ихъ боль и оторвать отъ себя, тогда все въ немъ словно очнется, очистится; а станетъ переворачивать, трогать ихъ, какъ больной зубъ, снова и снова дышать этой гнилью, болѣть сладкой болью омерзения къ себѣ, — тогда на такого можно махнуть рукой, потому, что всего милѣе ему — дрянъ, плевокъ въ лицо.

Григорію Ивановичу очень не хотѣлось разставаться съ лежалыми своими мыслями, — за три года накопилось ихъ очень много. Къ тому же очень бываетъ опасно для еще неокрѣпшаго духомъ человѣка видѣть только больныхъ, только несчастныхъ, только измученныхъ людей. А за три года передъ Григоріемъ Ивановичемъ прошло великое множество истерзанныхъ родами и битьемъ бабъ, почернѣвшихъ отъ водки мужиковъ, шелудивыхъ дѣтей въ грязи, въ голодѣ и сифилисѣ. И Григорію Ивановичу казалось, что вся Россія такая-же истерзанная,

почернѣвшая и шелудивая. А, если такъ, и нѣтъ выхода, — тогда пусть все летитъ къ чорту. И если — грязь и воняетъ, значитъ такъ нужно, и нечего притворяться человѣкомъ, когда ты — свинья.

— Все это такъ, и припечатано, — думалъ онъ, помахивая передъ лицомъ тощей кистью руки. — Жизни я себя не лишу, конечно, но зато — пальцемъ не поведу, чтобы лучше стало. Для утѣшенія — дѣвицу Волкову мнѣ приплелъ. Такъ вотъ что, отецъ Василій, — потаскалъ бы я эту вашу дѣвицу Волкову по сыпному тифу — посмотрѣлъ бы тогда, какъ она станетъ «усмѣхаться передъ женихомъ»...

Григорій Ивановичъ ядовито засмѣялся, но затѣмъ почувствовалъ, что не совсѣмъ правъ...

— Ну, скажемъ, эта барышня ничего не видѣла и не знаетъ — тепличный фруктъ... Это еще что-то вродѣ оправданія... Но попъ возмущаетъ меня... Да гдѣ оно это все ваше хорошее, покажите мнѣ! Родится въ грязи, живетъ въ свинствѣ, умираетъ съ проклятіемъ... И никакого просвѣта въ этой непролазной грязищѣ нѣтъ. И, если я честный человѣкъ, то долженъ честно и откровенно плюнуть въ это поскудство, называемое жизнью. И, прежде всего, въ рожу самому себѣ...

Григорій Ивановичъ, дѣйствительно, плюнулъ на середину избы, затѣмъ повернулся къ окошку и увидѣлъ разсвѣтъ.

Этого онъ, почему-то, совсѣмъ не ожидалъ и удивился. Затѣмъ вылезъ изъ за стола, вышелъ на дворъ, вдохнулъ острый запахъ травы и влаги, и сморщился, словно запахъ этотъ раз-

рушалъ какія-то его идеи. Потомъ побрелъ вдоль плетня къ луговому поему рѣчки.

Плетень, огибая съ двухъ сторонъ избу и дворикъ, сбѣгалъ къ водѣ, гдѣ росли ивы; одна стояла съ отрѣзанной верхушкой, на мѣстѣ нея торчало множество вѣтокъ, другая — низко наклонилась надъ узкой рѣчонкой.

Небо еще было ночное, а на востокѣ, у края земли, разливался нѣжный свѣтъ; въ немъ соломенные верхи крышъ и деревья выступали яснѣй и отчетливѣй.

По селу кричали пѣтухи. Откликнулся пѣтухъ и у Григорія Ивановича на дворѣ. А вѣтерокъ, острый отъ запаха травы, залетѣлъ въ иву, и листья ея, качнувшись, какъ лодочки, нѣжно зашумѣли.

— Все это обманъ, все это не важно, — пробормоталъ Григорій Ивановичъ и, стоя у дерева, глядѣлъ, не отрываясь, какъ на блѣдно-золотомъ востокѣ, отъ свѣта котораго уходило ночное небо, дѣлаясь сѣрымъ, зеленымъ, какъ вода, и лазоревымъ, горѣла, невысоко надъ землей, большая звѣзда. Это было до того необычайно, что Григорій Ивановичъ раскрылъ ротъ.

Звѣзда же, переливаясь въ пламени востока, таяла, и вдругъ, загасивъ ее, поднялось за степью солнце горячимъ бугромъ.

Надъ рѣкой закурился паръ. По сизой травѣ отъ вѣтра побѣжали синеватыя тѣни. Грачи закричали за рѣкой въ ветлахъ, и повсюду — въ кустахъ и въ травѣ запѣли, зачирикали птицы... Солнце поднялось надъ степью...

Но Григорій Ивановичъ былъ упрямъ: усмѣх-

нулся презрительно, прищурилъ глаза на солнце, и побрелъ обратно въ вонючую избенку.

Когда же вошелъ — желтымъ свѣтомъ на стѣнѣ горѣла жестяная лампа, все было прокурено, приспособлено для головной боли.

— Фу, чортъ, хотъ топоръ вѣшай, — пробормоталъ Григорій Ивановичъ и сейчасъ же вернулся на дворикъ, гдѣ, потерявъ лобъ, подумалъ, — пойти искупаться, ахъ, со мной творится неладное.

II

Студеная вода ознобила Григорія Ивановича, и, окунувшись, съ фырканьемъ, два раза, онъ быстро одѣлся, сунулъ руки въ рукава и сѣлъ на ползучій стволъ ивы, глядя на востокъ.

Лазоревые изгибы рѣчки скрывались въ камышахъ и, вновь разливаясь по зеленому лугу, уходили за березовый лѣсъ, вдаль.

Напротивъ, на той сторонѣ, бѣлѣли, какъ комья снѣга, гуси на гусиномъ щавелѣ. Въ затуманенной паромъ водѣ ходили пескарики, тревожа водоросли. На днѣ, у самыхъ ногъ лежала коряга, точно сомъ, съ усами, котораго боялись мальчишки за то, что онъ хватаетъ за ноги. Въ камышахъ летали сѣрыя птички и посвистывали.

Григорій Ивановичъ, мелко стуча зубами, глядѣлъ на все это, а солнце уже припекало ему лицо и босыя ноги.

«Конечно, это удовольствіе, — думалъ онъ, — но все это скоро кончится, все это случай-

ное», — онъ опустилъ голову и почему-то именно сегодняшняя ночь представилась ему, какъ дурной сонъ, — лежаніе въ грязи на полатяхъ, затхлый воздухъ и головная боль.

Вдругъ его испугали гуси: гогоча побѣждали они, съ гусакомъ во главѣ, къ берегу. Раскинувъ бѣлыя крылья, попрыгали въ воду и поплыли, надменно поворачивая головы направо и налево...

Григорій Ивановичъ подавилъ вздохъ (словно душѣ его хотѣлось и нельзя было крикнуть) и сталъ глядѣть, какъ отъ рѣчки въ небо уходитъ туманъ.

Рѣка длинна, много въ ней излучинъ и заводей и отовсюду курится тонкій этотъ туманъ, собираясь за лѣсомъ въ бѣлыя облака.

И, какъ солнцу встать, — поднимается изъ-за березоваго лѣса первое облако, за нимъ по той же дорогѣ летятъ еще и еще. Словно въ гнѣздѣ, клубятся они надъ лѣсомъ. Смотришь, и синее небо уже полно облаковъ. Плывутъ они все въ одну сторону, медленно, какъ лебеди, зная свой недолговѣчный срокъ. По степи отъ нихъ скользятъ прохладныя тѣни. Облака мѣняютъ обличья, прикидываются звѣремъ, полянкой, фигурой какой-нибудь, и такъ играютъ, пока вѣтеръ не собьетъ ихъ въ тяжелую тучу, понишетъ ее молнія, и понесетъ она плодъ, чтобы пролить его на землю, и самой истаять.

— Я просто щенокъ, — пробормоталъ Григорій Ивановичъ, — упрямый и лѣнтяй. А все такъ изумительно...

Не сдерживаясь болѣе, обрадовался онъ до того, что руки стали дрожать, и часто замигали

глаза, пошелъ къ плетню, влѣзъ на него и принялся оглядываться, — нѣтъ ли удивительно милаго человѣка, чтобы все это ему тутъ же и рассказать.

Въ это время на улицѣ, сбоку плетня, показались мальчишки: — они шаркали ногами, поднимали мягкую пыль, подбрыкивали и ходили черезъ голову колесомъ.

За мальчишками шли, взявшись за руки, дѣвки въ ситцевыхъ сарафанахъ, въ пестрыхъ полушалкахъ. Онѣ пѣли какую-то не новую, и славную пѣсню, — незнакомую.

Позади увязались парни. Одинъ изъ нихъ высокій, худой, въ драгомъ армякѣ, дулъ въ тростяныя дудки, верхняя губа его надувалась пузыремъ; другой, коренастый, на кривыхъ ногахъ, въ жилеткѣ и картузѣ, растягивалъ гармонью.

Мальчишки, дѣвки и парни повернули за угловую избу и плетни. Пѣсни и музыка доносились уже издалече. Потомъ всѣ показались еще разъ, переходя вдаль черезъ мостъ и скрылись за бугромъ, за обгорѣлыми столбами больницы.

— Изумительно, — пробормоталъ Григорій Ивановичъ, — или день сегодня такой особенный?

Къ плетню подошелъ степенный мужикъ, одѣтый въ новое и красное, безъ шапки; волосы его были помазаны; онъ взялся за колъ у плетня, сунулъ между прутьевъ сапогъ, смазанный дегтемъ, на который уже наѣла пыль и соломины, и спросилъ:

— Гуляете?

— Здравствуй, Никита, куда это они пошли? — спросилъ Григорій Ивановичъ, — развѣ сегодня праздникъ?

— Троица нынче, Троица, — отвѣтилъ мужикъ спокойно. — Эхъ, Григорій Ивановичъ, дни путать стали. Дѣвки вѣнки пошли завивать.

Никита потрогалъ — крѣпокъ ли коль стоитъ въ плетнѣ и вдругъ, раскрывъ немного ротъ, обросшій русой бородой, въ завиткахъ, глянулъ въ глаза Григорію Ивановичу.

И отъ понимающаго этого взгляда выцвѣтшихъ подъ солнцемъ глазъ мужика, отъ смуглаго его лица, отъ крѣпкаго, съ хорошимъ запахомъ, тѣла, понялъ Григорій Ивановичъ, что Никита подошелъ къ нему посмотреть на досугъ, — каковъ такой баринъ, и какая въ немъ придурь, и сразу, взглянувъ, какъ на колесо какое-нибудь, опредѣлилъ доктора Заботкина, который ему, Никитѣ, ни съ какой стороны не нуженъ, потому что, хотъ и докторъ и читаетъ книжки, а себя опредѣлить не можетъ и никуда не годится.

Понявъ это, Григорій Ивановичъ засмѣялся.

— А у меня къ тебѣ просьбишка, — сказалъ Никита, — доѣзжай со мной къ баушкѣ, давно она помираетъ, да лошади всѣ заняты и самому не оторваться... А я бы сейчасъ добѣжалъ, запрегъ.

— Вотъ и хорошо, — воскликнулъ Григорій Ивановичъ, — сбѣгай, запреги.

Никита, дѣйствительно, живо запрегъ и подалъ къ крыльцу новую телѣгу, полную свѣжаго сѣна.

Григорій Ивановичъ съ удовольствіемъ влѣзъ на нее, сбиль подъ себя сѣно, усѣлся, скрестилъ поджатые ноги, и сказалъ:

— Знаешь, Никита, сегодня въ самомъ дѣлѣ праздникъ. Ты женатъ навѣрно? Жену-то любишь?

Никита поднялъ брови, чмокнулъ, и они поѣхали. Сапоги его отъ толчковъ подпрыгивали у колеса. Григорій Ивановичъ, широко улыбаясь, трясся на волгломъ сѣнѣ, — поглядывалъ. Хорошо!

Когда телѣга съ грохотомъ проѣхала по земскому мосту, — съ перилъ попрыгали въ осоку лягушки, утки изъ-подъ моста бросились ихъ ловить...

— Лягушекъ-то сколько, — сказалъ Никита и подмигнулъ.

За рѣкой были выгоны и луга, а дальше — березовый лѣсъ. Никита оборачивался и заговаривалъ съ докторомъ о пустякахъ, и такъ какъ Григорій Ивановичъ больше молчалъ, не задавая глупыхъ вопросовъ, Никита сталъ рассказывать ему о своихъ крестьянскихъ дѣлахъ, о томъ, что передумалъ за зиму, и вдругъ неожиданно сказалъ, прищуривъ умные сѣрые глаза:

— Крестьянствовать трудно стало нынче; все на деньги перевели. А мужика перевести на деньги — какая ему цѣна — грошъ. Трудиться, выходить, не изъ-за чего. Вотъ и подумаешь...

Никита нахмурился, потомъ сразу, не ожидая отвѣта, тряхнулъ головой и, вновь усмѣхаясь, показалъ кнутомъ на опушку лѣса.

Между березъ ходили дѣвки, плетя изъ вѣтокъ вѣнки. Мальчишки лазили по деревьямъ. Парни лежали въ травѣ, слушая гармонию.

— Къ вечеру всѣ напьются, — сказалъ Никита, — и такіе хихи заведутъ, — одинъ грѣхъ. Раньше лучше было.

Телѣга выѣхала изъ лѣса на неширокую межу, между волнуемыхъ теплымъ вѣтромъ хлѣбовъ, отъ которыхъ пахло землей и медомъ. Облака, теперь бѣлыя и крутыя, какъ руно, видны были по всему синему небу. Дорога то уходила въ оврагъ, то вилась по откосу горы, и у края земли лежали новыя, огромныя груды бѣлыхъ облаковъ. Что въ нихъ удивительнаго? Но Григорій Ивановичъ будто не замѣчалъ раньше, а только теперь понялъ ихъ красоту въ первый разъ.

— Посмотри, Никита, облака-то какія, — сказалъ онъ.

— Облака, дѣйствительно, — отвѣтилъ Никита, посмѣтрѣвъ. — Только они пустыя — за водой летятъ, а какъ обернутся съ водицей, потемнѣютъ. Вотъ наемдни туча одна съ лягушками пролетѣла... Много смѣялись.

Онъ соскочилъ на землю и пошелъ у оглоблей, помахивая вожжами, — телѣга взбиралась на песчаный откосъ.

Съ откоса открылась глазамъ Григорія Ивановича просторная равнина, исчерченная свѣтлыми, темно-зелеными и желтыми квадратами хлѣбовъ, и два серебряныхъ крыла пруда, словно вѣнкомъ окаймленнаго ветлами. По эту сторону — деревня. За прудомъ садъ, и въ кудрявыхъ деревьяхъ — красная крыша дома...

— Волково, — сказалъ Никита, показавъ кнутовищемъ.

И Григорій Ивановичъ почувствовалъ, какъ теплая, словно вѣтеръ, любовная радость коснулась сердца. Захотѣлось ему полетѣть къ широкой, красной крышѣ и хоть на минутку посмотреть, какъ это такъ дивно усмѣхается волковская дочка.

III

Никитова хвораѣ бабушка жила на той сторонѣ Волги. Лошадка еле волокла телѣгу по прибрежному песку между тальниковъ, кое-гдѣ поломанныхъ и замаранныхъ дегтемъ. Наконецъ, показалась линиялая крыша конторки и флагъ, съ буквами П. О. С.

Вѣтра не было. Волны отъ пробѣжавшаго парохода медленно взлизывались на песокъ, покачивая двѣ, полныя воды, лодки, привязанныя къ мосткамъ. Григорій Ивановичъ черезъ зыбкіе мостки прошелъ на конторку и сѣлъ, глядя на тотъ берегъ, зеленый и крутой, гдѣ между деревьями на юру стоялъ бѣлый домъ, съ куполомъ и колоннами, всегда забитый досками поперекъ оконъ — усадьба Милое, покойной княгини Краснопольской. Григорій Ивановичъ за частыя поѣздки привыкъ къ этому дому и не замѣтилъ сейчасъ, что всѣ окна были открыты, и между колоннъ двигались люди, маленькіе издалече, какъ мухи.

Вдругъ, передъ домомъ поднялось бѣлое облачко, прокатился по рѣкѣ выстрѣлъ, и, не-

долго спустя, отъ берега отчалила, тяжелая завозня.

— Какъ по туркамъ хватилъ, — сказалъ Никита, стоя у периль, — князь гостей провожаетъ.

— Да, да, — отвѣтилъ Григорій Ивановичъ, — я и не замѣтилъ, что въ домѣ живутъ. Съ какихъ это поръ?..

— Съ весны, Григорій Ивановичъ, хозяинъ явился, хромой князекъ. Что тутъ было первое-то время! — Такъ и думали, что домъ сожгутъ. Князь, говорятъ, жениться хочетъ, ну, вотъ — и приманиваетъ невѣсть пушкой.

Завозня наискось пересѣкала рѣку; гребли въ ней четыре матроса, безъ шапокъ, въ синихъ рубахахъ; надъ лодкой покачивался красный зонть, отражаясь въ водѣ.

Скоро уже можно было различить бритые затылки матросовъ и лица дѣвушки и толстаго человѣка, одѣтаго въ поддевку и бѣлый картузь съ большимъ козырькомъ. Онъ опирался подбородкомъ о трость, — вдоль нея висѣли его длинныя, рыжіе усы.

Дѣвушка, сидѣвшая съ нимъ рядомъ, была вся въ бѣломъ. Соломенная шляпа ея лежала на колѣняхъ. Двѣ русыя косы обѣгали вокругъ головы, солнце сквозь зонть заливало розовымъ свѣтомъ ея овальное, гордое и прелестное лицо съ маленькимъ, дѣтскимъ ртомъ.

— Серьезный баринъ, — сказалъ Никита, — по старинѣ живетъ, за землю держится, а дочку за князя норовить пропить, — и то сказать — Волковъ...

«Такъ вотъ она какая», — подумалъ Григо-

рій Ивановичъ — и, застыдившись, отошелъ отъ перилъ, толкнулся по палубѣ, ушелъ на корму, за мѣшки съ мукой, и ужасно покраснѣлъ, бормоча:

— Что за глупость, мальчишество... — И пальцемъ принялся ковырять дыру въ мѣшкѣ.

— Былъ уже слышенъ плескъ весель. Завозня подходила, несомая теченіемъ. Скоро съ лодки крикнули «держи», матросъ на конторкѣ отвѣтилъ «есть», и побѣжалъ за ударившей о крышу бичевой; лодка тяжело ткнулась, и, спустя мгновеніе, Григорій Ивановичъ услышалъ голосъ, какъ музыку: «папа, дайте руку», и затѣмъ вскрикъ и всплескъ воды...

Холодъ испуга прокололъ Григорія Ивановича, онъ ухватился за мѣшокъ, потомъ кинулся къ периламъ...

Екатерина Александровна стояла внизу трапа, приподнимая съ боковъ намокшую юбку и смѣялась, Волковъ же говорилъ ей сердито:

— Ты не коза, въ самомъ дѣлѣ... Нельзя же такъ прыгать...

И оба — отецъ и дочь — поднялись наверхъ, сошли, не спѣша, на берегъ и сѣли въ коляску, запряженную вороной тройкой.

Екатерина Александровна, обернувъ голову, взглянула на домъ на той сторонѣ, словно погладила его сѣрыми своими, немного выпуклыми, какъ у отца, большими глазами. Волковъ сказалъ «трогай», лошади въ наборной упряжи рванулись и унесли лакированную коляску за тальники.

А Григорій Ивановичъ еще долго стоялъ, глядя вслѣдъ, потомъ вернулся на скамейку, уви-

дѣлъ подъ своимъ сапогомъ на полу влажный слѣдъ отъ женскаго башмака и осторожно отодвинулъ ногу.

Скоро пришелъ пароходъ. Григорій Ивановичъ съѣздилъ внизъ къ Никитовой бабушкѣ и домой вернулся поздно ночью, разбитый и неразговорчивый.

Въ избу онъ не пошелъ, а спать легъ въ сѣнахъ на сундукѣ. Сонъ его одолѣлъ сейчасъ же, но не надолго. Отъ крика пѣтуха онъ проснулся и глядѣлъ на четырехугольникъ раскрытой двери, черезъ которую были видны звѣзды. Потомъ легъ на бокъ, повернулся ничкомъ и, зажмурясь, принялся вздыхать и глотать слюни.

ЯДОВИТЫЯ ВОСПОМИНАНІЯ

I

Князь Алексѣй Петровичъ проснулся въ глубокомъ креслѣ, передъ туалетнымъ столомъ, у высокаго, съ отдернутой шторой, окна.

Другія два окна спальни были занавѣшены, и на каминѣ, въ темнотѣ, постукивалъ неспѣшно маятникъ.

За окномъ видны были вершины сада; далѣе — лиловая рѣка, за ней конторка, тальниковыя пусторосли, заливные луга съ красноватыми озерами, въ овальномъ зеркалѣ ихъ отражался печальный съ сизыми тучами закатъ; туда, черезъ поля и холмы, бѣжала дорога, узкая, чуть видная.

Отъ закатнаго, гаснущаго свѣта краснѣли края тучъ, а облака, что висѣли повыше, казались розовыми въ небѣ, цвѣта морской воды; еще повыше, теплилась звѣзда.

Алексѣй Петровичъ глядѣлъ на все это, касаясь холодными пальцами худой и блѣдной щеки.

Во впадинѣ глазъ у него лежала густая синева, по округлой скулѣ вились тонкіе волосы каштановой бородки.

Только это — бѣлая кисть руки, щека и выпуклый глазъ — отражалось въ зеркалѣ туалета; Алексѣй Петровичъ, переводя иногда взоръ на себя въ зеркало, не шевелился.

Онъ зналъ, что если пошевелится, — вся муть сегодняшней ночи ударитъ въ голову, нарушивъ спокойное созерцаніе всѣхъ вещей, ясныхъ, словно изъ хрусталя. Прозрачными и печальными были и мысли.

Такъ печалитъ закатъ надъ русскими рѣками. И еще грустнѣе было глядѣть на убѣгающую на закатъ дорогу: Богъ знаетъ, откуда ведетъ она, Богъ знаетъ — куда, подходитъ къ рѣкѣ, словно, чтобы напиться, и вновь убѣгаетъ, а по ней ѣдетъ... телѣга ли? не разберешь, да не все ли равно.

Въ этой печали неба и земли отдыхалъ Алексѣй Петровичъ. Ему казалось, что все бывшее не коснулось его, а то, что будетъ, пройдетъ также ненужно и призрачно, а онъ послѣ шумныхъ попоекъ съ друзьями, послѣ тревожныхъ свиданій съ Екатериной Александровной, въ саду по вечерамъ, когда хочется коснуться губами хоть платя и не смѣешь,

послѣ трогательныхъ ласкъ Саши, послѣ радостей и раскаянія, послѣ, наконецъ, острыхъ, до холода, воспоминаній о Петербургѣ, — снова, какъ усталый актеръ, сотретъ румяна и будетъ всегда, всегда глядѣть на этотъ закатъ, холодящій сердце, на дорогу.

Но, едва только Алексѣй Петровичъ подумалъ объ этомъ покоѣ, противорѣчивыя мысли, словно спорщики, принялись беспокоить исподтишка...

— А вѣдь ты, какъ покойникъ, холоденъ и одинокъ, — пришла и сказала одна мысль, — ты только разрушалъ и себя, и другихъ, и до тебя, вотъ такого маленькаго въ этомъ креслѣ никому дѣла нѣтъ... А ты, быть-можетъ, изъ всѣхъ самый печальный и очень нуждаешься въ ласкѣ и участіи...

— Даромъ никто не даетъ ни ласкъ, ни участія, — отвѣтила вторая мысль.

Третья сказала горько:

— Всѣ только брали отъ тебя, требовали и опустошали.

— Но вѣдь ты никого не любилъ, — опять сказала первая, — и теперь отверженъ, и сердце уже высохло.

— Нѣтъ, я любилъ и могу, я хочу любить, — прошепталъ Алексѣй Петровичъ, повертываясь въ креслѣ.

Спокойствіе было нарушено. А за окномъ выцвѣталъ закатъ и тускнѣлъ, съ боковъ заливаемый ночью.

— Боже мой, какая тоска, — сказалъ Алексѣй Петровичъ и крѣпко зажалъ глаза ладонью, до боли. Онъ зналъ, что теперь насталъ

чередъ метаться по креслу, мучиться отъ стыда и думать о Петербургѣ...

Нельзя уйти отъ этихъ воспоминаній, они всегда на сторожѣ, и утолить ихъ можно виномъ, или разгуломъ.

II

Алексѣй Петровичъ служилъ въ ... гвардейскомъ полку, зачислѣсь туда въ годъ смерти матери своей и отца, восемь лѣтъ тому назадъ.

Небольшія деньги онъ старательно проживалъ, увѣренный, что, когда размѣнена будетъ послѣдняя сторублевка, кто-нибудь умретъ изъ родственниковъ, или, вообще, что-нибудь случится.

Благодаря этой увѣренности трудно было найти въ Петербургѣ человѣка беззаботнѣе, чѣмъ князь Краснопольскій. Онъ очень нравился женщинамъ. Связи его были всегда непродолжительны и легки, и не оставляли въ немъ слѣда, кромѣ, развѣ, милыхъ, или забавныхъ воспоминаній.

Прошло шесть лѣтъ службы въ полку. Въ шумной и угарной перспективѣ этихъ лѣтъ дни походили одинъ на другой. И, вотъ, однажды, Алексѣй Петровичъ оглянулся, — и ему представилось, что онъ словно шелъ все это время по однообразному корридолу, и такой же сѣрый, глухой корридоръ былъ впереди. Это новое ощущеніе жизни его удивило и огорчило.

Въ это, какъ разъ, время въ скучномъ и мало знакомомъ домѣ, въ гостиной княгини

Мацкой, онъ встрѣтилъ женщину, которая неожиданно, какъ гроза, разбудила его дремавшую страсть.

Алексѣй Петровичъ стоялъ подлѣ истощеннаго молодого человѣка изъ дипломатическаго корпуса, слушая идіотскіе, давно всѣмъ извѣстные, экспромты и остроты, и уже собирался незамѣтно скрыться, когда лакей распахнулъ золоченую дверь. Шумя суконнымъ платьемъ, вошла дама, очень высокая, въ накинутомъ сѣдомъ и буромъ мѣхѣ и быстро сѣла на диванъ.

Ея движенія были стремительны и связаны платьемъ. Подъ шляпой отъ низкаго лба поднимались волосы, цвѣта мѣди. Лицо было матовое, съ полузакрытыми, прекрасными глазами и узкимъ носомъ, — тревожное, не веселое.

— Кто она? — быстро спросилъ Алексѣй Петровичъ...

— Мордвинская, Анна Семеновна, о ней говорятъ, — отвѣтилъ дипломатъ, проливая кофе изъ чашки на коверъ.

Такова была первая встрѣча; Алексѣй Петровичъ помнилъ ее до мелочей.

Когда его представили, Анна Семеновна, прищурясь, мимоходомъ взглянула, словно примѣрила его.

Алексѣй Петровичъ, позванивая шпорой, придерживая шапку у бедра, старался найти слова, всегда такія обычные и легкія, теперь они казались лишенными смысла.

Анна Семеновна слушала, вытянувшись, слегка приподнявъ розовое ухо. Въ черной ея юбкѣ лежалъ бѣлый платокъ, благоухая, какъ-

то особенно по-женски, а, быть-можетъ, отъ нея самой исходилъ этотъ запахъ. Потомъ она улыбнулась, словно окончила приѣмъ; Алексѣй Петровичъ не догадался сейчасъ же отойти, и она поднялась, шурша шелкомъ и сильно выпрямивъ грудь, кивнула знакомымъ и прошла въ другую гостиную, недоступная и необычайная.

Послѣ встрѣчи, Алексѣй Петровичъ нѣсколько дней жилъ въ чудесномъ мірѣ запаховъ. Все, что не походило на ароматъ платочка, брошеннаго тогда въ колѣни Анны Семеновны — не существовало, и отъ слабаго, хотя бы намека на тотъ запахъ, глаза Алексѣя Петровича темнѣли, сжималось сердце.

Сидя въ трехъ комнатахъ холостой своей квартирки, въ первомъ этажѣ, на Фонтанкѣ, близъ Лѣтняго сада, Алексѣй Петровичъ разсѣянно глядѣлъ на стѣны, прострѣленные коегдѣ во время холостыхъ пирушекъ, присаживался къ столу, уставленному женскими фотографіями, лежалъ на кожаномъ диванѣ, курилъ, насвистывалъ изъ Шопена — и повсюду видѣлъ блѣдный профиль съ нѣжнымъ ртомъ и глазами, будто подернутыми горячимъ тепломъ... Даже денщикъ, который на кухнѣ негромко пѣлъ бабьимъ голосомъ солдатскія пѣсни, — не раздражалъ болѣе.

Когда повалилъ за окномъ крупный снѣгъ, Алексѣй Петровичъ, прижавъ лобъ къ стеклу, долго глядѣлъ на зыбкое опускающееся съ неба покрывало, и вдругъ закричалъ денщику: «скорѣе, шинель и шапку!»

Таковъ снѣгъ, когда онъ застилаетъ небо и

землю и дома, когда женщины запахивают шубы, согрѣвая плечами и грудью душистый мѣхъ, когда изъ вьюги вылетитъ рысакъ, съ отнесеннымъ по вѣтру хвостомъ и пропадетъ вновь такъ быстро, что едва примѣтишь, кто сидитъ въ низкихъ санкахъ — тогда нужно стать за угломъ, и караулить — кто набѣжитъ, блеснувъ изъ-подъ капора темнымъ глазомъ на разбуряненномъ лицѣ? Тогда нужно самому сѣсть на лихача и мчаться, пряча лицо въ воротникъ, и думать — кого встрѣтишь въ этотъ вечеръ — съ кѣмъ потеряешь сердце?

Алексѣй Петровичъ быстро шелъ по набережной, распахнувъ мѣховую шинель. Снѣгъ таялъ по его щекамъ и ласковый звонъ шпоръ поддразнивалъ. На Эрмитажномъ мосту онъ остановился, сообразивъ, что идетъ къ дому княгини Мацкой.

Онъ вздернулъ плечами, усмѣхнулся и погляделъ вокругъ.

Густой снѣгъ застилалъ свѣтъ фонарей, ложась на всѣ карнизы и статуи, покрывалъ подушками темный гранитъ. Прохожихъ не было; окна дворца были темны; часовой у подъѣзда стоялъ недвижно, закутанный въ тулупъ, съ прилипшимъ къ боку ружьемъ.

Вдругъ раздался вскрикъ и, взлетѣвъ на Эрмитажный мостикъ, промчался вороной рысакъ, въ пѣнѣ и снѣгу, далеко выбрасывая ноги. Въ узкихъ санкахъ за широкой спиною кучера сидѣла, наклонясь впередъ, Анна Семеновна въ шубѣ и соболяхъ...

Алексѣй Петровичъ, приложивъ руку къ высокой бобровой шапкѣ, такъ и остался стоять,

глядя въ пургу, гдѣ пропалъ рысакъ. Шинель сползла съ его плеча, открывъ золотыя галуны, холодъ словно ожегъ до сердца...

На завтра Алексѣй Петровичъ пріѣхалъ къ Мордвинскимъ съ визитомъ. Краснѣя и пугаясь, онъ объяснялъ мужу, что имѣетъ честь засвидѣтельствовать почтеніе Аннѣ Семеновнѣ, съ которой встрѣтился у княгини, и, объясняя, все ждалъ, не выйдетъ ли она изъ комнатъ. Мордвинскій холодно слушалъ князя, приподнявъ брови, ни разу не вскинулъ глазъ. Былъ онъ великъ ростомъ, сутуль и толстъ, и Алексѣй Петровичъ, глядя на землистое его лицо, съ хищнымъ носомъ и усами внизъ, представлялъ, какъ онъ будетъ морщиться послѣ ухода гостя, зная, что необходимо отдать ненужный визитъ.

Но Мордвинскій съ обратнымъ визитомъ не пріѣхалъ, и Алексѣй Петровичъ, прождавъ его недѣлю, наконецъ рѣшилъ при первой же встрѣчѣ оскорбить Мордвинскаго и драться...

А, спустя время, въ одной гостиной, уже уходя, встрѣтился съ Анной Семеновной въ дверяхъ. Она подняла синіе глаза на князя и усмѣхнулась. Онъ остался стоять, словно скованный великой силой.

Полтора мѣсяца онъ разыскивалъ Мордвинскую по салонамъ, баламъ, вечерамъ и вечерамъ въ свѣтскихъ церквяхъ. Онъ и не гадалъ никогда, что можетъ такъ страдать. Онъ постоянно привыкъ думать о ней, напряженно, какъ о болѣзни. Входя въ гостиныя, онъ всегда зналъ, еще не видя, тамъ ли она. Однажды, когда она неожиданно подошла сзади, онъ за-

дрожалъ и быстро обернулся, расширивъ глаза...

— Вы, кажется, боитесь меня? — спросила она...

Это были первыя ея несвѣтскія слова...

Анна Семеновна обращала на него, быть можетъ, больше даже вниманія, чѣмъ на другихъ, но онъ считалъ себя ничтожнымъ и недостойнымъ. И не радовался болѣе чувству: былъ не воленъ въ немъ, оно жгло и подтачивало. Не даромъ говорятъ въ народѣ, что любовь, какъ змѣя...

Тогда неожиданно (какъ поступалъ онъ всегда) Алексѣй Петровичъ признался во всемъ мало знакомому офицеру, принятому у Мордвинскихъ... Офицеръ, покусывая усы, благородно и внимательно выслушалъ (они сидѣли въ кабакѣ и надъ ухомъ, заглушая слова, были румыны), а на слѣдующій день все рассказалъ Мордвинской.

Въ этотъ памятный вечеръ они встрѣтились на балу. Алексѣй Петровичъ, похудѣвшій и серьезный, проходилъ въ толпѣ мундировъ, фраковъ и женскихъ платьевъ, поглядывая исподлобья; звякалъ шпорами, кланялся, сейчасъ же отворачиваясь, и пристально искалъ ее, словно боялся не узнать, или ошибиться.

Анна Семеновна стояла у колоннъ. На ней было платье изъ зеленого шелка, простое и открытое, на подолѣ брошена большая розовая роза.

— У меня съ вами длинный разговоръ, — сказала Анна Семеновна князю, который, касаясь губами ея руки, не слышалъ больше ни-

чего, не видѣлъ... Ему было тяжело до слезъ, — страшно и радостно.

— Не гнѣвайтесь на меня, — проговорилъ онъ тихо. Они прошли черезъ залу въ зимній садъ.

Анна Семеновна сѣла на диванчикъ у неровной, обложенной дикимъ камнемъ, стѣны... Камни и выступы оплеталъ плющъ, сверху висѣли нити ползучихъ растений; съ боковъ диванчика до стекляннаго потолка стояли пальмы, и ровный свѣтъ, не бросая тѣней, былъ повсюду, освѣщая зелень, журчащій фонтанъ и всю тонкую, злую Анну Семеновну. Ударяя вѣеромъ по ладони она усмѣхнулась, потомъ сказала:

— Я слышала, вы отзывались непочтительно обо мнѣ, правда это?

Алексѣй Петровичъ вздохнулъ и опустилъ голову, Анна Семеновна продолжала:

— Вы не отвѣчаете, значитъ, это правда?..

Онъ раскрылъ сухія губы и вымолвилъ невнятное...

— Что, что?! — воскликнула она и вдругъ добавила неожиданно тихо:

— Видите сами — я не слишкомъ сержусь на васъ.

Въ словахъ этихъ показалась ему и насмѣшка, и участіе совсѣмъ женское — вѣдь такъ легко исцѣлить печаль. У него смѣшались всѣ мысли, онъ почувствовалъ, что сейчасъ забудется, — тогда погибло бы все.

Но въ это время вошелъ Мордвинскій; увидавъ князя, онъ сдѣлалъ тошное лицо и сказалъ женѣ:

— Получена депеша, я уѣзжаю...

— Да, но я не читаю вашихъ депешъ, — отвѣтила Анна Семеновна, — меня проводить князь.

Мордвинскій, поклонившись, вышелъ. Въ короткомъ словѣ «князь» было обѣщаніе... Анна Семеновна взяла его подъ руку, и они пошли въ залъ, гдѣ были танцы. Тамъ Алексѣй Петровичъ словно внезапно опьянѣвъ, рассказывалъ, смѣясь, о томъ, какъ проводилъ эти дни. Анна Семеновна чуть чуть сдвигала брови, когда онъ слишкомъ пристально взглядывалъ ей въ глаза.

Въ три часа они ушли. Садясь въ автомобиль, Анна Семеновна приподняла сѣрую шубку, открывъ до колѣна ногу въ бѣломъ чулкѣ, — сквозь него видна была кожа... Алексѣй Петровичъ закрылъ глаза. Сидя рядомъ на мягко подпрыгивающемъ сидѣньѣ, онъ словно видѣлъ всю ее отъ бѣлыхъ чулокъ до алмазной цѣпочки на шеѣ, и молчалъ, откинувшись и чувствуя, какъ глаза ея, выпуклые и свѣтлые, отъ бѣгущаго навстрѣчу фонаря, слѣдятъ за каждымъ его движеніемъ...

Наконецъ, стало невыносимо молчать. Онъ засунулъ палецъ за воротникъ, потянулъ, и отскочили крючки и пуговицы на опушенномъ мѣхомъ мундирѣ.

— Не нужно волноваться, — сказала Анна Семеновна. Рукой, въ бѣлой перчаткѣ, потеряла запотѣвшее стекло и добавила тихо:

— Вамъ я все позволю...

Была ли то прихоть Анны Семеновны, или зашла она слишкомъ далеко въ игрѣ, но до пяти утра, сначала въ автомобиль, потомъ у Але-

ксѣя Петровича на дому, они ласкали другъ друга, отрываясь только, чтобы перевести духъ...

Анна Семеновна, какъ только вошла въ спальню, сказала удивленно: «какая узенькая кровать», и это были ея единственные слова.

Въ спальнѣ, освѣщенной лампадкой передъ золотымъ образомъ, на креслахъ и коврѣ расбросала она шубу, платье и тонкое, надушенное бѣлье. Алексѣй Петровичъ трогалъ разбросанныя эти вещи, качаясь, какъ пьяный, потомъ, торопясь, снова ложился на подушки, серьезно глядя на молодую женщину, еще болѣе чудесную въ сумракѣ, и, чтобы почувствовать, что она не снится ему, прикоснулся къ ней губами, и забывался въ поцѣлуѣ, закрывъ глаза.

Эта ночь преломила жизнь Алексѣя Петровича. Онъ позналъ страданіе, несравненную радость и потерялъ волю. Съ каждымъ часомъ слѣдующаго дня онъ все нетерпѣливѣе хотѣлъ повторить то, что было... И, если бы это было нужно, сейчасъ бы согласился поступить къ ней въ кучера, въ лакеи, въ трубочисты... Онъ бы трогалъ ея вещи, смотрѣлъ на нее, слушалъ, цѣловалъ сидѣнье кресла, гдѣ только-что она сидѣла.

Но Алексѣй Петровичъ не былъ ни кучеръ, ни трубочистъ. Анна же Семеновна не назначила мѣста новой встрѣчи.

Прошли — день, бессонная ночь и новый день, полный тревоги... Вечеромъ былъ въ Дворянскомъ Собраніи благотворительный базаръ. Алексѣй Петровичъ, едва вошелъ въ огромный залъ собранія, — увидѣлъ ее за при-

лавкомъ. Анна Семеновна продавала грубыя кружева и крестьянскія вышивки. Направо стоялъ мужъ, а налѣво, опираясь о прилавокъ, вертѣлъ моноклемъ истощенный молодой человекъ изъ дипломатическаго корпуса.

Словно солнце освѣтило все вокругъ, когда Алексѣй Петровичъ, широко улыбаясь, подходилъ къ прилавку... Анна Семеновна взглянула на подходящаго, рѣзко сдвинула брови, опустила глаза и отвернулась къ истощенному молодому человеку. У Алексѣя Петровича схватило дыханіе... Онъ поклонился. Она не протянула руки. Мужъ едва отвѣтилъ на поклонъ.

Весь вечеръ Алексѣй Петровичъ ходилъ, толкаясь въ толпѣ, покупалъ ненужныя вещи, носилъ ихъ, потомъ оставлялъ на подоконникахъ, и каждый разъ, описавъ кругъ, останавливался невдалекѣ отъ кіоска съ кружевами. Анну Семеновну загораживали офицеры, и слышно было, какъ она смѣялась. За часъ до разѣзда онъ сошелъ въ раздѣвальню и разыскалъ шубу Мордвинской. Когда она показалась на лѣстницѣ подъ руку съ мужемъ, Алексѣй Петровичъ подошелъ и, не глядя, чтобы уже не видѣть ея холодныхъ глазъ, заговорилъ о продажѣ кружевъ... Она не отвѣтила. Швейцаръ, бросивъ ея ботинки на полъ, помогалъ надѣвать шубу. Алексѣй Петровичъ нагнулся къ сѣрымъ ботинкамъ и, слегка отогнувъ полу ея шубки, сталъ обувать, зная, что дѣлаетъ ужасное. Голова его наклонялась все ниже къ синему, прозрачному чулку, онъ быстро коснулся ея ноги губами, поднялся весь красный и увидѣлъ Мордвинскаго, который, совсѣмъ одѣтый, гля-

дѣлъ на ноги жены, криво и странно усмѣхаясь...

Это было началомъ той ужасной катастрофы, послѣ которой Алексѣй Петровичъ оставилъ полкъ и бѣжалъ въ имѣніе «Милое», полученное по наслѣдству отъ бабушки Краснопольской, помершей этой весной гдѣ-то въ Германіи на водахъ.

Катастрофой кончилась молодость Алексѣя Петровича, и казалось ему теперь, что нѣтъ избавленія отъ этой жизни — нудной и призрачной. Быть-можетъ, спасетъ только иная любовь. Но онъ чувствовалъ, какъ сердце его истерзано и полуживое, а чтобы полюбить еще разъ, надо родиться дважды.

III

Алексѣй Петровичъ, чтобы не оставаться съ ядовитыми воспоминаніями съ глазу на глазъ, каждый вечеръ звалъ гостей — однихъ и тѣхъ же. Гости пріѣзжали въ сумерки: братья Ртищевы на двухколесной таратайкѣ, старый Образцовъ въ плетеномъ тарантасѣ и, послѣ всѣхъ, въ кэбѣ — Цурюпа — купеческій сынъ, пообтертый по заграницамъ. Такъ было и сегодня.

Въ положенный часъ лакей поднялся наверхъ къ Алексѣю Петровичу и, пріотворивъ дверь спальни, увидѣлъ князя, лежащаго головой на подоконникѣ.

Алексѣй Петровичъ не сразу разслышалъ, что зовутъ обѣдать и гости уже пріѣхали. Скво-

знякъ изъ отворенной двери поднялъ его волосы. Онъ оглянулся, болѣзненно щуря глаза на свѣтъ задуваемого канделябра въ рукѣ лакея, и сказалъ — пусть гости садятся за столъ.

Обѣдали обычно въ большой залѣ. Вдоль четырехъ ея стѣнъ и отступя отъ нихъ, чтобы образовать проходъ, стояли два ряда круглыхъ колоннъ; шесть оконъ за ними открывались въ садъ, на противоположной стѣнѣ окна были фальшивыя, со вставленными зеркалами; между колоннъ были поставлены диванчики безъ спинокъ...

Когда лакей доложилъ объ обѣдѣ, съ этихъ диванчиковъ поднялись, крикая и потирая руки, братья Ртищевы, Цурюпа и Образцовъ, — сѣли за столъ и раздвинули локтями на снѣжно-бѣлой скатерти хрусталь и тарелки. Братья Ртищевы всегда садились рядомъ, — широкія спины ихъ были обтянуты сѣрыми поддевками съ кавказскими пуговицами, у обоихъ были косматые усы, курносыя, отмѣннаго здоровья, лица и добрые глаза. Братья стѣснялись и ждали, когда Цурюпа, за хозяина развалившійся въ концѣ стола, возьметъ первый кусокъ. Лысый Образцовъ, сложивъ губы сладкой трубочкой, шарилъ по столу стариковскими глазами, мутными отъ подагры.

— Шампанское подашь вчерашней марки, — вытянувъ нижнюю губу, приказалъ Цурюпа... На немъ былъ смокингъ, а за жилетъ заложенъ красный, какъ для причастія, носовой платокъ.

— А вишнебочку, душенька, ты забылъ подать, я просилъ тебя сладенькую — помнишь, вчера? — сказалъ Образцовъ.

— Слушаю-съ — хмуро отвѣтилъ лакей. Кухонный мальчикъ внесъ въ это время супъ, отъ котораго шелъ паръ. Ртищевы, Иванъ и Семень, сказали, потолкавшись:

— Полезнѣе всего простая водка, отъ шампанскаго животъ пучить... Передай, Семень, грибковъ, да налей-ка...

Цурюпа ѣлъ мало и молчалъ, мигая вѣками безъ рѣсницъ: — онъ приберегалъ остроты къ выходу князя.

Образцовъ съ удовольствіемъ, подвязавшись чистой салфеткой, хлебаль супъ, и мѣшочки подъ глазами у него вздрагивали. Онъ сказалъ, кивнувъ на братьевъ:

— Они имѣютъ резонъ: — у насъ прокуроръ опасно заболѣлъ отъ шампанскаго — распучило до-нельзя. Но, разумѣется, нельзя же все на водку напирать, да на водку...

Цурюпа визгливо захохоталъ, катая хлѣбный шарикъ. Братья Ртищевы положили вилки, раскрыли рты и тоже засмѣялись, точно изъ бочки.

— Вотъ мой братъ былъ шутникъ дѣйствительно, — продолжалъ Образцовъ, — онъ, бывало, такъ скажетъ, что даже дамы уйдутъ... Ужасно былъ веселый...

Лакей и мальчикъ вносили блюда и вино. Надъ люстрой кружились бабочки, падая съ обожженными крыльями на столъ. Гости ѣли молча, иногда только Иванъ, или Семень, шумно вздыхали отъ неумѣренности.

Наконецъ, за стѣной послышались знакомые, припадающіе шаги. Цурюпа поспѣшно вытерся салфеткою и, вынувъ изъ жилетки монокль, бросилъ его въ плоскую впадину глаза. Во-

шелъ князь. Глаза его были красны, влажные волосы только-что зачесаны наверхъ, а въ сдержанныхъ движеніяхъ и въ покроѣ платья въ сотый разъ увидѣлъ Цурюпа необъяснимое изящество, стараясь его перенять, онъ покупалъ тройныя зеркала, выписывалъ одежду и бѣлье изъ Лондона, родныхъ своихъ, захудалыхъ купчишекъ, всѣхъ разогналъ, чтобы не портили стilia.

— О, не вставайте, не вставайте, друзья мои, — сказалъ князь здороваясь, — надѣюсь, поваръ исправилъ вчерашній грѣшокъ.

Ртищевы изъ благовоспитанности шаркнули подъ столомъ ногами, Образцовъ потянулся поцѣловаться, Цурюпа же вскочилъ и не удержался — потрепалъ князя по плечу.

Алексѣй Петровичъ присѣлъ къ углу стола, взять хлѣбъ и ѣлъ. Ему налили вина, которое онъ жадно выпилъ. Облокотясь, коснулся пальцами щеки, и сказалъ:

— Разскажите, что случилось новаго. Да, пожалуйста, дайте мнѣ еще вина...

— Всегда новое, это — вы сами, — сказалъ Цурюпа, — а, вотъ, кстати, я привезъ анекдотъ...

Онъ перегнулся къ уху князя и, давась отъ смѣха, сталъ разсказывать. Князь усмѣхнулся, братья Ртищевы, посмѣявшись, морщили лбы, — старались придумать интересное, но въ голову имъ лѣзли собаки, потрава на покосѣ, захромавшій коренникъ — все мало подходящее для такого высокаго общества. Образцовъ же сказалъ:

— Если разговоръ пошелъ на дѣвочекъ, то

князюшкѣ нашему и книги въ руки... Онъ угостить.

— Да, да, непременно, — зашумѣли гости, — пусть князь достанетъ хорошенькихъ дѣвчонокъ.

— Лучше махнемъ въ Колывань, господа!

— На взъѣзжую! Къ Сашѣ!

— Это не по-дружески — самъ пользуется, а намъ шишъ, — нѣтъ, въ Колывань! Въ Колывань!

Князь нахмурился. Братья Ртищевы топали пудовыми сапогами и, вспотѣвъ, кричали: «Въ Колывань!.. Въ Колывань!..» Цурюпа лѣзъ къ уху князя, шепча: «Нехорошо, князь, нехорошо». Образцовъ теръ салфеткой лысину и высовывалъ кончикъ языка, совершенно раскисая при мысли о Колывани. Всѣ были пьяны. Князь, облокотясь, опустилъ голову. Выпитое вино, да еще на вчерашнее похмелье, отуманило голову, какъ душное облако. — «Сегодня нужно быть пьянымъ больше, чѣмъ когда-либо» — подумалъ онъ, усмѣхнулся, поднялся и, подхваченный подъ локоть Цурюпой, сказалъ:

— Идемъ въ садъ.

Лакей тотчасъ распахнулъ балконныя двери, откуда влетѣла вечерняя прохлада, и гости по ступенямъ сошли въ сырой садъ.

Песчаная дорожка отъ балкона вела къ оврагу, на краю его стояла полускрытая кустами шиповника, балюстрада, съ одной уцѣлѣвшей каменной вазой.

На вазу эту, на нѣсколько балясинъ межъ листовъ, на деревья, на дорожку падалъ свѣтъ изъ шести оконъ залы. Подъ обрывомъ на ши-

рокой, едва видимой рѣкѣ горѣли красные и желтые сторожевые огни.

— Надо уговорить братьевъ побороться, — шепнулъ Цурюпа князю, который, прислонясь щекой къ вазѣ, глядѣлъ на Волгу, думая: «Сегодня, непременно, сегодня, неужели не хватить храбрости?» — Уговорите, — отвѣтилъ князь. Винный хмель бралъ его не сразу. Сначала князь настораживался, какъ бы предчувствуя что-то, потомъ становилось печально до слезъ: всѣ звуки казались отчетливыми, вещи — понятными, и надо всѣмъ словно тяготѣлъ роковой конецъ. Но вдругъ — какъ въ тучѣ открывается молнія — пробѣгала у него острая боль отъ сердца по спинѣ къ ступнямъ холодѣющихъ ногъ, онъ встряхивался: тогда начинался разгулъ.

Пока князь стоялъ у балюстрады, Цурюпа колкими словами принялся стравливать братьевъ, и уже Иванъ Ртищевъ косо поглядывалъ на Семена.

Ртищевы славились въ уѣздѣ силой, и не разъ на конскихъ ярмаркахъ вызывали какого-нибудь конюха-татарина на борьбу, между телѣгъ, въ кругу изъ помѣщиковъ и мужиковъ. Когда же не было противниковъ возились обыкновенно братъ съ братомъ.

— А Семень тебя уложить, — шепталъ Цурюпа, подталкивая Ивана.

— Конечно, брякну, — отвѣтилъ Семень, а Иванъ уже наступалъ на брата, и Семень выпячивалъ грудь и сопѣлъ.

— Эхъ, трусишки! — воскликнулъ Цурюпа, и, мигнувъ Образцову, который плечомъ сталъ

подпихивать Ивана, — со всею силою толкнулъ Семена между плечъ.

Братья засопѣли и столкнулись. Иванъ схватилъ Семена подъ «микитки». — «Не по правиламъ!» — воскликнулъ Семенъ, присѣлъ и поднялъ брата, который болтнулъ ногами. Потомъ они сцѣпились и заходили, тяжело дыша. Цурюпа вертѣлся около нихъ и хлопалъ въ ладоши. Братья допятились до края оврага, Цурюпа «подставилъ ножку», Семенъ опрокинулъ Ивана, и оба, рухнувъ на землю, покатались подъ обрывъ, ревя и ломая кусты.

Алексѣй Петровичъ громко засмѣялся... Туча, давившая сердце, отошла. Хохоча, онъ держался за край холодной вазы.

Прибѣжали на зовъ лакей и садовникъ съ веревкой, братьевъ вытащили изъ оврага, запыхавшихся, веселыхъ и ободранныхъ. Тутъ же они принялись ловить Цурюпу, который, убѣгая въ лаковыхъ башмакахъ по мокрой травѣ, пронзительно вскрикивалъ деревяннымъ голосомъ...

А у крыльца уже стояла заложенная коляска. Въ ноги туда положили ящикъ съ виномъ, спинами другъ къ другу посадили на ящикъ братьевъ. Образцовъ просунулъ въ сидѣнье между княземъ и Цурюпой. Князь надвинулъ шляпу, Цурюпа крикнулъ — «пшелъ», и кони подъ гору понесли коляску на перевозъ и въ Колывань.

IV

Саша стояла посреди чистой, теперь дымной отъ табака, избы, сложивъ голыя до локтя руки подъ грудью, перетянутой зеленымъ запономъ.

Милое свое лицо, съ прямыми, бархатными бровями, она обратила на князя, заливая его любовью темныхъ глазъ. Ротъ ея былъ полуоткрытъ. Саша только-что пѣла, немного теперь запыхалась, на шеѣ у нея двигались янтарныя бусы.

— Дальше пой!! Дальше, Саша! — кричали гости. Саша улыбнулась, кивнула, и низкимъ голосомъ, словно въ груди у нея заплакала душа, негромко запѣла:

Ахъ полынь, полынь,
Трава горькая,
Не я тебя садила,
Не я сѣяла.
Сама ты, злодѣйка,
Уродилась;
По зеленому садочку
Разстелилась . . .

Князь, положивъ локти на некрашенный столъ и охвативъ одурманенную голову, внимательно слушалъ. Образцовъ прохаживался по горницѣ, мимо Саши и, прищелкивая пальцами, закатывалъ глаза. Ртищевы сидѣли на лавкѣ, разстегнувъ поддевки. Цурюпа же, протянувъ ноги, сунулъ руки въ карманы штановъ и покачивался.

Саша отпѣла. Князь сейчасъ же сказалъ охрипшимъ голосомъ:

— Ну, а ту, другую, Саша, помнишь?

— Нехорошая она, — молвила Саша, — невѣрная, не люблю ее. Только развѣ для васъ...

Она опустила рѣсницы и, вздохнувъ, запѣла печально...

Не въ Москвѣ было, во Питерѣ,
Во Мѣщанской славной улицѣ;
Тутъ жена мужа потребила,
Вострымъ ножикомъ зарѣзала.

.

— Саша! — крикнулъ князь, повторяя послѣднія слова пѣсни, — а вѣдь это хорошо — «правый локоть на окошечко, горючи слезы за окошечко», и дѣлу конецъ, а милый-то подъ окошечкомъ ждетъ, смѣется надъ старымъ мужемъ. Теперь ты вотъ эту спой, въ ней подробности хороши...

Петельку на шею
Накидывала,
Милому въ окошко
Конецъ подала . . .

— Вѣдь подходитъ какъ — именно сегодня. Будто для насъ писано. Ну, Саша...

Саша испуганно и серьезно запѣла:

Толстый узлище
Не оборвется,
У стараго шея
Не оторвется.
Старый захрапѣлъ, —
Будто спать захотѣлъ,
Ногами забилъ —
Будто шутъ задавилъ.

Руки растопырилъ, —
Плясать пошелъ,
Зубы оскалилъ, —
Смѣяться сталъ.

— Я бы, Алексѣй Петровичъ, плясовую лучше, — перебила она поспѣшно.

Князь двинулъ столъ и, хлопая въ ладоши, сталъ топать ногой. Саша закружилась, поводя руками, приговаривая частушку.

Кумачевыя юбки ея развились колоколомъ и подъ ними ноги въ бѣлыхъ чулкахъ и козловыхъ башмакахъ поплыли, притопывая...

Образцовъ засеменялъ около Саши, крича: «гляди, гляди!» Иванъ Ртищевъ, разгораясь, не выдержалъ, уперся въ бокъ и пошелъ ходить присядкой, отбрасывая полы. Цурюпа, хихикая, сорвалъ съ волосъ Саши платокъ. — «Не трогай ее, хамъ!» — закричалъ князь. Маленькая Сашина голова, съ черными косами, вертѣлась на полной шеѣ, какъ подсолнухъ къ солнцу, — солнцемъ былъ князь. Онъ сидѣлъ блѣдный и пьяный, съ высохшимъ ртомъ. Вдругъ Саша, закрутясь, упала къ нему на лавку и, обнимая, прижалась къ плечу.

— Дѣвокъ! — заревѣли братья Ртищевы, — дѣвокъ давай!

Обиженный Цурюпа ушелъ въ свѣтелку, и легъ, стараясь не помять смокинга, на Сашину кровать...

— Любопытный сюжетъ, — пробормоталъ онъ, вытирая платкомъ лицо, — интересно будетъ поразсказать, какъ нашъ князюшка веселится... Это хваленый-то женихъ... «Хамъ».

— Я ему и припомню хама. Эхъ, сволочи вы всѣ!

Въ это время распахнулась дверь, освѣтилась свѣтелка, вылетѣлъ изъ табачнаго дыма и грохота Образцовъ, придержался за притолку, кинулся къ выходу и скрылся во дворѣ.

— За дѣвками, — продолжалъ Цурюпа. — Погодите, теперь вамъ на смѣну я иду... Не столбовой, а можетъ получше... Вотъ устрою балъ — брошу вамъ собачій кусокъ — изъ Москвы Шишкина хоръ выпишу. Да не то, что Шишкина, самого Шаляпина позову... — Гоноръ гоноромъ, а денежки вы всѣ любите.

Долго Цурюпа размышлялъ, — какія сногшибательныя штуки онъ придумаетъ для утиранія дворянскаго носа. Наконецъ, со двора въ свѣтелку, шушукаясь и упираясь, вошли четыре солдатки, — ихъ подталкивалъ Образцовъ, громко шепча:

— Дуры, чего боитесь, не съѣдимъ, а сладенькаго поднесемъ, погрѣмся.

Дверь за бабами закрылась. Изнутри поднялся визгъ и жеребячій хохотъ Ртищевыхъ. И сейчасъ же въ свѣтелку вышли князь и Саша.

— Куда ты, голубчикъ? — не ѣзди, — говорила Саша.

Князь, не отвѣчая, прошелъ на крыльцо. Здѣсь, на столбикѣ, висѣлъ глиняный рукомыльникъ. Въ сумеркахъ сквозь дверь было видно, какъ князь налилъ воды въ ладони, плеснулъ на лицо и вытерся. Саша, охвативъ другой столбикъ, продолжала просить:

— Она молоденькая, разлюбить тебя, а мнѣ ничего не надо, я и пьянаго тебя спать уложу.

Не ѣздй... Завтра поѣдешь, если надо, миленькій.

— Ахъ, пожалуйста, оставь, что за слова, ты сама пьяна, должно быть! — отвѣтилъ князь.

Саша смолчала. Князь перевелъ духъ, кликнулъ лошадей и сошелъ по лѣсенкѣ внизъ. Саша продолжала стоять у столбика. На дворѣ затопали кони, кучеръ ихъ обласкивалъ. Потомъ тяжело заскрипѣли ворота, и голосъ князя приказалъ:

— Волково.

Коляска укатила. Саша отошла отъ столбика и сѣла на ступенькахъ, по которымъ ступалъ Алексѣй Петровичъ. Неподвижная и темная ея фигура съ локтями на колѣняхъ и опущенной простоволосой головой, и наверху неровныя линіи надворныхъ крышъ и шесть колодца, — хорошо были видны въ ночномъ сумракѣ сквозь четырехугольникъ двери.

Все это казалось Цурюпѣ до того знакомымъ и тоскливымъ, что онъ сталъ морщиться, думая: «русскій ландшафтъ, — нортъ бы все это побралъ!.. Уѣду совсѣмъ въ Парижъ, въ самомъ дѣлѣ, денегъ что ли у меня мало?.. А про князя все будетъ доложено кому надо. Ну, и прохвостъ»...

За дверью все громче топали ногами, гоготали и вскрикивали, много веселясь.

КАТЯ

I

Александръ Вадимычъ перекрестилъ, поцѣловалъ дочь и подошелъ въ туфляхъ къ дивану, гдѣ приготовлена была ему постель.

Катя притворила дверь кабинета и, закутавъ плечи въ пуховый платокъ, вышла въ залу. На старомъ паркетѣ лежалъ переплетами оконъ лунный свѣтъ. Углы залы, гдѣ стояли диваны, были въ тѣни. Глядя на лунные квадраты на полу, Катя поднесла къ щекѣ ладонь и вдругъ усмѣхнулась такъ нѣжно, что сердце у нея стукнуло и замерло.

«Еще рано! — подумала она, — можетъ быть, онъ ждетъ? Нѣтъ, нѣтъ, все-таки нужно обождать».

Она приподняла съ боковъ платье и, сдѣлавъ страшные глаза, стала кружиться...

Невдалекѣ, въ это время, хлопнула дверь; Катя сразу присѣла; вдоль стѣны шелъ Кондратій, неся свѣчу и платье Волкова.

Увидѣвъ барышню на полу, онъ остановился и пожевалъ губами.

— Я думала — это привидѣніе идетъ, — сказала Катя, срывающимся на смѣхъ голосомъ, — а это ты, Кондратій. Кольцо потеряла, поди поищи.

Кондратій подошелъ и наклонился со свѣчей къ паркету: — Какое кольцо? Нѣтъ тутъ кольца никакого.

Катя засмѣялась и убѣжала въ корридоръ... За дверью она высунула языкъ Кондратию, и,

нарочно топая, пошла, какъ будто, къ себѣ, но не дойдя до конца корридора, гдѣ висѣлъ коверъ, стала въ нишу окна, отъ смѣха закрывая ротъ.

Когда воркотня и шаги обманутаго Кондратія затихли, Катя вернулась на цыпочкахъ въ залу и черезъ балконную дверь проскользнула въ садъ. Тамъ подъ темными деревьями она остановилась — стало вдругъ грустно.

— Я навѣрно ему надоѣла, — подумала она, — а если не надоѣла, такъ надоѣмъ. Что онъ во мнѣ нашель? Развѣ я его утѣшу? Онъ столько страдалъ, а я съ глупостями пристаю. Хороша героиня!

Она до того огорчилась, что присѣла на дерновую скамью. — «Настоящая героиня ничего не ѣстъ, ночью разбрасываетъ простыни, и на груди у нея дышутъ розы, не то, что я — сплю носомъ въ подушку...»

Катенька вдругъ громко засмѣялась. Но огорченіе еще не прошло... Вдалекѣ ухали и квакали прудовыя лягушки. За деревьями между черныхъ и длинныхъ тѣней трава отъ луннаго свѣта казалась сѣдой.

Катя вдругъ вытянула шею, прислушалась, и побѣжала по аллеѣ, придерживая за концы платокъ. Къ щекѣ прилипла паутиная нить; Катя смахнула паутину, и тамъ, гдѣ аллея заворачивала вдоль пруда, раздвинула кусты смородины, чтобы сократить путь, и, цѣпляясь за нихъ юбками, вышла къ мосткамъ. За бесѣдкой надъ прудомъ стоялъ мѣсяцъ, свѣтя въ воду и на глянцевитые листья кувшинокъ. Въ бесѣдкѣ у откиднаго столика, гдѣ обычно пили съ

гостями чай, сидѣлъ, подперевъ обѣ щеки, Алексѣй Петровичъ. Катенькѣ показалось, что онъ широко открылъ глаза, смотритъ и не видитъ.

— «Что съ нимъ?» — быстро подумала она и позвала: «Алексѣй Петровичъ?» Князь сильно вздрогнулъ и поднялся. Катя, смѣясь и говоря: — «Спаль, спаль, какъ не стыдно», — сбѣжала къ нему по зыбкимъ доскамъ.

Алексѣй Петровичъ припалъ губами къ ея рукѣ и проговорилъ хрипло, какъ послѣ долгаго молчанія:

— Спасибо, спасибо...

— Вы опять думали о себѣ? — спросила Катя ласково и сѣла на скамью, положивъ локоть на ветхую балюстраду. — Вѣдь я просила не думать. Вы очень хорошій, я все равно знаю...

— Нѣтъ, — тихо, но твердо отвѣтилъ Алексѣй Петровичъ. — Катя, милая, мнѣ очень, очень тяжело. Подумать только, что я дѣлаю?.. Вы любите меня немножко?

Катя усмѣхнулась, отвернувъ голову, — не отвѣтила. Князь сѣлъ рядомъ, глядя на ея волосы, лежащіе ниже затылка, на овальную щеку, четкую на зеркалѣ воды. Повыше надъ головой ея въ тенетахъ висѣлъ паукъ.

— По дорогѣ сюда я думалъ: сказать вамъ, или нѣтъ? Если не скажу, то никогда, быть-можетъ, не посмѣю больше придти, а если рассказать — вы сами отвернетесь, будетъ тяжело, но постараетесь меня забыть... Что же дѣлать?

— Сказать, — отвѣтила Катя очень серьезно.

— А вы не подумаете, что я лгу и прикидываюсь?

— Нѣтъ, не подумаю.

— Я сдѣлалъ много плохихъ вещей, но одна не даетъ жить, — подавивъ вздохъ, проговорилъ князь. — Вотъ такъ всегда бываетъ: думаешь, что забылъ уже, а гадость, которую сдѣлалъ давно, становится опредѣленною гадостью и жить отъ нея нельзя...

— Я прошу, рассказывайте, — повторила Катя, и руки ея, держащія концы платка, немного задрожали.

— Вотъ, вотъ, я такъ и думалъ, что нужно сказать. Это было очень давно. Нѣтъ, недавно, въ прошломъ году... Я встрѣтилъ одну даму... Она была очень красива. Но не въ этомъ ея сила... Она душилась необычайными духами, они пахли чѣмъ-то невыразимо развратнымъ. Вотъ, видите, Катя, что я говорю. Такъ нельзя... Нѣ оглядывайтесь... До этой встрѣчи я не любилъ ни разу. Женщины казались мнѣ такимъ же, какъ мы, той же природы. Это неправда... Женщины, Катя, живутъ среди насъ, какъ очень странныя и очень опасныя существа. А та была еще развратна и чувственна, какъ насѣкомое. Это ужасно, когда развратна женщина. Я жилъ, какъ въ чаду послѣ встрѣчи... Я чувствовалъ, точно острый ожогъ.

Алексѣй Петровичъ вдругъ остановился, и поднесъ пальцы къ вискамъ:

— Я не то говорю. Я мучаю васъ. Поймите — все это прошло. Я ненавижу ее теперь, какъ только могу... Она околдовала меня, сошлась и бросила, словно разъ надѣтую перчатку. Я потерялъ разсудокъ и сталъ преслѣдовать ее... Словно, жаждалъ — дали воды, коснулся губами, а воду отстранили: тянешься, а ротъ вы-

сохъ, какъ въ огнѣ... Однажды послѣ бала, въ отчаяніи, быть-можетъ, со зла, при всѣхъ я ее поцѣловалъ. На слѣдующій день меня встрѣтилъ мужъ этой дамы и пригласилъ къ себѣ за какими-то билетами. Я предчувствовалъ — зачѣмъ зовутъ и поѣхалъ. Помню, было морозное утро, и я такъ тосковалъ, глядя на снѣгъ! Мужъ ея сидѣлъ въ кабинетѣ у стола, и, когда я вошелъ, тотчасъ опустилъ голову. Онъ держалъ въ толстыхъ рукахъ серебряную папирочницу. Я глядѣлъ, какъ его пальцы, короткіе и озябшіе, старались схватить папироску и не могли — дрожали. Такія папироски я купилъ потомъ. А на столѣ, поверхъ бумагъ, увидѣлъ хлыстъ, окруженный бѣлой проволокой. Я стоялъ передъ нимъ, а онъ все глядѣлъ на папироски. Вдругъ я сказалъ развязно: — «Здравствуйте же. Гдѣ ваши билетики?» — и протянулъ руку почти до папирочницы, но онъ руки не подалъ, сердито замоталъ жирнымъ лицомъ и сказалъ: — «Ваше поведеніе я нахожу непорядочнымъ и подлымъ»... Тогда я закричалъ, но, кажется, очень негромко: — «Какъ вы смѣете! Что за тонъ!» А онъ задрожалъ, какъ въ лихорадкѣ, взялъ со стола хлыстъ и ударилъ меня по лицу. Я не двинулся, не почувствовалъ боли. Я увидѣлъ, что на жилетѣ его двѣ пуговицы разстегнуты, какъ у толстяковъ. Онъ же проговорилъ: — «Такъ вотъ тебѣ», — перегнулся черезъ столъ и стегнулъ еще разъ по воротнику, потому что я глядѣлъ въ глаза. Я поспѣшно сунулъ руку въ карманъ и вынулъ револьверъ. У него тоже въ рукѣ появился револьверъ, и онъ двинулся ко мнѣ, даже

улыбаясь отъ злости, а я смотрѣлъ на свинцовыя пульки и темную дыру въ его револьверѣ... Ужасно! Я почувствовалъ, что не могу умереть, не могу убить, и попятился, — задѣлъ коверъ у зеркала. Въ зеркалѣ отражалась раскрытая дверь, а въ двери стояла та дама, въ шляпкѣ и длинныхъ перчаткахъ. Она сжала ротъ и внимательно слѣдила за нашими движеніями. — «Я пришлю секундантовъ», сказалъ я. Тогда мужъ топнулъ ногой и закричалъ: — «Я тебѣ покажу секундантовъ, щенокъ! Вонъ отсюда!» — Я закрылъ глаза и поднялъ револьверъ. А онъ ударилъ меня по рукѣ, потомъ по глазамъ, и я упалъ на коверъ. Потомъ самъ поднялся, въ прихожей надѣлъ пальто. А онъ, стоя съ хлыстомъ въ дверяхъ, провожалъ меня, словно гостя, но больше не ударилъ...

Алексѣй Петровичъ перевелъ было духъ, но сейчасъ же продолжалъ поспѣшно...

— Мнѣ оставался одинъ выходъ. Я три дня въ ознобѣ лежалъ на кровати, лицомъ къ стѣнѣ. Я не могъ спать и припоминалъ все какъ было: какъ я пришелъ, а онъ держалъ папирочницу; — всѣ мои слова, и какъ онъ стегнулъ... Тутъ я принимался ворочаться и соображать, что нужно было сдѣлать? Какъ бы я сейчасъ, напримѣръ, расправился... Я сядилъ на кровати и скрипѣлъ зубами... Но воля моя опустилась... Я зналъ, что нужно встать, поѣхать въ магазинъ купить новый револьверъ (старый остался у него въ прихожей) — поѣхать туда и убить. Но я не могъ этого сдѣлать, опрокидывался на постель и глядѣлъ на обои. Наконецъ, я понялъ, что нужно думать о

другомъ: я сталъ припоминать корпусъ и деревню, куда ѣздилъ въ отпускъ. Мнѣ стало жаль себя, я заплакалъ и уснулъ. Пробудился я на утро съ тою же жалостью къ себѣ. Не хотѣлось мнѣ вѣрить, что случилось — зло. А я вѣдь долженъ совершить еще худшее. Такъ недавно я еще былъ свободенъ. Но я долженъ, долженъ, долженъ дойти до конца... Ужаснѣе всего, что я не воленъ... Я одѣлся, вышелъ на улицу, поднялъ воротникъ, крикнулъ извозчика и сказалъ адресъ оружейнаго магазина, но сейчасъ же подумалъ: выбирать для этого револьверъ я не могу, лучше ткну его саблей... На углу, близъ его подъѣзда, я слѣзъ и сталъ ходить по тротуару.

Мимо, какъ сейчасъ помню, прошелъ старый генералъ, съ бакенбардами и багровымъ носомъ. Было ясно и морозно. — «Нужно, — подумалъ я, — попросить у него прощенія, тогда все устроится. Нѣтъ, нѣтъ. Люди совсѣмъ не любятъ, они злые и мстительные, нужно оскорблять ихъ, убивать, надругиваться...» Въ это время на меня наскочилъ какой-то армейскій офицеръ, розовый, совсѣмъ мальчикъ, пребольно толкнулъ и вѣжливо извинился... Но я уже потерялъ голову и крикнулъ ему: «Дуракъ!»... — Офицеръ ужасно сконфузился, но, замѣтивъ, что я гляжу въ упоръ, нахмурился и сказалъ, поднявъ курносое личико: — «Милостивый государь», — и еще что-то. — Я оскорбилъ его и тутъ же вызвалъ на дуэль. На утро мы дрались, онъ прострѣлилъ мнѣ ногу. Бѣдный мальчикъ, онъ плакалъ отъ огорченія, присѣвъ около. Я лежалъ на снѣгу, лицомъ къ небу, ясному

и синему... Тогда было хорошо. Вотъ и все...

Катя долго молчала, спрятавъ руки подъ платкомъ, потомъ рѣзко спросила:

— А та женщина?

Алексѣй Петровичъ соскользнулъ со скамьи къ ногамъ Катеньки, коснулся лбомъ ея колѣнъ и проговорилъ отчаянно:

— Катюша, милая, простили вы? Поняли? Вѣдь это не просто... Я вамъ не гадокъ?

— Мнѣ очень больно, — отвѣтила Катя, отстраняя колѣни, — прошу васъ, оставьте меня и не пріѣзжайте... нѣсколько дней.

Она встала. Подавая пальцы князю, отвернулась, и медленно пошла черезъ мостки на берегъ къ темнымъ деревьямъ. За ними ея платье, бѣлое отъ луннаго свѣта, ушло въ тѣнь.

Долго глядѣлъ на это мѣсто Алексѣй Петровичъ, спустился по ступенькамъ къ водѣ и горстью сталъ поливать себѣ на лицо и затылокъ.

II

Катя вошла на цыпочкахъ къ себѣ, зажгла свѣчи передъ зеркаломъ туалета, сбросила пуховый платокъ, разстегнула и сняла кофточку и вынула шпильки, — волосы ея упали на плечи и грудь.

Но гребень задрожалъ въ ея рукѣ, ладонью прижала она мягкіе волосы къ лицу и опустилась въ полукруглое кресло.

За этотъ прошедшій часъ она слышала и пережила такъ много, что, хотя не поняла еще ни

зла, ни правды —ничего, знала уже и чувствовала, что пришло несчастье.

Всего какой-нибудь часъ назадъ ей казалось, будто они съ княземъ — одни во всемъ свѣтѣ, и до нихъ, конечно, никто такъ нѣжно не любилъ. И, какъ тяжелые волосы оттягиваютъ голову, такъ чувствовала Катя въ сердцѣ милую тяжесть любви. До этой любви она не жила. И князь развѣ могъ жить до нея? Онъ явился вдругъ, и весь онъ — ничей, только Катинъ. Такъ было всего часъ назадъ.

— Ахъ, все это чудовищно, — прошептала она, — такъ подробно все рассказать. Вѣдь грязь пристанетъ, ее не отмоешь... Онъ былъ всегда грустный, — такъ вотъ почему? Конечно, онъ и сейчасъ любить ту... Конечно, иначе бы не тосковалъ, не рассказывалъ-бы. А эти побои по лицу, по глазамъ, по его глазамъ... Я не смѣла ихъ даже поцѣловать... И онъ ничего не сдѣлалъ, не бросился, не убилъ... Безсильный, ничтожный... Да нѣтъ же, нѣтъ... если-бы ничтожный былъ — не рассказалъ-бы. А потомъ лежалъ, одинъ, три дня и тосковалъ. Глаза грустные, замученные. Я бы сѣла на кровать, взяла его голову, прижала-бы... Одинъ, одинъ, въ тоскѣ, въ мукѣ... И никто, конечно, не понимаетъ, не жалѣетъ его... Но я-то не дамъ въ обиду... Поѣду къ этой женщинѣ, скажу ей, кто она такая... Охъ, Боже мой, Боже мой, что мнѣ дѣлать?

Катя провела языкомъ по пересохшимъ губамъ, и долго потемнѣвшими, невидящими глазами всматривалась въ зеркало. Затѣмъ медленнымъ движеніемъ откинула на голую спину во-

лосы. Покатывая ея плечи и руки и начало выпуклыхъ грудей, полуприкрытыхъ кружевами, были бѣлы, какъ выточенные... Щеки пылали. Наконецъ она увидѣла себя и гордо усмѣхнулась.

— Вотъ я — такая, — подумала она, — меня никто не трогалъ и не посмѣетъ, а онъ — нечистый и побитый.

Она быстро встала, освободилась отъ лишняго бѣлья, не спѣша заплела косу, но когда доплетала до конца — остановилась, задумалась, тряхнула головой и легла въ кровать.

Второе овальное зеркало на стѣнѣ отразило широкую и низкую, бабкину еще, кровать на бычьихъ ногахъ, и въ подушкахъ разгорѣвшееся лицо Кати, съ презрительно сжатымъ ртомъ. Губы ея дрогнули, она прошептала:

— Еще и я его обижу — и, быстро повернувшись ничкомъ, она, какъ дѣвочка, заплакала, вздрагивая плечами.

Послѣ слезъ Катя забылась. Въ бѣлой ея высокой комнатѣ горѣли двѣ свѣчи, бросая темныя и теплыя тѣни отъ мебели на коверъ. Было такъ тихо, что, казалось, могло само пошевелиться платье, брошенное на стулѣ. Въ углу принялся сухо и надоедливо трещать сверчокъ.

Потомъ изъ-за кровати появился худой, какъ соломинка, высокій и красный человѣчекъ. Не касаясь пола, онъ сталъ подпрыгивать и дрыгать ногами, держа въ рукахъ тонкія проволоки. Онѣ тянулись и опутывали Катю, а человѣчекъ все подпрыгивалъ.

Потомъ одѣяло стало свертываться, легло, словно камень на грудь, и ноги застыли. И надъ

головой завертѣлись, сходясь и расходясь, красненькія проволоки, кольца... Человѣчекъ прыгнулъ верхомъ на грудь и схватилъ за горло...

Катя крикнула, приподнимаясь на подушкахъ. Протянутыми руками хотѣла столкнуть тяжесть. Свѣтъ отъ свѣчей укололъ глаза, и она опрокинулась вновѣ... У ней начался жаръ.

ДОНОСЪ

I

Этой же ночью Александръ Вадимычъ спалъ очень хорошо — комары его не кусали, а проснулся онъ, по обычаю, рано.

Разлѣпивъ глаза, Александръ Вадимычъ протянулъ руку за кружкой съ квасомъ, выпилъ, крикнулъ, перевернулся на спину, отчего затрещали пружины въ тюфякѣ, сдѣлалъ свирѣпое лицо и, сказавъ: «пли!» — сѣлъ, сразу попавъ ногами въ войлочные туфли.

Послѣ этого онъ рѣшился посидѣть немного и съ удовольствіемъ оглянулъ комнату. Кабинетъ былъ старый и облѣзлый, въ немъ ничего не передѣлывалось со смерти отца: на одной стѣнѣ висѣли хомутъ, расписная дуга и сбруя, подаренная еще прадѣду Алексѣемъ Орловымъ. У стѣны противоположной стояло собачье чучело и черкесское сѣдло на подставкѣ. Въ углу свалены образцовыя косы, серпы и лопаты. Надъ диваномъ прибиты фотографіи любимыхъ лошадей, а на письменномъ столѣ лежали — переплетенная за много лѣтъ сельскохозяй-

ственная газета, всевозможныя сѣмена на бумажкахъ, счета, груды мундштуковъ и прочій мусоръ.

Александръ Вадимычъ, скучая зимой, когда снѣгомъ заносило крыши дворовъ и свистѣла, была мятель, придумывалъ разныя занятія и выписывалъ для этого приборы изъ Берлина и Москвы... Такъ, однажды понадобилась ему, автоматическая машинка для чинки карандашей, и Кондратій повсюду разыскивалъ сломанные карандаши, относя ихъ барину... Потомъ увлекался Александръ Вадимычъ фотографіей, и тогда повсюда лежали негативы и мензурки съ кислотой. Иную зиму вырѣзывалъ онъ изъ картона и клеилъ примѣрные хутора, мельницы и сельскохозяйственныя машины. Однажды, узнавъ отъ заѣзжаго землемѣра, что можно домашнимъ путемъ провести электричество, выписалъ все для этого нужное и освѣтилъ, послѣ многихъ трудовъ, кабинетъ; общался даже Катенькѣ провести электрическій свѣтъ, но лѣто отвлекло Александра Вадимыча отъ этой затѣи, — съ первымъ шумомъ весеннихъ водъ, начиналъ чувствовать онъ, какъ бѣжитъ въ жилахъ кровь, и предавался лишь благороднымъ занятіямъ: въ мартѣ случалъ коней, въ апрѣлѣ гатилъ плотины, въ маѣ наѣзжалъ жеребцовъ, а тамъ — покось, жнивье, молотьба и осень, когда все пьянымъ-пьяно и вездѣ свадьбы.

Александрѣ Вадимычу надоѣло сидѣть на постели и онъ крикнулъ бодро:

— Кондратій, штаны!

Кондратій вошелъ, держа на рукѣ простор-

ные штаны, поклонился и сказалъ: «съ благополучнымъ вставаніемъ».

— Ну, какъ, все — благополучно? — спросилъ Александръ Вадимычъ.

— Ничего, слава Богу, все благополучно.

— Ничего не случилось, а?

— Будто ничего.

— А мужики приходили?

— Мужики, дѣйствительно, приходили.

— Что же ты имъ сказалъ?

— Да сказалъ, что, молъ, баринъ велѣлъ въ шею гнать.

— А они что?

— Да ничего. Потѣснились. Одно занятіе — затылокъ чесать, ежели скотину выгнать некуда...

— Это еще что за разговоръ? Смотри, Кондрашка...

Александръ Вадимычъ свирѣпо уставился на Кондратія, который отвернулся, пожевалъ и молвилъ:

— Барышня у насъ будто захворали.

— Какъ такъ?

— Такъ и захворали, всю ночь метались... Вотъ что.

Александръ Вадимычъ сказалъ: «гмъ» и поморщился. Въ то, чтобы Волковы могли хворать — онъ не вѣрилъ, а если дочь не спала ночью — значить одолѣвала ее дѣвичья дурь, отъ которой лечатъ свадьбой. Вотъ предстоящая свадьба и была причиной, почему Александръ Вадимычъ поморщился. Гдѣ найти подходящаго жениха? Чортъ его знаетъ!! Намѣчается, пожалуй, князь, но какъ его сосватать,

когда онъ въ домъ ѣздитъ, даже по ночамъ, говорятъ, видается съ Катей въ саду, а не сватается — нахаль. Все это канительно до тошноты и было бы хорошо, напримѣръ, заснуть съ вечера, а на утро Кондратій бы сообщилъ: «барышня замужемъ-съ»...

— А, чортъ, разстроюсь я съ вами, — сказалъ, наконецъ, Александръ Вадимычъ, повернулъ голову, кашлянулъ и плюнулъ. Потомъ протянулъ Кондратию ноги, застегнулъ на костяную пуговицу просторные штаны, всталъ и, сказавъ, — «распорядись Кляузницу въ дрожки заложить», подошелъ къ умывальнику.

Умывальникъ былъ устроенъ въ видѣ фаянсоваго кувшина, который, если коснешься его носика, перевертывался на ушкахъ и обливалъ сразу и много. Александръ Вадимычъ, фыркая, помылся, надѣлъ парусиновый кафтанъ, отъ долгаго ношенія принявшій форму тѣла, обозначивъ даже сосочки на грудяхъ, и прошелъ въ столовую.

Въ столовой за кофе Александръ Вадимычъ вспомнилъ о дочери, опять поморщился, и направился къ ней по корридору.

Катя лежала въ постели, оснувшаяся и блѣдная. Привставъ, она поцѣловалась съ отцомъ — рука въ руку — и вновь опустилась на подушку, засунула обѣ ладони подъ щеку, закрыла глаза.

— Ахъ ты, кислятина, — сказалъ Александръ Вадимычъ, сильно потерявъ указательнымъ пальцемъ носъ, — за докторомъ, что-ли, послать?

Катенька, не открывая глазъ, медленно покачала головой. Тогда Александръ Вадимычъ, изъ

упрямства, тотчасъ приказалъ Кондратію гнать въ Колывань и тащить доктора живого или мертваго. Потомъ потрепалъ дочь по щекѣ. Вышелъ на крыльцо и, упершись въ бока, залюбовался гнѣдой кобылой, запряженной въ дрожки.

Кобыла Кляузница поводила налитыми глазами, пряла ушками и присѣдала, дожидаясь, когда ее отпустятъ, чтобы накуролесить.

— Шельма кобыла, — весело сказалъ кучеръ, держа подъ уздцы Кляузницу, — утрась конюху ужасно всю руку выгрызла.

— За увѣчье поднести надо, Александръ Вадимычъ, — проговорилъ конюхъ, снимая шапку.

— Ладно, поди на кухню, — отвѣтилъ Александръ Вадимычъ, сошелъ съ крыльца и съ удовольствіемъ почувствовалъ легкую дрожь. Сдержавъ себя, сѣлъ верхомъ на дрожки, разобравъ вожжи, глубже надвинулъ бѣлый картузь и сказалъ негромко:

— Пускай.

Кучеръ отпустилъ. Кляузница не двигалась, шумно только вздохнула, раздула розовыя ноздри.

Александръ Вадимычъ сказалъ: «но, милая» и тронулъ вожжей. Кляузница попятилась и присѣла. Кучеръ хотѣлъ было опять схватить подъ уздцы, но Волковъ крикнулъ: «не тронь!» и хлестнулъ обѣими вожжами.

Кляузница рванулась, сѣла и вдругъ «дала свѣчу». Волковъ еще ударилъ, тогда она махнула задомъ, окатила сѣдока и понесла... Конюхъ и кучеръ побѣжали вслѣдъ. Но Кляузница уже вынесла на дорогу, и Александръ

Вадимычъ, тщетно натягивая вожжи, отплевывался только, пыхтѣлъ и выкатывалъ глаза. Кучеръ же и конюхъ, добѣжавъ до околицы, ударили себя по колѣнкамъ, хохоча и приговаривая: «это тебѣ не квась»...

Кляузница скакала безъ дороги по бьющей по ногамъ травѣ, лягалась, взвизгивала и всячески старалась вывернуть дрожки, но Александръ Вадимычъ сидѣлъ крѣпко, съ усами по вѣтру, и старался направить кобылу вверхъ на холмы.

Это ему удалось, но Кляузница, выскакавъ на горку, за которой скрылась усадьба, выдумала новую штуку — ложиться въ оглобляхъ на всемъ ходу.

Волковъ этого не ждалъ и, когда лошадь упала, слѣзъ съ дрожекъ, чтобы помочь ей подняться.

Но Кляузница сама проворно вскочила, опрокинула Волкова и унеслась по полю, трепля дрожки...

Необыкновенно досадно стало Александру Вадимычу, побѣждалъ онъ было за Кляузницей, но тутъ же загорѣлся и легъ отпыхаться у прошлогодняго стога.

Въ это, какъ разъ, время, неподалеку стога, по дорогѣ, трусцой, проѣзжала плетушка, запряженная парой клячъ, въ веревочной упряжи...

Сидящіе въ плетушкѣ отлично видѣли позоръ Волкова, остановили клячу, и знакомый голосъ крикнулъ изъ плетушки:

— Александръ Вадимычъ, не расшиблись?..

Волковъ посмотрѣлъ на проѣзжихъ и выругался про себя. Въ плетушкѣ, повѣсивъ голову,

спалъ Образцовъ, по травѣ къ стогу бѣжалъ Цурюпа, въ смокингѣ и лакированныхъ башмакахъ...

— Увидалъ, мерзавецъ, — подумалъ Волковъ, — теперь во всему уѣзду раззвонить, что меня паршивая кобылешка обошла.

Цурюпа, добѣжавъ, поддернулъ брюки и присѣлъ надъ Волковымъ:

— Боже мой, вы безъ чувствъ!

Волковъ тотчасъ же сѣлъ:

— Что вы всѣ пристали ко мнѣ, въ самомъ дѣлѣ! Ыздилъ, ѣздилъ, уморился и легъ въ холодкѣ.

— А гдѣ же лошадь ваша, Александръ Вадимычъ?

— Ахъ, чортъ возьми, ушла... Вотъ непріятность!.. Стояла все время смирно — должно быть мухи заѣли.

— Лошадь на хуторъ ускакала, мы съ горы видѣли, — сказалъ Цурюпа, — но это пустяки... Я очень радъ, что мы встрѣтились, я хотѣлъ самъ къ вамъ пожаловать и сообщить очень важное...

Онъ наклонился къ уху Волкова и прошепталъ:

— Долженъ предупредить: князь Краснопольскій, Алексѣй Петровичъ, прямо-таки подлецъ, только между нами.

— Что такое? — спросилъ Александръ Вадимычъ, вставая на четвереньки, потомъ во весь ростъ. Одернулъ кафтанъ и добавилъ: — Опять сплетня?

— Ахъ, я самъ не люблю сплетенъ, — поспѣшно продолжалъ Цурюпа, — это моветонъ,

— но изъ дружбы къ вамъ, притомъ же замѣшана честь. Вчера, видите ли, пріѣхали къ нему обѣдать — я, Ртищевы и Образцовъ — полюбуйте, въ какомъ онъ видѣ сейчасъ. Излишество, конечно, у князька за столомъ — прямо непристойное. Послѣ обѣда всевозможныя самодурства, и предлагаетъ вдругъ ѣхать въ Колывань къ дѣвкамъ. Что за манера! — но компанія. — Поѣхали. Въ Колывани всѣ напились до полной потери культуры и — привели четырехъ голыхъ дѣвокъ.

— Голыхъ? — переспросилъ Александръ Вадимычъ.

— Въ томъ-то и дѣло... Противно ужасно, но думаю — пусть покажетъ себя князекъ до конца. И, представьте, что онъ выкинулъ? — Цурюпа на мигъ пріостановился, глядя въ глаза Волкову, который внезапно крикнулъ и подмигнулъ, — представьте — около полуночи князекъ выбѣжалъ на дворъ и кричитъ: «Эй, лошадей, ѣду въ Волково»...

— Ко мнѣ? — спросилъ Александръ Вадимычъ.

— Ну, да-же, поймите... Это ужасно щекотливо: конечно, онъ ѣхалъ къ вамъ — Александру Вадимычу, но, какъ бы изящно выразиться, — люди могутъ подумать, что и не къ вамъ.

Цурюпа для ясности растопырилъ пальцы передъ носомъ Александра Вадимыча, который вспыхнулъ, вдругъ понявъ намекъ, и сказалъ:

— Ахъ, ты, болванъ!

Но Цурюпа слишкомъ уже разошелся и поэтому, не обидясь, продолжалъ еще поспѣшнѣе:

— И дѣйствительно къ вамъ ускакалъ, и всѣ, знаете ли, принялись такія штуки неприличныя отмачивать, что я закричалъ, приказалъ прямо: довольно гнусныхъ сценъ, ѣдемъ отсюда! Но мы своихъ лошадей въ Миломъ оставили, — вотъ и плетемся на земскихъ. Я давно говорилъ: этого князька нельзя принимать, да и князекъ ли онъ, не еврей ли?

Но Александръ Вадимычъ уже не слушалъ Цурюпу. Пододрѣтый къ тому же афронтомъ съ Кляузницей, освирѣпѣлъ онъ до того, что не могъ слова вымолвить и только сопѣлъ, раскрывъ ротъ, отчего Цурюпа даже струсиль. Наконецъ, Волковъ выговориль:

— Да, гдѣ же этотъ мерзавецъ? Подать сюда лошадей! Запорю!

— И отлично, и отлично, доѣдемъ на клячахъ до меня, а оттуда вмѣстѣ нагрянемъ въ Милое и Ртищевыхъ захватимъ: — пусть дастъ отчетъ, — шепталъ Цурюпа и, завиваясь ужомъ, бѣжалъ за Волковымъ къ тарантасу, радуясь, что отомстилъ за вчерашняго «хама».

II

Только послѣ обѣда выѣхали разгоряченные виномъ всадники изъ усадьбы Цурюпы въ Милое.

Впереди на косматомъ сибирякѣ, храпѣвшемъ подъ тяжестью всадника, скакалъ, раскинувъ локти, Волковъ. За нимъ неслись братья Ртищевы, поднимали нагайки и вскрикивали:

— Вотъ жизнь! Вотъ люблю! Гони, шпарь!

Ртищевымъ было все равно — на князя-ли итти, стоять-ли за князя, — только бы вѣтеръ свистѣлъ въ ушахъ. Къ тому-же, послѣ уговоровъ Цурюпы они рѣшили покарать безнравственность.

Позади всѣхъ, помятый, угасшій, но въ отличной визиткѣ, рейтузахъ и гетрахъ, подпрыгивалъ на англійской кобылѣ Цурюпа.

Швыряя съ копытъ пескомъ, мчались всадники по тальниковымъ зарослямъ, и, чѣмъ меньше оставалось пути до Милаго, тѣмъ круче поднималась рыжая бровь у Волкова, другая же уѣзжала на глазъ, и онъ выпячивалъ нижнюю челюсть, съ каждой минутой придумывая новыя звѣрства, которыя учинить надъ княземъ.

Алексѣй Петровичъ, тревожно проспавъ остатокъ ночи, взявъ прохладную ванну, приказалъ растереть себя полотенцами и сидѣлъ у рояля въ малой круглой залѣ, съ окнами вверхъ изъ цвѣтныхъ стеколъ.

Рояль былъ въ видѣ лиры, палисандровый, разбитый и гулкій. Князь проигралъ одной рукой, что помнилъ наизусть — *chanson triste*. Солнце сквозь цвѣтныя стекла заливало паркетный полъ, на которомъ мозаичныя гирлянды и вѣнки словно ожили. На синемъ штоффѣ стѣнъ висѣли скучныя гравюры и напротивъ рояля — портретъ безъ рамы — князя Краснопольскаго, въ красномъ камзолѣ, со свиткомъ въ рукѣ. Все это — и потертые диваны, и круглые столы, и ноты въ изъѣденныхъ корешкахъ — было нежилое, ветхое и пахло тлѣ-

ніемъ. Алексѣй Петровичъ, повернувшись на винтовомъ стулѣ, подумалъ:

«Они глядѣли черезъ эти пестрыя окошки, слушали вальсы, лежали на диванахъ, любили и цѣловались втихомолку — вотъ и все, — потомъ умерли. И насиженный домъ, и утварь, и воспоминанія достались мнѣ. Зачѣмъ? Чтобы такъ-же, какъ все, умереть, истлѣть!»

Онъ снова перебралъ клавиши, вздохнулъ, и усталость, разогнанная не надолго ванной, снова овладѣла имъ, согнула плечи. Онъ проговорилъ медленно:

— Милая Катя!

И закрытымъ глазамъ представилась вчерашняя Катенька, ея повернутый къ лунному свѣту профиль и подъ пуховымъ платкомъ показанное плечо. Прижаться бы щекой къ плечу и навсегда успокоиться!

«Развѣ нельзя жить съ Катей, какъ братъ, влюбленный и нѣжный? Но захочетъ-ли она *такой* любви? Она уже чувствуетъ, что — женщина. Конечно, она *должна* испытать это. Пусть узнаетъ счастье, острое, мгновенное. Забыться съ нею на день, на недѣлю! И уѣхать навсегда. И на всю жизнь останется сладкая грусть, что держалъ въ рукахъ драгоцѣнное сокровище, счастье, и самъ отказался отъ него. Это посильнѣе *всего*. Это *перетянетъ*. Сладко грустить до слезъ! Какъ хорошо! Вчера вѣдь такъ и кинулась, протянула руки. Зацѣловать бы надо, ахъ Боже мой, Боже мой... Разска- залъ ей пошлѣйшую гадость... Зачѣмъ? Она не пойметъ... Не приметъ!

Алексѣй Петровичъ провелъ по лицу ла-

донью, всталъ отъ рояля, легъ навзничъ на теплый отъ солнца диванъ и закинулъ руки за голову. Въ дверь, въ это время, осторожно постучался лакей, — доложилъ, что поданъ ужинъ.

— Убирайся, — сказалъ Алексѣй Петровичъ. Но мысли уже прервались, и, досадуя, онъ сошелъ внизъ, въ залу съ колоннами, гдѣ былъ накрытъ столъ, мелькомъ взглянулъ на лакея, — онъ стоялъ почтительно съ каменнымъ лицомъ, — поморщился (еще бродилъ у него тошнотворный, вчерашній хмѣль) и, заложивъ руки за спину, остановился у холодноватой колонны. За стеклянной дверью, за верхушками елей садилось огромное солнце. Печально и ласково ворковалъ дикій голубь. Листья осины принимались шелестѣть, вертяться на стебляхъ, и затихали. Все было здѣсь древнее, вѣковѣчное, все повторялось снова.

«Я измѣнюсь, — думалъ Алексѣй Петровичъ. — Я полюблю ее на всю жизнь. Я люблю ее до слезъ. Милая, милая, милая... Катя смiritъ меня. Господи, дай мнѣ быть вѣрнымъ, какъ всѣ. Отними у меня безпокойство, сдѣлай такъ, чтобы не было яду въ моихъ мысляхъ. Пусть я всю жизнь просижу около нея. Забуду, забуду все... Только любить... Вѣдь, есть же у меня святое... Вотъ Саша — пусть та отвѣчаетъ. Сашу можно замучить, бросить! Она кроткая: сгоритъ и еще благословить, помирая».

Алексѣй Петровичъ сунулъ руку за жилетъ, точно удерживая сердце, — до того билось оно, все сильнѣе, пока не защемило. Онъ крѣпче прислонился къ колоннѣ. На лбу проступилъ потъ. Алексѣй Петровичъ подумалъ: «надо бы

бромѹ», — шагнулъ къ широкому креслу и опустился въ него, обезсиленный припадкомъ черзчуръ замотаннаго сердца.

А въ это время въ домѣ захлопали двери, затопали тяжелые шаги. Лакей съ испуганнымъ лицомъ подбѣжалъ къ дверямъ, дубовыя половинки ихъ распахнулись подъ ударомъ, и въ залу ввалился Волковъ, за нимъ Ртищевы и Цурюпа.

— Подай мнѣ его! — закричалъ Волковъ, поводя выпученными глазами. Обѣденный столъ онъ пихнулъ ногой такъ, что зазвенѣла посуда: — «Онъ еще обѣдать смѣетъ!» — Потомъ шагнулъ къ балконной двери и, увидѣвъ между колоннъ князя, который, ухватясь за кресло, глядѣлъ снизу вверхъ, — проговорилъ, выпячивая челюсть: «За такія, братъ, дѣла въ морду бьютъ!»

— Да, бьютъ! — заорали Ртищевы за его спиной. Цурюпа же, стоя у двери, повторялъ: «Господа, господа, все-таки, острожнѣе».

Князь поблѣднѣлъ до зелени въ лицѣ. Онъ подумалъ, что Катя все рассказала отцу. Теперь его — битаго — оскорбятъ еще. Такъ же свиснетъ блестящій хлыстъ. Опять нужно будетъ лечь, кусать подушку.

Но Волковъ подъ взглядомъ князя вдругъ притихъ, словно стало ему совѣстно. Такой взглядъ бываетъ у перешибленной собаки, когда подойдетъ къ ней работникъ съ веревкой, чтобы покончить поскорѣй — удушить, защита ея въ однихъ глазахъ. У иного и рука не поднимется накинуть петлю, — отвернется онъ, отойдетъ, кинетъ издали камушкомъ.

Такъ и Волковъ попятился и проговорилъ, опуская бровь:

— Ну, что уставился? Такъ, братъ, не годится поступать, хоть ты и хорошаго рода. Я все-таки отецъ. Ты пьянствуй, а дѣвицу марать не смѣй!

При этихъ словахъ онъ опять запыхтѣлъ и закричалъ, наступая:

— Нѣтъ, побью, силъ моихъ нѣтъ!

— Что я сдѣлалъ? — тихо спросилъ Алексѣй Петровичъ, начиная вздрагивать незамѣтно отъ острой радости, — самое страшное миновало.

— Какъ что? Съ Сашкой безобразничаешь, а потомъ при всѣхъ хвастаешь, что ночью ко мнѣ ѣдишь. Я тебя и въ глаза не видалъ. На весь уѣздъ меня опозорилъ.

Алексѣй Петровичъ быстро поднялся, не сдержавъ легкаго смѣха. Схватилъ удивленнаго Волкова за руки: «Идемъ, дорогой, милый», увлекъ Александра Вадимыча на балконъ и, прильнувъ къ его плечу, пахнущему потомъ и лошадыю, проговорилъ:

— Я люблю Катю, выдайте ее за меня. Милый, я измѣнился... Теперь все перегорѣло...

Онъ задохнулся. У Волкова же голова затряслась отъ волненія:

— Такъ, такъ, понимаю. Ты вотъ какъ обернулъ? Это совсѣмъ дѣло другое. Я и самъ хотѣлъ... Только ты, братецъ, какъ-то сразу. Экій ты, братецъ, торопыга.

Онъ потеръ лобъ и окончилъ упавшимъ голосомъ:

— Я по саду пройдуся, въ кусты. Дѣло важное, не бойся, — только отойду немножко...

И Волковъ, тяжело ступая, спустился съ балкона. Князь вернулся въ залу и, крѣпко сжавъ сухіе кулаки, сказалъ сквозь зубы Ртищевымъ и Цурюпѣ:

— Пошли вонъ.

Волковъ не любилъ медлить и раздумывать, если чего-нибудь ему очень захотѣлось. Поэтому, посидѣвъ въ кустахъ, онъ вернулся и объявилъ князю, что этимъ же вечеромъ нужно все покончить. Самъ пошелъ на конюшню, гдѣ долго ругалъ конюховъ, хозяйскимъ глазомъ уличивъ ихъ въ нерадѣніи. Пóходя заглянулъ во всѣ стойла и въ каретники и, уже идя обратно, крикнулъ князю, стоящему на крыльцѣ:

— Ну, батенька, ты меня прости, а ты Оефела — такъ запустить конюшню! Вотъ, слава Богу, ужъ я у тебя порядки наведу.

Князь же только смѣялся мелкимъ смѣшкомъ. Смѣшокъ этотъ нельзя было удержать, онъ боялся его и чувствовалъ, что не ждать добра. Поэтому, когда Волковъ, выбравъ лучшую коляску, велѣлъ запречь въ нее вороную тройку и повезъ Алексѣя Петровича къ себѣ, князь держался во время дороги такъ странно, что, когда они проѣхали полпути, Волковъ сказалъ, по-косясь на спутника:

— Что ты какой неудобный сталъ — перестань, говорю, вертѣться, — Катерина тебѣ не откажетъ.

Но въ Волковѣ, куда они пріѣхали на закатѣ,

ждала ихъ неожиданная непріятность, которая, ускоривъ событія, отозвалась тяжело не только на князѣ и Катенькѣ, но и на докторѣ Григоріи Ивановичѣ Заботкинѣ, влетѣвшемъ во всю эту исторію, какъ муха въ огонь.

III

Утромъ этого дня за Григоріемъ Ивановичемъ были посланы лошади.

Онъ въ это время, растворивъ окна и дверь, мылъ кипяткомъ и мыломъ засиженную свою избенку, повсюду раскладывалъ чистую бумагу, найденныя подъ печкой глубоко неинтересныя книги и останавливался иногда съ тряпкой въ рукѣ поглядѣть на солнышко, отъ котораго быстро высыхали и лавки и полъ.

«Люблю чистоту, — думалъ Григорій Ивановичъ, — отъ нея на душѣ чисто и празднично. А день-то какой! — и гуси на водѣ, и облака на небѣ. Восторгъ».

Забѣжалъ на минутку попъ Василій и до того удивился, что спросилъ озабоченно: «да ты здоровъ, Гриша?» Но съ первыхъ же его словъ все понялъ и, боясь потревожить еще непрочную (какъ ему казалось) радость, поулыбался и потихоньку ушелъ, — Григорій Ивановичъ и не замѣтилъ его ухода.

Казалось ему, что именно сегодня придетъ счастье. А если не придетъ? Нѣтъ, иначе быть не можетъ.

Часу во второмъ къ докторскому домику подкатила пара вороныхъ, запряженная въ шара-

банъ; Григорій Ивановичъ, удивясь, высунулся съ тряпкой въ рукѣ въ окошко. Кучеръ соскочилъ съ шарабана, подошелъ къ окну и спросилъ:

— Что, садовая голова, дома докторъ, или уѣхалъ?... — Заглянулъ въ избенку и прищурился на Григорія Ивановича глазъ, — разстайся, покличь доктора, — у насъ барышня нездорова. Къ Волкову, скажи, Александру Вадимычу.

Григорій Ивановичъ сейчасъ-же отошелъ отъ окна и уронилъ тряпку. Сердце заколотилось,хватило духъ. И ему представилась Екатерина Александровна, когда, приподнявъ намокшее платье, всходила она по трапу: показалась сіяющая ея голова, круглыя плечи и высокій станъ, охваченный шелкомъ...

«А вдругъ тифъ, — подумалъ Григорій Ивановичъ, — нѣтъ, не можетъ быть».

— Эй, ты! — воскликнулъ онъ, подбѣгая опять къ окну, — я и есть докторъ, сейчасъ ѣду! — И, уже держа въ рукѣ фуражку, взглянулъ въ осколокъ прибитаго между окошекъ зеркала, въ которомъ, криво-накосо, отразилось красное, съ пухомъ на щекахъ, широкое лицо, покрытое до плечъ мочальными волосами.

— Что за пакость, — отступивъ, пробормоталъ Григорій Ивановичъ, — дѣйствительно, — «садовая голова». Нельзя, я не могу ѣхать.

Онъ быстро присѣлъ на лавку, въ недоумѣніи наморщивъ лобъ, но тотчасъ вскочилъ, взялъ ножницы и, тыча въ голову ихъ концами, сталъ отрѣзать сбоку прядь волосъ, которая, не разсыпаясь, упала на полъ. Григорій Ивановичъ

наступилъ на нее и, косоротясь, рѣзалъ еще и еще, окорналъ себя съ обѣихъ сторонъ, и сейчасъ же догадался, что сзади никакъ ножницами не достанетъ, и, вообще, сходитъ съ ума.

Бубенчики позванивали за окномъ, кучеръ нарочно громко зѣвалъ, поминая Господа, а Григорій Ивановичъ, весь въ поту, подогнувъ колѣно, скрививъ шею, стригъ затылокъ. Потомъ швырнулъ ножницы, схватился за умывальникъ, а воды не было. Неизвѣстно, гдѣ лежалъ сюртукъ. Кучеръ постучалъ кунтовичемъ о ставню, спросивъ: «скоро ли?». Заботкинъ только ногой топнулъ — съ нимъ не случилось подобнаго — развѣ во снѣ, когда нужно бѣжать, а ступни приросли, хочешь замахнуть — и руки не поднять.

— Гони, гони во всю, — проговорилъ наконецъ Григорій Ивановичъ, впрыгивая въ шарabanъ. И всю дорогу прихорашивался, теръ платкомъ лицо и отчаивался. Когда же съ горы стали видны пруды, садъ и красная крыша Волкова, — хотѣлъ выскочить. Все, что происходило съ нимъ въ этотъ день, было словно во снѣ.

На крыльцѣ доктора встрѣтилъ Кондратій и повелъ въ домъ. Григорій Ивановичъ, вдохнувъ тонкій, чуть чуть тлѣнный запахъ старыхъ этихъ комнатъ, сейчасъ же пошелъ на цыпочкахъ, понимая, что здѣсь говорить нужно деликатно и дѣлать изящные жесты — вѣдь, по каждой половицѣ прошла хоть разъ Екатерина Александровна, у каждаго окна стояла: это былъ не обыкновенный домъ, а чудо.

— Вотъ сюда, — сказалъ Кондратій, останавливаясь передъ ковромъ, покрывавшимъ

дверь, — а вы вотъ что, — онъ пожевалъ, — не больно на порошки то налегайте.

И онъ отогнулъ коверъ. Григорій Ивановичъ, пробормотавъ: «погоди, погоди, ну, — ладно», одернулъ сюртучокъ, провелъ ладонью по лицу, вошелъ, и разбѣжавшіеся его глаза сразу остановились на подушкахъ, гдѣ лежала повернутая къ двери затылкомъ дѣвичья голова. Двѣ косы, раздѣленные полоской пробора, огибали шею, поверхъ голубого одѣяла покоилась голая до локтя рука.

Григорій Ивановичъ зажмурился, потомъ поглядѣлъ на красныя туфельки на коврѣ и краюшкомъ подумалъ, что онъ — докторъ Заботкинъ — шарлатанъ и куча грязныхъ тряпокъ. И сейчасъ же забылъ объ этомъ.

А Катя въ это время вздохнула и медленно повернулась на спину. Григорій Ивановичъ въ страхъ попятился. Она быстро мигнула, со всѣмъ пробуждаясь, и глаза ея съ удивленіемъ остановились на вошедшемъ. Потомъ она опустила вѣки и покраснѣла.

— Ахъ, это вы, докторъ, — сказала она, — здравствуйте... Простите, что васъ потревожили... Но папа..

Григорій Ивановичъ съ усиліемъ подошелъ; Катя протянула ему теплую еще отъ сна руку, и онъ, страшно покраснѣвъ, пожалъ ее, спохватился, вынулъ часы, но стрѣлокъ не увидѣлъ, принялся ногой отбивать секунды, сейчасъ же понялъ, что запутался, погибъ, выпустилъ ея руку и уронилъ часы. Тогда Катя медленно закрыла ладонями лицо, плечи ея колыхнулись, и она, не въ силахъ сдержаться, засмѣялась.

Лютый морозъ поползъ по докторъ Заботкинъ, затошнило даже, а губы раздвигались въ дурацкую улыбку — будь она проклята! Наконецъ Катя, прикрывая ротъ, съ глазами, полными веселыхъ слезъ, проговорила:

— Не сердитесь, милый докторъ, ради Бога объясните, что съ вашими волосами? — И уже совсѣмъ громко и звонко засмѣялась. Тогда онъ, въ отчаяніи взглянувъ въ зеркало, увидѣлъ перекошенное свое лицо, на головѣ пролысины, города и сзади косицу...

— Это въ темнотѣ, — пробормоталъ онъ, — я всегда имѣю привычку... — и, не выдержавъ, попятился и выскочилъ за дверь.

IV

У двери, въ корридорѣ ждалъ его Кондратій.

— Послушай, — съ отчаяніемъ крикнулъ ему Григорій Ивановичъ, — сбѣгай, вели лошадь подать, сію минуту уѣду, я не могу.

— Не извольте фордыбачить, — отвѣтилъ Кондратій строго, — вы не у себя-съ, — пожалуйста за мной.

Григорій Ивановичъ сказалъ, — «ага», и послушно послѣдовалъ за Кондратіемъ по корридору, подъ лѣстницу, въ каморку, гдѣ и сѣлъ на сундукъ, покрытый кошмой.

— Меня не «послушай» зовутъ, а Кондратій Ивановичъ, — послѣ молчанія сказалъ Кондратій, прислонясь къ дверному косяку, — вотъ что. А вы что же — барышню уморить при-

ѣхали, нарочно такъ остриглись, для невѣжества?

— Кондратій Ивановичъ, — закричалъ докторъ, — замолчите! Я самъ все понимаю!

— Слушаться надо, а не мудрить, господинъ докторъ. Лошадей все равно не дамъ. А насчетъ Катеньки, такъ я ее на рукахъ вынянчилъ и мудрить надъ ней, пока живъ, никому не позволю. Лѣчить ее надо не порошками, а добрымъ словомъ, — хворь у нея самая дѣвичья. Поняли? Ну ладно. А что вы ее дурацкимъ видомъ своимъ насмѣшили — это хорошо. Я и самъ — былъ молодой — штуки откалывалъ. Какъ расколохается баринъ на доброе здоровье, такъ въ дому сразу хозяйственно, и слуги дѣло свое исполняютъ. Такъ и Богъ велѣлъ. Дайте-ка я васъ подчищу; второй разъ явиться въ уродливомъ видѣ — невѣжество, а ужъ не смѣхъ.

Кондратій взялъ ножницы, и Григорій Ивановичъ, угодливо подставивъ ему голову, спросилъ:

— Вы, Кондратій Ивановичъ, развѣ барышню на рукахъ выходили?

— Да-съ, на рукахъ-съ, — отвѣтилъ Кондратій, и вдругъ опустилъ ножницы, прислушиваясь: кто-то ходилъ по корридору, пробуя ручки дверей, потомъ не то закашлялъ, не то заплакалъ глухо.

— Будто чужой кто? — сказалъ Кондратій. — А? — Шумъ затихъ, и старый слуга озабоченно вышелъ.

Вскорѣ послышался его голосъ: «нельзя, уходи, уходи», и другой — женскій, торопливый и

умоляющей. Но Григорію Ивановичу было все равно, онъ помылся, пригладился, почистилъ сюртучокъ и, подумавъ: «конечно, я не красивъ, даже мѣшковатъ, но есть извѣстная молодость въ лицѣ и, особенно, — выраженіе глазъ», сдержанно вздохнулъ и вышелъ въ садъ, ожидая, когда позовутъ къ больной.

Въ саду онъ завернулъ за уголъ дома, пошелъ по травѣ и сѣлъ на чугунную скамью, противъ оконъ, положивъ руку на зеленую лейку, стоящую около.

У ногъ надъ травой крутились пчелы, пахла медовая кашка, и запахъ этотъ, и теплое, всѣмъ низкое солнце, залившее сквозь листву штукатуренную стѣну дома, и Катенькино окно, съ опущенной занавѣской (по занавѣскѣ онъ и догадался, чье это окно), волновали, какъ музыка, и Григорій Ивановичъ, жмурясь и подставляя затылокъ солнцу, чувствовалъ, что все въ немъ слабѣетъ (да и зачѣмъ ему это свое?): онъ будто растворяется въ свѣтѣ, въ тишинѣ сада, и все — небо, облака на небѣ, вода, деревья и лугъ — все въ немъ. Или онъ самъ это расплывается, отдавая глаза — небу, душу — облакамъ, кровь — водѣ, руки — деревьямъ, тѣло — землѣ? Это было похоже на смерть, на сонъ, или на любовь.

— Пусть всю жизнь буду по дорогамъ таскаться, по вонючимъ избамъ, — подумалъ онъ, — пусть я уродъ, не способенъ умереть за нее, — ну нѣтъ, умереть-то я очень способенъ, пусть только прикажетъ, — что мнѣ нужно? Ничего! Только жить, чувствовать, вдыхать...

На балконѣ, въ это время, между облупив-

шихся кое-гдѣ до кирпича колоннъ, появился князь Алексѣй Петровичъ. Одѣтъ онъ былъ въ черный сюртукъ и полосатые панталоны, правой рукой опирался на трость, а лѣвой, держа перчатки, отмахивался, испуганно, отъ пчелы. Пчела улетѣла. Князь поспѣшно сошелъ въ садъ и, не замѣчая Заботкина, принялся въ необыкновенномъ волненіи, поднимаясь на цыпочки, смотрѣть на занавѣшенное окно.

— Не можетъ этого быть, — проговорилъ онъ громко, — это слишкомъ! — взмахнулъ тростью, повернулся и, увидѣвъ Григорія Ивановича, выпятить нижнюю губу.

«Это еще кто?» — подумалъ докторъ, разглядывая князя. Алексѣй Петровичъ спросилъ:

— Вы докторъ? Кто сейчасъ у Екатерины Александровны? Вы знаете что-нибудь?

— А что случилось? Развѣ несчастье?

— Нѣтъ, впрочемъ, я не знаю, — Алексѣй Петровичъ сѣлъ на скамью, коснулся руки Григорія Ивановича и особенно мягко заговорилъ: — Передъ священниками и докторами не скрываются, правда? Скажите, быть можетъ, есть средство, чтобы сердце не такъ болѣло, чтобы имъ владѣть.

— Бромъ, — отвѣтилъ Григорій Ивановичъ.

— Ну да, но я не про то. Когда узнику открываютъ тюрьму и онъ съ порога видитъ солнце, тогда ему говорятъ: «а мы старый грѣшокъ вспомнили, — иди назадъ... Но я исправился? — Нѣтъ, иди обратно». Докторъ, мужъ Екатерины Александровны долженъ быть чистъ и свободенъ, правда?

— Вы женитесь? — спросилъ Григорій Ива-

новичъ, всматриваясь въ слишкомъ красныя губы князя и безпокойные его глаза: «руки бѣлыя какія» — подумалъ Григорій Ивановичъ и ему стало вдругъ необычайно грустно. Князь продолжалъ:

— Я не врагъ себѣ, пусть и она повѣритъ, что не врагъ. Я мучаюсь больше ея. Не для радости же въ Колывань ѣздилъ... Впрочемъ, вы ничего не знаете... Я пріѣхалъ просить ея руки, вотъ... Докторъ, если выйдетъ несчастье — вы поможете? Сейчасъ за окномъ, я знаю, на меня доносъ.

Онъ перевелъ духъ, вздохнулъ, поглядѣлъ доктору въ глаза и улыбнулся жалобно.

— Екатерина Александровна достойна, чтобы изъ-за нея страдали, — проговорилъ, самъ не зная для чего, Григорій Ивановичъ и, смутившись, сталъ нагибать лейку, пока изъ дудочки не потекла вода.

Въ это время за Катинымъ окномъ раздался вопль и его покрылъ густой бась, кто-то кинулся къ раскрытому окошку, занавѣска заколебалась, и простоволосая женская голова опрокинулась изнутри на подоконникъ. Закинулись голыя руки, стараясь отодрать отъ горла чьи-то короткіе, волосатые пальцы.

Затѣмъ раздался другой, отчаянный, женскій крикъ, отъ котораго Заботкинъ похолодѣлъ, а князь, страшно блѣдный, вскочилъ со скамейки, мучительно повторяя: «не трогай ее, не трогай, не трогай»... Волосатые пальцы отпустили шею, голова женщины соскользнула съ подоконника. Григорій Ивановичъ хотѣлъ встать,

но на колѣни его, хватаясь слабѣющими пальцами, склонился князь; голова его моталась.

— Это ничего, прислонитесь, вотъ такъ, сейчасъ пройдетъ, — бормоталъ Григорій Ивановичъ, смачивая лобъ князю водой изъ лейки.

ВОДОВОРОТЪ

I

Григорій Ивановичъ, поддерживая князя, повелъ его черезъ балконъ въ залу, ища гдѣ-бы поспокойнѣе уложить. Изъ залы правая боковая дверь вела въ библіотеку; — «туда» — сказалъ князь, пожимая его руку. Въ это время изнутри дома послышались голоса, вскрики и топотъ ногъ.

И едва князь и Заботкинъ подошли къ библіотекѣ, какъ дверь въ залу изъ корридора распахнулась, и въ сумеркахъ было видно, какъ конюхъ и кучеръ вели подъ руки Сашу. На ней черный сарафанъ былъ порванъ, волосы растрепаны, заплаканное лицо съ поднятыми бровями запрокинуто. Саша тихо и отчаянно повторяла: — Что вы, что вы...

Сзади подталкивалъ ее Кондратій. Волковъ, стуча кулакомъ по двери, чертыхался и кричалъ:

— Въ амбаръ ее, мерзавку, на замокъ!.. — Князя и Заботкина онъ не замѣтилъ — они успѣли войти въ библіотеку.

Сашу вывели. Волковъ звякнулъ балконной дверью и, ругаясь, ушелъ во внутренніе покои.

Долго на диванѣ у книжнаго шкафа молчали

Григорій Ивановичъ и князь, — у доктора тряслись колѣнки, князь же не двигался, прислонясь затылкомъ къ спинкѣ, закрылъ глаза.

— За что они ее? — наконецъ спросилъ докторъ шопотомъ и посмотрѣлъ на князя, — лицо его, едва различимое въ тѣни сумерекъ, было очень красиво. «Вотъ какъ нужно любить, — подумалъ Григорій Ивановичъ, — изящно и сильно, падать въ обморокъ, переживать необыкновенныя страсти! Онъ настоящій мужъ для Екатерины Александровны. О такихъ въ книгахъ пишутъ». Докторъ осторожно потянулся и погладилъ князя по рукѣ, который сейчасъ же спросилъ негромко:

— Докторъ, вы побудете со мной?

Григорій Ивановичъ кивнулъ головой.

— Ее увели? — продолжалъ князь, — это ужасно. Не такъ-то просто жить, милый докторъ. Бѣдная Саша.

Алексѣй Петровичъ выпрямился вдругъ, словно сбросилъ маску.

— Я знаю, что благородно и что честно, — сказалъ онъ, — а поступаю не благородно и не честно, и, чѣмъ сквернѣе, тѣмъ слаще мнѣ... Такъ можно съ ума сойти. А что можетъ быть слаще, какъ смотрѣть на себя сбоку: сидить въ коляскѣ негодяй, въ сѣрой шляпѣ, въ перчаткахъ, и никто его не бьетъ по глазамъ и всѣ уважаютъ, и самъ онъ себѣ нравится. Духъ захватить, когда это до глубины поймешь. И развѣ не странно — я возвращаюсь ночью отсюда, отъ Екатерины Александровны, гляжу на небо съ луной (непремѣнно съ луной), и смѣюсь отъ счастья потихоньку, чтобы не слышалъ

кучерь. И сейчас-же, глядя сбоку, вижу, что было бы чудовищно сдѣлать мерзость. А ладонь моя еще пахнетъ ея духами. И, когда совсѣмъ захватить духъ, я останавливаю лошадей у Сашинаго двора, захожу, беру за руку, прислоняю голову къ ея груди и притворяюсь: — Саша, милая, утѣшь, — и она утѣшаетъ, какъ можетъ. А послѣ утѣшенія я рассказываю, зачѣмъ пріѣхалъ — это еще высшая гадость; я опять лгу, а у ней сердце разрывается... И такъ накручивается все сильнѣе, а сейчасъ вотъ — лопнула пружина.

— Послушайте, вѣдь это чудовищно, вы съ ума сошли, — отодвигаясь прошепталъ Григорій Ивановичъ. Онъ еще не совсѣмъ понялъ, только почувствовалъ, что князь, путаясь и скользя, какъ ужъ, обнажается. Григорію Ивановичу стало гадко и смутно. Онъ принялся тербить бородку, — всталъ и заходилъ.

— Да, это чудовищно, — продолжалъ князь, и голосъ его былъ ровный, словно онъ разглядывалъ себя, — но еще хуже, что и вамъ сейчасъ нагаль... Очень трудно сказать настоящую правду; крутишься около нея, вотъ-вотъ скажешь — смотришь, а ужъ правды не видно — удралъ отъ нея по кривой дорогѣ. Все равно, какъ дневникъ писать... Вы пробовали? Не пытайтесь. Я передъ вами сейчасъ себя выставилъ носителемъ чуть-ли не великихъ тяготъ... Какой я тамъ носитель — просто человѣкъ съ изъяномъ, съ трещинкой — вотъ какъ эта нога: пуля вотъ сюда прошла, кажется совсѣмъ ногу могу выпрямить, а она пошаливаетъ, — видѣли, опять въ сторону увильнула... Только, чтобы

свою главную сущность не обнаружить... Да. Да. Нужно слишком что-ли напиться, чтобы раскрыть... Милый докторъ, повѣрьте, я больше жизни люблю Екатерину Александровну и, если она откажетъ теперь, погибну. Это правда... Я узналъ это вчера: вчера было послѣднее испытаніе, его я не выдержалъ, хотя никакого испытанія, конечно, не было, простое распутство, — ночью прискакалъ сюда, омылся красотой Екатерины Александровны и луннымъ свѣтомъ, и тѣмъ, что раскрылся... Милая дѣвушка, я на нее взвалилъ все, что мнѣ плечи натерло. А на утро послалъ къ Сашѣ кучера, и велѣлъ сказать: «о баринѣ, молъ, не смѣй думать, онъ женится»... Саша не выдержала, — пѣшкомъ сюда пришла. Я зналъ, что она донесетъ.

— Все вы лжете! — вдругъ воскликнулъ Григорій Ивановичъ, хотѣлъ что-то прибавить, но заикнулся и снова принялся бѣгать, трепля бородку.

— Докторъ, — едва слышно, просительно молвилъ князь, — подите къ Екатеринѣ Александровнѣ, расскажите ей все, — она пойметъ...

— Не пойду и не расскажу! — крикнулъ Григорій Ивановичъ, — объясняйте сами. Я ничего не понимаю, а сумасшедшихъ терпѣть не могу.

Онъ прислонился горячимъ лбомъ къ стеклу. Было совсѣмъ темно, и за деревьями, еще не свѣта, поднималась неправильнымъ кругомъ оранжевая луна, словно зеркало, отразившее въ себѣ печальный міръ.

«Ну что я ей скажу, — думалъ Григорій Ивановичъ, — что онъ эгоистъ и сумасшедшій. Но вѣдь онъ любитъ ее? Не знаю... не понимаю такой любви. Я бы глядѣлъ на нее и плакать, даже не говорилъ-бы ничего. Развѣ облаку скажешь, какъ любишь».

Пока Григорій Ивановичъ раздумывалъ, луна просвѣтлѣла, тронула холоднымъ свѣтомъ росу на листьяхъ, погнала длинныя тѣни. Надъ травой закурился легкій туманъ. Сквозь окно библиотеки лунный свѣтъ залилъ половину лица Алексѣя Петровича, руку его, зацѣпленную большимъ пальцемъ за жилетъ. На книжномъ шкапу заблестѣли мѣдные уголки.

Вдругъ Григорій Ивановичъ вздрогнулъ: мимо окна быстро прошла Екатерина Александровна (онъ узналъ ее по линіи плечъ, по гордой головѣ), оглянувшись у поворота въ аллею и побѣжала, — за спиной ея надулась бѣлая шаль...

— Она въ садъ пробѣжала, — обернувшись, быстро сказалъ докторъ. Князь вскочилъ и распахнулъ окно.

— Идемъ, скорѣе, скорѣе, — прошепталъ онъ. Они поспѣшно вышли.

II

Между канавой — границей сада — и длинными ометами стоялъ на выгонѣ деревянный амбаръ.

Подъ навѣсомъ его были сложены сани и бороны. На двери, съ квадратной дырой внизу для пролаза кошекъ, висѣлъ большой замокъ.

За дверью были слышны вздохи и негромкій плачь.

Отъ канавы по выгону до амбара пробѣжала Екатерина Александровна, остановилась у двери, запыхавшись, опустилась на колѣни и, приблизивъ лицо къ кошачьему лазу, окликнула:

— Саша, ты здѣсь? Ты плачешь?

Плачь за дверью прекратился, и Катенька почувствовала на лицѣ своемъ Сашино дыханье, даже различила ея глаза.

— Я бы тебя выпустила, — сказала она, — да ключа у меня нѣтъ.

Саша вздохнула. Катенька просунула руку и погладила Сашу по щекѣ.

— Я попрошу Кондратія, онъ потихоньку возьметъ у папы ключъ, мы тебя выпустимъ, только попозже. — Саша, ты вотъ что мнѣ скажи... Подставь-ка щеку, я тебя поцѣлую... Милая, голубушка, тебѣ очень больно? Я непременно устрою, чтобы онъ къ тебѣ вернулся. Ты не поняла: онъ подшутилъ надъ тобой. Про меня онъ глупости рассказывалъ... Онъ не ко мнѣ же одной ѣздилъ сюда, и къ папѣ. А ты сама провинилась... Зачѣмъ при папѣ все рассказала... Сашенька, ничего плохого не случилось. Обдумай спокойно. Онъ завтра же къ тебѣ вернется.

Но Саша въ это время ужасно заплакала, стучаясь головой о дверь. Катя схватилась за виски, стала оглядываться — чѣмъ бы ее успокоить.

— Нѣтъ меня несчастнѣе, милая барышня, — проговорила Саша, — я за него на пытку

пойду, и все знаю, что и вралъ онъ мнѣ, и смѣлся, и что лестно ему, когда я передъ нимъ мучаюсь. А вотъ не вытерпѣла... Какъ конюхъ-то прискакалъ и говоритъ: «баринъ тебѣ приказалъ, чтобы думать о немъ забыла. Да, говоритъ, еще велѣлъ, чтобы со мной спать легла», — а самъ смѣется. Обомлѣла я... Бабій разумъ помутился, выбѣжала за ворота, думаю къ нему бѣжать, или въ рѣчку? А тутъ сестра моя двоюродная на телѣгѣ мимо ѣхала, да какъ засмѣется: «Что, говоритъ, князя что ли не дождешься? Поди на дорогу, покличь»... И откуда у меня столько злобы взялось, сама не знаю... Все равно, думаю, пусть и вы, барышня, узнаете, каковъ онъ, нашъ-то...

Екатерина Александровна рѣзкимъ движеніемъ поднялась съ колѣнъ и сѣла на порогѣ лицомъ къ пруду. На берегу стояли темныя лошади. И уже высоко теперь плылъ пустынный мѣсяцъ, загасившій вокругъ себя звѣзды.

Опираясь подбородкомъ о ладони, Катенька думала, глотая слезы: «Что за глупости! Я отлично наказана и должна забыть его, забыть» — и ей казался пушистымъ и неяснымъ свѣтъ мѣсяца въ голубой пустынѣ.

— Барышня, — позвала Саша, — милая ягодка, стерпись съ нимъ, слюбись, вѣдь ты тоже баба. Кабы я могла, не уступила бы тебѣ его. Трудно мнѣ. Ну, лѣто мое прошло, теперь твой чередъ.

Не дослушавъ, Катенька встала и посмотрѣла на дверь, хотѣла отвѣтить, но промолчала, и пошла отъ двери; завернувъ же за уголъ амбара, тихо вскрикнула и стала.

На сложенныхъ внизъ зубьями боронахъ сидѣлъ князь.

— Который теперь часъ? — проговорила Катенька, глядя какъ вдалекѣ на выгонѣ торчаль докторъ, дѣлая князю отчаянные знаки, — я думаю, папа ждетъ съ ужиномъ.

Князь пошевелился. Она быстро отвернулася и пошла къ дому.

III

Волковъ, кромѣ всего, былъ упрямъ необыкновенно. Сватовство князя неожиданно устраняло всѣ безпокойства и льстило Александру Вадимычу: Краснопольскіе вели имя отъ Рюрика и въ свое время сидѣли на столѣ. Сообразивъ насчетъ Рюрика (по дорогѣ изъ Милаго къ себѣ), Александръ Вадимычъ обидѣлся, представивъ, что князь можетъ зазнаться, и тутъ же плечомъ прижалъ его въ уголъ коляски, чтобы сдѣлать больно. Но Алексѣй Петровичъ не понималъ этой тонкости, Волковъ же сердиться долго не могъ, и чтобы объ униженіи больше не думать, тутъ же рѣшилъ выдать невиданное приданое за дочь, и уже проговорился объ этомъ, какъ сразу же по пріѣздѣ въ Волково глупая баба устроила скандалъ. Все пошло къ чорту.

Сорвавъ первый гнѣвъ на Сашѣ, Александръ Вадимычъ понималъ, что буйствомъ помочь нельзя, но положеніе было дѣйствительно непереносимо, и очень угнетенный ушелъ онъ въ кабинетъ, гдѣ сѣлъ у стола.

«Разорвусь, а выдамъ ее за этого мошен-

ника», — думалъ Александръ Вадимычъ, и ругательски ругалъ князя, потомъ обозлился и на дочь.

Долгія размышленія привели Александра Вадимыча къ неожиданной мысли, что все ерунда, и никакой трагедіи между Катей и княземъ нѣтъ, — мало ли кто блудить, на то и свѣтъ раздѣленъ пополамъ и безо всего этого была бы скучища, хоть подохни.

Тогда онъ ударилъ кулакомъ по столу и воскликнулъ: «помирю»! А, чтобы привести себя для этого въ легкое настроеніе, умышленно принялся думать о вещахъ болѣе или менѣе пріятныхъ.

Для этого онъ взялъ карандашъ, разыскалъ заклеванный мухами листокъ бумаги и нарисовалъ зайца.

— Ишь, улепетываетъ косою, — пробормоталъ Волковъ, — а не хочешь, я за тобой лису пушу? — И нарисовалъ позади зайца лису.

— Охота тебѣ зайчатинки, — продолжалъ Александръ Вадимычъ, — ахъ, шельма, а волка боишься? Вотъ онъ, толстолобый, бѣжитъ — хвостъ полѣномъ. Обоихъ васъ сожретъ, голубчики. А я на тебя — собачекъ, съ подпалинами, густопсовыя, щипцатыя. Ату его, милыя, ату, голубчики, не выдавай, улю-лю!

Волковъ, нарисовавъ собакъ, до того разгорячился, что, приподнявши надъ стуломъ задъ, хватилъ по нему пребольно рукой, думая, что это иноходецъ. Потомъ отложилъ карандашъ, посмѣялся, и, довольный, вышелъ изъ кабинета, по пути приказывая звать всѣхъ къ ужину.

Два кухаркиныхъ сына помчались искать го-

стей. Волковъ же прошелъ къ дочери. Катя, одѣтая, сидѣла на постели.

— Ну, дочка, побушевали и будетъ, приходи ужинать, — сказалъ онъ, и когда Катя отказалась было, онъ такъ засопѣлъ, что она тотчасъ проговорила:

— Хорошо, папа, приду.

Кухаркины дѣти нашли гостей на выгонѣ, гдѣ князь и докторъ ходили отъ амбара до канавы. Князь, когда его позвали, поспѣшно повернулъ къ дому, Григорій же Ивановичъ принялся доказывать мальчишкамъ, что ѣсть не хочетъ, а просить дать ему лошадей. Потомъ рысью догналъ князя.

Въ небольшой столовой Александръ Вадимычъ встрѣтилъ гостей словами:

— Я, господа, полагаю, что бы тамъ ни случилось, а вся сила въ желудкѣ, — прошу.

И, указавъ рукой на круглый столъ, сѣлъ первый, обвязалъ вокругъ шеи салфетку.

Въ это время вошла Екатерина Александровна, очень блѣдная, съ тѣнью подъ глазами. Ни на кого не глядя, быстро сѣла она напротивъ отца. Лицо ея было спокойное и гордое, только внизу, на открытой шеѣ, на горлѣ, чуть замѣтно, вздрагивала и билась жилка.

— А вотъ и наша болящая! — воскликнулъ Александръ Вадимычъ, — Катюша, а вѣдь ты не здоровалась съ княземъ...

— Здоровалась, — отвѣчала Катя рѣзко. Алексѣй Петровичъ, словно ему не хватило воздуха, вытянулся на стулѣ; Григорій Ивановичъ опустилъ лицо и вилокъ царапалъ скатерть.

Но не такъ-то легко было сбить съ толку Але-

ксандра Вадимыча. Захвативъ усы, оперся онъ о столъ и обвелъ всѣхъ веселыми глазами. Молчаніе продолжалось. Кондратій, неслышно ступая, обносилъ блюда и лилъ въ стаканы вино. Докторъ, у котораго даже ладони запотѣли, первый поглядѣлъ на хозяина, у Александра Вадимыча прыгали неудержимымъ смѣхомъ глаза.

— Ерунда! — крикнулъ онъ, хлопнувъ по столу, — надулись, какъ мыши, подумаешь — бѣда какая! Катька, подбери губы, отдавятъ! А по-моему — коли докторъ здѣсь, то я говорю, чтобы у меня былъ внукъ! Ага, шельмецы, стыдно? Вотъ и все устроилось... И никакихъ!

При этомъ онъ для большаго дѣйствія раскатился такимъ смѣхомъ, что, казалось, всѣ, и даже Кондратій, должны схватиться за бока. Но сощуренные глаза Александра Вадимыча отлично видѣли, что смѣхъ не удался. Князь напряженно улыбался, Григорій Ивановичъ поднесъ было ко рту цыплячью ногу, да такъ съ ней и застылъ, мучительно сморщивъ лобъ. Катенька подняла на отца глаза, темные отъ злобы и тоски, и сказала, едва сдерживаясь:

— Папа, перестаньте, я уйду. — И сейчасъ же щеки ея залилъ густой румянецъ. Она поднялась.

— Стой! Не смѣй уходить, — уже гнѣвно закричалъ Волковъ, — я объявляю: вотъ женихъ, а вотъ невѣста. Подойди, князь, вались въ ноги, проси прощенья.

Князь, страшно поблѣднѣвъ, медленно снялъ салфетку, всталъ, фатовски приподнялъ плечи,

подошелъ, подрагивая колѣнками, и сказалъ омерзительнымъ голосомъ:

— Надѣюсь, дорогая, вы простите мнѣ все прошлое, — при этомъ схватилъ и сжалъ ея руку.

Катя медленно, какъ во снѣ, высвободила руку, поблѣднѣла до зелени и тяжело ударила князя по лицу.

IV

Такъ внезапно оборвался хитро задуманный Волковымъ ужинъ. Князь стоялъ, опустивъ голову, лицомъ къ двери, въ которую стремительно вышла Катя; Григорій Ивановичъ закрылъ руками лицо; Волковъ же, держа вилку и ножъ, свирѣпѣлъ, поводя глазами.

Вдругъ вошелъ Кондратій. Ротъ его былъ рѣшительно сжатъ, глаза колючіе, большимъ пальцемъ онъ показалъ черезъ плечо и проговорилъ:

— Конюшонокъ докладываетъ, что баба эта — давешняя, сейчасъ изъ амбара убѣгла и очень нерасторопна насчетъ воды...

— Къ чорту съ бабой! — не своимъ голосомъ закричалъ Александръ Вадимычъ. — Иди къ чорту со своей бабой! Понялъ?!

Кондратій, мотнувъ головой, скрылся. Волковъ, сдернулъ съ шеи салфетку, подумалъ, рванулъ салфетку и, широко разставляя ноги, побѣждалъ въ корридоръ за дочерью.

Князь-же присѣлъ къ столу, налилъ вина, подперъ покраснѣвшую щѣку и усмѣхнулся.

— Все это мелочи, — сказалъ онъ.

Григорій Ивановичъ сейчасъ же отошелъ отъ

стола, дрожа такъ, что стучали зубы. Вдалекѣ слышно было, какъ Волковъ дотопалъ до конца корридора, и оттуда донесся глухой его голосъ.

— Какъ смѣшно: «нерасторопна насчетъ воды», — сказалъ князь, — правда?

Онъ усмѣхнулся, дернулъ плечомъ и на цыпочкахъ подошелъ къ двери, на одинъ мигъ припаль, ослабѣвъ, къ дверному косяку и вышелъ.

«Они всѣ погибнутъ сегодня же, — подумалъ Григорій Ивановичъ, — что они дѣлаютъ? Все этотъ князь... Онъ, какъ зараза. Почему не прогонять его?... Выгнать и сказать: не огорчайтесь, Екатерина Александровна, я же люблю васъ, какъ... Что, какъ? Я просто дуракъ! Уйду отсюда пѣшкомъ, сію минуту. Не понимаю здѣсь ничего. Какой любви имъ нужно? Имъ нужно мучиться — вотъ что, а не любить. А я и безъ нея проживу, у меня своего много, на всю жизнь хватитъ... А вотъ она отравится сейчасъ, непременно отравится, а я о себѣ забочусь. Чему обрадовался? Да я послѣдній мерзавецъ, если такъ. Всѣ только о себѣ думаютъ: и князь, и Волковъ, и я, этимъ и замучили ее... Святая моя, несчастная...»

Григорій Ивановичъ запутался и въ тоскѣ не зналъ — уйти ли ему, или ждать?... А, чтобы не слышать ужасныхъ этихъ голосовъ въ концѣ корридора, отправился въ садъ, постоялъ у темныхъ кустовъ, вспоминая — что же еще случилось сквернаго, и вышелъ на выгонъ къ амбару.

«И Саша въ этотъ водоворотъ попала, — думалъ онъ, глядя на раскрытую дверь амбара,

— какъ завертитъ вода воронкой — все туда затянетъ...»

И сейчасъ же понялъ слова князя: «Какъ смѣшно — нерасторопна насчетъ воды!» Саша бросилась въ прудъ... Конечно... Выбѣжала изъ этой двери, кинулась по выгону, и — въ прудъ!

Григорій Ивановичъ охнулъ и побѣжалъ, болтая руками. На берегу пруда, тамъ, гдѣ вода была черная отъ тѣни ветелъ, стояли Кондратій и конюхъ. У ногъ ихъ на травѣ, навзничъ, лежала Саша. Конюшонокъ, сидя на корточкахъ, глядѣлъ въ ея неподвижное, съ раскрытымъ ртомъ, бѣлое лицо.

— Ничего, отойдетъ, — сказалъ конюхъ подбѣжавшему Григорію Ивановичу, — какъ я ее потащилъ — дышала еще, отдыхается.

— Отдышется, — сказалъ Кондратій, — обморокъ.

Григорій Ивановичъ присѣлъ надъ Сашей, разстегнулъ, обрывая пуговицы, черную кофту и приложилъ ухо подъ ея твердую, высокую грудь, — она была еще теплая. Тогда онъ началъ закидывать ей руки, нажимать на животъ, приподнимать и опускать ея тяжелое тѣло. Конюхъ, помогая, рассказывалъ:

— Видимъ, баба бѣжитъ, непременно это она, говорю, и покликалъ: «Саша, а Саша», она ничего, подошла, только трясется, какъ больная. Я спрашиваю: «баринъ выпустилъ тебя?» — «Выпустилъ», и на воду глядитъ. — «Куда же ты, говорю, пойдешь, Саша?» — «Прощайте», отвѣчаетъ, да какъ заплачетъ и пошла къ плотинѣ. Я еще посмѣялся — очень плакала

шибко. А она зашла на плотину и зоветъ: «конюхъ, ты здѣсь?»... «Иди, проходи плотинуто», кричу ей, а самому ужъ страшно... Вдругъ она — бухъ въ воду...

— Дяденька, она съ плотины не тебя звала, — сказалъ конюшонокъ.

— А ты молчи, — цыкнулъ конюхъ и щелкнулъ конюшонка по стриженному затылку, — мальчишка противный!

Григорій Ивановичъ, наклонясь къ Сашиному рту, старался вдунуть въ нее воздухъ, руками раздвигалъ за плечи ея грудь. Вдругъ холодноватая губы ея дрогнули, и Григорій Ивановичъ быстро отдернулся, словно отъ неожиданнаго поцѣлуя.

Саша пошевелилась. Ее приподняли, посадили. Изъ раскрытаго ея рта отошла вода. Саша закатила бѣлки глазъ и застонала.

— Къ садовнику въ теплушку отнести женщину, — сказалъ Кондратій, — ахъ баба, дурья голова...

V

Въ концѣ бѣлаго корридора, прислонясь затылкомъ къ двери, покрытой ковромъ, стояла Катя и упрямо сжимала губы на слова отца, который все старался схватить ея руку, но она заложила руки за спину. Князь стоялъ неподалеку подъ висячей лампой.

— Я тебя заставляю извиниться, — заикаясь отъ злости, повторялъ Волковъ, — это откуда у тебя мода — по лицу драться? Ты отъ кого

научилась? Дай-ка руку, дай! Я тебѣ говорю — извинись!

Но Катенька еще крѣпче прижалась къ пестрому ковру, коса ея развилась и упала на плечо, круглое колѣно натянуло шелкъ сѣраго платья, охватившаго станъ подъ грудью, полной и тугой.

Князь уловилъ это движеніе и, глядя на колѣно, почувствовалъ знакомую боль въ груди. Чувство было острое и ясное. Нечаянно согнутое колѣно, будто, распахнуло передъ нимъ всѣ покровы, и Катенька представилась женой, женщиной, любовницей. Онъ покусалъ пересошія губы и двинулся вдоль стѣны.

— Да ты шутишь, что ли? Или я сплю? — продолжалъ Александръ Вадимычъ, съ которымъ никогда не случалось столько непріятностей подрядъ. На мгновеніе ему показалось, что не сонъ-ли это, и онъ, сейчасъ же затопалъ ногами, крича: «Отвѣчай, каменная!» Но дочь продолжала молчать, и онъ повторялъ, теряясь:

— Проси прощенья, ну же, проси прощенья!

— Нѣтъ, лучше умереть! — быстро сказала Катенька. Она глядѣла на медленно подходящаго князя, и брови ея сдвигались; она не понимала, на что онъ глядитъ, зачѣмъ подходитъ и, слѣдя, вытянула даже шею, и, вдругъ, понявъ, залилась румянцемъ, и подняла руку...

Александръ Вадимычъ потянулся, чтобы схватить дочь за руку, но не поймалъ и сердито крикнулъ, а князь, пойдя, проговорилъ глухимъ голосомъ:

— Екатерина Александровна, теперь еще по-

читательнѣе прошу васъ не отказать мнѣ въ вашей рукѣ.

Глаза его были сухіе, немигающіе, страшные, лицо обтянулось. Волковъ воскликнулъ:

— Ну, вотъ видишь, Катюшка! Эхъ, дѣти, плюньте, поцѣлуйтесь!

Но Катенька не отвѣтила, только нагнула голову, и, когда отецъ подтолкнулъ было къ ней князя, быстро скользнула за коверъ, хлопнула дверью и щелкнула ключомъ, — заперлась у себя.

— Видѣли?.. — закричалъ Волковъ. — Нѣтъ, врешь! — Онъ приналегъ плечомъ на дверь, но она не подалась, и онъ принялся колотить въ нее кулаками, потомъ повернулся и ударилъ каблукомъ.

— Не нужно, оставьте, уйдемъ — зашепталъ князь въ необычайномъ волненіи, — я знаю, что она отвѣтитъ, уйдемъ, ради Бога.

Но упрямаго Волкова долго еще пришлось уговаривать. Наконецъ онъ отеръ потъ съ лица и сказалъ:

— Вотъ, братъ, не такъ-то просто дочерей замужъ выдавать — штука трудная, вспотѣешь. Только ужъ ты, пожалуйста, молчи, не суйся. Я самъ все устрою.

Когда въ дверь перестали стучать и шаги затихли, Катенька легла ничкомъ на кровать, обхвативъ обѣими руками подушку.

— Такъ его и нужно и хорошо, — повторяла она, видя (словно подушка была прозрачной) глаза Алексѣя Петровича, сухіе и страшные. Боясь понять то, что она прочла въ нихъ,

Катенька повторяла гнѣвные слова, но они уже потеряли и остроту и смыслъ, словно весь ея гнѣвъ ушелъ въ тотъ безобразный взмахъ руки, словно этимъ ударомъ она связала себя съ княземъ такъ сильно, какъ никогда не вяжетъ любовь.

— «Господи, сдѣлай такъ, чтобы не было сегодняшняго дня», — повторяла она, и не могла вздохнуть, не видѣла пути къ освобожденію. Ея ненависть, злоба, ревность, вся гордая воля разбились, какъ стекло, отъ взмаха пощечины, и князь, конечно, захочетъ и возьметъ ее теперь, какъ *свое*, а захочетъ — бросить; — все въ его волѣ...

Словно огнемъ обожгло ее воспоминаніе, какъ онъ подошелъ, застегивая сюртукъ: — «Надѣюсь, дорогая»... — «Конечно, притворство все это, — вѣдь мучился же онъ тогда въ бесѣдкѣ, рассказывая. А, быть-можетъ, лгалъ? Вѣдь ни слова тогда не сказалъ про Сашу... Нашелъ кого любить!.. И не любовь это, конечно, а ужасъ, невыносимое распутство! Вѣдь не даромъ отецъ едва не задушилъ Сашу». Въ ушахъ Катеньки опять повторился давешній крикъ. Она быстро сѣла на кровати. «Да кто же онъ такой, если по немъ такая мука? Въ чемъ онъ лжетъ? Кого надо ему? Для чего онъ и ту, и Сашу, и меня?... Кого любить? Для чего ему я? Значитъ нужна для чего-то? Чужой онъ! Никогда меня не любилъ? Что дѣлать? Знаю, знаю, — а онъ будетъ настаивать, и выйду за него, знаю. И выйду, выйду, и отомщу, на-зло всѣмъ выйду за него. Пусть онъ не смѣетъ равнять меня съ тѣми... На-

рочно на муку пойду. Не удалось любить, и не надо... Не хочу никакой любви».

Катенька спустила съ кровати ноги въ бѣлыхъ чулкахъ, подперла щеки, и на платье ей, на колѣни закапали частыя слезы. И съ новой остротой почувствовала, что нѣтъ ей теперь жизни, нѣтъ выхода, и подавила крикъ, и пуце заплакала.

Наконецъ, долгія слезы облегчили ее. Еще вздыхая и вздрагивая плечами, Катенька медленно разстегнула смятое платье и подошла къ зеркалу. Въ глубокомъ зеркалѣ, освѣщенномъ съ боковъ, увидѣла она свое лицо, совсѣмъ новое — «красавица-то какая, милая, бѣдная Катюша», — прошептала она, въ отчаяннѣйшій вглядываясь.

И потомъ, далеко за полночь, сидя передъ зеркаломъ, думала о себѣ, грустно и тихо, какъ будто сегодняшнимъ днемъ кончилась въ жизни ея радость.

СУДЬБА

I

Князь остался въ Волковѣ. Ему были отведены парадныя комнаты, куда изъ Милаго перевезли нужныя для обихода вещи. Изъ парадныхъ этихъ комнатъ Алексѣй Петровичъ не выходилъ никуда. Съ утра ложился онъ, тщательно одѣтый и выбритый, на софу и проводилъ на ней время, разглядывая ногти и думая. Когда въ дверь просовывалась голова Але-

ксандра Вадимыча, приносившаго извѣстія о судьбѣ переговоровъ съ дочерью, князь показывалъ видъ, что дремлетъ.

Алексѣй Петровичъ отлично сознавалъ, что только здѣсь, близъ Кати, послѣднее его спасеніе. Онъ понималъ также, что съ каждымъ днемъ его пребыванія въ Волковѣ увеличивается надежда на согласіе Кати: уже по всему уѣзду говорили о пощечинѣ и о Сашѣ, добавляя такія подробности, отъ которыхъ дамы выбѣгали изъ комнатъ. Да и для самого Александра Вадимыча подобное положеніе вещей казалось самымъ подходящимъ. Онъ съ утра отправлялся къ дочери, садился въ кресло у окна, говорилъ: — «Фу ты, какъ пудрой здѣсь воняетъ. Прихорашиваешься?» — И въ отвѣтъ на равнодушный взглядъ Кати фыркалъ и продолжалъ: — «Чего этимъ дѣвкамъ надо, не понимаю, ангела что ли тебѣ надо? Вотъ твоя мать покойная, — ужъ на что была женщина деликатная, съ англійскимъ воспитаніемъ, а приналегъ я на нее — и вышла за меня замужъ, хотя плакала, дѣйствительно, много. — Вотъ какія дѣла, дочка, поплачешь, а будешь княгиня».

Отъ дочери онъ шелъ къ Алексѣю Петровичу и, если тотъ не притворялся спящимъ, садился у него въ ногахъ на кушеткѣ, трепалъ его за колѣнку и говорилъ:

— Сдается. Бѣсъ дѣвка. И надо же было тебѣ такъ наблудить мерзко! Ну ужъ — ошибся, — долженъ молчать. Одного не пойму, почему ты до сихъ поръ не сватался? Повѣнчали бы ужъ васъ, за границу-бы уѣхали.

— Дѣйствительно, не понимаю, отчего я раньше не сватался, — отвѣчалъ князь, и, послѣ ухода Волкова, смѣялся про себя.

Первое свиданіе жениха и невѣсты произошло въ саду, на скамейкѣ; Волковъ привелъ сначала князя, потомъ Катю, самъ же, воскликнувъ: — «батьюшки, телята въ малинникъ ушли», — убѣждалъ.

Князь и Катя долго сидѣли молча, Катя перебирала концы платка, князь курилъ. Наконецъ, онъ бросилъ папироску и сказалъ отворачаясь:

— Если бы вы своей охотой шли за меня, любили, — я бы на васъ не женился.

Катенька поблѣднѣла страшно, пальцы ея запутали бахрому платка. Она продолжала молчать.

— Давайте кончимъ это, повѣнчаемся, — сказалъ онъ тихо печально.

Тогда краска стыда и гнѣва залила Катины щеки, она рѣзко повернулась къ нему:

— Я васъ ненавижу, — крикнула она, — вы мучаете меня! Вы губите меня нарочно! Другой вы, развѣ, не нашли на свѣтѣ...

— Катя, вы страшно умны, вы все должны понять, — перебилъ князь поспѣшно. — На будущей недѣлѣ мы вѣнчаемся? Да?

— Да, — отвѣтила она, едва слышно, поднялась, постояла мгновеніе и ушла, не оборачиваясь.

II

Употребленіе, такъ называемой, «щетки» — очень древняго происхожденія. «Щетка» при-

готовляется изъ капусты, хрѣну, тертой рѣдьки и огуречнаго разсола, ѣдятъ же ее послѣ пировъ.

Но никакой «щеткой» нельзя было выгнать угара Волковской свадьбы, на которую собрался почти весь уѣздъ... Словно на веселую ярмарку скакали, поднимая пыль по проселочнымъ и почтовымъ дорогамъ, коляски, шарабаны, тарантасы, — даже трудно было понять, откуда вдругъ взялось столько дворянъ.

Только старики, дамы и дѣвицы помѣстились въ небольшой колыванской церковкѣ, — остальные гости расположились на паперти, держа цвѣты и овесъ, чтобы осыпать князя и княгиню.

Отецъ Василій, въ золотомъ облаченіи, читалъ медовымъ голосомъ, молодые стояли рядомъ на пунцовомъ платкѣ, около нихъ мальчикъ, въ голубой рубашкѣ, держалъ образъ. Вокругъ шелъ легкій говоръ и шопотъ нарядныхъ дамъ. Екатерина Александровна, со свѣчей въ рукахъ, глядѣла на огонь спокойно и серьезно.

— Ужасно мила, ангелъ, — шептали дамы.

Князь, очень маленькій отъ чернаго фрака, серьезный и блѣдный, внимательно исполнялъ торжественный обрядъ.

Когда священникъ поднесъ вино, князь едва коснулся краевъ корца, а Катя выпила все до дна, не отрываясь, словно жаждала. На клиросѣ запѣли «Исаія ликуй», священникъ соединилъ руки жениха и невѣсты. Катя, удавомъ колѣна преодолевая упругость шелка и волоча шлейфъ, быстро пошла вокругъ аналоя,

и всѣ увидѣли, что князь сильно прихрамываетъ, стараясь поспѣть за невѣстой.

— Нѣтъ, все-таки онъ мелокъ передъ ней, — рѣшили дамы.

Изъ церкви гости, съ молодыми во главѣ, двинулись въ Волково. При выѣздѣ изъ Колывани Катенька увидѣла доктора Заботкина, — онъ влѣзъ на плетень и махалъ носовымъ платкомъ. Она быстро отвернулась.

Въ большой залѣ Александръ Вадимычъ встрѣтилъ молодыхъ съ иконой древняго письма — Нерукотворнымъ Спасомъ, — благословилъ, и при гостяхъ приказалъ внести приданое. Четыре парня, въ малиновыхъ рубашкахъ, внесли большой серебряный подносъ, на которомъ столбиками стояли червонцы.

— Вотъ, не осуди, князь, — чѣмъ богаты, — сказалъ Волковъ.

Князь и княгиня послѣ благословенія вышли въ разныя двери, переодѣлись и, найдя другъ друга въ саду, просидѣли у пруда до тѣхъ поръ, пока имъ не подали лошадей. Гости высыпали на крыльцо, набились въ окна, и громкими криками проводили молодыхъ. Волковъ прослезился. Пиръ продолжался до заката. Въ сумеркахъ, въ сосѣдней залѣ, гдѣ, мѣсяцъ назадъ, въ лунномъ свѣтѣ кружилась Катенька, грянули съ хоръ музыканты...

Но уже мало было кавалеровъ, способныхъ двигать ногами, — дѣвицамъ пришлось танцевать «машерочка съ машерочкой». Весельчаки заперлись въ курительной, и тамъ грохотали. Старики сѣли за зеленое сукно. Къ полуночи капельмейстеръ, махая палочкой, до того на-

махался, что мотнулъ носомъ, ухватился за барабанъ и вмѣстѣ съ нимъ повалился, какъ мертвый.

Этимъ окончились танцы, и дамы съ дочерьми уѣхали, а молодежь, мужья безъ дамъ и просто нагруженные остались ночевать; и до утра иные бились въ карты, иные бушевали по дому; Ртищевы въ саду показывали силу; Александръ Вадимычъ уже давно потерялъ голову, и то разнималъ буяновъ, то присаживался къ карточному столу, безъ толку глядя на карты и свѣчи, и все что-то вспоминалъ.

Ни блѣдный разсвѣтъ, ни знойный іюльскій день не утомили гостей, и только на третьи сутки разѣхались послѣдніе изъ нихъ отъ Волкова, и мчались на застоялыхъ коняхъ безъ дорогъ, въ перегонъ и угонъ, завывая колокольчиками на страхъ мужикамъ, которые, снявъ шапки, долго еще глядѣли вслѣдъ прокатившему, говоря:

— Ишь ты, какъ пропылилъ, чортъ гладкій!

III

Докторъ Заботкинъ висѣлъ на заборѣ и махалъ платкомъ вслѣдъ поѣзду новобрачныхъ, выражая искреннее удовольствіе тому, что все, наконецъ, устроилось по-хорошему. Все это время Григорій Ивановичъ жилъ въ умиленіи отъ себя и отъ людей. Умиленіе началось съ того часа, когда, перенеся Сашу въ сторожку садовника, на деревянную кровать, онъ остался сидѣть одинъ около заснувшей молодой женщины.

Огарокъ въ бутылкѣ, поставленной на боченокъ, освѣщалъ досчатые стѣны сторожки, паутину въ углахъ, разбитое окно, заросшее чернымъ и глянцеви́тымъ плющемъ и, между печью и стѣной, лежащую подъ полушубкомъ Сашу.

Она вздрагивала иногда въ ознобѣ, натягивала полушубокъ, отчего открывались голыя ея ноги, или сползала пола, тогда Григорій Ивановичъ вставалъ и заботливо поправлялъ одежду.

Наклонясь, онъ подолгу глядѣлъ ей въ лицо, — оно было кроткое и во снѣ, и казалось, что онъ гдѣ-то ужъ и видѣлъ и любилъ эти ясныя, родныя черты. На душѣ было тихо, весь сегодняшній день отошелъ далеко въ память, и было бы странно подумать сейчасъ о какомъ-то другомъ еще мірѣ, кромѣ этой ветхой избенки и спящей Саши.

Григорій Ивановичъ вновь подсаживался къ свѣчѣ и, заслонивъ свѣтъ ея ладонью, слушалъ, какъ дышитъ Саша, или какъ птица, просыпаясь, ворочается въ кусту, или, вдругъ, принимаются шелестѣть листочки осины. Вѣтерокъ, влетѣвъ въ окно, колебалъ огонь свѣчи, и тогда Сашино лицо отъ скользящихъ тѣней во впадинахъ глазъ точно хмурилось. Григорію Ивановичу казалось, что только эту тишину, полную таинственнаго значенія, онъ и долженъ любить, и самому теперь нужно стать такимъ же тихимъ и ласковымъ, какъ тѣни на Сашиномъ лицѣ.

«До какого же отчаянія дошла, какая же мука была у нея, если, не жалуясь, побѣжала,

скорѣе, скорѣе, и — въ прудъ, въ воду, и — конецъ. Кто я передъ этими муками? — Комаръ, мразь, — думалъ Григорій Ивановичъ. — Полѣзъ къ богатымъ, до тошноты счастливымъ людямъ, явился со своимъ самомнѣншиш-комъ, съ красной рожей... Очень, очень противно! А вотъ она проснется и спроситъ — какъ теперь жить? Что ей отвѣчу? Служить буду вамъ до конца дней, — вотъ что ей надо отвѣтить. — Вотъ задача, — простая и ясная, вотъ въ жизни и долгъ: послужи такой женщинѣ, сдѣлай такъ, чтобы забыла она...»

Григорій Ивановичъ не замѣчалъ, что разговариваетъ вслухъ. Саша пошевелилась, — онъ обернулся и увидѣлъ, что она, приподнявшись, глядитъ на него большими, темными глазами. Испугалась-ли Саша этого бормотанья, или вспомнила давешнее, или была еще слишкомъ слаба, — только она подобрала ноги, натянула полушубокъ до подбородка и застонала.

Григорій Ивановичъ тотчасъ присѣлъ у ея изголовья и, глядя ея волосы, сталъ рассказывать про все, о чемъ только что думалъ.

— Баринъ, милый, оставьте лучше меня. Ничего, ничего мнѣ не надо, благодарю васъ покорно, — отвѣтила Саша, и заплакали и она и Григорій Ивановичъ, — она горько, онъ — отъ радостной жалости.

Первые дни, возвратясь домой на постоянный дворъ, Саша жила такъ, словно забыла обо всемъ. Григорій Ивановичъ заходилъ ежедневно, спрашивалъ — не можетъ ли ей чѣмъ помочь, — и съ папироской садился на крылечкѣ. Саша, проходя мимо, говорила: «Зашли бы,

Григорій Ивановичъ, въ свѣтелку, а то здѣсь блохъ наберетесь», и все что-то дѣлала, работала по двору и по дому. Однажды онъ засталъ Сашу на огородѣ, у плетня. Она глядѣла въ степь, лицо ея было спокойное и важное, глаза мрачны, голова повязана чернымъ платкомъ.

«Уйти хочу, силъ больше нѣтъ, думается», — сказала она. Тогда Григорій Ивановичъ почувствовалъ, что жить ему больше незачѣмъ. Онъ до того растерялся, и упалъ духомъ, что могъ проговорить только: «Саша, если не очень ужъ я противенъ — вышла бы за меня замужъ».

Саша помнила смутно, что рассказывалъ ей тогда ночью Григорій Ивановичъ, и сейчасъ поняла, — «онъ несчастный», и пожалѣла его, и онъ сталъ ей вдругъ милъ, какъ ребенокъ.

Теперь, каждый день, она стала забѣгать къ доктору. Вымыла его избу, окна и двери, чинила его бѣлье, сама поправила печь въ банькѣ, что стояла полуразвалившаяся на обрывѣ, надъ рѣчкой. Баньку она истопила и велѣла Григорію Ивановичу пойти попариться. Когда же онъ вернулся, распаренный, усталый и счастливый, Саша ждала его съ самоваромъ, — въ избѣ было чисто, пахло вымытымъ поломъ, шалфеемъ, восковой свѣчечкой, зажженной въ углу.

Но когда онъ заговаривалъ о свадьбѣ — Саша качала головой: — «Не нужно намъ этого, Григорій Ивановичъ, — грѣшно, нехорошо». А потомъ увидѣла, что онъ плохо спитъ, и страдаетъ, и вздрагиваетъ, когда она нечаянно къ нему прикоснется, и согласилась.

Плакала до того, что голову всю разломило,

но согласилась: — видно противъ человѣческаго не пойдешь. Отецъ Василій, всѣмъ этимъ очень довольный, перевѣнчалъ ихъ въ концѣ лѣта. А на свадьбѣ выпилъ три рюмочки и даже сплясалъ: Григорій Ивановичъ билъ въ ладоши, а о. Василій топтался и приговаривалъ: «ходи изба, ходи печь».

IV

Двумя свадьбами, какъ будто благополучно, окончилось лѣто. Григорій Ивановичъ вмѣстѣ съ Сашей жилъ пока въ избенкѣ, ожидая, когда отстроятъ земскую больницу.

Взѣзжую Саша сдала, и все время теперь отдавала мужу, стараясь понять его, угодить, не раздражать бабьимъ своимъ видомъ, и, хотя на селѣ тотчасъ прозвали ее докторшей, она продолжала носить платочекъ и темныя ситцевыя платья. Григорій Ивановичъ понялъ это и не настаивалъ на иномъ. Каждый день онъ читалъ ей вслухъ что-нибудь, и старался такъ же ни одного дѣла и ни одной мысли не скрывать отъ Саши, — быть съ ней, какъ одинъ человѣкъ.

Молодые князь и княгиня Краснопольскіе катались по Европѣ, посылая открытки изъ разныхъ городовъ, чему Волковъ, географію знавшій слабо, много дивился: — сегодня, напри-мѣръ, пришло письмо изъ Италіи, а завтра изъ Франціи. «Какъ блохи скачутъ», говорилъ онъ Кондратию, который изъ вѣжливости произносилъ: «тсс...»

Кончивъ уборку хлѣба, Александръ Вадимычъ

принялся отдѣлывать въ Миломъ большой домъ. Партіи штукатуровъ, обойщиковъ и столяровъ стучали молотками по высокимъ заламъ, повсюду воняя клеемъ, известкой и стружками. Самъ Волковъ съ утра являлся въ Милое, при чемъ для порядка до того громко кричалъ, что рабочіе прозвали его «пушка-баринъ» и нисколько не боялись.

Въ концѣ сентября, когда, съ открытіемъ въ губерніи конской ярмарки, оживаетъ весь уѣздъ, начинаются вечера, охоты и свадьбы, сталъ поджидать Александръ Вадимычъ молодыхъ и быстро закончилъ работы въ Миломъ. Вдругъ письма изъ-за границы прекратились. «Неужели въ Америку махнули?», подумалъ Волковъ и черезъ нѣсколько дней получилъ телеграмму: «Бду, Катя».

Всполошился Александръ Вадимычъ, выбралъ лучшую тройку — бѣлыхъ, какъ снѣгъ, коней (это былъ подарокъ молодымъ по случаю пріѣзда) и долго колебался: ужъ очень хотѣлось самому выѣхать на вокзалъ, но сдержался, только строго наказалъ кучеру, стуча пальцемъ въ его лобъ: «Смотри у меня, духомъ лети, а, какъ отвезешь князя и княгиню, сыпь обратно. Да не забудь сказать, что лошади — презентъ». Но, едва тройка скрылась за горой, Александръ Вадимычъ разстроился, пригорюнился, сѣлъ у окна. Стало ему, почему-то, жалко дочь, Катю: «Выдалъ замужъ сгоряча. А дѣвица хорошая, кроткая, сирота... И какого чорта я тогда думалъ? Ахъ, Боже мой, Боже мой, вотъ вѣдь, какъ это все не того... Не такого бы ей надо мужа»...

Вечеромъ вернулся кучеръ, верхомъ на меренкѣ, изъ княжеской конюшни. Соскочилъ у крыльца и вошелъ прямо къ Александру Вадимычу, у котораго даже голова затряслась отъ волненія...

— Ну, что, — привезъ?

— Привезъ, Александръ Вадимычъ, слава Богу, благополучно.

— Веселые пріѣхали?

— Ничего, все слава Богу...

— А, что баринъ, князь?

— Вотъ его будто я и не видалъ?

— Какъ не видалъ? Да, что ты молчишь?.. Говори, голову оторву.

— Да такъ, — князь то, видишь ты, не пріѣхалъ. Одну нашу барышню я привезъ.

Александръ Вадимычъ только ротъ разинулъ. Вошелъ Кондратій со свѣчами. Волковъ, сидя въ креслѣ, перевелъ на него глаза и сказалъ:

— Бѣда случилась, Кондратій Ивановичъ...

— Что такое?

— Поѣзжай-ка ты туда сейчасъ, да и раз-
узнай... Ахъ Боже мой, чуяло мое сердце...

V

Екатерина Александровна пріѣхала, дѣйствительно, одна, безъ мужа. Встрѣченная управляющимъ, Катя прошла въ залъ, сняла дорожное пальто, шляпу и вуаль. Стоя у окна, долго глядѣла на паркъ, на Волгу внизу, на луга Заволжья. Глядѣла долго. Вздохнула и обернулась къ управляющему, который, стянувъ на

животѣ, сколько могъ, синюю куртку, чтобы не такъ ужъ лѣзть въ глаза утробой, почтительно ждалъ.

— Князь вернется черезъ нѣкоторое время, — нахмурясь, проговорила Екатерина Александровна, — его задержали дѣла. Отчетъ по хозяйству и дому вы дадите мнѣ, покажете всѣ книги...

— Желаете, ваше сіятельство, сначала осмотрѣть домъ, или же принести книги? — спросилъ управляющій.

— Нѣтъ, нѣтъ, книги потомъ, — и она пошла по всѣмъ комнатамъ, спрашивая, гдѣ кабинетъ князя, гдѣ спальня, гдѣ больше всего любилъ онъ сидѣть?..

Залы внизу были холодныя и высокія. Катенька поднялась наверхъ въ покои князя, но только заглянула туда, и приказала всѣ комнаты внизу и наверху, кромѣ столовой-залы, наглухо закрыть до весны, для себя же выбрала зальце съ цвѣтными стеклами и роялемъ и рядомъ небольшую, совсѣмъ бѣлую комнату, гдѣ около изразцовой и круглой, какъ башня, печи поставили кровать и умывальникъ...

Когда управляющій, скрипя сапогами, ушелъ, Катенька вернулась въ залъ, сѣла за колоннами у столика, облокотилась на зеркальную его поверхность, (въ ней опрокинулись узкія ея руки въ синихъ до локтя рукавахъ), прикоснулась щекой скрещенныхъ пальцевъ и опять стала глядѣть на паркъ, рѣку, луга.

Лицо у нея похудѣло, потемнѣли пышные волосы, окруженные короной вокругъ головы, и дорожное темное платье, съ кружевами вокругъ

шей, было строгое и теплое, какъ у женщины, которая не разрѣшитъ себѣ ни рѣзкаго движенія, ни опасной мысли, если это можетъ нарушить покой.

Садъ за окномъ увядалъ и осыпался. Между темныхъ конусовъ елей нѣжно желтѣли уже порѣдѣвшія, поникшія березы, сквозь тонкія ихъ вѣточки сквозило небо. Старый кленъ на полянѣ, разлапился, весь налился пурпуромъ, вотъ-вотъ готовый хмуро уснуть. Еще зеленѣли липы, но высокіе тополи совсѣмъ облетѣли, и бронзовые листья ихъ устилали дорожки и скошенную траву. Глядя на это увяданье, на синюю рѣку внизу, гдѣ ползъ перевозъ, думала Катенька, что теперь наступаетъ долгій, страшно долгій покой.

Три прошедшихъ мѣсяца она твердо рѣшила не вспоминать — запереть ихъ на ключъ, и жизнь построить разумную, суровую.

Вдохнувъ запахъ увяданія, вмѣстѣ съ вѣтромъ проникшій сквозь полуотворенную раму окна, она почувствовала горячую каплю на щекѣ.

— Ну, вотъ, этого не надо, — сказала она — разъ рѣшила, — такъ и будетъ.

Она быстро обернулась, ища платокъ, встала, взяла сумочку, вынула платокъ, отерла глаза, налила на пальцы духовъ, смочила виски, и позвонила. Вошелъ лакей, и Катенька приказала ему достать изъ чемодана бюваръ.

Настали сумерки, ихъ-то и боялась Катенька больше всего. Стоя спиною къ окнамъ, ждала она, когда зажгутъ свѣтъ. Лакей принесъ бюваръ изъ краснаго сафьяна, влѣзъ на стулъ

и одну за другой зажегъ свѣчи въ люстрѣ, надъ столомъ.

Тотчасъ теплый свѣтъ залилъ лѣпной потолокъ, бѣлыя стѣны и погналъ синеватыя тѣни за колонны, затепливъ позолоту на ихъ завиткахъ.

Катенька сѣла къ большому столу, подумала и написала:

«Алексѣй, я васъ прощаю. Я много думала за эту дорогу и рѣшила, что вы должны жить со мной, это необходимо для моего спокойствія. Мы будемъ какъ братъ и сестра, какъ друзья».

Она перечла, постучала каблучкомъ о паркетъ, подняла хрустящій листокъ письма, чтобы разорвать, но раздумала и запечатала.

Въ это время высокая, дубовая дверь, вглубинѣ, потихоньку начала раскрываться, и между половинокъ показалось морщинистое, бритое лицо.

— Кондратій! — воскликнула Катенька. Онъ, всхлипнувъ, подбѣжалъ и припалъ къ плечу.

— Здравствуй, милый, голубчикъ, — проговорила она, взявъ старика за виски и цѣлуя; — что у насъ? Папа, что?..

— Ненаглядная Катюшенька, истосковались мы, какое наше стариновское житье — все о тебѣ думали.

— Правда? Я такъ и знала, конечно, надо было сейчасъ же къ папѣ поѣхать, а я сюда. Но мнѣ очень тяжело было, Кондратій.

— А князюшка гдѣ? — спросилъ онъ шопотомъ.

— Не знаю, Кондратій, ничего не знаю. Озлобилась я немного.

Она опять вынула изъ сумки платокъ и заплакала. Кондратій коснулся ея волосъ, заглядываль въ лицо.

— Кондратій, вѣдь мужъ меня бросилъ, — сказала Катя.

— Батюшки свѣты!..

Когда она успокоилась немного, — рассказала все, какъ было. Кондратій долго молчалъ, поджималъ трясущіяся губы, потомъ проговорилъ, грозя пальцемъ:

— Вотъ онъ каковъ! Нѣтъ, Катюша, это ему такъ не пройдетъ.

Катенька не захотѣла ночевать въ Миломъ и къ полуночи она и Кондратій вѣзжали въ Волково... Уже на плотинѣ Катенька начала волноваться, вдыхая родимый запахъ прудовъ и грачиныхъ гнѣздъ. Фонари коляски освѣщали то лазъ черезъ канаву, то уголъ амбара у крыльца (оно показалось маленькимъ и тѣснымъ). Въ двухъ первыхъ окнахъ былъ свѣтъ, и Катенька различила въ окнѣ склоненную голову отца.

— Смотри, ничего не говори, понялъ? — торопливо прошептала она, дергая Кондратія за рукавъ.

VI

Когда Александръ Вадимычъ, поддерживая халатъ, выбѣжалъ въ сѣни и припалъ къ дочери, спрашивая: «дочурка, радость моя, что случилось?» — Катенька солгала, сказала, что

князя задерживаетъ въ Петербургѣ неотложное дѣло.

Волковъ повѣрилъ — не такой онъ былъ человѣкъ, чтобы не вѣрить; хитростей не понималъ, а какое дѣло задерживало князя — не спрашивалъ подробно: Богъ ихъ разберетъ чужія дѣла, примешься разспрашивать да и влѣзешь, какъ шмель въ паутину.

Катеньку онъ сразу обозвалъ «княгинюшкой» и повелъ въ малую столовую, гдѣ валилъ до потолка паромъ большой самоваръ.

— Хороша, ей Богу, породиста Катерина, — говорилъ Александръ Вадимычъ, повертывая дочь за плечи. Самъ налилъ ей чаю и предлагалъ всякой ѣды. У Катеньки даже слезы навернулись, но она прогнала ихъ, крѣпко зажмурясь.

— А я все хандрить безъ тебя, — говорилъ отецъ, — отвыкъ, знаешь, одинъ жить... Не ѣзжу никуда. Всѣ на меня разсердились. А тутъ еще бѣда: купилъ я паровикъ — потащили мы его черезъ Колыванку, онъ черезъ мостъ и провалился. До сихъ поръ изъ воды труба торчитъ. Ну, а ты, душа моя, какъ съѣздила? Я васъ блохами обозвалъ. А князь? Ахъ да. Что же, на старой кровати ляжешь спать? Утомилась, я чай, съ дороги. Знаешь, Катюша, я весьма радъ тебя видѣть.

Послѣ чая Александръ Вадимычъ, болтая и суется, повелъ дочь въ дѣвичью ея комнату. Катенькѣ становилось все тоскливѣе: такъ радовалась она, подѣзжая, — но отецъ, и слова его, и все вокругъ, все потускнѣло, или отвыкла она отъ всего, или выросла? Прощаясь

съ Александромъ Вадимычемъ у двери, завѣшанной ковромъ, особенно поняла она, что одинока и нечѣмъ этому одиночеству помочь.

Въ комнатѣ не было перемѣнъ. Катенькино сердце ужасно билось, когда, войдя, увидѣла она туалетъ, корельскія кресла, кровать, даже туфельки свои на коврѣ. Но не прежній уютъ, запахъ духовъ или свѣжесть пролитой воды, а нежилой холодокъ охватилъ ее плечи, когда, снявъ платье, сѣла она на кровать и стала глядѣть въ темное окошко.

Какъ будто жила здѣсь другая Катенька, веселая и невинная, и умерла, и ее было очень жалко. Жалостнымъ вспомнился и Александръ Вадимычъ, — ужъ очень желалъ угодить, и суетился, и болталъ о мелочахъ, а сейчасъ, обиженный ея равнодушіемъ и тѣмъ, что ушла она рано спать, даже не поцѣловалась съ нимъ на прощанье, навѣрно, вздыхаетъ у себя въ кабинетѣ.

Катенька встала и хотѣла пойти къ отцу — сказать, что очень любить его и сама нуждается въ ласкѣ. Но, покачавъ головой, легла подъ влажныя простыни.

— Жаль, что у меня нѣтъ сестры, — подумала она, — я бы ее съ собой сейчасъ положила, поцѣловала бы милые волосы, объяснила, что «женщинѣ очень трудно жить, очень трудно».

Всѣ слѣдующіе дни у нея была ровная и тихая грусть. Катенька ходила медленно по дому, съ улыбкой слушая отца, который повеселялся и показывалъ разбираемые имъ теперь письма и дневники (новое чудачество), сидѣла

на скамейкѣ въ саду и, поднявъ голову, глядѣла, какъ увядшій листь, зацѣпившись за паутину, покачивается, не можетъ упасть. Деревья были словно изъ золота на темно-синемъ небѣ, такъ бываетъ въ хрустальные дни бабьяго лѣта.

Потомъ она уѣхала въ Милое. Ей слишкомъ тяжело было скрывать отъ отца правду. Время пошло однообразно, не нарушаемое ничѣмъ. Разлетѣлись было помѣщики съ визитомъ къ молодой княгинѣ, но всѣмъ было сказано, что Екатерина Александровна больна.

Помѣщики обидѣлись, а Цурюпа сталъ изъподъ полы распускать разные слухи.

VII

Катя ждала отвѣта отъ мужа и, чтобы не думать, не очень скучать, ходила по хозяйству каждый день, надѣвая бархатную шубку, отороченную сѣрымъ мѣхомъ.

Надвигалась осень. По утрамъ на пожелтѣвшей травѣ лежалъ иней, отчего зелень казалась сизой. Иней подолгу лежалъ и на скалахъ крышъ, и у колодца, откуда черпали въ глубокія колоды студеную воду, пахнущую иломъ, и на перилахъ балкона, и на листьѣ.

Каждое утро заходила Катенька на конюшню, и конюха весело отвѣчали ей на вопросы, улыбаясь, словно она была маленькой. Управляющій, завидѣвъ на дворѣ княгиню, кланялся издали и озабоченно уходилъ куда-нибудь въ амбаръ, гремя ключами. (Катенька не взлю-

била управляющаго, а онъ, не приглашаемый къ ея столу, обижался). Спросивъ у пастуха объ овцахъ — не унесъ ли какую-нибудь волкъ этой ночью, — заглядывала она и на скотный дворъ, покрытый навозомъ. Скотница, сидя на скамейкѣ подъ коровой, доила парное молоко въ звенящую дойницу, оставивъ соски, вытирала ротъ, и наклоняла одну голову, — кланялась подошедшей барынѣ. Однажды скотница спросила, сколько Катенькѣ лѣтъ, и назвала ее при этомъ барышней и ягодкой.

На дворѣ, около людской, восемь поденщицъ-дѣвокъ начали рубить капусту въ короткомъ корытѣ, — весь день бойко стучали тяпками. Кочаны лежали на пологѣ, и, сидя тутъ же на корточкахъ, два чумазыхъ мальчика грызли острыми зубами студеныя кочерыжки.

Завидѣвъ барыню, дѣвки повертывали къ ней румяныя лица и перешептывались. Катенька заглядывала въ корыто, откуда пахло сладкимъ и чесночнымъ духомъ капусты, спрашивала — много ли нарубили, и улыбалась здоровымъ дѣвушкамъ, спрашивая:

— Вы вѣдь всѣ дѣвки, не замужнія?

— Вотъ Фроську косую у насъ пропивать будутъ, только женихи всѣ разбѣжались — боятся — съ косого глаза впотьмахъ мужа не признаетъ.

Онѣ звонко смѣялись надъ некрасивой Фроськой. Катенька, отойдя, думала съ грустью, что нужно будетъ опять провести этотъ день одной.

Дома она, заложивъ за спину руки, ходила по комнатѣ, или, присѣвъ у печи и касаясь спиной и затылкомъ теплыхъ изразцовъ, гля-

дѣла черезъ окна на небо, по которому съ сѣвера шли облака, полныя снѣга.

Снѣгъ выпалъ сразу, — на утро покрылъ всю траву, садовыя скамейки, легъ подушками на пняхъ. Деревья стояли въ инеѣ. Бѣлый, словно опаловый, прохладный свѣтъ разлился по высокимъ комнатамъ. Топились печи. На полу разостланы были половики, у выходной двери наслѣдили валенками.

Въ это утро Катенька, проснувшись, до того обрадовалась чистому этому свѣту, снѣгу на окнѣ и горящимъ печамъ, что, поспѣшивъ надѣтъ шубку и валенки, побѣжала черезъ стеклянную дверь въ садъ.

Морозъ ущипнулъ ее за щеки. Въ снѣгу отъ валенокъ остались глубокіе слѣды до мерзлой травы, и Катенька, захвативъ горсти снѣга, засмѣялась:

— Какъ хорошо, Господи, какъ хорошо!

И словно отъ этого снѣга, отъ веселыхъ бѣлыхъ деревьевъ, поднявшихъ изъ-подъ косогора неподвижныя, залитыя солнцемъ, снѣжныя верхушки, почувствовала она, что горе пройдетъ.

Какъ прежде бывало у себя въ Волковѣ, подобрала она шубку и юбку и, выбравъ гладкое мѣсто, скатилась внизъ къ рѣкѣ по снѣжному скату. Смѣясь, полѣзла было опять наверхъ, но запыхалась и подошла къ водѣ. У берега подмерзло, а дальше по всей рѣкѣ, пѣнясь и шурша, шло свинцово-сѣрое сало. Катенька вздрогнула отъ холода и сѣла подъ деревьями лицомъ къ рѣкѣ. Потомъ наверху за-

тивкала собака, и голосъ лакея позвалъ къ столу.

Услышавъ лай, неподалеку изъ куста выскочилъ заяцъ. Катенька опять засмѣялась, глядя, какъ собака, скатившись съ горы комкомъ, пошла за косымъ звѣремъ.

Все въ этотъ день радовало Катеньку, и она ждала, что по первопутку пріѣдетъ отецъ, но онъ не пріѣхалъ, и пришлось одной провести вечеръ въ креслѣ у печи.

Голова ли слишкомъ разгорѣлась отъ мороза, или натопили непомѣрно печь, только начался у Катеньки легкій ознобъ и отъ затылка по спинѣ пробѣжали пальчики... Она глубоко ушла въ кресло, щеки у нея вспыхнули, Катенька усмѣхнулась, глядя на огонь, и положила ногу на ногу... Представился ей Алексѣй Петровичъ, когда, настойчивый и блѣдный, въ первый разъ (это было въ Москвѣ), сталъ ее цѣловать, говоря слова, о которыхъ не нужно было, конечно, въ этомъ одиночествѣ думать.

Спохватилась Катенька, хотѣла было встать, но истома легла на нее, не дала двинуться, и, словно кто-то принялся открывать и закрывать передъ ней свѣтъ, показывая картинки, — понеслись въ ея памяти воспоминанія и волнующіе запахи, все, что долго сдерживала она суровымъ смиреніемъ. Она крѣпко закрыла глаза, положила руку на грудь, и мечты, какъ мятель, обожгли ее и ослѣпили.

Пришла коренная зима. Вдоль застывшей рѣки проносились мятели, свистя голыми тальниками, перебрасывались въ поля, крутили снѣгомъ и насыпали сугробы на замерзшій кустъ, на стожокъ въ степи, на упавшаго путника.

Эту зиму Григорій Ивановичъ много читалъ, выписывая изъ Петербурга книги и журналы. Въ журналахъ онъ сначала просматривалъ статьи, отмѣчая инныя строки карандашомъ, и много раздумывалъ надъ всѣмъ этимъ, потомъ прочитывалъ Сашѣ рассказы, ища въ нихъ отвѣта: какъ жить?

Принеся этимъ лѣтомъ жертву, Григорій Ивановичъ успокоился, но не надолго; жертва была, пожалуй, и не настоящая, а похожа на удовольствіе, ему же хотѣлось многого.

Время было тревожное, не то, что прежде. Въ газетахъ попадались прямо-таки дерзкія статьи, отъ которыхъ духъ захватывало, и студенческіе годы въ Казани казались мальчишествомъ. Одна газетная статейка (въ провинцію она попала только подписчикамъ, въ Петербургѣ же продавали этотъ номеръ за 50 руб.) словно открыла Григорію Ивановичу глаза: онъ увидѣлъ, что есть вѣрный путь для совѣстливаго человѣка. Да какой путь! Можно голову положить за него: свобода!

Много тогда пришлось Сашѣ не спать ночей, слушая Григорія Ивановича, который бѣгалъ по избенкѣ и доказывалъ ей, какъ долженъ честный человѣкъ жить. За нимъ по стѣнѣ металась тѣнь, на которую Саша со

страхомъ поглядывала, внимая мужу. Докторъ былъ очень горячъ и рѣшилъ, не откладывая, начать новую жизнь, но все это неожиданно плохо окончилось.

Въ студеную, вьюжную ночь Григорій Ивановичъ сидѣлъ у сосноваго стола, читая. Саша возилась за перегородкой, и докторъ, по звону посуды, зналъ, что скоро будетъ чай.

Снаружи, въ углу избы посвистывала мятель, будто на крышѣ, поджавъ лапки, сидѣлъ чортъ, жалуясь на стужу.

— Вьюга-то какая, Господи, кого еще занесетъ въ степи, — сказала изъ-за перегородки Саша. Докторъ, заслонивъ ладонью лампу, поглядѣлъ въ обледенѣлое окно... Иглистый ледъ и перья мороза на стеклахъ загорались иногда синимъ свѣтомъ, — это въ страшной вышинѣ, между обрывковъ тучъ, сыплющихъ снѣгомъ, нырялъ и летѣлъ мѣсяцъ...

— А знаешь, — сказалъ Григорій Ивановичъ, — я все думаю — въ Петербургѣ, гдѣ-нибудь у стола, сидитъ умный и честный человекъ и пишетъ, а я здѣсь, за двѣ тысячи верстъ, переживаю его мысли, — удивительно!.. Какое же я имѣю право оставаться въ бездѣйствіи!

— Кто такой, — спросила Саша, — здѣшній онъ, или такъ-гдѣ встрѣтились?

— Ахъ, ты не понимаешь, — отвѣтилъ докторъ, положивъ руки на книгу, — ты, Саша, пойми, я не такъ живу, — слишкомъ уютно и много покоя: — безсовѣстно живу! Понимаешь?... Такъ нельзя. Я не имѣю права жить съ удовольствіемъ, когда тамъ за меня поги-

бають. Нужно «поднять голову», — вотъ здѣсь объ этомъ говорится... И твоя обязанность не тянуть меня назадъ въ тину, а ободрить и зажечь. Такъ поступаютъ настоящія женщины.

У Григорія Ивановича отъ раздраженія задрожалъ даже голосъ. Саша вышла изъ-за перегородки, стала близко за стуломъ мужа, сложила руки, опустила глаза, сказала негромко:

— Виновата, Григорій Ивановичъ...

И надо бы ему тогда засмѣяться, объяснить Сашѣ, — она бы все поняла. Но онъ не сдѣлалъ этого и, сердясь на себя за слабость, винилъ жену, создавшую, какъ онъ сейчасъ думалъ, «мѣщанскій уютъ».

Въ это время за окномъ зазвенѣли подхваченные мятелью бубенцы, заскрипѣлъ снѣгъ, и было слышно, какъ близко задышали лошади.

— Неужто поѣдешь, Григорій Ивановичъ? Занесетъ вѣдь, вотъ бѣда, — сказала Саша, уходя опять за перегородку.

— Удовольствія мало, — проворчалъ онъ, — кто-нибудь изъ помѣщиковъ животомъ валяется, — откинулъ волосы, захлопнулъ книгу, всталъ и, съ трудомъ толкая колѣномъ, открылъ набухшую дверь.

Въ сѣняхъ отъ повалившаго клубами пара ничего нельзя было разобрать, но кто-то уже вошелъ. Григорій Ивановичъ взглянулъ отступилъ и ахнулъ: на порогѣ стояла Катя.

Черную шубку на ней запорошило снѣгомъ, подъ капоромъ покраснѣлось лицо, рѣсницы были бѣлыя. Она притворила дверь, сняла рукавички, потопала ногами и сказала:

— Не ждали? А я чуть не заблудилась. Поѣхала къ папѣ, а буранъ такой, что не пробраться черезъ ваши мосты. Увидѣла свѣтъ и завернула. Принимаете?

Она разстегивала большія пуговицы; Григорій Ивановичъ опомнился, наконецъ, снялъ съ нея шубку, которая была теплой внутри, пахла мѣхомъ и духами, взялъ ея капоръ.

Подъ капоромъ волосы слезались, — Катенька поправила ихъ и сѣла къ столу.

— Гдѣ Саша? — спросила она.

— Тамъ, — отвѣтилъ Григорій Ивановичъ, — кивнувъ головой на перегородку, — мы читали, собирались пить чай. — И сбоку поглядѣлъ на Екатерину Александровну, словно готовый спрятаться, или удрать.

— Саша, это я, выходите, — сказала Катенька, управляя кружево на темномъ платьѣ, и вдругъ усмѣхнулась. Григорій Ивановичъ раскрылъ ротъ и съ трудомъ вздохнулъ.

Саша наконецъ вышла, держа руки подъ черной кофтой, и достойно, медленно поклонилась одною головой. Катенька охватила ее рукой за шею и сказала, цѣлуя:

— Все такая-же, красавица! Ну, какъ ты живешь, хорошо?

— Благодарю васъ, все слава Богу, — медленно отвѣтила Саша, не поднимая глазъ.

Катенька еще разъ поцѣловала ее, но Саша была, какъ каменная, и Катя сняла руку съ ея плечъ. Григорій Ивановичъ глядѣлъ на обѣихъ женщинъ и мучительно морщился, понимая, какъ тяжела для Саши эта встрѣча. А, морщась, все-таки сравнивалъ: Саша казалась

грубой и тяжелой, у Екатерины Александровны все было изящно — и движенія, и высоко подобранные, тонкіе волосы, и голосъ былъ особенный, какъ музыка, и платье — мягкое и прелестное...

Григорій Ивановичъ возмущился этимъ мыслямъ, но, сколько ни старался придать себѣ равнодушнаго вида, глаза сами видѣли то, чего не нужно и грѣшно было видѣть, — завитки волосъ, приподнятый уголокъ рта, двигающіяся отъ дыханія складки платья на ея груди.

Наконецъ, подъ колѣнкой у него начала дрожать какая-то жилка, какъ мышъ. Это было такъ противно, что онъ проговорилъ грубымъ голосомъ:

— Что-же, самоваръ, наконецъ, будетъ?

Саша медленно повернулась и ушла за перегородку. Было слышно, какъ она дула въ самоваръ, гремѣла трубой. Запахло угарцемъ. Катенька перелистывала журналъ, затѣмъ бросила книгу на столъ, облокотилась и сказала:

— Я писала вамъ два раза, просила пріѣхать, — была нездорова. Почему вы не пріѣхали?

— Да, я не могъ, — отвѣтилъ Григорій Ивановичъ. Саша внесла самоваръ и вытирала посуду, не поднимая головы, спокойная и сосредоточенная.

— А я все одна, цѣлые дни. Слушаю, какъ вѣтеръ воетъ... Думаю, думаю... Боже, во всю жизнь столько не передумала! А вотъ у васъ даже вѣтеръ уютный, право... Мнѣ нравится у васъ... Даже завидно... — Катенька вдругъ усмѣхнулась и прямо въ глаза взглянула Григорію Ивановичу, — онъ даже голову втянулъ

въ плечи, не въ силахъ оторваться отъ ея сѣрыхъ, холодныхъ, странныхъ глазъ. Она проговорила:

— А помните, какъ вы остриглись такъ смѣшно? Мнѣ потомъ Кондратій рассказывалъ, какъ онъ вамъ косичку отстригалъ ножницами...

Григорій Ивановичъ почувствовалъ, что багровѣетъ, погибаетъ. Наконецъ Саша сказала, оборачиваясь къ дверямъ:

— Григорій Ивановичъ, сходи-ка въ сѣни, принеси молока, — крайнюю кринку, я-то въ чулкахъ. — И обратилась къ Катенькѣ: — У насъ двѣ коровы, пестрая и красная, и бычокъ. Полное хозяйство.

«Вы видите, вы понимаете», глазами сказалъ докторъ и тотчасъ вышелъ. Въ холодныхъ сѣняхъ онъ пошарилъ на полкѣ (онъ зналъ, гдѣ стоитъ кринка, но хотѣлъ нарочно, чтобы упала какая-нибудь дрянь, но ничто не упало), взялъ ее и, стоя въ темнотѣ, прошепталъ:

— Ахъ, чортъ! — и хотѣлъ расшибить проклятый горшокъ, но сморщился только и цыкнулъ языкомъ, зная, что подлость уже сдѣлана, и несчастье (или счастье?) подошло.

— Этотъ что ли горшокъ? — грубо сказалъ онъ, ставя передъ Сашей кринку, и сѣлъ въ тѣнь.

Въ избѣ послѣ сѣней сильно пахло духами. Григорій Ивановичъ подумалъ, что это не духи, а волосы пахнутъ Катенькины, ея руки, платье.

Она, не спѣша, пила чай, ея губы были красныя, очень красныя. Саша хоронилась за само-

варомъ, перетирая чашки. Григорій Ивановичъ подумалъ, что Саша потолстѣла, упряма и зла.

«А потомъ еще расплывется. Собственностью меня считаетъ. Думаетъ — сдѣлала мнѣ большую честь. Сидитъ — ненавидитъ, а я горшки носи! Ахъ, гадость, ахъ гадость!.. Да и я-то — просто мерзавецъ, въ концѣ концовъ!

Катенька спросила, много-ли у него работы. Григорій Ивановичъ, глядя въ сторону, вкось, отвѣтилъ, что много: «ѣздишь, ѣздишь по уѣзду, на человѣка не похожъ. Жизнь, знаете, у насъ не княжеская... Живемъ по колѣно въ навозѣ. Не разжирѣешь».

У Саши въ это время выскользнуло блюдо изъ рукъ и разбилось. Катенька ахнула:

— Ахъ, какая жалость, — и сказала это съ такимъ участіемъ притворнымъ, что Григорій Ивановичъ задышалъ и вдругъ проговорилъ дрожащимъ голосомъ:

— Нищеты вы не видѣли, что ли? Такъ вотъ она, глядите!

— Что ты, что ты! — испуганно поднявъ глаза, прошептала Саша. У Екатерины Александровны задрожала ложечка въ рукѣ, задребезжала о стаканъ. Григорій Ивановичъ отбѣжалъ къ печкѣ, повернулся, поджалъ губы:

— Убожества сколько угодно, больше чѣмъ даже нужно, а духъ, все-таки, горитъ, этимъ вы его не потушите, да-съ! Не обидѣтъ васъ хочу, Екатерина Александровна, а мнѣ больно, что вы смѣяться надъ нами пріѣхали. Такъ, позвольте вамъ заявить, что смѣяться-то и не надъ чѣмъ. Кромѣ этихъ вотъ горшковъ, есть кое что поважнѣе, чѣмъ мы живемъ. И жи-

вемъ, какъ въ огнѣ горимъ, да-съ! Идеями живемъ! А передъ ними все это убожество — пустяки. И мнѣ наплевать, что личная жизнь не удалась. Не удалась — вотъ вамъ новый боецъ!

Много еще въ этомъ родѣ говорилъ Григорій Ивановичъ. Катенька слушала, опустивъ голову. Наконецъ, когда онъ сѣлъ вдругъ на лавку, словно самъ стараясь разобраться во всей путаницѣ словъ, Екатерина Александровна поднялась изъ-за стола и проговорила:

— Вы не такъ поняли меня. Я живу совсѣмъ одна, не съ кѣмъ слова сказать. Сегодня вотъ вспомнила васъ и Сашу, вы мнѣ показались близкими, приѣхала подружиться. Ну, видно изъ этого ничего не вышло. Прощайте, друзья мои. Не судьба.

Она надѣла шубку, медленно застегнула пуговицы, натянула пуховыя, бѣлыя варежки, улыбнулась грустно, простилась и вышла.

Григорій Ивановичъ не въ силахъ былъ вымолвить слова, — все, только что сказанное имъ, будто вихремъ вылетѣло изъ головы. Саша, сложивъ опять руки подъ кофтой, проговорила негромко:

— Все-таки, гостя, Григорій Ивановичъ, обижать-то не надо бы.

Тогда онъ, какъ былъ, въ черной рубахѣ, безъ шапки, выбѣжалъ на дворъ.

Мѣсяцъ окончилъ небесную погоню и медленно теперь плылъ въ морозной высотѣ, круглый и ясный. Сивая тройка, запряженная въ возокъ, позванивала бубенчиками. У крыльца намело голубоватый снѣгъ крутымъ сугробомъ;

увязая въ немъ по колѣно, Григорій Ивановичъ подбѣжалъ къ Катенькѣ, — она глядѣла на него, стоя у возка.

— Екатерина Александровна, я не хотѣлъ васъ обидѣть... Господи Боже мой, поймите меня.

— Я васъ понимаю, — она подняла глаза, и и глядѣла на мѣсяцъ.

— Екатерина Александровна, могу я васъ проводить?

— Да.

Григорій Ивановичъ бѣгомъ вернулся въ избу, накинулъ полушубокъ и испуганно-торопливо проговорилъ Сашѣ.

— Проводить хочу Екатерину Александровну, нельзя отпустить одну, къ тому же обидѣли. Вернусь поздно, можетъ утромъ, — и онъ замялся въ дверяхъ. Саша не отвѣчала, убирая посуду.

— Что же ты молчишь? — спросилъ онъ, — не хочешь, чтобы провожалъ?

— Воля твоя, Григорій Ивановичъ, дѣлай какъ знаешь.

— Какая тамъ моя воля, — онъ отошелъ отъ двери, — голосъ его дрожалъ, — терпѣть не могу такихъ отвѣтовъ... Что же — я проводить даже не могу. Ну?

— Какіе мои отвѣты, Григорій Ивановичъ, на что сердишься?

Онъ тотчасъ сѣлъ на лавку, прижалъ кулаки къ вискамъ:

— Непереносимо!

За окномъ звякнули бубенцы, это Катенька

садилась въ возокъ. Григорій Ивановичъ вскочилъ и сказалъ отчаянно:

— Не сердись ты, Христа ради, не могу оставить тебя такой.

— Ничего, потерплю, — отвѣтила Саша и ушла за перегородку.

— Ну и къ чорту! — гаркнулъ онъ, — не поѣду! — И тотчасъ выскочилъ за ворота. Лошади уже тронулись. «Погоди, погоди» — закричалъ Григорій Ивановичъ и, увязая въ снѣгу, побѣждалъ за широкимъ задкомъ саней.

IX

Въ окно возка сквозь морозныя зерна свѣтилъ мѣсяцъ и была видна тусклая, сливающаяся съ небомъ, равнина снѣговъ. Скрипѣли полозья. Какъ стеклянные, звенѣли однообразно бубенцы. При поворотахъ возка выплывало изъ темноты тонкое Катенькино лицо, опушенное сѣдымъ мѣхомъ, и въ глазахъ ея загорались лунныя искорки.

Григорій Ивановичъ глядѣлъ на нее и чувствовалъ, что вотъ для этой минуты онъ и протащился черезъ всю жизнь. Теперь — только глядѣть на это волшебное лицо, только вдыхать, кружащій голову, запахъ снѣга, духовъ, теплаго мѣха.

— Вы знаете, что меня бросилъ мужъ, — сказала Екатерина Александровна, появляясь въ синеватомъ свѣту. Григорій Ивановичъ вздрогнулъ, подумалъ, что нужно отвѣтить ему на это, и, внезапно, точно ждалъ только знака, началъ рассказывать негромкимъ и какимъ-то но-

вымъ, особеннымъ, — но онъ чувствовалъ — истинно своимъ, — голосомъ о томъ, что этимъ лѣтомъ видѣлъ, какъ изъ рѣки поднимались облака и уходили за лѣсъ и тогда его сердце наполнилось любовью, о томъ, какъ онъ увидѣлъ Катеньку, подѣзжавшую къ берегу въ лодкѣ, и понялъ, что любовь — къ ней. Онъ рассказалъ о пчелахъ, крутившихся къ травѣ, и о томъ, что его любовь была такъ велика и такъ свѣтла, — казалось — человѣку невозможно вынести такую любовь, хотѣлось отдать ее небу, землѣ, людямъ.

— А какъ-же Саша? — вдругъ тихо спросила Катенька. Лицо ея было такое странное въ эту минуты, такой мучительной красоты, что Григорій Ивановичъ застоналъ, откинувшись вглубь возка. Катенька погладила его по плечу. Онъ схватилъ ея руку и прижался губами къ мягкой, надушенной варежкѣ.

— Люблю васъ, — проговорилъ онъ, — дайте мнѣ умереть за васъ...

Онъ держалъ ее за руку, повторяя эти слова глухимъ голосомъ, и на ухабахъ, когда возокъ подбрасывало, все, словно, кланялся. Лицо у него было некрасивое, — взволнованное.

И Катенькой овладѣла тоска. Хотѣла было она посмѣяться надъ Григоріемъ Ивановичемъ, сказать, что не къ отцу сегодня ѣхала, а къ нему, нарочно, со зла и скуки, поѣхала мучить. Что онъ — жалокъ ей. А любовь его, какъ вотъ эти поклоны, — смѣшная, и, дѣйствительно, за такую любовь только и можно, что умереть. Но ничего этого она не сказала. Хотѣлось горько, надолго заплакать.

— Взгляните на меня... Полюбите меня на минутку, — проговорилъ Григорій Ивановичъ. Тогда Катенька выдернула у него свою руку. Онъ не сопротивлялся, только сползъ къ ея ногамъ, коснулся лицомъ ея колѣней. Отъ этого ей стало еще темнѣе и тоскливѣе.

И оба они не замѣтили, что возокъ начало валить на стороны, клонить, и вдругъ помчало внизъ. Кучеръ, не въ силахъ поворотить молодыхъ лошадей при спускѣ, вбокъ, на дорогу, пустилъ тройку прямикомъ съ горы на рѣчной ледъ.

Вздымая снѣгъ, раскидывая грудью сугробы, вынеслись кони на рѣку. Ледъ затрещалъ, возокъ качнулся, осѣлъ, и хлынула въ него черная вода.

Катенька закричала. Григорій Ивановичъ живо распахнулъ правую, не залитую водой, дверцу. Между тонкихъ льдинъ полыньи въ синей, съ лунными бликами, текучей водѣ бились бѣлыя лошади. Коренникъ держался передними копытами о ледъ, и вдругъ заржалъ, протяжно, жалобно. Лѣвая пристяжка храпѣла, — только морда ея была видна надъ водой. Правую затыгивало течениемъ.

— Тоне-емъ! — вытянувшись на козлахъ, закричалъ кучеръ. Григорій Ивановичъ въ потьмахъ обхватилъ Катеньку, какъ сокровище, высунулъ ее изъ возка, говоря: «Не бойтесь, не бойтесь»... Она ухватила за рѣшетку наверху кузова, подтянулась, возокъ сильно накренило, и Григорія Иванова залило по поясъ.

ВОЗВРАТЪ

I

Алексѣй Петровичъ ѣхалъ на Самолетскомъ пароходѣ по второму классу, отъ Рыбинска, и, вотъ уже нѣсколько дней, не выходя изъ каюты, лежалъ, даже не отъ разстройства какого, а просто незачѣмъ было двигаться и разговаривать, — только пилъ и спалъ.

Въ карманѣ помятаго его пиджачка были завернуты въ газету послѣдніе сто рублей. Алексѣй Петровичъ притворялся, что самъ не знаетъ зачѣмъ сѣлъ на пароходъ и ѣдетъ: казалось, — точно съ больной собаки лѣзетъ съ него шерсть клоками, — до того было нечисто, гнусно и тоскливо.

Послѣ года безпутной жизни Алексѣй Петровичъ опустился на послѣднюю ступень, дальше была только смерть въ ночлежномъ домѣ, и онъ чувствовалъ теперь нѣкоторое удовлетвореніе, даже пріятную остроту: не мучила совесть, ничто не вспоминалось, да и не было времени вспоминать. Проснувшись въ каютѣ, откашливался онъ, выпивалъ водки и, присѣвъ къ столу у зеркала, зѣвалъ или раскладывалъ па-сьянсъ, пока отъ хмѣля опять не одолѣетъ сонъ...

Передъ свадьбой, объясняясь въ саду на скамейкѣ, Алексѣй Петровичъ сказалъ Катенькѣ, что, если бы она охотой шла за него, онъ бы не женился. Тогда же Катенька поняла, что ему нужна «жертва». Алексѣю Петровичу, дѣйствительно, нужна была «жертва», но особаго рода

(этого она не совѣмъ себѣ уяснила): живая, теплая, вѣчная. Бываютъ жертвы глухія и безповоротныя, когда человѣкъ отдастъ всего себя, пропадетъ и исчезнетъ, при воспоминаніи объ этомъ мучаетъ совѣсть, и самъ себѣ кажешься недостойнымъ. Бываютъ жертвы огненные, радостныя, мгновенныя, при воспоминаніи о нихъ жалѣешь, что не повторяются онѣ еще разъ. Алексѣй же Петровичъ могъ жить только такъ: если близъ него находилась любящая женщина, съ измученнымъ сердцемъ, безъ воли, всегда готовая отдать всю себя за ласковое слово. Онъ долженъ былъ чувствовать постоянный нѣжный укоръ, милую тяжесть, грусть отъ того, что не въ силахъ дать ей всего счастья, которое заслужила она, и въ эту любовную меланхолію онъ погружался съ головой, забывая ядовитыя воспоминанія и неминуемую свою гибель отъ нихъ.

Таковы были его отношенія съ Сашей. Когда же она отъ тихой жертвы перешла къ безповоротной, онъ пришелъ въ ужасъ, и Катя тогда показалась ему единственнымъ спасеніемъ. Она была любящая, нѣжная, прекрасная. Князь полагалъ, что ихъ союзъ будетъ, какъ печальная осенняя заводь, — грустный, послѣдній пріютъ на землѣ.

Но послѣ пощечины въ немъ вспыхнули злоба и страсть, пощечина напоминала прошлое, съ тою лишь разницей, что здѣсь властвовалъ, рѣшалъ судьбу — онъ.

Въ первые дни свадебнаго путешествія Алексѣй Петровичъ; словно боясь, что Катенька опомнится и пойметъ весь ужасъ ихъ союза,

былъ до оскорбительности вѣжливъ и предупредителенъ. Но она, сама не ожидая, ставъ женщиной, внезапно и пылко влюбилась въ мужа, точно изъ сумерекъ вышла на ослѣпительный свѣтъ. Это было жгучее ощущеніе самой себя, своей женственности, огнемъ закипѣвшей крови. Передъ этимъ чувствомъ все прошлое померкло, сторѣло, — не стоило вспоминать.

И Катенька втянула мужа въ водоворотъ женскаго, перваго чувства. Для Алексѣя Петровича, такъ же неожиданно, наступили дни забвенія, взволнованной радости, счастливыхъ заботъ о милыхъ мелочахъ. Казалось — настала вторая жизнь, когда онъ видѣлъ только глаза Катеньки, полные восторга, почти безумія, когда для него не было ни прошлаго, ни будущаго, — лишь этотъ взволнованный бездонный женскій взоръ.

Но это, кружащее голову, счастье продолжалось не долго. Алексѣй Петровичъ началъ понимать, что не выдержитъ такого напряженія, и растерялся. Произошла первая ссора. Катенькѣ было оскорбительно и стыдно, что ея влюбленность встрѣтила холодъ, почти насмѣшку. Она почувствовала, какъ они далеки съ мужемъ, точно два чужихъ человѣка. Это было вечеромъ, въ старомъ отелѣ, въ Венеціи. Алексѣй Петровичъ стоялъ у окна, выходящаго въ узкій каналъ, красноватый отъ дождевого заката. Катенька лежала на диванѣ и плакала.

— Ради Бога, Катюша, перестань, никакого несчастья не произошло, — негромко говорилъ Алексѣй Петровичъ, — ты хотѣла меня поцѣловать — я былъ разсѣянъ. Вотъ и все. Я думалъ,

что мы, въ концѣ концовъ, ничего, кромѣ ресторановъ, такъ и не осмотрѣли толкомъ въ этой Венеціи. Ты согласна? Просто, я думаю, въ сумерки тебѣ взгрустнулось. Или мы устали...

Все это было вѣрно и плакать не стоило.

Но Катенька сама не знала — отчего ей такъ печально, словно солнце ушло навсегда за далекій край моря, и теперь всю жизнь будетъ вотъ такъ же безнадежно и сумеречно.

Внизу безшумно скользила черная гондола. Князь, облокотясь о подоконникъ, глядѣлъ, какъ узкій носъ лодки разрѣзаетъ красноватую воду. Сидящая въ гондолѣ дама опустила лорнетъ и, поднявъ лицо, обернулась къ лодочнику. Алексѣй Петровичъ узналъ Мордвинскую.

Онъ отшатнулся отъ окна и взглянулъ на Катю. Она сидѣла теперь, опустивъ лицо. Въ сумеркахъ бѣлѣлъ платочекъ на ея колѣняхъ. Алексѣй Петровичъ почувствовалъ острую жалость къ этой чистой и милой, такъ ничего и не понявшей, молодой женщинѣ. Онъ опустил ся на колѣни передъ диваномъ, взялъ ея руку и прижался губами, но рука ея была неподвижна и губы его холодны. Ему стало ясно, что не ее онъ любилъ, а *ту*, и никакой страстью, никакой жертвой не затопить *той* любви.

На другой день Краснопольскіе уѣхали въ Римъ, потомъ въ Геную, въ Ниццу, въ Парижъ.

Алексѣй Петровичъ не могъ достовѣрно сказать, была ли то Мордвинская, скользнувшая, какъ призракъ въ черной гондолѣ, обмануло-ли его случайное сходство. Но, все равно, въ немъ распахнулась дверь въ тайникъ, наглухо закрытый и позабытый съ той ночи, когда Анна Се-

меновна опутала его паутиной ласкъ, отравила поцѣлуями. Онъ зналъ теперь, что все это время обманывалъ себя и обманъ, такъ ловко возведенный, рухнулъ отъ одного взгляда женщины; что все, даже ударъ хлыста по глазамъ, онъ проститъ и забудетъ за встрѣчу съ Мордвинской; что нѣтъ у него ни воли, ни гордости, только измученное сердце, каждую минуту готовое залиться смертельнымъ пламенемъ любви.

Ему стало вдругъ безразлично, — уйдетъ-ли Катенька отъ него, или до конца дней будетъ страдать подъ бокомъ, или, какъ Саша, принесетъ глухую жертву. Она молчала, грустила, но еще не рѣшалась спросить, отчего онъ такъ внезапно перемѣнился.

Въ Парижѣ Алексѣй Петровичъ иногда на цѣлые дни оставлялъ Катеньку одну въ отелѣ. Она садилась къ окну и ждала. Внизу, на площади Оперы, скрещивались потоки экипажей, перебѣгали люди, слышались гудки, свистки, шумы колесъ, говоръ. Только малое пространство отдѣляло ее отъ этой суеты, но одиночество, обида чувствовались еще острѣе.

Алексѣй Петровичъ возвращался нѣсколько разъ очень поздно. Катенька съ тоской глядѣла въ его похудѣвшее лицо, съ измученными и словно невидящими глазами. «Не люблю, не люблю, все равно, пускай пропадаетъ», — повторяла она, стискивая пальцы. Князь просилъ извинить его, объяснялъ, что бродилъ весь день по городу, и слова его были смутныя, сбивчивыя, непонятныя... Потомъ онъ ложился въ постель, протягивалъ руки поверхъ одѣяла и закрывалъ глаза, притворяясь, что засыпаетъ.

Катенька уловила изъ этой путаницы только одно, что мужъ настойчиво пытается встрѣтить кого-то, заходить въ рестораны, театры, кабачки, магазины, сидить въ людныхъ кофейняхъ, бродить по бульварамъ. Катенька пыталась узнать, кого онъ ищетъ, умоляла, грозила и плакала, но князь молчалъ. Однажды подъ утро, глядя въ позеленѣвшее отъ разсвѣта лицо его, съ ввалившимися, тусклыми глазами, Катенька сѣла на постели, обхватила голову, проговорила:

— Не понимаю, ничего не понимаю... Все это безуміе какое-то... Ложь, ложь, ложь!..

— Да, — безуміе и ложь, Катя...

Катенька болѣе не сдерживалась, гордость ея была сломлена. Соскочивъ съ постели, она босикомъ подбѣжала къ окну и крикнула, что, если онъ еще хоть разъ оставитъ ее одну въ этой комнатѣ, она выкинется на улицу подъ экипажи. Отчаяніе ея было такъ велико и неожиданно, что Алексѣй Петровичъ будто опомнился, началъ успокаивать Катеньку и сказалъ, съ усиленіемъ, что пора, — нужно ѣхать домой, въ Россію.

Произошло все это оттого, что, по пріѣздѣ въ Парижъ, Алексѣй Петровичъ пошелъ въ посольство и тамъ ему сказали: «Мордвинская здѣсь и одна, но адресъ ея неизвѣстенъ». Тогда онъ сталъ искать Анну Семеновну по всему городу и, дѣйствительно, видѣлъ ее два раза издали, но подойти не могъ: — она была съ какимъ-то рослымъ молодымъ человѣкомъ, по виду — содержателемъ скаковой конюшни.

За послѣднюю недѣлю Алексѣй Петровичъ

не встрѣчалъ ее больше нигдѣ: — должно быть уѣхала на югъ, въ Біаррицъ или Ниццу, гдѣ начинался сезонъ.

Въ Петербургѣ была уже осень. Надъ городомъ тащились мокрыя облака. Въ воздухѣ пахло желѣзомъ. Прохожіе, дѣловитые и злые, съ испытанными отъ неврастенія лицами, не раскрывали даже зонтиковъ, — до того всѣ привыкли къ мокротѣ: пусть льетъ.

Въ одинъ изъ такихъ дней Краснопольскіе съ Варшавскаго вокзала проѣхали на Морскую въ гостиницу. Катенька не хотѣла-было останавливаться, но Алексѣй Петровичъ сослался на дѣла, и начались томительные и однообразные дни. Лилъ дождикъ, весь день горѣло желтое электричество въ номерѣ, князь отлучался не надолго, остальное время проводилъ на диванѣ, то молчалъ, то раздражался на мелочи, то уговаривалъ Катеньку поѣхать съ визитами къ роднымъ, но отъ этого она отказалась наотрѣзъ. Однажды Алексѣй Петровичъ ушелъ поутру и не вернулся ни днемъ, ни ночью, ни на слѣдующій день.

Случилось вотъ что. — Выйдя утромъ изъ гостиницы, Алексѣй Петровичъ, какъ всегда, взялъ извозчика и поѣхалъ на Шпалерную. Поровнявшись съ домомъ Мордвинскихъ, онъ отъ волненія закрылъ глаза: вчера еще замаслинные мѣломъ окна были вычищены, подняты шторы, и въ глубинѣ залы свѣтилось нѣсколько электрическихъ лампочекъ. Алексѣй Петровичъ отпустилъ извозчика на углу и вернулся къ подъѣзду. Сердце у него билось такъ, что надо было придержать его рукой. Онъ позво-

нился, вошелъ въ домъ и передалъ лакею карточку. О томъ, что будетъ дальше — выйдетъ мужъ или она сама, и какъ онъ въ томъ или иномъ случаѣ поступитъ — князь не думалъ.

Лакей долго не приходилъ. «Негодяй, нарочно держитъ меня въ прихожей», подумалъ князь. Лакей появился въ глубинѣ комнатъ и оттуда поглядѣлъ на князя, — нагло, конечно, и скрылся. Кровь бросилась въ голову Алексѣю Петровичу, онъ взялъ съ подзеркала черную женскую перчатку и, дернувъ, разорвалъ пополамъ. Лакей снова появился, съ пестрой метелкой, смахивая походя пыль. «Дуракъ!» закричалъ Алексѣй Петровичъ, и голосъ его покотился по комнатамъ; откуда-то позвонили, лакей исчезъ, и князь, со всей силой махнувъ парадной дверью, выбѣжалъ вонъ.

На улицѣ моросилъ дождь, облака тумана тащились по крышамъ, и ржавый воздухъ проникалъ въ кости. Алексѣй Петровичъ медленно двигался по тротуару. Онъ предвидѣлъ все, но только не лакея съ метелкой.

«Теперь поскорѣе забыться, — подумалъ онъ, — но только куда-нибудь погрязнѣе». Онъ ясно понималъ теперь, что это — конецъ, — полтора года страшнаго напряженія разрѣшились метелкой и ржавымъ дождемъ. Иного, конечно, и нельзя было ожидать, потому что самъ онъ — маленькій, хилый, ничтожный, и если пойдетъ дождь посильнѣе — смоетъ его дождемъ въ канавку, сбоку тротуара, унесетъ въ подземную трубу. Тогда онъ вспомнилъ о Катѣ: «Нѣтъ, нѣтъ, до нея далеко. Нельзя. Въ трактиръ, куда-нибудь».

На перекресткѣ оглянулась на него страшная точно обсыпанная мукой, женщина въ мокромъ боа. «Что вы какой серьезный, миленочекъ?» — прохрипѣла она, и позвала къ себѣ. Князю стало до тошноты противно и онъ сейчасъ же пошелъ за ней.

Женщина привела его въ ободранную, затхлую комнату. Алексѣй Петровичъ, не снимая пальто и шапки, сѣлъ у непокрытаго стола и глядѣлъ на фотографіи какихъ-то вольноопредѣляющихся, прибитыя надъ краснымъ рванымъ диванчикомъ. Сквозь щель въ двери была видна вторая женщина, полураздѣтая, съ распущенными волосами. Замѣтивъ, что князь на нее смотритъ, она показала изъѣденные зубы и вышла. За ней появился рослый парень, въ малиновой рубахѣ, кудрявый, съ мѣшками подъ глазами. На ремнѣ черезъ плечо у него висѣла гармонья. Онъ поклонился, тряхнулъ кудрями и, поставивъ ногу въ лаковомъ сапогѣ на стулъ, перебралъ лады.

— Да, да, пойте, — сказалъ князь, — я заплачу.

Женщина съ распущенными волосами подобрала сзади кенареичный капотъ, щелкнула пальцами и запѣла, неожиданно, басомъ. Князь оглянулся на нее и взялся за бутылку, неизвестно какъ попавшую на столъ. Набѣленная женщина подсѣла къ нему и стала глядѣть въ ротъ. Глаза у нея были безъ рѣсницъ, слезящіеся. Она поправила слежавшуюся прическу и изъ-подъ накладныхъ волосъ у нея вылѣзъ клопъ.

Князь гадливо усмѣхнулся, сказалъ: «хоро-

шо», — и выпилъ полный стаканъ. Вино сильно ударило въ голову. Женщина гудѣла басомъ: «не разбужу я пѣсней удалою роскошный сонъ красавицы молодой»... Князь пилъ стаканъ за стаканомъ сладковатое и тошное вино. Звуки гармоньи звучали все отдаленнѣе. Онъ привсталъ было, чтобы сорвать, наконецъ, этотъ страшный шиньонъ, полный клоповъ, но пошатнулся и, хватаясь за женщину, повалился на полъ.

Проснулся онъ въ незнакомой, но не вчерашней комнатѣ, на желѣзной кровати. Голова мучительно болѣла. Долго, сидя на грязномъ тюфякѣ, вспоминалъ онъ вчерашнее, потомъ, пошатываясь, вышелъ въ прихожую; тамъ валялись узлы, баулы, и на стулѣ стоялъ портретъ какого-то генерала. На шаги князя отворилась кухонная дверь, въ щель высунулась сморщенная старушка, поглядѣла и скрылась. Князь вышелъ на парадное, — домъ былъ многоэтажный и каменный, а тотъ — деревянный. «Чортъ знаетъ, что такое», — сказалъ онъ, и долго брелъ пѣшкомъ, не въ силахъ ни позвать извозчика, ни сообразить — куда идти. Пробѣжалъ впереди фонарщикъ, и, одинъ за другимъ, зажглись фонари. Алексѣй Петровичъ, глядя на желтые отблески подъ ногами, замоталъ головой и въ тоскѣ прислонился къ сырой стѣнѣ. Потомъ полѣзъ въ карманъ за папиросами, но ни папиросницы, ни бумажника не оказалось.

Второй разъ вспомнилъ онъ о женѣ. И теперь отмѣтилъ съ удивленіемъ: до того ужъ загаженъ, измятъ и нечистъ, что думать о ней стало легко и сладко. Мордвинская-же словно исчезла

изъ памяти, образъ ея расплылся въ уличной грязи, должно быть все, что было связано съ ней, отжило въ эту омерзительную ночь. И это наполнило его радостью, точно была окончена часть тяжелаго пути, самое трудное и мучительное миновало.

Забрызганный грязью, промокшій, но спокойный, Алексѣй Петровичъ добрался, наконецъ, до гостиницы. Швейцаръ не узналъ его, и князь разсмѣялся, — значить — сильно перемѣнился за эту ночь. Передъ дверью номера онъ снялъ помятый цилиндръ, ладонью пригладилъ волосы и постучалъ.

Катенька, закутанная въ бѣлый пуховый платокъ, стояла посреди комнаты. Лицо ея было совсѣмъ блѣдное, глаза огромные, сухіе.

— Гдѣ ты пропадалъ? — спросила она, оглядѣла его и отвернулася, — какой ужасъ!

Не отходя отъ двери, князь проговорилъ:

— Милая Катя, я весь мокрый, сѣсть не могу, испачкаю все у тебя... Но это, именно, очень хорошо, что такъ все случилось. — Онъ переступилъ съ ноги на ногу и усмѣхнулся. — Встрѣчу ли я тебя еще когда-нибудь — не знаю. Но теперь я спасенъ, Катя...

— У васъ бредъ, вамъ нужно въ постель, — поспѣшно проговорила она.

— Нѣтъ, нѣтъ, ты думаешь — я пьянъ? Нѣтъ. Я сейчасъ все тебѣ объясню. — Князь, вздохнувъ, оглядѣлъ комнату, посмотрѣлъ на грязные свои сапоги, потомъ, на одно мгновеніе, съ огромной нѣжностью, почти съ мольбой, взглянулъ Катенькѣ въ лицо, опустилъ глаза,

и сталъ разсказывать все по порядку, начиная съ видѣнія на венеціанскомъ каналѣ.

Слушая, Катенька подошла къ дивану и сѣла, — ноги не держали ее. Она поняла все, вплоть до сегодняшняго утра. Но то, почему и какъ исчезъ изъ сознанія князя образъ Мордвинской, осталось для нея неяснымъ. Алексѣю-же Петровичу только *это* и было важно сейчасъ. Онъ говорилъ о себѣ такъ, словно былъ уже новымъ человекомъ, а тотъ, вчерашній, чужой и враждебный, отошелъ навсегда. Ему все это представилось до того ясно и хорошо и было такъ ясно и хорошо на душѣ, что онъ никакъ не могъ понять, почему Катенька съ такой злобой смотреть ему въ лицо.

— Ну, а обо мнѣ-то вы подумали? — крикнула, наконецъ, она, и лицо ея порозовѣло. — Мнѣ что теперь дѣлать? Мнѣ какъ жить съ вами?

— Тебѣ? Ахъ, да...

Дѣйствительно, весь этотъ разговоръ клонился къ тому, чтобы Катенька, вотъ сейчасъ, въ это мгновеніе должна была принести огненную жертву, отдала-бы всю свою чистоту, всю чудесную силу женщины, наполнила-бы ею опустошенную душу князя.

Алексѣй Петровичъ понималъ это. Стало противно, какъ никогда: кто-же, въ самомъ дѣлѣ, онъ — упырь? Только и живъ чужой кровью, — нажрется и отвалится.

— Катя я уйду отъ тебя, навсегда. Потомъ ты все, все поймешь, — проговорилъ онъ, и, вдругъ, страшный восторгъ охватилъ его, голосъ оборвался. — Милая моя... Помни, помни,

что бы ни было, — я всегда вѣренъ, вѣренъ, вѣренъ тебѣ до смерти. Прощай.

Алексѣй Петровичъ поклонился низко и вышелъ. Въ тотъ-же день онъ выдалъ жеңѣ векселей на всю стоимость имѣнья и полную довѣренность на веденіе дѣлъ. Себѣ-же взялъ только нѣсколько тысячъ. И въ ту же ночь уѣхалъ въ Москву.

Алексѣй Петровичъ не зналъ хорошенько, что будетъ дѣлать въ Москвѣ. Поселился онъ въ плохонькой гостиницѣ и первые дни ждалъ, что та минута страшнаго восторга повторится, разольется въ чудесную, долгую радость. Но понемногу становилось ясно, что чуда неоткуда ждать, а прошлая жизнь, на минуту отпустившая, виситъ надъ головой, каждую минуту готовая снова придавить. Тогда настали дни невыносимой тоски, тѣмъ болѣе острой, что не видѣлось иного выхода, кромѣ смерти. Вернуться къ женѣ было невозможно. Да князь и не зналъ, гдѣ Катенька, что случилось съ ней послѣ его ухода.

Тоска усиливалась. Можно было почти указать, гдѣ находится она — посреди груди, подъ средней косточкой. Въ этомъ мѣстѣ съ утра начинало сосать, къ вечеру же словно наваливался жерновъ. Отъ рюмки вина боль ослабѣвала. Князь началъ пить коньякъ, потомъ перешелъ на водку. Тогда появились знакомые, довольно странные по виду, но все хорошіе люди. Именъ ихъ князь не запоминалъ, а лица подъ конецъ дня все равно расплывались, трудно было различить мужчинъ отъ женщинъ, да и не все ли это равно. Часто играли въ карты.

Князь проигрывалъ, и денегъ у него осталось немного.

Во время этого чада, — забвенія всего, — мелькнула одна встрѣча, незначительная, но запомнившаяся. Князь проходилъ днемъ около Иверской. Часовня была словно островомъ, гдѣ на минутку отдыхали прохожіе, снимая шапку, крестились, глядѣли на темный ликъ, на свѣчи. Князь тоже остановился и началъ вспоминать молитву, но ни одной не вспомнилъ, только смотрѣлъ на переливающимися огоньки, на теплые отблески ризы. Сзади, въ это время, веселый голосъ произнесъ: «Христа ради прохожему, милый человѣкъ». Князь досталъ мелочь и обернулся. Передъ нимъ стоялъ монашекъ и улыбался, лицо его было рябое, тощее, и на немъ свѣтлосиніе, ясные глаза. Князь посмотрѣлъ въ нихъ, и тоже улыбнулся — показалось, будто монашекъ знаетъ что-то очень важное, что и ему непременно нужно узнать... «Вотъ мѣдяки, — сказалъ Алексѣй Петровичъ, — а приходи ко мнѣ — я тебѣ рубль дамъ».

Приходилъ ли монашекъ къ нему — князь не помнилъ хорошенько, но, кажется, мелькнули на одно мгновенье, среди играющихъ въ карты, за облаками табачнаго дыма, пытливые синіе глаза.

Настала весна. Князю очень хотѣлось думать о Катенькѣ, и, чтобы не дѣлать этого, онъ еще сильнѣе, безпробуднѣе пилъ. Однажды къ нему въ номеръ явился купчикъ, назвался волжаниномъ, будто бы знавшимъ князя по имѣнію, бойко выспросилъ про положеніе Алексѣя Петровича и рассказалъ, между про-

чимъ, о происшедшей зимою, напротивъ Милаго, катастрофѣ.

Изъ путаннаго разсказа купчика все же можно было понять, что произошло тогда зимней ночью, на берегу Волги.

Возокъ слетѣлъ съ горы въ полынью, погрузился до половины, но не опрокинулся, поддерживаемый коренникомъ, который уперся передними ногами о ледъ. Кучеръ успѣлъ перерѣзать вальки, одна пристяжка ушла подъ воду, другая еще билась. Кучеръ по оглоблямъ пробрался на коренной ледъ, ухвативъ за хвостъ, помогъ выбратся пристяжной, вскочилъ на нее и погналъ черезъ рѣку за народомъ въ Милое.

Катенька лежала на верху возка, въ забытѣи. Григорій Ивановичъ, стоя на отводѣ, по поясъ въ водѣ (козлы тоже были затоплены, а влѣзть на верхъ онъ побоялся, должно быть), обхватилъ Катеньку, положилъ голову на ея грудь и глядѣлъ въ открытые ея глаза.

Снѣгъ повалилъ опять, окрѣпъ вѣтеръ. Вдоль рѣки дымомъ несло поземку, и снѣжной пылью стало засыпать у Катеньки, словно мертвое, лицо. Это было такъ страшно, что Григорій Ивановичъ поднялъ голову и закричалъ. Забился и коренникъ, ослабѣвая. Возокъ раскачивало ледянымъ вѣтромъ. Катенька вдругъ привстала, спустивъ ноги въ тонкихъ чулкахъ, оглядѣлась, всплеснула руками, обхватила голову Григорія Ивановича и прижала къ себѣ, словно боясь отпустить. Такъ просидѣли они молча, пока изъ Милаго не прискакали съ веревками и шестами работники. Спѣшась у полыньи, они думали, что княгиня и докторъ застыли, но по-

томъ замѣтили, что Екатерина Александровна немного поворачиваетъ голову, слѣдя, какъ накладываютъ шесты, закидываютъ веревки за возокъ, и тянутъ на ледъ вѣрнаго коренника. Но вдругъ произошло непонятное: совсѣмъ уже у края коренного льда, когда крѣпкія руки мужиковъ ухватили княгиню, Григорій Ивановичъ поднялъ голову, раскрылъ ротъ, и всѣ слышали, какъ проговорилъ онъ коснѣющимъ языкомъ: «Не надо, не трогайте», — потянулся за княгиней, застоналъ и, не сгибаясь, рухнулъ, съ воплемъ, въ воду, и сейчасъ же ушелъ, будто каменный, подъ ледъ.

Княгиню положили въ сани, завалили тулупами и доставили въ Милое. На другой день Александръ Вадимычъ перевезъ дочь къ себѣ.

Въ этой исторіи Алексѣя Петровича особенно поразила гибель доктора Заботкина. Чѣмъ больше онъ раздумывалъ, тѣмъ яснѣй становилось, что гибель была не простая, не случайность, а восторгъ смерти, жертва.

Всѣ эти мысли очень волновали. Князь не былъ даже увѣренъ — живали Катенька. Остаться въ Москвѣ казалось невыносимымъ. Онъ завернулъ въ обрывокъ газеты послѣдніе сто рублей и поѣхалъ на Ярославль. Тамъ сѣлъ на пароходъ.

Одно время онъ рѣшилъ было пробраться въ село близъ Милаго и тамъ разузнать о Катѣ, но потомъ раздумалъ. Просто нужно было проѣхать мимо Милаго, вздохнуть одинъ разъ *тѣмъ* воздухомъ, а потомъ — наплевать, — хотя бы смерть отъ бѣлой горячки.

Алексѣй Петровичъ лежалъ на боку въ одномѣстной каюткѣ, обитой жестью и выкрашенной подъ орѣхъ. Около двери бѣжала вода въ раковину. Дрожали жалюзи. Солнечный свѣтъ, отражаясь отъ рѣки, проходилъ сквозь щели жалюзей, игралъ на бѣломъ потолкѣ зыбкими зайчиками.

На столикѣ передъ зеркаломъ стоялъ графинъ съ водкой и тарелки, да еще табакъ въ картузѣ, на полу-раскрытый чемоданъ, почти пустой, и пальто въ ногахъ...

Усыпителенъ въ лѣтній зной мѣрный стукъ машины, и легко дремать на мягкой койкѣ, обдуваемой вѣтромъ черезъ окно. Алексѣй Петровичъ похрапывалъ, лицо его было розовое, какъ у пьяницъ. Онъ почти ничего не ѣлъ за послѣднее время, только пилъ, щипля невкусную пищу. Когда же слишкомъ начиналъ жечь алкоголь и пересыхало во рту, онъ, морщась, просыпался, протягивалъ руку за бутылкой съ квасомъ, отхлебывалъ и повертывался къ стѣнѣ, подогнувъ колѣни.

На рѣкѣ ѣсть хочется ужасно, и, кажется, не успѣли отобѣдать, а уже зовутъ къ полднику. «Недурно бы теперь солененькаго» — подумалъ князь, когда услышалъ стукъ въ дверь каюты, и сказалъ спросонокъ:

— Ау, — и пріоткрылъ глазъ.

Въ дверь опять постучались. Князь проговорилъ дребезжащимъ голосомъ:

— Приготовь-ка мнѣ, дорогой, похолоднѣе графинчикъ; да что-нибудь тамъ...

«Что-нибудь солененькое, это — хорошо, — подумалъ онъ, — подъ тешку малосольную съ хрѣнкомъ море можно выпить».

Но стукъ въ дверь продолжался.

— Что тебѣ нужно, чортъ, — воскликнулъ Алексѣй Петровичъ, спуская съ койки ноги, и отомкнулъ задвижку. Дверь осторожно раскрылась и вошелъ монашекъ, съ косицей и въ скуфейкѣ. Кончики пальцевъ онъ держалъ въ рукавахъ подрясника.

— А ты говоришь — чортъ, — проговорилъ монашекъ, — здравствуй! — И низко поклонился, потомъ съ улыбкой осмотрѣлъ беспорядокъ въ каютѣ.

Князь съ испугомъ глядѣлъ ему въ синіе, синіе, ясные глаза на рябоватомъ и мелкомъ лицѣ. Да и весь видъ монашка былъ мелкій, и не то что потрепанный, а, казалось, трепать-то въ немъ нечего было.

— Я за милостыней, — продолжалъ монашекъ, — капитанъ у насъ хорошій человѣкъ: ладно, говоритъ, проси, только не воруй. А мнѣ зачѣмъ воровать? — когда и такъ дадутъ. Про тебя онъ сказалъ — запойный. А вѣдь ты не совсѣмъ запойный, а? Ужъ тебя-то я хорошо знаю.

Онъ сѣлъ рядомъ и руку положилъ на колѣни Алексѣю Петровичу, который отодвинулся, тараща припухшіе глаза.

— Кабы не тоска — человѣкъ долженъ въ свинью обратиться. Вѣдь такъ, милый? — спросилъ вдругъ монашекъ. Алексѣй Петровичъ кивнулъ головой, коротко вздохнулъ и отвѣтилъ:

— Хуже, чѣмъ я, жить нельзя! — Потомъ спохватился и сказалъ сердито:

— Послушай, я тебя не звалъ; ты зачѣмъ затесался? Уйди, пожалуйста, и безъ тебя скучно.

— Ни за что не уйду, — отвѣтилъ монашекъ, — ты, я вижу, совсѣмъ поспѣлъ. Нѣтъ, я отъ тебя не отстану.

Алексѣй Петровичъ тряхнулъ головой, все у него перепуталось и поплыло. Потомъ проговорилъ тоскливо:

— Неужели ты мнѣ представляешься? Да, значить очень плохо. Послушай, ты водку пьешь?

— Зачѣмъ ее пить?

Алексѣй Петровичъ опять поднялъ мутные глаза, лицо монашка словно плавало по каютѣ.

— Пей! Убью! — заоралъ Алексѣй Петровичъ не своимъ голосомъ. Но монашекъ продолжалъ улыбаться. Князь, обезсиливъ, легъ и закрылъ глаза.

— Ай, ай, ай! Дошелъ же человѣкъ до чего! — Помолчавъ, монашекъ проговорилъ неожиданно громкимъ и рѣзкимъ голосомъ:

— А я тебя другимъ хмѣлемъ напою. Отъ моего хмѣля сытъ будешь, и сытъ и живъ... Слушай меня... Много тебѣ было дано, а ты все растерялъ. Но ты для того растерялъ, чтобы не многое найти, а вѣчное. Встань и, куда прикажу, туда пойдешь.

«Не кричи, все сдѣлаю, ушелъ бы лучше», — подумалъ князь. Монашекъ нагнулъ надъ Алексѣемъ Петровичемъ и погладилъ его по головѣ. Князь опять зажмурился.

— Милый, идемъ со мной, — продолжалъ мо-

нашекъ, — вѣрно говорю — обрекись. Скоро къ *Ундорамъ* подойдемъ, тамъ и слѣзешь, меня найдешь на берегу. Подумай хорошенько, да приходи. Понялъ?

Онъ постоялъ тихонько, потомъ, должно быть, вышелъ — щелкнула дверная щеколда.

Алексѣй же Петровичъ продолжалъ лежать, съ натугой собирая мысли, чтобы сообразить — дѣйствительно ли говорилъ съ нимъ сейчасъ человѣкъ, или только привидѣлся?

Такъ прошло много времени. Зайчики на потолкѣ давно погасли, въ каютѣ становилось все темнѣй, и скоро надъ зеркаломъ, раскаляясь, сама зажглась лампочка.

— Ерунда, — сказалъ князь, — вчера, вотъ тоже мнѣ жокей какой-то мерещился въ желтомъ картузѣ.

Онъ слѣзъ съ койки, взглянулъ на себя въ зеркало и, съ трудомъ волоча ногу, поплелся въ рубку второго класса, гдѣ и сѣлъ въ уголку, ни на кого не глядя, а чтобы не слышать разговоровъ, облокотился о столъ, прикрылъ уши ладонями. Лакей принесъ холодный графинъ съ водкой и севрюжку. Князь налилъ запотѣвшую рюмку, поперчилъ, медленно выпилъ и, выдыхая изъ себя винный духъ, покосился на рыбу.

Пароходъ въ это время заревѣлъ и сталъ поворачивать. Штору въ окнѣ надуло, а за соѣднимъ столомъ сказали увѣренно:

— *Ундоры*...

Алексѣй Петровичъ сейчасъ же вскочилъ и спросилъ громко: «Неправда?» — Потомъ вышелъ на темную палубу.

Поворачивая къ пристани, пароходъ взвол-

новаль черную воду. Изъ подъ борта, освѣщенная иллюминаторомъ, вынырнула лодка съ двумя мальчишками, одинъ гребъ, другой игралъ на балалайкѣ. Лодка скрылась въ темнотѣ.

Князь, прислонясь къ столбику перилъ, глядѣлъ, какъ приблизилась конторка, какъ бросили чалки на загремѣвшую крышку, какъ матросъ и трое оборванцевъ навели мостки, и, широко ступая, сбѣжали по мосткамъ грузчики, въ мѣшкахъ, накинутыхъ, какъ клобуки, на голову.

Потомъ изъ пароходнаго нутра повалилъ народъ, съ котомками и сундучками за спиной, суя матросу билетки.

Алексѣй Петровичъ внимательно вглядывался и вдругъ вздрогнулъ, примѣтивъ среди мужиковъ и бабъ знакомые глаза, но ихъ сейчасъ же заслонилъ тюкъ съ шерстью.

Князь поспѣшно сошелъ внизъ, втерся въ толпу и, кусая губы, нетерпѣливо оглядывался.

Съ конторки онъ поспѣшилъ на берегъ, гдѣ съ фонариками передъ лотками сидѣли бабы, крича и тыкая въ проходящихъ то жаренымъ поросенкомъ, то булкой.

На прибрежномъ пескѣ Алексѣй Петровичъ совсѣмъ запутался въ толкотнѣ среди мѣшковъ и поклажи. Онъ помнилъ только, что необходимо ему найти кого-то и спросить, что дѣлать дальше?.. Одинъ разъ показалось, будто кто-то очень знакомый наклонился надъ лоткомъ. Потомъ вдалекѣ, между телѣгъ, будто помахалъ рукой.

— Заманиваешь, — прошепталъ Алексѣй Пе-

тровичъ и, обходомъ, нагнувшись, побѣжалъ къ возамъ.

Пароходъ въ это время заревѣлъ и, отваливъ, потушилъ огни.

III

— Эй, подожди, постойте! — ковыляя къ мосткамъ, кричалъ Алексѣй Петровичъ уходящему пароходу. Дорогу ему преградилъ коренастый крючникъ:

— Ай, баринокъ, пароходъ-то ушелъ!

Подошелъ матросъ, бабы-торговки и озабоченный мужичокъ, съ козлиной бородкой. Окруживъ князя, всѣ стали спрашивать — куда онъ и откуда ѣдетъ? Не оставилъ ли денегъ на пароходъ? Женатый ли? Охали, качали головами. Озабоченный мужичокъ всѣхъ больше хлопоталъ, будто онъ-то и остался, а баба одна, подсунувшись къ самому носу Алексѣя Петровича, заявила вдругъ, радостно удивясь:

— Да онъ пьяный!..

Тогда всѣ успокоились и уже душевно начали относиться къ Алексѣю Петровичу.

Но князю тошно стало отъ этихъ безтолковыхъ разспросовъ, и онъ, протиснувшись сквозь народъ, пошелъ прочь по берегу.

«Упаду гдѣ-нибудь и умру, и хорошо, — подумалъ онъ, — никому я не нуженъ, пойду, куда силъ хватить. Какъ жалко, ахъ, какъ жалко! Вотъ чѣмъ окончилась жизнь».

Алексѣй Петровичъ шелъ сначала вдоль песчаного берега, на который медленно находили невидимыя волны, оставленные пароходомъ. Но

скоро стрежни изрѣзали песокъ, князь спотыкнулся и повернулъ отъ рѣки на холмъ и въ луга.

Только теперь, съ трудомъ взобравшись наверхъ, увидѣлъ онъ частыя звѣзды надъ головой. Трава была уже покосена и собрана въ копны. Онъ постоялъ, слушая бульканье перепела невдалекѣ, и пошелъ быстрѣе, — не то, что у рѣки, гдѣ въ песокъ увязали ноги.

«Куда я тороплюсь, будто гонятся», — наконецъ подумалъ онъ, и вдругъ сообразилъ, что ни разу еще не оглянулся. Онъ до того испугался, что тотчасъ присѣлъ и медленно, изъ-за плеча, поглядѣлъ назадъ.

Позади изъ-подъ холма на сѣроватое отъ звѣздъ поле поднималась темная фигура монашка, въ остромъ колпакѣ.

«Гонится, — подумалъ Алексѣй Петровичъ, — надо спрятаться», и, пригибаясь къ землѣ, быстро пробѣжалъ до первой копны и легъ въ сѣно, поджавъ ноги, стараясь не дышать. Отъ увядающаго сѣна пахло бѣленой и дикимъ лукомъ; Алексѣй Петровичъ задыхался. Вдругъ монашекъ быстро прошелъ мимо, — его глаза словно блеснули синимъ свѣтомъ.

«Вотъ такъ чортъ, — подумалъ князь въ страхѣ, — я пропалъ! Увидить или нѣтъ? Прощель, слава Богу... Нѣтъ, опять повернулъ. Обходить, какъ звѣря... Только бы не кричать... А, можетъ, опять представляется: я въ каютѣ лежу и вижу сонъ?... Нѣтъ, вотъ земля, вотъ сѣно... А вотъ звѣзды. Милыя звѣзды — я всегда васъ любилъ... Господи, вотъ я сейчасъ вѣрю въ Тебя...»

Алексѣй Петровичъ, схватясь за сердце, повернулъ голову и застоналъ. А въ это время монашекъ, выйдя изъ-за копны, присѣлъ надъ нимъ и погладилъ по плечу. Съ воплемъ вскинулся князь и тотчасъ упалъ навзничъ. Широко открытые глаза его были безумны.

— А ты не бойся, — негромко сказалъ монашекъ, — видишь, какъ тебя перекорячивается, зачѣмъ отъ меня прятался, а?

— Не буду больше, — съ трудомъ проговорилъ Алексѣй Петровичъ. — Теперь я вижу, что это ты, отъ Иверской. Какъ ты велѣлъ, такъ я и сдѣлалъ...

Монашекъ улыбнулся, а князю опять показалось, будто усики у него раздвинулись, и выскочилъ изъ-подъ нихъ языкъ, какъ у ящерицы, выскочилъ и спрятался...

Князь тотчасъ поднялся и побѣждалъ-было, но монашекъ словилъ его — и, вновь уложивъ на копну, сказалъ:

— Вотъ дурашный, ей-Богу. Нечего дѣлать, поспимъ и на травѣ. А я было сначала норovilъ съ возами устроиться, на возахъ бы и выспались... Ну, ну, подремли, голубчикъ, а я тебѣ спюю.

Онъ легъ въ сѣно рядомъ съ княземъ и, немного погодя, запѣлъ на тонкій, протяжный голосъ:

Задремалъ я, маменька,
Въ пору вѣщихъ сновъ.
Видѣлъ — будто по степи
Конь меня разнесъ.
Спала моя шапочка,
Самъ я не живой...

Видно, не уйти мнѣ
Отъ судьбы лихой . . .
Отвѣчаетъ матушка :
— Чей-то скачетъ конь,
На конѣ невѣста,
Въ бѣломъ убрана,
Въ бѣломъ убрана,
Не твоя-ль жена?

IV

Когда утреннее солнце забралось подъ закрытыя вѣки, Алексѣй Петровичъ проснулся и, приподнимаясь на рукахъ, застоналъ — до того всего разломало.

Рядомъ въ сѣнѣ сидѣлъ монашекъ, разложивъ передъ собой на полотенцѣ ножикъ, хлѣбъ и двѣ луковицы.

Бѣлыми зубами онъ грызъ третью луковку. По рябоватому лицу его, у голубыхъ глазъ и подъ ощипанными усами, играли смѣшливья морщинки.

— Прошла одурь-то? — спросилъ онъ. — На, хлебни, для тебя припасъ, — больше не дамъ, ей-ей.

Онъ снялъ скуфейку, вынулъ оттуда и подалъ Алексѣю Петровичу пузырекъ, гдѣ было на глотокъ теплой водки. Алексѣй Петровичъ взялъ пузырекъ, съ натугой вспоминая, что случилось. Когда хлебнулъ, — память прояснилась, побѣждала быстрѣе кровь. Князь поднялся, управляя измятое платье, потрогалъ шею, натертую воротничкомъ, разстегнулъ его и бросилъ.

— Душѣ легче, — сказалъ монашекъ, — ну,

ну, похлебай теперь вольнаго воздуху, — видишь, какой ты желтый.

— Пой, — спросилъ Алексѣй Петровичъ, — ты меня съ парохода увелъ?

— Я.

— Зачѣмъ? Вѣдь я по дѣлу ѣхалъ.

— Пустяки, какія у тебя дѣла.

— Зачѣмъ же ты меня увелъ?

— Жить. Чего же другое лѣтомъ-то дѣлать. А работать, ты не работникъ — хилый и хромой. Вотъ, зимой холодно. Зимой, милый, я норовлю въ острогъ попасть. Пачпортъ запрячу, явлюсь и говорю: «Не помнящій, молъ, родства и мѣста жительства нѣтъ!» Меня и кормятъ, а къ веснѣ объявлюсь. Тоже били не разъ за такія дѣла. Такъ-то.

Алексѣй Петровичъ слушалъ внимательно, сдвинувъ брови: непріятнымъ казался ему монашекъ, но была въ его словахъ ясность и сила. «Ну, его къ чорту, — думалъ князь. — А что дальше, — если и его къ чорту? Опять на пароходъ? Да, куда же ѣхать? И зачѣмъ?.. Съ нимъ развѣ пойти? Смѣшно, все-таки, мнѣ, вдругъ, и шататься по дорогамъ».

— А знаешь ли ты, съ кѣмъ говоришь? — спросилъ Алексѣй Петровичъ, прищурясь.

Монашекъ подмигнулъ лукаво.

— Да хоть король турецкій, мнѣ все равно.

«Чортъ знаетъ, ерунда какая, — подумалъ князь, — кажется, дѣйствительно, пойду съ нимъ бродить. Гдѣ-нибудь и сдохну. Король турецкій!» и онъ сказалъ вяло:

— Ну, расскажи еще что-нибудь. Какъ же мы бродить будемъ?

Такъ они и пошли по скошенному полю, направляясь за дальній лѣсъ, надъ которымъ высоко клубились бѣлыя облака.

Облака медленно выплывали изъ-за лѣса, поднимались надъ полемъ, гоня подъ собою прохладную тѣнь и, обогнувъ небо, ложились кучами у противоположнаго края земли. Солнце стояло уже на девятомъ часу. Въ сизой дали играла искрами по всему водному простору синяя рѣка, уходя за мѣловые холмы.

— Поди, меня отсюда выгони, — сказалъ монашекъ, обертываясь къ рѣкѣ, потомъ къ лѣсу, — ничего не выгонишь, я, какъ сусликъ, имѣю законное право жить, гдѣ угодно. А знаешь, какъ суслики живутъ?

И онъ принялся рассказывать, какъ живутъ суслики. Поймалъ кузнечика и попросилъ у него дегтю. На вылетѣвшаго изъ-подъ ногъ перепела захопалъ въ ладоши:

— Вотъ я тебя, кургузый!

Алексѣй Петровичъ шелъ, немного отставая, и шурился; ему начало казаться, что скоро кончится земля, и они пойдутъ по хрустальному воздуху до облаковъ и еще выше, туда, гдѣ только вѣтеръ и солнце.

Скоро онъ усталъ итти и, присѣвъ у дороги, попросилъ ѣсть.

«Удивительно, удивительно, — думалъ Алексѣй Петровичъ, послѣ ѣды ложась навзничъ, — небо какое голубое. Пойти и странствовать, въ самомъ дѣлѣ; вѣдь бродятъ же по свѣту люди... Вѣтромъ выдуетъ все лишнее, да, да, — вѣтеръ и облака! А что били меня, такъ и монашка били. Постой, постой, что онъ мнѣ

сказалъ у Иверской? Конечно: это странствіе тогда же и началось, и свобода эта, и легкость, и весь міръ, какъ хрустальный. Удивительно — ничего не помнить, ни къ чему не привыкать»...

Къ вечеру они вошли въ лѣсъ, а ночевали на соломѣ въ клѣти у бабы, которая спросила только: «А вы не жулики будете?»

Утромъ они опять побрели въ поля. Съ обѣихъ сторонъ волнилась спѣющая рожь, — въ нее изъ-подъ ногъ прыгали кузнечики. Алексѣй Петровичъ сталъ жаловаться на ноги. Монашекъ снялъ съ него башмаки, спряталъ въ мѣшокъ, а ноги князю обмоталъ шерстяными онучками, — въ нихъ итти было легко и мягко. Алексѣй Петровичъ дѣлалъ все, что говорилъ ему монашекъ, и, прихрамывая съ палочкой, шелъ и думалъ, что вся жизнь теперь осталась позади въ той желтой каютѣ, а здѣсь передъ лицомъ только вѣтеръ шумитъ по хлѣбу, ходятъ вдалекѣ столбы пыли, на межѣ — телѣга, и около нея дымокъ, а за сизой, волнующейся, какъ призрачное море, далью, невидимая отсюда, живетъ Катя.

— Знаешь, у меня здѣсь сестра живетъ, зовутъ — Катя, — сказалъ однажды князь, лежа во ржи и поглядывая, какъ въ небѣ надъ головой покачиваются золотые колосья.

— И къ ней, и къ ней зайдемъ, — отвѣтилъ монашекъ, — лѣто долгое, а человекъ, милый, подобенъ облаку, — сказано — возьми посохъ и ходи: чтобы ты къ дому не привыкалъ, не набирался подлости.

Но Алексѣй Петровичъ не дослушалъ до кон-

ца этого разсужденія, — онъ повторялъ только про себя, что «къ ней и къ ней» они зайдутъ и непременно вмѣстѣ.

Монашекъ избѣгалъ большихъ селъ, гдѣ живутъ становой или урядникъ, и князю приходилось ночевать то въ оврагѣ, гдѣ поутру надъ головой кричатъ острокрылые стрижи, то на гумнахъ хуторовъ, или подъ телѣгой, въ полѣ.

И дивился самъ себѣ Алексѣй Петровичъ, почему не противно ему ни вшей, ни грязи, ни конскаго навоза, когда, усталый, валился онъ куда ни попало, и на утро вставалъ веселый и свѣжій.

Повсюду путниковъ принимали попросту, не спрашивали, кто они, а больше слушали рассказы монашка и понимали ихъ по-своему: кто засмѣется, не повѣривъ, кто подивится, какъ свѣтъ великъ, кто только головой покачаетъ, а баба какая-нибудь вздохнетъ, сама не зная отчего. Князя называли «баринокъ» и жалѣли, и Алексѣй Петровичъ удивлялся также, какъ много этой жалости на свѣтѣ у простыхъ людей.

— Много такъ-то нашего брата по дорогамъ шляется, — однажды сказалъ монашекъ. — Живетъ человѣкъ, все у него есть, а скучно. Я самъ черезъ это прошелъ. Водку пилъ, ужаси. Лежу, бывало, на полу, около меня четверть и стаканъ, не ѣмъ ничего, только пью, и весь черный. До того допился, видѣть сталъ — лѣзетъ изъ-подъ кровати лошадь съ рогами, морда птичья, а сама голая. Долго я маялся. Много было. А другой до этого дойдетъ, и — бацъ себя изъ пистолета — здорово живешь! Сколько ихъ на себя руки накладываютъ. А то съ

тоски есть которые и людей рѣжутъ, ей-Богу. Представится ему, что ужь, какъ и сегодня будетъ: поѣсть, поспить и помретъ потомъ. Остается, — блудить безъ ума, чтобы проняло, какъ иголкой — блудомъ. Отчего же въ такомъ положеніи человѣка ножомъ не пырнуть? — очень просто, коли захотѣлось до смерти. Ну, а иные, которымъ себя-то ужъ больно жалко, уходятъ. Не мало и я увелъ. Со мной прошлое лѣто, въ родѣ тебя, товарищъ бѣгалъ. Походилъ, походилъ, а потомъ взялъ да на себя и донесъ въ убійствѣ.

— Вѣрно, все это вѣрно, — отвѣтилъ Алексѣй Петровичъ (разговаривали они подъ прошлогоднимъ ометомъ, на пригоркѣ, глядя внизъ на село, обозначившее темную линію крышъ, скворешень и трубъ на закатѣ), — я вотъ, кажется, понимаю теперь, зачѣмъ хожу. Можетъ быть, чище стану и тогда... — онъ вдругъ замолчалъ, отвернулся и глаза его наполнились слезами. Чтобы скрыть волненіе, онъ окончилъ, тихо смѣясь, — а вѣдь ты весь вѣкъ бродишь, какъ лодырь, настоящій лодырь.

— Я считаю за пустяки подобные разговоры, — отвѣтилъ монашекъ, — всякому свое, бывають и такіе, что, сидя у себя на стулѣ, большое веселье чувствуютъ, а есть и такіе, что по городу на извозчикѣ съ гармоньей ѣздить и тоже много веселятся. Не это плохо, а то, что у человѣка муть въ головѣ. А я, можетъ быть, тоже отъ своей совѣсти бѣгаю? Ты почему знаешь?

На десятыя сутки подошли они опять къ Волгѣ. Послѣ разговора подъ ометомъ не пѣлъ

больше монашекъ пѣсенъ, а все думалъ, глядя подъ ноги. Думалъ и Алексѣй Петровичъ, ясно и радостно. Казалось ему, что все прошлое было навожденіемъ, какъ душный бредъ, а вотъ сейчасъ онъ идетъ во ржи, подъ солнцемъ и любить, любить въ жизни своей въ первый разъ...

Въ прирѣчномъ селѣ, въ тридцати верстахъ отъ Милаго, монашка задержалъ урядникъ, а у князя посмотрѣлъ паспортъ, покачалъ головой, и сказалъ:

— Ну, ладно, ступай. Только у насъ не разрѣшается безъ занятія гулять... Да смотри, сукинъ сынъ, если еще попадешься, — въ острогъ сгною.

Алексѣй Петровичъ взялъ паспортъ и ушелъ за село въ дубовую рощу, на рѣчной берегъ. Когда настала ночь, на той сторонѣ по горамъ, какъ звѣзды, засвѣтились огни губернскаго города.

Тишина въ рощѣ, шелестъ и шорохъ рѣки и эти мигающіе огни были знакомые и кроткіе. Лежа въ темнотѣ, на травѣ, Алексѣй Петровичъ плакалъ, думая:

«Милая Катя, родная моя жена».

ГЛАВА ПОСЛѢДНЯЯ

I

Вечеромъ слѣдующаго дня у гостиницы Краснова, гдѣ помѣщался городской театръ, былъ большой разъѣздъ. Дождикъ смочилъ асфальто-

вый тротуаръ, освѣщенный матовымъ фонаремъ. Изъ подъѣзда, какъ въ трубу, валилъ народъ, раздѣляясь на тротуарѣ — кто спѣшилъ домой, кто въ ресторанъ, кто оставался еще поглядѣть на дамъ и на барышень.

Помѣщики, изъ медвѣжьихъ угловъ, распахивали публику крутыми локтями, говоря: «виновать-съ»; помѣщики-земцы вѣжливо сторонились, толкуя объ идеѣ пьесы; когда вышелъ предводитель, образецъ англійскаго воспитанія, соединеннаго съ дородностью, швейцаръ, покинувъ двери, крикнулъ отчаянно: «Коляску!»

Чиновники, стоя по бокамъ подъѣзда, съ любопытствомъ разглядывали знать; гимназисты, въ картузахъ прусскаго образца, сбились у самыхъ дверей, чтобы видѣть лучше барышень и знаменитой актрисѣ, которая давала спектакль, крикнуть «бисъ».

Дамы и барышни, чиновницы и купчихи, накинувъ шарфы и шали, ступали, приподнимая юбки, на сырой тротуаръ.

Наконецъ, въ дверяхъ появились Волковъ и Катя.

— Краснопольская, Краснопольская, — зашептали гимназисты. Муштинкинъ, чиновникъ малаго роста, съ четырехвершковыми усами, шарахнулся даже какъ-то изъ-подъ Катиныхъ ногъ, здравъ голову.

Дѣйствительно, Катенька была необычайно красива въ бѣломъ пальто и маленькой шапочкѣ изъ фіалокъ. Матовое, какъ слоновая кость, лицо ея было строго, ротъ презрительно сложенъ, а глаза пылали — лихорадочные и большіе.

Катеньку взволновала пьеса, гдѣ каждое слово было написано о ея прошломъ. Мужчины изъ ложъ и партера, какъ нарочно, глядѣли на Краснопольскую нагло и безсовѣстно, а теперь она презирала такіе взгляды.

Швейцаръ, снявъ картузь, спросилъ Волкова: «Ваше превосходительство, какъ закричать?»

— Кричи, братецъ, Петра, да погромче, — отвѣтилъ Волковъ; и швейцаръ гаркнулъ на всю площадь: «Пет-а-а-р-р-ъ, тройку!»

Ступая въ коляску, вслѣдъ за отцомъ, Катенька задѣла платьемъ за мѣдную скобку и обернулась. «Катя!» услышала она голосъ неподалеку, вздрогнула, взглядѣлась, потомъ сейчасъ-же, поднеся ладонь къ глазамъ, опустилась въ глубокое сидѣнье, и лошади тронули.

У фонаря стоялъ князь — оборванный, безъ шапки и въ опоркахъ. Вытянувъ шею, глядѣлъ онъ на уѣзжавшую коляску и повторялъ одно слово: — Катя...

— Что стоишь? Пошелъ, пошелъ, — сказалъ ему городской. Князь пошелъ отъ фонаря и сейчасъ же увидѣлъ Цурюпу, который съ неистовымъ любопытствомъ глядѣлъ на него въ лорнетъ.

— Князь, что за маскарадъ? — воскликнулъ Цурюпа, схватывая Алексѣя Петровича подъ руку, затѣмъ крикнулъ свой кэбъ и, сколь князь ни вырывался, бормоча: «Такъ нужно, оставьте, я не хочу», силой посадилъ его въ лакированный экипажъ и велѣлъ гнать подъ гору, чтобы съ послѣднимъ паромомъ попасть за рѣку.

Алексѣй Петровичъ притихъ, согнувшись въ экипажъ и на вопросы отвѣчалъ коротко, сдер-

живаясь только, чтобы не стучали зубы отъ неудержимой дрожи. Князь понялъ: Цурюпа и всѣ, конечно, естественно и просто сдѣлають то, на что самъ онъ никогда бы не отважился.

— Преглупая вещица, скажу тебѣ, — покачиваясь въ коляскѣ, говорилъ Волковъ дочери, — не понимаю, о чемъ кричатъ, я даже вздремнулъ. А тебѣ, душа моя, не надо бы волноваться. Ты не устала?

— Нѣтъ, нѣтъ, папочка, — сжимая незамѣтно руки, отвѣтила Катя, — только мнѣ не хочется ночевать въ городѣ, поѣдемте домой.

— Ты прямо, Катя, безъ ума. Насъ тетка Ольга съ ужиномъ ждетъ. Какъ можно обидѣть старуху? Ну, ну, не волнуйся, перекусимъ, извинимся дѣлами какими-нибудь и уѣдемъ. Ахъ, Катенька, не понимаю я теперешней молодежи. Суета у васъ въ головѣ, вертуны. Раньше проще жили.

II

Недаромъ упомянулъ о «вертунахъ» Александръ Вадимычъ, или «вертижѣ», какъ выражалась тетка Ольга. Туго пришелся Волкову этотъ годъ. Катенька прохворала всю зиму, а едва поправилась, какъ проговорился ей нечаянно Кондратій, что докторъ утонулъ тогда въ полыньѣ, и у Катеньки въ головѣ начался «вертижъ». Александръ Вадимычъ даже уйти хотѣлъ одно время къ чорту, до того стало ему это несносно.

По ночамъ Катенька, полураздѣтая, приходила къ отцу, дрожа, вглядывалась въ темные углы, садилась на диванъ, подбирала ноги и не двигалась, уставясь на свѣчу. Потомъ по лицу ея проходили судороги, и она начинала биться, стиснувъ зубы, и рассказывала отцу въ сотый разъ все, что случилось въ ту ночь. Чтобы какъ-нибудь сдвинуть ее съ этихъ рассказовъ, Александръ Вадимычъ придумалъ и сказалъ дочери: «Григорій-то Ивановичъ не самъ, по-моему погибъ, и ты тутъ не причемъ: такъ ему было назначено, обречено».

— Что ты говоришь? — словно вся затрепетавъ, спросила Катенька. — Обреченный? Значить, онъ — жертва?

И вдругъ она успокоилась. И однажды заговорила о князѣ, просто, съ одною горькой усмѣшкой на губахъ. Александръ Вадимычъ выругался. Она разговора не продолжала, но, должно быть, много думала, догадывалась о чемъ-то. Настала весна. Александръ Вадимычъ крикнулъ и сталъ вывозить дочь въ свѣтъ.

По-другому отозвалось несчастье это на Сашѣ. Когда Григорій Ивановичъ уѣхалъ съ княгиней, Саша поняла, что онъ не вернется больше. А если и пріѣдетъ на утро, то чужой. Поняла она также, что ея жизнь съ докторомъ была не вѣрной, и еще тогда на огородѣ надо было бы не поддаться и уйти. Лежа за перегородкой, она думала, какъ одѣнетъ старушечій сарафанъ, подвяжетъ лапти и побредетъ по дорогамъ, прося Христовымъ именемъ, и умили-

ся на доброту людей. Саша чуяла, что не въ страсти и не въ злобѣ будетъ она жить, какъ теперь, а въ постоянномъ этомъ умиленіи передъ небомъ, передъ землей и передъ людьми. Все будетъ кроткимъ и незлобивымъ.

На разсвѣтѣ въ дверь постучались. Саша вся задрожала, какъ осиновый листь, оправилась и пошла отпирать. Въ избу вошелъ о. Василій, взглянулъ строго и сказалъ: «Утопъ онъ, утонулъ, Григорій-то Ивановичъ». Саша наклонила голову, молвила: «Господи помилуй», осѣнила себя крестомъ и сѣла на лавку — ноги не сдержали. О. Василій разсказалъ все, что ему передалъ Колыванскій мужичокъ, выручавшій вмѣстѣ съ княжескими рабочими княгиню изъ полыньи. Саша выдержала спокойно разсказъ и сказала подъ конецъ: «Вотъ тебѣ, отецъ, деньги, отслужи панихиду по рабу Григорію, не утопъ онъ, а его утопили».

Всю зиму прожила Саша въ избѣ, такъ же ходила за скотиной, смотрѣла, чтобы все было чисто и въ порядкѣ, по вечерамъ присаживалась къ столу и глядѣла на книжки, которыя любилъ Григорій Ивановичъ. Когда очень сильно свистѣла вьюга на крышѣ, сдвигала Саша брови, зная, что не вьюга это воетъ, а плачетъ непокаянная душа Григорія Ивановича.

По веснѣ она ушла изъ села, подвязавъ по-монашечьи ситцевый черный платокъ. Съ тѣхъ поръ никто ее не встрѣчалъ.

III

Сколько отецъ ни подмигивалъ круто, а тетка Ольга ни уговаривала, Катенька настояла, чтобы сейчасъ-же послѣ ужина ѣхать домой. На разсвѣтѣ она уже сидѣла въ своей постели, разбитая и переволнованная, дожидаясь, когда придетъ Кондратій, прибиравшій Александра Вадимыча ко сну.

Катенькѣ всегда казалось, что князь еще устроитъ ей какую-нибудь послѣднюю обиду, она ждала этого и готовилась къ защитѣ. Въ ея представленіи онъ всегда появлялся издѣвателемъ, она — безвинно обиженной. Вѣрнѣйшая защита была, конечно, — выказать равнодушіе, презрительное, «ледяное» спокойствіе при встрѣчѣ. Но сейчасъ всѣ эти глупыя выдумки никуда не годились.

Князь, оборванный, несчастный, худой, смутилъ ея воображеніе, разжегъ любопытство. Онъ былъ не торжествующій, не издѣватель, а просилъ милости, умолялъ, словно ея взглядъ былъ для него жизнью, или смертью. Такъ ей казалось теперь. И сердце разрывалось отъ горя. И всего страннѣе, что не чувствовала Катенька, — хотя и хотѣла, — злой, какъ прежде, обиды.

Наконецъ, пришелъ Кондратій, притворилъ осторожно дверь и спросилъ таинственно:

— Что угодно-съ?..

— Кондратій, я видѣла князя... (Кондратій только кашлянулъ)... Я ничего не понимаю... Онъ просилъ милостыню... Несчастный, ху-

дой... Убилъ онъ, что-ли, 'кого-нибудь?... Почему скрывается?

— Очень просто и убилъ, — сказалъ Кондратій.

— Ради Бога, ничего не говори папѣ. Сейчас-же поѣзжай въ Милое, или въ городъ... куда хочешь... — На минуту голосъ ея оборвался... — Увидишь его — не говори, что я послала... Ахъ, все равно — скажи что хочешь... Только бы не мучилъ онъ больше меня.

Кондратій ушелъ. Катенька сидѣла на кровати, глядя, какъ солнце сквозь листву положило отблески на старый паркетъ. Въ саду, за раскрытымъ окномъ, свистѣла иволга, гуллилъ голубъ, чиликали воробьи, садъ былъ еще въ росѣ, пышный и зеленый. Въ комнатѣ о верхнее звено окна, не догадываясь опуститься ниже, билась глупая муха. Мухѣ казалось, должно быть, что голубое небо за ея носомъ, скользящимъ по стеклу, и деревья, и бѣлыя, какъ цвѣты, бабочки и птицы и роса — только сонъ, куда проникнуть можно, лишь забившись головой до смерти.

— Какъ надоѣла муха! — сказала Катенька, соскользнула съ постели и, полотенцемъ ударяя по стеклу, выгнала муху въ садъ, потомъ заложила руки за спину и принялась ходить.

Въ ея памяти прошелъ весь этотъ тяжелый, страстной годъ жизни. Все было безотраднo. Но сейчасъ ни безнадежности, ни боли не чувствовала она, вспоминая. Словно, все что было, — завершилось и отошло въ туманъ, въ сладкую печаль. Осталось чувство свободы и той

необъяснимой радости, которая бываетъ еще у очень молодыхъ, сильныхъ и страстныхъ людей.

Катенька крѣпко провела ладонями по лицу и по глазамъ, встряхнула головой и вдругъ, съ необычайной ясностью, заглянула въ самую глубь души.

А, заглянувъ, забылась, нѣжно усмѣхнулась, ясная и свѣжая:

— Ну, что-же, — проговорила она, — я готова.

IV

Въ Миломъ вся прислуга княжескаго дома собралась на кухнѣ, слушая, какъ лакей Василій рассказывалъ о его сіятельствѣ князѣ, неожиданно прибывшемъ этой ночью неизвѣстно откуда.

— Вижу я — бродяжка лѣзетъ въ домъ, я ему: куда, небритая морда? А онъ кланяется: «Здравствуй, говоритъ, Василій. Ну; что у насъ — все благополучно?» Обмеръ я — вижу онъ. А на немъ одежда хуже, какъ у нашего пастуха Ефимки. Ну-съ, повелъ я его наверхъ, въ спальню. Онъ на кресло показываетъ: «Здѣсь, спрашиваетъ, барыня сидѣла?» Сидѣла, отвѣчаю, вездѣ сидѣла. А онъ на кресло глядитъ, будто оно — баба. Я едва со смѣху не лопнулъ. «Теперь, говоритъ, уйди, я самъ справлюсь, да приготовь ванную». А я въ щель вижу: — вотъ до чего онъ дошелъ, — легъ на барынину кровать и подушки обнимаетъ. Наголодался. Общипали его въ городѣ разныя мадамки. Сейчасъ спитъ,

сутокъ двое проспигъ, если не будить. Да-съ, жилъ я на многихъ мѣстахъ, а такихъ чудесъ еще не видалъ.

Василій одернулъ жилетъ съ двумя цѣпочками, досталъ княжескій (дареный) портсигаръ, закурилъ и завернулъ нога за ногу:

— Какъ онъ теперь съ княгиней раздѣляется — не знаю. Очень будетъ ему трудно. Большія будутъ чудеса.

На кухнѣ всѣхъ грызло любопытство. Прибѣгали и изъ людской слушать Василія. А князь все спалъ. И вдругъ съ чернаго хода появился Кондратій, въ пыли, хмурый, и спросилъ отрывисто:

— Князь пріѣхалъ?

— Пріѣхалъ-то онъ пріѣхалъ, — отвѣтилъ Василій, — да будить не приказано.

— Ну, нѣтъ, придется разбудить.

Кондратию пришлось долго покашливать около двери въ спальню, постукивать пальцемъ. Наконецъ, князь проговорилъ спросонокъ: «Что? Встаю, да, да»... И, должно быть, долго сидѣлъ на постели, приходилъ въ себя, потомъ инымъ уже голосомъ сказалъ: «Войдите».

Кондратій, поджавъ губы, вошелъ. Алексѣй Петровичъ нѣсколько минутъ смотрѣлъ на него, — соскочилъ съ постели, подбѣжалъ, усадилъ его на стулъ, и такъ поблѣднѣлъ, такъ затрясся, что старый слуга забылъ всѣ обидныя слова, какими хотѣлъ поподчивать его сіятельство, отвернулся, пожевалъ ртомъ и сказалъ только:

— Княгиня приказали спросить о здоровьи.

Сами они едва по зимѣ не померли. А васъ видѣть не желаютъ нипочемъ.

— Кондратій, она сама тебя послала? — князь схватилъ его за руку.

— А вы сами понимаете. Мнѣ нечего вамъ отвѣчать, когда поступили безчестно. Приказано спросить о здоровьи, и больше ничего.

Князь долго молчалъ. Потомъ, облокотясь о столикъ, заплакалъ слезами. Сердце перевернулось у Кондратія, но онъ, все-таки, сдержался: «Вотъ, все-съ». И попятился къ двери.

— Не уходи, подожди, — проговорилъ князь, потянувшись черезъ столикъ, — я напишу.

И онъ, брызгая ржавымъ перомъ, принялся писать дрожащими буквами:

«Милая Катя... (онъ зачеркнулъ)... Я ничего не прошу у васъ, и не смѣю... Но вы одна во всемъ свѣтѣ, кого я люблю. У меня былъ спутникъ, онъ теперь въ тюрьмѣ, онъ научилъ меня любить... Когда я думаю о васъ — душа наполняется свѣтомъ, радостью и такимъ счастьемъ, какого я никогда не зналъ... Я понимаю, что не смѣю видѣть васъ... Все-же, — простите меня... Если вы можете простить...
я приду на колѣняхъ...»

V

Къ вечеру въ Волково пріѣхалъ Цурюпа (онъ частенько сталъ наѣзжать за это лѣто), прошелъ прямо въ кабинетъ къ Александру Вади-мычу и, ужасно возмущенный, сталъ рассказывать о князѣ. Но Волковъ обрѣзалъ гостя:

«Знаю все-съ, считаю большимъ несчастьемъ и самъ даже посѣдѣлъ, а объ стрикулистѣ прошу мнѣ больше не напоминать-съ». И, подойдя къ окну, перевелъ разговоръ на сельское хозяйство.

Въ это время на дворъ вѣхалъ Кондратій на двуколку.

«Куда это старый хрѣнъ мотался?» — подумалъ Волковъ и, перегнувшись черезъ подоконникъ, закричалъ:

— Ты откуда?

Кондратій покачалъ головой и, подѣхавъ къ окну, объяснилъ, что привезъ письмо для барыни. «Угу!» — сказалъ Волковъ и, закрывъ окно, пошелъ къ дочери. Цурюпа впалъ въ необыкновенное волненіе, догадываясь, что письмо отъ князя.

Но не прошло и минуты, какъ вбѣжалъ Волковъ, тяжело дыша, красный и свирѣпый.

— Чернилъ нѣтъ! — закричалъ онъ, толкая чернильницу, — куда карандашъ завалился? — И, схвативъ быстро подсунутый карандашъ, съ размаха написалъ: «М.Г.» — на томъ листѣ бумаги, гдѣ на оборотной сторонѣ, годъ назадъ, были нарисованы заяцъ, лиса, волкъ и собачки, потомъ откинулся въ креслѣ и отеръ потъ. Цурюпа спросилъ осторожно:

— Что случилось? Посвятите меня, не могу ли помочь?

— Вѣдь это наглость! — заоралъ Александръ Вадимычъ, — нѣтъ, я отвѣчу. Вотъ пошлый человѣкъ! «М.Г., не нахожу словъ объяснить столь дерзкій поступокъ», — написалъ онъ. — Понимаете ли, просить извиненія, письмецо при-

слалъ, будто ничего не случилось. Вотъ я отвѣчу: «Моя дочь не горничная, чтобы ей посылать записки. Не угодно ли вамъ, дѣйствительно, на колѣняхъ (онъ подчеркнулъ) прійти и всенижайше подъ ея окномъ просить прощенія...»

— О, не слишкомъ ли рѣзко? — сказалъ Цурюпа, съ моноклемъ въ прыгающемъ глазу, читая черезъ плечо Волкова, — хотя такихъ нечуткихъ людей не проймешь иначе. Я бы посоветовалъ передать дѣло адвокату. А что съ Екатериной Александровной? Разстроена она?

— Что! — заоралъ еще шибче Волковъ, — плачетъ конечно. Да вамъ-то какое дѣло? Убирайтесь отсюда ко всѣмъ чертямъ.

Но Катенька не плакала. Ожидая, когда вернется Кондратій, она то стояла у окна, сжимая руки, то садилась въ глубокое кресло, брала книгу и читала все одну и ту же фразу: «Тогда Юрій, полный благороднаго гнѣва, поднялся во весь свой ростъ и воскликнулъ: — никогда въ жизни». Откладывала книгу и повторяла про себя: «Нужно быть твердой, нужно быть твердой». А мысли уже летѣли далеко, и опять она видѣла электрическій шаръ, подъ нимъ, на мокромъ асфальтѣ, жалкаго человѣка, и его глаза — огромные, безумные, темные... Катенька закрывала ладонью лицо, поднималась и опять ходила, брала книгу, читала: «Тогда Юрій, полный благороднаго гнѣва»... Боже мой, Боже мой, а Кондратій все не ѣхалъ, и день тянулся, какъ годъ.

Наконецъ, по корридору раздались грузные шаги отца, дверь съ трескомъ распахнулась и вошли Кондратій и Александръ Вадимычъ съ письмомъ.

Катенька побѣлѣла, какъ полотно, сжала губы. Отецъ разорвалъ конвертъ и сунулъ ей листикъ. Она медленно стала читать. И, не дочитавъ еще до конца, поняла все, что чувствовалъ князь, когда царапалъ эти жалостныя каракули. На душѣ у нея стало тихо и торжественно. Она передала письмо отцу. Онъ быстро пробѣжалъ его и спросилъ пересмякшимъ отъ волненія голосомъ:

— Сама отвѣтишь?

— Не знаю. Какъ хочешь. Все равно...

— Ну, тогда я отвѣчу, — рявкнулъ Александръ Вадимычъ, — я ему отвѣчу... Пускай на колѣнкахъ ползетъ... Хвалится — на колѣнкахъ приползти... Ползи!

— Его сіятельство не въ себѣ-съ, — осторожно вставилъ слово Кондратій, — они весьма разстроены...

— Молчать! Я самъ знаю, что дѣлать! — заревѣлъ Александръ Вадимычъ, сунулъ письмо князя въ штаны и выбѣжалъ изъ комнаты...

Катенька крикнула: «Папа, нѣтъ, я сама... Подождите!» И побѣжала было къ двери, но остановилась, опустила руки: «Все равно, Кондратій, пусть будетъ, что будетъ».

— Приползутъ, на колѣняхъ за тобой приползутъ, — сказалъ Кондратій, — они въ такомъ состояніи, что приползутъ-съ.

Письмо отправили князю на другой день, чуть свѣтъ. Катенька знала, что написалъ отецъ, но сердце ея было спокойно и ясно.

VI

Съ утра поползли сѣрыя, какъ дымъ, облака на Волково, отъ хлѣбовъ и травы шелъ густой запахъ, вертѣлись по дорогамъ столбы, уходя за гору, погромыхивалъ громъ, поблескивало, а дождь все еще не капалъ, собираясь, должно быть, сразу окатить крышу, и садъ, и поля теплымъ ливнемъ.

Въ мезонинномъ окнѣ барскаго дома, надъ крыльцомъ, за вѣтками березы, сидѣлъ Александръ Вадимычъ съ подозрѣной трубкой, и, закрывъ одинъ глазъ, глядѣлъ на дорогу.

Дворовые мальчишки залѣзли на крышу каретника, и глядѣли туда же, гдѣ дорога, опоясывая горку, пропадала между хлѣбовъ.

Въ раскрытыхъ воротахъ каретника стоялъ сѣрый жеребецъ, запряженный въ шарабанъ. Кучеръ сидѣлъ тутъ же у стѣны, на бревнѣ, хлопывая себя по сапогу кнутовищемъ. Скотница, выйдя изъ погреба, поставила ведро съ молокомъ на траву и тоже принялась всматриваться, сложивъ подъ запаномъ руки.

Пріѣхалъ мужикъ на телѣгѣ, снялъ шапку, поклонился барину въ окошкѣ и слѣзъ, стоялъ неподвижно. Всѣ ждали.

Катенька, одѣтая, лежала на постели, зарывшись головой въ подушку. Нарочный, возившій

въ Милое письмо, прискакалъ съ отвѣтомъ, что князь уже поползъ.

Часа три назадъ навстрѣчу ему выѣхалъ Кондратій. Сейчасъ, по расчету Александра Вадимыча, князь долженъ былъ влѣзать на песчаную гору, откуда начинаются прибрежные тальники, и куда даже лошади съ трудомъ втаскиваютъ экипажъ.

Вдругъ мальчишки на крышѣ закричали: «Идетъ, идетъ!» Волковъ, шлепая туфлями, поспѣшилъ къ дочери. Но Катенька была уже на крыльцѣ. Косы ея развились и упали на спину. Держась за колонну на крылечкѣ, она пронзительно глядѣла на дорогу, въ даль.

Мужикъ, стоявшій у телѣги, спросилъ скотницу:

— Тетка, губернатора, что ли ждутъ?

— Кто его знаетъ, можетъ и губернатора, — отвѣтила баба, подняла ведро и ушла.

На дорогѣ изъ-за горки появился пѣшій человекъ, и мальчишки опять закричали съ крыши:

— Женщина, женщина идетъ, нищенка...

Тогда Катенька оторвала руку отъ колонки, сошла на дворъ и крикнула: «Скорѣе, лошадь!»

Сѣрый жеребецъ съ грохотомъ вылетѣлъ изъ каретника. Катенька вскочила въ шарабанъ, вырвала у кучера вожжи, хлестнула ими по жеребцу и умчалась, — подняла пыль.

Облако пыли долго стояло надъ дорогой, потомъ завернулось въ столбъ, и побрелъ онъ по полю, пугая суевѣрныхъ, — говорятъ, что, если въ такой бродячій вихрь бросить ножомъ,

столбъ разсыплется, а на ножѣ останется капля крови.

На песчаной горѣ, поднимающейся изъ тальниковыхъ пусторослей, на срединѣ подъема, стоялъ на колѣняхъ Алексѣй Петровичъ, опираясь о песокъ руками. Голова его была опущена, съ лица лилъ потъ, горло дышало со свистомъ, жилы на шеѣ напряглись до синевы.

Позади его, держа за уздечку рыжаго мерина, который моталъ мордой и отмахивался отъ слѣпней, стоялъ Кондратій, со вздохами и жалостью глядѣлъ на князя.

Слѣпни вились и надъ Алексѣемъ Петровичемъ, по Кондратію не допускалъ ихъ садиться.

— Батюшка, будетъ ужъ, встаньте, вѣдь гонятъ, — говорилъ онъ. — Я на мерина васъ посажу, а какъ Волково покажется, — опять поползете — тамъ подъ горку.

Алексѣй Петровичъ съ усиліемъ выпрямилъ спину, выбросилъ сбитое до запекшихся ссадинъ колѣно, въ разодранной штанинѣ, быстро проползъ нѣсколько шаговъ, и вновь упалъ. Лицо его было сѣрое, глаза полузакрыты, ко лбу прилипла прядь волосъ и рѣзко обозначились морщины у рта.

— А ползти то вѣдь еще сколько, — повторялъ Кондратій, — садитесь на мерина, Христомъ Богомъ прошу! — Съ тоской онъ взглянулъ на песчаную гору, и обмеръ.

Съ горы, хлеща вожжами сѣраго жеребца, мчалась Катенька. Она уже увидѣла мужа, круто завернула шарабанъ, выпрыгнула на

ходу, подбѣжала къ Алексѣю Петровичу, присѣла около и торопливо руками стала приподнимать его лицо. Князь вытянулся, крѣпко схватилъ Катеньку за руку и близко, близко сталъ глядѣть въ ея родные, полные слезъ, изумительные глаза . . .

— Люблю, люблю, конечно, — сказала она, и помогла мужу подняться.

Написано въ 1912 г.

Переработано въ 1919 г.

